СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приокские зори

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

3

2019

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ» УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича Державина — знак литературно-общественной премии «Живи и жить давай другим...» (Г. Р. Державин «На рождение царицы Гремиславы» Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет Михаилу Васильевичу Ломоносову» — в честь 300-летия со дня рождения великого русского ученого-энциклопедиста и основоположника современной русской поэзии

Медаль к 190-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Алексеевича Некрасова — знак лауреата Некрасовской литературной премии

Тульские зори

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2019 — 3(56)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«Дом Герцена» — «Школа Горького» и далее литература в оцифрованном человейнике (К 85-летию создания Союза писателей СССР)..... 3

К ЮБИЛЕЮ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И СОЗДАНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Владимир Десятников. Вспоминая Леонида Леонова..... 21

Евгений Трещев. За пеленой забвения..... 27

Людмила Козлова. Литература Алтая — вчера, сегодня, завтра..... 32

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Виталий Ковалев, Олеся Янгол. Ночи Дианы: из книги «Побережье наших грез» (продолжение)..... 38

Борис Рябухин. Полые воды (роман, продолжение)..... 49

Аркадий Мар. Вальс для Наташки (повесть в новеллах)..... 62

Алексей Яшин. Кастальский ключ из водопровода (Историческое сказание от Гостомысла до наших дней)..... 73

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Андрей Новиков. Книжные люди..... 111

Геннадий Маркин. Скомканное письмо..... 122

Михаил Смирнов. Говоруха..... 139

Анатолий Санжаровский. В Батум к отцу..... 149

Яков Шафран. На службе у олигарха..... 157

Александр Пономарев. Охота на призрака..... 161

Надежда Вафф. Чужой человек..... 175

Василий Федосеев. Поэма предгрозья (окончание)..... 184

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин. Новые стихи..... 194

Игорь Лукьянов. Апрель — 2019 г. 196

Николай Еремин. Цикл стихотворений..... 198

Олег Пантюхин. Эхо Вселенной..... 200

Надежда Лисогорская. Земное богатство..... 201

Марина Ножнина. «Здравствуй, Апрель — конопатое счастье!»..... 204

Светлана Супрунова. Исчезающие деревни..... 207

Олег Мошников. Ступая наугад..... 211

Софья Максимычева. Вербное..... 215

Марк Полыковский. Переводы с английского..... 218
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА
Николай Макаров. О медицине... и не только..... 228
Валерий Румянцев. «Капканы» на литературной дороге. Когда поэзия звучит как колокол..... 234
Николай Тимохин. Наши интервью: Евгений Дмитриевич Дога..... 241
Ефим Гаммер. Оки-доки: Мурманск — Североморск — Амдерма..... 248
Людмила Воробьева. Феномен жизни и любви в книге Алексея Яшина «Женщина в человейнике»..... 255
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ
(Материалы авторов и об авторах: Яков Шафран, Ирина Курочкина (Кедрова), Владимир Бояринов, Сергей Сенин, Виктор Буланичев, Алексей Яшин, Леонид Ханбеков, Ольга Карагодина, Евгений Скоблов, Марина Чайкина, Борис Рябухин, Дмитрий Кузнецов, Валерий Киселев, Игорь Егоров, Валерий Савостьянов, Геннадий Маркин, В. Ф. Шугля, Владимир Герасимов, Елена Гаденова, Людмила Авдеева, Геннадий Авдеев, А. Н. Грешневиков)..... 271

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Рукописи принимаются отпечатанными с приложением файла на CD-RW-диске и публикуются с фотографиями авторов. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — markingennady@yandex.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 920; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы
Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)
Зам. главного редактора — зав. отделом прозы Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
Игорь КАРЛОВ (Эль-Кувейт, Кувейт) — зав. отделом международных связей
Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
Сергей ЛЕБЕДЕВ (Тольятти) — зав. отделом литературы Поволжья
Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
Николай МАКАРОВ (Тула)
Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
Сергей СЕНИН (Тула)
Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
Валентин СОРОКИН (Москва)
Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:
— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
— журнал «Истоки» (Красноярский край)
— журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
— журнал «Новая Немига литературная» (Минск, Белоруссия)
— «Общеписательская литературная газета» (Москва)
— газета «День литературы» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского госуниверситета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета: http://www.pz.tula.ru (в PDF формате). См. также на сайте «Русское поле»: http://priokskie.ruspole.info и на сайте «Мегалит: евразийский журнальный портал»: http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори» публикуется в электронном виде на сайтах: http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html, http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html и http://priokskie.ruspole.info

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха «Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов: http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчега» в Фэйсбуке: https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/ https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts

© «Приокские зори», 2019

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

«ДОМ ГЕРЦЕНА» — «ШКОЛА ГОРЬКОГО» И ДАЛЕЕ ЛИТЕРАТУРА В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ
К 85-летию создания Союза писателей СССР

Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным.

Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»

♦ ...Это эпизод «Преступления и наказания», относящийся к первой (из трех имевших место быть) беседе Раскольникова со следователем Порфирием Петровичем. Здесь Родион Романович развивает перед проницательным приставом — психологом погубившую отставного студента-юриста «наполеоновскую теорию» о разделении людей на «обыкновенных» и «необыкновенных», то есть *Uebermensch*'ей в философии Фридриха Ницше. Но Достоевский завершил роман в 1866 году, когда «певец сверхчеловека» еще только изучал теологию в Боннском и в Лейпцигском университетах, а Федор Михайлович уже показал художественными средствами крах категорического императива деления человечества на «обыкновенных» и «необыкновенных» в части дозволенности последним преступать нормы морали. Но мы-то не в таком контексте взяли эпиграфом слова Достоевского. Вовсе нет! Гениальнейший из провидцев в части ближней, на век — полтора, социальной эволюции человечества, включая даже высокую политику и экономику (см. «Дневник писателя»), Достоевский в двух предложениях обосновал возможность и необходимость существования биоэволюционного закона о выделении из общей численности человечества определенной нормы *самодостаточно* мыслящих людей. Ныне этот закон уже *a priori* принят социобиологией. Одно из <возможных> доказательств см. в томе* нашей 16-томной (на настоящий момент) монографии «Живая материя и феноменология ноосферы». То есть речь идет не о пресловутых *Uebermensch*'ах, но о тех 8 % людей, что, независимо от пола, расы, воспитания, образования и пр., именно *самодостаточно* мыслят, то есть обладают качеством объективной оценки в своих разуме и памяти объектов и процессов отображения реального мира.

Предвидя в наш век глобалистского лицемерия возмущение всякого рода «толерастов», «гендернистов», «политкорректантов» и иных либеральных поборников общечеловеческих ценностей (то есть долларов и евро...), спешу оправдать — не себя, но современные разделы биологии, «ответственные» за социально-эволюционные процессы в среде человечества: законы биоэволюции, тем более эволюции высшего создания природы — человека, мудры и неоспоримы. Если бы качество самодоста-

* Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Апология христианства: монография «Живая материя и феноменология ноосферы». Т. 15 / Предисл. А. И. Субетто.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 506 с. (в электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru).

точности мышления было дано всем стопроцентно, то... имели бы описанный в Ветхом Завете эффект <неудавшегося> строительства Вавилонской башни. Дальше объяснять? — Полагаю, не надо. Сомневающийся же пусть обратится к «Апологии христианства»; см. ссылку выше.

...А начали мы потому так издалека, присовокупив и авторитетное, провидческое мнение Достоевского, чтобы не было сомнения во всем известном утверждении: писателями, конечно, не рождаются, ими становятся, но самодостаточность мышления, как основа основ носителя творческого художественного импульса, все же есть «игра природы», генофенотипически выделяющей в бесконечной череде поколений грядущие гении, таланты, самобытности и пр.— см. принятую в обиходе «табель о рангах» в писательском цехе.

Особенно это относится к поэтам. Не в обиду будет сказано мастерам прозаических жанров: если последними можно стать, имея, конечно, упомянутые генофенотипические задатки в конституции своего мозга, особенно в части правого полушария, «ответственного» за творческое, аналоговое мышление, глубоко и трудолюбиво усвоив каноны творческой культуры, то поэтом все же следует родиться. Как, например, надо родиться певцом или музыкантом. И здесь уместно косвенное, общепринятое (если только великий афорист Бернард Шоу это не сформулировал...) в подтверждение сказанного: лучшими прозаиками становятся «уставшие» от рифмования поэты — как у Пушкина: дескать, старею, к прозе тянет,— то, увы, лучшими поэтами не становятся даже выдающиеся прозаики по призванию. Опять же без обид.

Но родиться, что называется, в потенции писателем, неважно, прозаиком, поэтом, драматургом, есть лишь первая ступенька высоченной лестницы творческого познания и, главное, самовыражения, подставленная музами от источников Иппокрена и Кастальского ключа в Пиэрии, на Геликоне и в Дельфах. А вот дальше: плыви, малец, сам и добирайся, рассекая воды, до далекого берега признания, славы... или просто творческого самоутверждения.

Такими ли аллегориями мыслил Алексей Максимович Горький, замышляя Союз писателей, другими ли, но по своей нелегкой судьбе обретения и становления таланта писателя чувствовал, что в социально ориентированном государстве, которым к началу 1930-х годов в полной мере вырисовывался Советский Союз, отбор — в смысле открытие, отыскание — будущих «инженеров человеческих душ», их творческое взросление не может быть оставлено на самотек, если стране позарез нужна новая творческая интеллигенция. Конечно, нынешний либерал фыркнет, прочитав вступительную, программную речь Горького на открытии Первого Всесоюзного съезда советских писателей (Москва, 17 августа 1934 года), но мы их «ослушаемся» и приведем ниже... благо она короткая:

«*Уважаемые товарищи!*

Прежде чем открыть первый за всю многовековую историю литературы съезд литераторов Советских Социалистических Республик, я — по праву председателя Оргкомитета Союза писателей — разрешаю себе сказать несколько слов о смысле и значении нашего союза.

Значение это — в том, что разноплеменная, разноязычная литература всех наших республик выступает как единое целое перед лицом пролетариата Страны Советов, перед лицом революционного пролетариата всех стран и перед лицом дружественных нам литераторов всего мира.

Мы выступаем, демонстрируя, разумеется, не только географическое наше объединение, но демонстрируя единство нашей цели, которая, конечно, не отрицает, не стесняет разнообразия наших творческих приемов и стремлений.

Мы выступаем в эпоху всеобщего одичания, озверения и отчаяния буржуазии,— отчаяния, вызванного ощущением ее идеологического бессилия, ее социального бан-

кротства, в эпоху ее кровавых попыток возвратиться, путем фашизма, к изуверству феодального средневековья.

Мы выступаем как судьи мира, обреченного на гибель, и как люди, утверждающие подлинный гуманизм — революционного пролетариата,— гуманизм силы, призванной историей освободить весь мир трудящихся от зависти, жадности, пошлости, глупости — от всех уродств, которые на протяжении веков искажали людей труда. Мы — враги собственности, страшной и подлой богини буржуазного мира, враги зоологического индивидуализма, утверждаемого религией этой богини.

Мы выступаем в стране, где пролетариат и крестьянство, руководимые партией Ленина, завоевали право на развитие всех способностей и дарований своих и где рабочие и колхозники ежедневно, разнообразно доказывают свое уменье пользоваться этим правом.

Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина.

Вот что надобно крепко помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром.

Наша цель — организовать литературу как единую, культурно-революционную силу.

С гордостью и радостью открываю первый в истории мира съезд литераторов Союза Советских Социалистических Республик, обнимающих в границах своих 170 миллионов человек».

♦ ...Одураченный более чем шестидесятилетним, начиная с хрущевских времен, активным антисталинизмом и почти тридцатилетним современным антисоветизмом — от пропаганды оглупляющих СМИ, нынешний, не мыслящий самодостаточно (см. выше) человек, даже вроде бы и далекий от «либерализма головного мозга», не применет позлословить в части создания Союза писателей СССР: дескать, «выписанный с Капри от полегчавших европейских гонораров и пр.». Алексей Максимович явился лишь ширмой для Сталина, одевавшего «в мундиры» всю страну и подобравшегося к дотоле бесхозным сочинителям и так далее. Впрочем, про мундиры-то осторожный кухонный либерал на всякий случай промолчит, случайно выглянув в окно и увидав невиданное разноцветье мундиров современных — от знаменитого кутюрье.

А что касается «идеологического мундира» от Иосифа Виссарионовича для сорганизованных Горьким писателей, то, во-первых, держите в голове ситуацию в мире в середине 1930-х годов; во-вторых, на то у России и своей особый путь, чтобы этот «мундир» хоть в чем-то стеснял творческую свободу истинного таланта, у которого и верховные правители «учились правде жизни». Как Николай Первый говорил искренне в адрес Гоголя, посмотрев «Ревизора», что-де «высек и меня, и всю Россию», так и Сталин, ознакомившись с письмами к нему от Шолохова по поводу перегибов с раскулачиванием, ответил ему всесоюзно статьей в «Правде» о головокружении от успехов и соответствующим постановлением ЦК ВКП(б).

В целом создание Союза писателей СССР было великим и «единоразовым» в мировой истории благом для литературного процесса. И вовсе не «идеологическая кормушка», тем более далеко не «тепличные условия», овеществились в горьковском Союзе, но доселе невиданный социальный эксперимент в части стимулирования творческой активности для людей, что не были обделены писательскими способностями (см.*) — К этим-то книгам, если кому интересно наше мнение о целесообраз-

---

* Яшин А. А. Будни главного редактора: Публицистика 2008—2012 годов / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2012.— 516 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

Яшин А. А. Пролегомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). (В электронной форме эти книги см. на сайте www.pz.tula.ru).

ности и творческой продуктивности советской литературы в рамках созданного Горьким Союза писателей СССР, мы и отсылаем нашего уважаемого читателя.

...И еще вероятен ухмылочный экивок либерализованного гражданина на якобы расцветшую на союзписовских, почти что дармовых, харчах «датскую» и иную верноподданническую литературу. Славны бубны за горами, но ведь неча на зеркало пенять, коль рожа крива, ведь дело организации писателей, во-первых, не имело мирового прецедента; во-вторых, и в главных, случилось все на просторах России-матушки, хотя бы уже и расцвеченной серпами и молотами! А значит, уже с успешно подавляемым атавизмом частнособственничества. И вовсе не для оборота речи мы упомянули о «России-матушке», ибо только в ней наличествует «при всех режимах» сочетание несочетаемого: административный бюрократический восторг и сугубая народность масс; «лень впереди тебя родилась», «на работу не напрашивайся» — и тут же истовая христианская мораль, будто только что прослушал «вживую» Нагорную проповедь, и так далее — перечтите «Сказки» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Писатель тоже человек и ничто человеческое, в том числе негативное, ему не чуждо...

Отсюда и «датские» поэты и прозаики. Драматурги тож. Неча на эту тему и нам бумагу впустую изводить — опять же перечтите «Мастера и Маргариту» в главах о бурной союзписовской жизни. Тем более, когда дряхлеющий Ильич Второй совсем возжи ослабил, то и частнособственничество, в том числе в писательской среде, оживилось. Как будто про эти времена загодя, за сто лет вперед, рассуждал в «Бесах» Степан Трофимович Верховенский (этот персонаж Достоевский ядовитейшее «списал» с известного словоохотливого либерального историка середины XIX века Тимофея Николаевича Грановского, автора «Лекций по истории Средневековья»...): «*Почему это я заметил,— шепнул мне раз тогда Степан Трофимович,— почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие неимоверные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это? Неужели тоже от сентиментальности?*»

Конечно, уже в период развитого социализма и советизма — мы это пишем безо всяких кавычек и ухмылок либеральных! — определенная официозность и «омундиренность» проникла в среду писательства, но, в основном, в руководство Союза и в ряды «проявивших и просиявших», опять же по Салтыкову-Щедрину. Но — и только! А это уже неизбежное явление для всякой соорганизованности, тем более под щедрым попечительством госвласти.

И еще один, крайне щепетильный для советской литературы момент: крайне выраженное поощрительное внимание руководства Союза писателей, здесь уже напрямую наставляемое госвластью, к литературам национальным, число которых в СССР доходило до сотни... настолько поощрительное, что порой казалось, собственно великая русская литература с ее глубокими корнями, феноменом XIX — начала XX веков и так далее, несколько нивелируется на фоне «ста язы́ков». Понятно дело, это относилось по преимуществу к официозу. И само развитие, а зачастую и создание «с нуля», национальных литератур в СССР являлось делом благим как для них самих, так и для государственного строительства, реноме многонациональной страны. ...Словом, дело архитонкое и политичное, но что стало с литературами бывших союзных республик после поражения (именно поражения, а не либерального «распада»!) нашей страны в Третьей («холодной», информационной, сопряженной с массовым предательством власти и пр.) мировой войне? Но поставим вопрос в иной ипостаси: а что стало после этого поражения с <бывшей> великой русской и советской литературой? — А то же самое. Вот уж и не на словах, а самое настоящее нивелирование... Но здесь причиной уже глобализация, к которой мы ниже вернемся, все же докончив развиваемую выше мысль на характерном примере.

В начале сентября 1974 года в Колонном зале Дома Союзов (! — одно место проведения чего заслуживает...) состоялся V пленум Правления Союза писателей СССР, посвященный 40-летию его создания. Отметим, что за весь 85-летний, на сегодняшний день, период существования СП СССР и его правопреемников — СП России и МСПС (Международного сообщества писательских союзов) — это был *единственный* юбилей, отмеченный на самом высоком государственном и международном уровнях, в писательской и читательской (а в СССР *читали все*!) среде. К Юбилею Указом Президиума Верховного Совета СССР сразу тринадцать писателей были удостоены звания Героя Социалистического Труда, среди них Валентин Катаев, Вадим Кожевников, Георгий Марков, Борис Полевой (Кампов — так в Указе) и Константин Симонов. Остальные восемь награжденных (каждой сестре по серьгам, как гласит народная мудрость) — представители национальных литератур СССР. По итогам юбилейного пленума была добротно издана книга его материалов*. Как положено, «участники пленума единодушно избрали Почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым» и так далее. А в завершении пленума в Большом банкетном зале Кремлевского Дворца съездов состоялся (а это уже высший разряд!) правительственный прием в честь юбилея. В работе же пленума приняли участие В. В. Гришин, К. Т. Мазуров, М. А. Суслов, П. Н. Демичев и завотделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, то есть государственные деятели, чьи портреты возвышались над колоннами демонстрантов 1-го Мая и 7-го Ноября... И еще представители литератур трех десятков зарубежных стран (правда, без «громких имен»), ЮНЕСКО, международных писательских организаций.

...Мы затем отметили официальную сторону юбилейного пленума, чтобы показать: за внешней «мундирностью», несколько нарочитым интернационализмом (но ведь в СССР он был совершенно искренним?) ярко просвечивала уникальность советского литературного процесса: соорганизованность и госопека органично сочетались с творческой свободой писателя — если только он сам себя не обрекал на добровольное рабство «датского сочинителя», либо нарушал сложившееся к шестидесятым годам джентльменское неформальное соглашение: пиши как хочешь, но, будь любезен, явно не трогай догматы коммунистического учения и «лично руководителей партии и правительства». Ведь это совсем и не сложно?! А если ты талант от рождения и воспитания-образования, то милости просим в члены Союза писателей: это гарантирует тебе впридачу к свободе творчества (см. выше) еще и отсутствие — отвлекающей от собственно творчества — заботы о хлебе насущном. И вступить в члены Союза писателей СССР, учитывая публичность и преобладающую честность литературных руководителей, без таланта и серьезных способностей было практически невозможно: пресловутые блат и «мундирность» не могли расширить то игольное ушко, в которое протеснился бы верблюд...

Конечно, были — но это уже высокая госполитика — некоторые послабления в части новооперившихся национальных литератур, а так — никак! Редчайшие случаи до сих пор тема анекдотов в писательской среде. Помнится только один такой: после ухода из жизни выдающегося советского писателя <имени не буду называть> его потомок, во владении которого оказался огромный, уникальный архив умершего, предложил «обменять» его на свое членство: приходилось и ему, говоря словами Хлестакова, что-нибудь этакое сочинять на досуге. Вроде как сделка состоялась, но опять же для вящей пользы литпроцесса.

Совсем не анекдотично звучала тогда и известная присказка: вступить в Союз писателей адекватно получению докторской степени по филологии. То есть равно-

* Высокое призвание: Материалы V пленума Правления СП СССР, посвященного Первому Всесоюзному съезду советских писателей / Сост. И. Г. Винокуров.— М.: «Известия», 1975.— 208 с., пер.

значное соотнесение добычи радия по Маяковскому — годы работы и граммы этого редкоземельного элемента. И когда мне, обычно малодоброжелатели, с иронией советуют «добавить» к имеющимся степеням доктора технических наук и доктора по биологии еще третью — Бог троицу любит,— незлобиво отвечаю, что, как член Союза писателей СССР, таковую уже имею — в равноценности.

...Эк куда повело! А почему других «громких» юбилеев писательских за восемьдесят пять лет не случилось? Потому что планеты в нужный ряд не выстроились: 10-летие пришлось на войну, 20-летие — на послесталинский дележ власти в стране, а еще через десять лет опять власть — с Никиты на Ильича Второго — верховным переворотом менялась. Пятидесятилетие пришлось на окончание трехлетней череды похорон престарелых генсеков. Дальше все понятно и без пояснений. Словом, не до того, Федя, было, не до юбилеев...

♦ Провозгласив выше, хотя и несколько странным слогом, апологию Союзу писателей СССР, много посеявшему доброго, разумного и вечного, главное, «подтянувшего» советскую литературу во многом к уровню (здесь своего мнения не навязываю) великой русской словесности XIX — начала XX веков, перейдем к основной теме очерка: о Литературном институте имени А. М. Горького — его основателя и вдохновителя. Литинститут, «Дом Герцена» — «Школа Горького», есть «уникальное в уникальном», говоря несколько коряво. Как единственным в своем роде, организационной структуре и назначении являлся Союз писателей СССР, так и его «подразделение» — Литературный институт*, единственный в мире. Правда, ходили в нашей студенческой среде разговоры, что нечто похожее имелось в ГДР, в Лейпциге, но в каком статусе? — неясно. Явно и уровень не тот, хотя всегда приятно знать, что «не одинок ты под луной» — хотя бы речь и идет об учреждениях...

О Литературном институте так много (и многими! — все же люди пишущие в нем учились...) написано, в том числе и самым знаменитым его ректором в 1960—80-х годах Владимиром Федоровичем Пименовым («Свидетели живые», М., Современник, 1978), что теряешься: а как это отразить в кратком очерке? — Не «растекаясь мыслью по древу». А если это «сузить» до своих впечатлений? — Пожалуй, это правильно; всегда лучше и полезнее для <задуманного> дела следовать первоисточнику, то есть самому себе. Тем более, что учился в 1975—81 годах в самую блестящую пору Литературного института: в изданных к 75-летию института двух солидных томах воспоминаний** во второй книге 550 страниц (из 854-х) так и озаглавлены: «Под знаком Пименова». Поскольку во второй половине двухтысячных годов и начале 2010-х наши «Приокские зори» крепко творчески дружили с руководством Литинститута (нынешнее, увы, дружиться желания не проявляет...), то меня и юбилейной медалью не обошли, и мои воспоминания о годах учебы поместили во вторую книгу в упомянутый «пименовский раздел».

...Русский человек своеобразно ленив для пользы дела, включая свое личное, поэтому, чтобы заново не изобретать виртуальный велосипед, ниже и помещаю свой материал из «Воспоминаний о Литературном институте», несколько его сократив. Главный же упор в этих заметках при их написании делался не на фактологии, хотя наиболее заметные «штришки» и проскальзывают, но на показе «на себе» той непреложной реалии, что вся деятельность Союза писателей СССР, масштабно отобра-

---

* Именно подразделением являлся Литинститут: будучи государственным образовательным учреждением, он входил в структуру Союза писателей СССР, о чем свидетельствовала тисненая золотом надпись на обложках наших студенческих билетов. ...Это как сеть высших партийных школ также относилась к КПСС — тоже по статусу общественной организации. Как и Союз писателей...

** Воспоминания о Литературном институте. В 2-х кн. / Редактор-сост. С. В. Молчанова.— М.: Изд-во Литературного ин-та им. А. М. Горького, 2008; Кн. 1.— 639 с.; Кн. 2.— 854 с. (К 75-летию Литературного института им. А. М. Горького, 1933—2008).

жавшаяся на жизни Литинститута, вращалась «на оси творчества». Поступление же в «Школу Горького» даже на промилле не соотносилось с «мундирами», «звонками» и прочей «блатхатой», что в послесталинские, а особенно в 1970—80-е годы, все более становились неписанным законом. К сожалению великому... А поступление и учеба в Литинституте тогда являлась прерогативой способностей и талантов.— Для всех и всея: хоть из Чухломы, из тундры, из «столичных университетских центров».

Итак — к воспоминаниям, хотя бы и написанным десять лет назад.

Инженер. Поиски себя. Литературный институт. После окончания технического института некоторое время ощущалось что-то вроде пустоты. «Красного» диплома, как когда-то школьной медали, я не получил, ибо имел по курсовой работе на третьем курсе «уд» (этот преподаватель сейчас работает, мы с ним дружески здороваемся и ностальгически воспоминаем былое), которую исправлять из принципа не желал. Однако по баллам был первым из ста двадцати выпускников факультета. Почему-то выбрал распределение (это на пятом курсе, еще не был женат) в Загорск, потому и попал туда на преддипломную практику. Однако тему диплома выбрал себе сам — чисто математическую, по конформным отображениям: есть такой раздел в теории функций комплексного переменного — с «притянутым» приложением к радиотехнике. Очень мне этот раздел математики понравился, потому изучил его самостоятельно и в чем-то доразвил. Во всяком случае, послал дипломную работу на рецензию (по своей инициативе) ректору Ковалеву в Минский радиотехнический институт; тот, известный авторитет (не в нынешнем понимании этого слова), не только одобрил, но и позвал к себе в Минск в аспирантуру. Конечно, не поехал. Впоследствии, слегка дополнив дипломную работу, защитил ее в Московском авиационном институте в качестве диссертации кандидата технических наук. Но это было позже. Пока же, женившись, перераспределился в Тулу, в только что образовавшееся Специальное конструкторское бюро точного (понятно какого) машиностроения при Тульском заводе точного машиностроения инженером-конструктором.

Да, еще добавлю: за время учебы в институте и потом еще четыре года стихов, романов, новелл и пр. не сочинял, даже в голову не приходило, зато активно начал публиковаться в научных изданиях, в том числе и в наиболее престижных в области радиотехники.

Итак, инженерная жизнь, но фактически научно-исследовательская работа, началась с пустоты, с поиска самого себя. Обычно этот период жизни у мыслящих людей (у немыслящих он проходит мимо) относится к 16—18-летнему возрасту, у меня — на 5—6 лет позже. Почему? Наверное, так и должно быть у русских людей (из староверов тем более), которые, по словам острослова Бисмарка, «долго запрягают». Вот южные люди — те наоборот, быстро запрягают, но в скачке уже к тридцати годам выдыхаются, правда, успев занять руководящие и иные, блага дарующие, посты... Это так, к слову.

Не то что сама работа не нравилась — не нравился дотошно-рутинный ее характер, душа требовала более творческого дела. А внешне жизнь не такая уж скверная: семья родительская и своя уже минисемья, поездки летом в колхоз-совхоз, почти второй отпуск, друзья-коллеги. Тогда молодые инженеры много читали, особенно из литературной периодики, ходили в недурной тульский драмтеатр, в концертном зале филармонии не пропускали ни одного выступления заезжих знаменитостей из столиц: от скрипичных и симфонических оркестров до вечно молодого (увы, недавно почившего) Олега Лундстрема с его диксилендом.

Для разнообразия жизни осенью 1973 года поехал в Ленинград и поступил в ЛГУ на заочное отделение математико-механического факультета: систематизировать свои знания в математике, но оказалось, что почти все изучаемое там мне более-менее знакомо. А самое главное — для заочников общежития не имелось, приходи-

лось останавливаться в «частном секторе общежития», то есть в Озерках.— Это где попа Гапона повесили революционеры...

Ехать от Финляндского вокзала на электричке или на трамвае недолго, но жить приходилось в старинных двух-, трехэтажных деревянных домах, дореволюционных летних дачах генералов и заводчиков, заселенных миллионами особо ядреных клопов. Перестал я на сессии ездить, хотя Ленинград с детства любил. Через год с небольшим, ранней весной, читая свежий номер «Литературки», обратил внимание: Литературный институт им. А. М. Горького СП СССР объявляет творческий конкурс для отбора кандидатов на поступление на первый курс. Что такое Литинститут — в общих чертах раньше знал, но дальше этого любопытство не шло. А тут что-то задумался; правда, в условиях конкурса значилось представление для прозаиков двух авторских листов этой самой прозы... а у меня ее (равно как и стихов) не было ни единой строчки. Но даже не этот факт меня беспокоил, а указание: материалы представляются в машинописном виде. Где взять эту самую машинку? Однако ответ на главный вопрос нашелся через полчаса: после «Литературки» прочел местный «Коммунар» и нашел объявление горуправления службы проката: «Граждане могут взять на требуемый им срок телевизор, стиральную машину, ...детскую коляску отечественного и импортного (ГДР) производства, *портативную печатную машинку*». В заначке имелось пять рублей, и в ближайшем пункте проката на месяц взял машинку.

И целый месяц по вечерам, после работы, тюкал в клавиши сначала одним пальцем, потом двумя указательными, но через неделю творческой практики уже сносно печатал всеми, исключая большие и мизинцы. С писчей бумагой тогда был дефицит, поэтому пятьдесят листов хорошей бумаги обменял на коробку «Птичьего молока» местной кондитерской фабрики у отдельской секретарши Ниночки.

Писал-печатал нечто мрачное (перед этим начитался «дефицитного» Кафки и трактатов любимого мною Метерлинка: «Разум пчел», «Разум цветов» и др.), что в голову приходило. Отпечатав ровно два авторских листа, запаковал в бандероль и отправил на Тверской бульвар, 25. Летом и вовсе забыл об авантюре, но в середине июля (если не ошибаюсь) получил открытку о прохождении творческого конкурса (как потом выяснил, в том году был конкурс обычный для Литинститута, то есть большой) и официальное письмо о допуске к экзаменам; на заочном отделении, учитывая малую грамотность некоторых будущих инженеров человеческих душ, планку искусственно доводили до соотношения 2:1; на очном — чуть повыше.

К экзаменам я, понятно, не готовился, ибо литературу и историю знал, русский язык — если его знаешь, то и напишешь сочинение грамотно, а немецкий язык, сколько я в «своих университетах» ни сдавал вступительных, переводных и государственных экзаменов по инязу, со школьных лет даже для приличия не повторял: Маргарита Григорьевна в школе хорошо вдолбила. Причем по-немецки (равно по-английски, по-китайски и пр.) не говорю и не читаю, но экзамен могу запросто сдать. В СССР иностранный язык был нужен только разведчикам, диссидентам и учителям иностранного.

Экзамены сдал, как всегда, отлично, при этом помог сдать немецкий еще двум-трем из будущих однокашников. Заодно с поступлением понял, что в столице надо держать себя осторожнее, нежели в простодушной, хотя и ближней, провинции. Когда в первый раз — прямо с тульской электрички и с пожитками — явился на Твербуль-25, сдал в приемную комиссию документы и получил направление в общежитие, то решил передохнуть, покурить и сел на бульварную скамейку. Ко мне подсел парень, который до этого на территории института задумчиво осматривал памятник Герцену. Парень как парень, но со странными темно-голубыми глазами. Познакомились. Я кратко рассказал о себе, а он со счастливой улыбкой сообщил: четыре раза поступал в Литинститут, а в этот раз не удастся: мать куда-то упрятала аттестат и не дает его. С той же сча-

стливой улыбкой он стал комментировать проходящих по аллее бульвара людей, явно вышедших из нового здания МХАТа, что напротив Литинститута:

— ...А вот наш Марк куда-то торопится, и сама Алиса с Егорушкой заболталась...

Про Марка и Алису я еще сообразил, что имеются в виду Захаров и Фрейндлих, а вот кто такой Егорушка? — Стыдно мне, провинциалу, стало.

Далее собеседник предложил мне продолжить приятный разговор и проводить меня до общежития, благо он сегодня отпущен на целый день.

— Откуда отпущен?

— Да из психбольницы. Меня мама туда на профилактику по осени и весне кладет...

Я спешно поднялся со скамейки, подхватил свою сумку, при этом поперхнувшись табачным дымом.

Общежитие Союза писателей в Останкино не то что поразило своим основательным обликом, но по сравнению с архаичными строениями Твербуля-25 выглядело монументально.

Войдя в определенную мне комендантшей комнату, застал там остальных трех поселенцев. Один из них сразу назвал меня земляком (двое других были из Сибири; оба не поступили), ибо сам был из Калуги — Толик Кузьмичевский, ныне известный в Москве поэт. Он только что, по его словам, «расплевался» с калужским обкомом комсомола, где трудился в отделе культуры, имел, как и я, высшее образование. Кстати, на второй год обучения он дополнительно поступил заочно еще и на «факультет Ясена Засурского», то есть факультет журналистики МГУ. Крайне деловой человек и хваткий, он все годы совместной учебы в Литинституте жил вне общежития, потом и вовсе женился. Учился он в семинаре Старшинова, не на плохом счету. После окончания института мы с ним как-то раз виделись в Туле, куда он приезжал в Приокское издательство за версткой своей поэтической книжки. Позже он, по моей просьбе, «сосватал» меня в издательство «Современник», но Баранова-Гонченко мой роман «В конце века» не пропустила. И еще как-то в «Литературной газете» (если не ошибаюсь) прочитал рецензию на его стихи; рецензента почему-то взволновала строка: «...И на ночь кладу под подушку топор»...

А так все годы учебы, то есть месячные осенние и весенние сессии я проводил в компании «хохлов», как прозвали нашу компанию однокашники, хотя таковым был только один — прапорщик из Ивано-Франковска. Виктор Гриваков из Змиева (только что переименованного в Готвальд), что под Харьковом, даже на восточного хохла не тянул; Саша Пытько — белорус из Молодечно, а Виталий Игитов и вовсе из Кировской области. С началом самостийности первые трое как в воду канули*, а фамилию Витальки как-то встретил в предвыборной газете Жириновского — он там значился кировским воеводой от ЛДПР.

...Прервусь в воспоминаниях. Только что узнал: умер на 82-м году жизни старейший тульский писатель Николай Константинович Дружинин, мой хороший знакомый, участник ВОВ, почетный гражданин Тулы и Могилева — за романы об обороне этих городов, а Могилев он и сам оборонял. Вечная ему память!

...На заочном отделении учились в основном уже имеющие высшее образование; были и кандидаты наук. Из последних самая яркая фигура — кандидат медицинских наук, заведующий отделением скорой психиатрической помощи больницы им. Склифосовского... вот за временем фамилию запамятовал, что-то навроде как Кирюшин, во всяком случае, никто его в институте трезвым не видел. Но в его лице я

* Уже после публикации этих воспоминаний «отыскался след Тарасов»: Пытько — завлит. Белорусского драмтеатра в Молодечно, а Игнатов — зам. главреда областной (республиканской) газеты в Йошкар-Оле...

единственный раз в жизни видел человека с абсолютной памятью: в любой степени обычного его состояния. Видимо, это-то обычное состояние и свело его в могилу вскоре после окончания Литинститута. Еще он был знаменит тем, что имя его входило в первые строки списков *персон нон грата* всех западных стран, ибо он по должности (в компании майора КГБ и участкового милиционера) присутствовал при аресте московских диссидентов. От него мы узнали, что все они были с изрядной мозговой придурью, лишь единицы «косили».

Редко видел трезвым и своего земляка — из села Гремячево, что близ Новомосковска,— однокурсника Володю Суворова. Потом мы с ним встречались на собраниях Тульской писательской организации. Пожалуй (и это не только мое мнение), он был самой большой поэтической звездой тульской, да и не только тульской, поэзии. Несколько лет назад он умер: «помогла» сорокаградусная и нажитые от нее болезни.

Еще на курсе учился известный — и ныне, и тогда уже — поэт Олег Кочетков из Коломны. Серьезный в жизни человек, мы с ним сдружились. Кто еще из наших «вышел в люди?» — Татьяна Набатникова (уже давно живет в Москве), Курносенко из Новосибирска, Михаил Устинов из Ленинграда (сейчас, кажется, в Пскове); видел его фото в лауреатском списке «Молодой гвардии». Драматург Николай Мишин создал в 90-е годы в Москве издательство «Палея». Яков Андреев из Свердловска, которого Сапгир направлял на детскую поэзию, на третьем курсе «сделал» мне первую в жизни литературную публикацию — рассказ «Сизиф» в «Уральском следопыте». Некоторые из имен однокашников встречаю на страницах Российского автобиобиблиографического ежегодника «На пороге XXI века», издаваемого Л. В. Ханбековым в последние годы.

В здании общежития размещалась и гостиница Союза писателей, поэтому иногда в комнатах нашего студенческого этажа вспыхивало веселье — приходил кто-то из именитых в гости к землякам; как-то в соседней комнате, где, кстати, проживал и Володя Суворов, до утра слышался голос Тряпкина. Бывали и другие.

Литературную братию хлебом не корми, но дай позлорадствовать над более удачливым. Так весь наш курс оказался свидетелем конфуза «живого классика». По томному сентябрьскому времени в перерыве между лекциями студенческая братия расселась по скамейкам вокруг памятника Герцену, и видели все: въехала во двор со стороны Большой Бронной черная «Волга». Вышел из нее Евтушенко и направился в Дом Герцена. А через четверть часа вылетел пулей с пунцовым от злости лицом, сел в машину и был таков.

Уже на следующей перемене все хихикали. Оказывается, ЦК ВЛКСМ почти испросил у старшего брата — ЦК КПСС — разрешение на издание поэтического «толстого» журнала «Московское кольцо» (или что-то в этом роде) под редакторством сначала певца Сталина и станции Зима, потом ударных строек и так далее. О чем сейчас поет (забыв свои же клятвы: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам кромешный после тридцати...») профессор американского университета?* — То неведомо.

Оба ЦК стояли твердо на одном: главный редактор должен иметь высшее литературное образование. Вот наш Евгений, вспомнив, что в Литинституте он числился, приехал к ректору Пименову с просьбой выдать ему диплом. Но Владимир Федорович с улыбкой посмотрел на кумира тинейджеров от поэзии, посоветовал восстановиться на соответствующем курсе и, не торопясь, сдавать зачеты, контрольные работы, экзамены тож. Вот и вылетел наш Евгений из бывшей городской усадьбы Яковлева — дядюшки Герцена — с пунцовым лицом.

...В общежитии пожилая вахтерша в добрый вечерний час рассказывала нам, как хорошо играл на гармошке Коля Рубцов, а также другие истории о нем, в том числе и вошедшую в фольклор Литинститута: как некий эфиопский князь, тоже учившийся

* Напомню: эти воспоминания писались десять лет назад...

на поэта, нарочито разбил об угол общежития свой «Форд» после слов Рубцова о качестве его (эфиопской) поэзии.

Из преподавателей особо запомнились литературоведы и критики Ю. Селезнев, М. Еремин и В. Гусев, непревзойденная знаток античной литературной традиции Аза Алибековна Тахо-Годи, ряд других.

В нашем прозаическом семинаре были представлены как национальности, так и профессии: татарка Галия Максина из Челябинска, уже упоминавшийся белорус Пытько, ассирийка (айсорка) из Кутаиси Джульетта Ивановна Бит-Каплан; врачи Курносенко и она же — Джульетта, рабочий Саша Пытько, были инженеры, учителя; Галия трудилась литсотрудником на областном радиотелевидении.

Эту разношерстную компанию наставлял на путь истины благополезной Борис Михайлович Зубавин, патриарх советской литературы, в войну капитаном штурмовавший Берлин, некоторое время возглавлявший только что созданный журнал «Наш современник». Скуп, но меток был наш седовласый Учитель на слова: «Галия! Хватит писать об абортах. Курносенко — не мудрствуй лукаво. А Яшину пора в своих писаниях вылезать из тульских пивных... хотя, как помнится, тульское «жигулевское» одно из лучших». И так далее, главное — «пишите о людях хороших, плохие и без того на виду!»

А так все больше слушал, как молодые петухи умеренно критикуют друг друга — так называемый перекрестный разбор написанного. И еще наставлял: «Пишите без оглядки на какую-то там цензуру, без мата, конечно. Я вот что написал, то все и напечатано. Дурь эту кто-то выдумал: писать в ящик стола...» Скучновато ему с нами было, умудренному и отягченному годами и опытом жизни. Оживлялся только, когда кто-либо провокационно о любимом его внуке спрашивал:

— Борис Михайлович, а вы внуку с гонораров деньги даете на конфеты?

— А как же! И достаточно даю.

Еще он любил подолгу рассказывать о сыне — враче космической медицины, как он его рекомендовал.

Ушел из жизни он к концу нашей учебы, а последний год наш семинар формально возглавлял Семенов (один из Семеновых, но не Юлиан...), я его ни разу не видел, так как одну сессию, последнюю, пропустил по семейным делам; досдавал позже; почему-то запомнил зачет по киноискусству — автору знаменитого «Максима»; чем-то я рассмешил его, перевернув цитату из «Юности Максима».

Дипломную работу я составил из повести и десятка рассказов, написанных за время учебы. Позднее она вышла в виде книги «На островах» в Приокском книжном издательстве (1987 г.). Это была моя первая опубликованная художественная книга, но не вообще первая книга, так как за два года до этого центральное издательство «Радио и связь» (Москва) напечатало мою первую научную книгу по микроэлектронике.

♦ ***Служение двум музам.*** Есть в биомедицине такое понятие — амбидекстр, то есть человек — неважно, слесарь Петр Потапович или министр Герман Громыхалов,— у которого одинаково развиты, или, наоборот, неразвиты, правое и левое полушария головного мозга. Вроде нормальным должен среди людей считаться именно амбидекстр; у него все в полной симметрии, а природа ее любит. Ан нет, любой недоучившийся студент биофака или мединститута, как два пальца об асфальт, докажет: правильный человек — это у которого больше развито левое или правое полушарие, а амбидекстр, как правило, переученный в школе левша,— досадное исключение. Левополушарный — это строгий логик, математик, физик, адвокат Плевако или те, что сейчас *олигархеров* защищают, а также интендантский прапорщик и рядовой американский налогоплательщик. Правосторонние — люди с художественными наклонностями: писатели и певцы, художники и эстрадные смехачи-танцоры, наши выдающиеся экономисты и прочие фантазеры. Словом — понятно.

А я, хотя левшой никогда не был, амбидекстр.

С двадцати лет исправно служу двум музам — науке и литературе. В части первой трудовой путь начался в 1971 году: работал в Конструкторских бюро Тулы по тематике спецтехники, в том числе 12 лет — в знаменитом КБ приборостроения, недавно объявленном президентом США чем-то вроде врага Америки. Полтора десятка лет работал в Государственном НИИ новых медицинских технологий первым заместителем директора — зам. по науке, а также профессором кафедр «Электронные вычислительные машины (ЭВМ)» и «Медико-биологические дисциплины» Тульского госуниверситета. Доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор по кафедре «ЭВМ», профессор по специальности «Медицинские приборы и системы», академик Академии инженерных наук РФ им. А. М. Прохорова, Академии военных наук и ряда других российских, иностранных и международных академий.

В 2002 году тульский губернатор Василий Александрович Стародубцев вручил мне удостоверение Заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Автор 980 опубликованных научных работ, в том числе 50 монографий, изданных в Москве, Харькове, Германии, Туле, 40 изобретений, зам. главного редактора и член редколлегий ряда центральных и международных научных журналов. Почетный радист России. Работаю в области фундаментальных медико-биологических исследований; основатель и руководитель признанной в мире Тульской научной школы биофизики полей и излучений и биоинформатики.

В Союз писателей СССР принят в 1988 году; рекомендовал меня известный писатель Иван Панькин, автор знаменитых «Легенд о мастере Тычке».

Изданы тридцать книг художественной прозы и литературоведения, печатался в литературных журналах и сборниках, газетах (свыше 500 публикаций). Член редколлегий журналов «Истоки» (Красноярск), «Московский Парнас» и «Новая Немига литературная» (Минск).

Лауреат многих научных и литературных премий.

♦ ***Резюмирующие замечания.*** Мой художественный метод: критический реализм с учетом всего богатства классической русской и советской литературы. А что есть метод? При этом слове невольно вздрагиваю и вспоминаю своих аспирантов и докторантов (у меня их свыше тридцати защищенных). Если они блестяще отвечают на все вопросы, то встает некий Иван Иванович и «глушит» их вопросом, от которого бедолаге хочется повеситься: «Скажите, милейший, в чем различие между методом, методикой и методологией?» Все это скучно в дидактике, но когда не задумываешься о правилах, то твоей рукой, то есть головой, конечно, незримо управляют те же метод, методика и методология.

Досадно и жаль, что моя вторая книга, она же первый роман «В канцелярии» — еще многотиражная (15000 экз.) — вышла в 1991 году, на перепутье свернувшейся с разума страны. Уже не было литературной жизни, читательской аудитории и всего прочего, что радовало душу писателя после издания очередной книги.

Жаль потому, что, возможно, это одно из самого удачного из написанного мною на сегодняшний день. Писался он на вдохновении почти за десять лет до издания. Причем эти четыреста страниц рукописи я просто записывал, ибо все его содержание... мне приснилось в едином сне, исключая, конечно, имена персонажей. Такое в искусстве и науке часто бывает; например, великий французский математик Анри Пуанкаре, один из создателей теории относительности, свои теоремы доказывал во сне. И биологически это хорошо объяснимо: работа подсознания, в котором до времени, то есть до выхода в активную память, упрятана вся информация, полученная человеком с момента его появления на свет.

Что побудило к созданию на уровне подсознания фабулы и сюжетных линий романа? — А вспомните первую половину 80-х годов? — Бесконечные трауры по последовательно похороненным генсекам, психоз СОИ (Стратегической оборонной

инициативы) — великолепная американская фантазия, на которую клюнули наши престарелые (старое животное биологически осторожно и боязливо) партайгеноссе и позволили разрушить Великую социалистическую империю, государство созидания и социальной ориентации. И еще одно нагнетание страха: размещение «першингов» и «томагавков» в Европе. Все в стране, в умах, душах людей стало терять ориентир и устойчивость, к которым уже попривыкли в «золотые» 60—70-е годы оптимизма, сытости и имперской мощи.

Отсюда подсознание и выдало роман-предвидение, в котором в аллегорической форме предугадано то, что произойдет со страной через десять лет: жизнь мирного коммунхозовского учреждения, где постепенно все приросли к столам и стульям, все сгнило и рухнуло в небытие.

Писатели (и читатели, конечно), привыкшие в советское время к сто-, двести-, тристатысячным тиражам издаваемых книг, никак не возьмут в толк: а для кого (и для чего) сейчас печатаются книги в количестве ста или двухсот экземпляров? Тираж в 1000-экз. уже считается «массовым»...

Не надо впадать в уныние тем и другим. Вспомним имевшее место в недавней истории литературы. В самом начале XX века случился феномен норвежской (датско-норвежской, ибо язык здесь один и тот же) литературы: Йенсен, Гамсун, Брандес, Кьеркегор и другие. В Норвегии, где люди только селедку и треску ловили (нефтяных платформ там тогда не было, а разработка железорудных копей на западе страны только начиналась), на триста жителей приходился свой писатель или поэт! Понятно, какие тиражи «имели место быть». И ничего, сейчас мы эту литературу читаем, не забываем.

Зачем далеко — в соседнюю Норвегию — ходить: вспомните бурную литературную жизнь России в первую треть XX века... Главное — не отчаиваться и творить, а время разберет.

Когда начинающий писатель впервые сталкивается с критикой его работ, это является определяющим в становлении его как самого потенциального критика.

Не считая доброй критики Бориса Михайловича Зубавина на литинститутских семинарах, впервые я столкнулся с ней после выхода своей первой же книги «На островах». Рецензия на нее не замедлила появиться в областной газете. На «зубок» книга попала (возможно, в порядке редакционной разнарядки) маститому местному журналисту, поэту и критику *N*.

Очерк назывался издевательски: «Острова на мели». Даже если автор в каких-то моментах пытался сказать что-либо позитивное, то природная или жизнью воспитанная злоба не позволяла. Кстати, несколько лет спустя, в середине 90-х годов, самых бесхлебных и безработных, этот самый *N*, который дотоле не узнавал меня при встрече на улицах и на писательских собраниях, вдруг как-то бросился через дорогу ко мне с радостной улыбкой и рукопожатиями: узнав, что я замдиректора НИИ, попросил устроить на работу жену. Как человек, не помнящий зла, супругу я его к себе устроил. Но *N*, когда случилась обычная в те годы двухмесячная задержка с выплатой зарплаты, явился в НИИ, устроил скандал мне, а потом пошел к директору с воплями и угрозами. Кончилось тем, что директор вывернул все свои карманы и отдал разъяренному *N* все личные деньги, лишь бы он больше не приходил.

...И вот после прочтения этого отзыва-рецензии я четко осознал ранее интуитивно угадываемое: критики в литературе (а впрочем, и вообще в жизни) суть двух типов, причем противоположных: одни ругают все и вся, другие хвалят, но очень умно. И, покопавшись в памяти, вспомнив русскую литературу, оба эти типа критиков обнаружил. Несомненно, Белинский относился к умнейшему направлению, достаточно вспомнить его статьи о творчестве Пушкина. Но вот разночинцы, либеральное направление, мощно заявившее о себе в русской литературе второй половины XIX века... Не зря они все были из поповских семей. Ведь народная мудрость говорит: нет худших ненавистников (веры, пьянства, морали...), чем бывших (вероучителей, пьяниц и т.п.).

Урок тот я воспринял в полной мере. Часто пишу отзывы, рецензии (см. книгу «В час волка»), но пишу до́бро. Ибо только добром можно увлечь и подвигнуть творческого человека к развитию своих способностей.

♦ ...На такой оптимистичной ноте и заканчивался мой материал во второй книге «Воспоминаний о Литературном институте». Бесхитростно написано, но *in summa* объективно, так что и сейчас, десять лет спустя, вряд ли бы по-другому рука вывела (пишу только «от руки» — не потому что нонконформист — все не в ногу, один я в ногу,— но даже в этом формализме нет желания быть придатком оцифрованного глобалистского мироустройства...).

Все, вспоминающие свои литинститутские годы, непременно отмечают добрый, как в доме родном, демократизм в отношениях между прославленными нашими наставниками и «бурсаками-лицеистами», как правильнее было назвать нашу обучающуюся сочинительству братию, особенно с заочного отделения, которое по сути и являлось в творческом плане основным. Кстати говоря, имелись в истории Литинститута периоды, когда очного отделения и вовсе не было... В этих воспоминаниях непременно приводятся яркие оценки этого доброжелательства. И мы в таковых не отстанем.

...В окончании предпоследней сессии, когда уже все пошабашено, дипломные работы на завершающий приезд в Тверьбуль-25 уже вчерне готовы, словом, почти на росстанях, отмечала наша «условно-хохлацкая» (см. выше) комната завершение учебно-экзаменационного месяца. Наутро — разъезд по домам. Как положено, накрыли щедро стол, не успели разлить по первой — ан деликатный стук в дверь, входят заглянувшие в опекаемое им общежитие ректор Пименов и декан заочного отделения Таран-Зайченко. Заметим, что тогда молодежь особо водку не потребляла, потому и у нас на тот «монарший визит» на столе красовались где-то с десяток бутылок 0,7 л. ординарного портвешка, по сравнению с которым нынешние 1000-рублевые вина с франко-итальянскими и иными названиями (из пьес Островского: бери, барин, кругом по полтине бутылка, а ярлыков иностранных каких хошь наклеим...), все сплошь порошковой — из недальних мест — фабрикации есть... далее слова неудобные для печати.

Увидев великолепную батарею, занявшую бо́льшую часть стола, сталинский «главный по театрам» Пименов схватился руками за голову. «Владимир Федорович! — покаянно вскричали мы,— вот решили скромно завершение сессии отметить. Да мы ведь...» — «Я не о том,— заговорил Пименов,— я о другом: ведь не то, что вы все это выпьете, так еще пару раз за такими же добавками в гастроном на углу слетаете! Поберегите свои желудки и печень, ведь вам еще писателями надо становиться!»

...Полагаю, этого характерного примера достаточно: прямо-таки в наш оцифрованный, административно-бюрократический, цинково-суконный век так и новеяло домашним теплом не столь уж и далеких времен — *творческих времен*.

Но, увы, от «дома Герцена» — «школы Горького», следуя данному нами изначально названию настоящего очерка, чертыхаясь, перейдем в нынешний оцифрованный человейник, как по аналогии с пчельником, муравейником, термитником поименовал современное человечество выдающийся советский и российский ученый-логик, философ, социолог и писатель А. А. Зиновьев.

И что там за недалеким горизонтом?

Когда-то мы возьмемся за журнал!
Мочи нет хочется...

Из письма А. С. Пушкина
к П. А. Вяземскому, 1825.

♦ Так писал Пушкин еще за одиннадцать лет до начала издания своего «Современника». Под самый конец своей, увы, недолгой жизни Александр Сергеевич исполнил-таки свою заветную мечту о литературном журнале, осознавая: давно пришло время доселе «салонное» сочинительство переводить во всероссийский литературный про-

цесс. Начав с «Современника», совершенно иного качества литературной периодики, нежели выходившие и до него журналы, та же «Почта духов» И. А. Крылова и пр., далее — и в особенности! — через некрасовский уже «Современник», его же «Отечественные записки» этот процесс вывел за исторически краткое время, не более всего-то полувека, русскую литературу на мировые позиции. Еще раз заметим, что в конце XIX вв. этот феномен русской литературы повторила литература норвежская... конечно, в меньших творческих масштабах. Но — это к слову. Главная же мысль из сказанного: любая национальная художественная литература — с «обслуживающей» ее критикой и литературоведением — в той или иной степени значимости входит в мировой творческий ареал при непременном условии перехода от салонного начального периода развития к литературному процессу в рамках своей страны, социума. ...Здесь и далее салонность никак не ассоциируется с «фрачно-кринолиновыми посиделками», но есть синоним очень уж обруганному слову «кружковщина».

Далее русская классическая литература стала истоком литературы советской, причем с высшей в мировой практике степенью соорганизованности (см. выше). Попутно ответим на обычную при упоминании литературы соцреализма взахлеб-либеральную истерику в части «писательства по указке Кремля... ГУЛАГи с несостоявшимися гениями» и пр. А что, классическая русская литература критического реализма разве щеголяла нарочито своей безыдейностью? Куда же тогда всю ее целиком деть? — Все сотни книг «с направлениями» — слева; а справа? — Многоцветье антинигилистической литературы: от «Взбаламученного моря» А. Ф. Писемского, «На ножах» и «Некуда» Н. С. Лескова, «Панургова стада» Вс. Крестовского до «Бесов» Ф. М. Достоевского — а это уже ступень гениальности, с которой, политкорректно говоря, не совсем уместно сравнивать два извечных русских либеральных вопроса: «Кто виноват?» и «Что делать?». Опять же к слову, но пора перейти к «антифеномену» современной литературы: ее исчезновению из творческого ареала современного человечества. Причем ареала *всемирного*, глобального.

Кстати говоря, на Западе-Востоке (это как «Западно-восточный диван» Гёте...) понятие литературного процесса утратилось еще полвека тому назад. Если мы здесь пишем о русской литературе, как-то выделяя тем самым ее, то только потому, что к нам Великий глобализатор, родной брат Великому инквизитору из «Братьев Карамазовых», несколько запоздал с визитом: во-первых, советская власть, окормлявшая писателей и читателей, долго сопротивлялась; во-вторых, слишком короткий по историческим меркам срок отделяет нас от русской классической литературы — первой и великой любви к изящно представленному русскому слову народа с мечтательной жилкой и сравнительно недавно научившегося грамоте... Потому и пишем с грустью об уходящей русской словесности, что она одна в современном глобо-мире еще топчется на пороге, не желая переступить его, по крайней мере на живой памяти о былом величии, и выйти в холодящий душу мир глобализованного человейника с людьми-роботами, винтиками-шестеренками всемирной машины, где (и уже сейчас!) нет места вдохновенному слову, обращенному в бездушную цифру сугубо утилитарного мышления. Назовем это новым словом: *цифрофрения*.

♦ Таким образом, антифеномен современной русской литературы суть прямое следствие включения страны в процесс глобализации, что стало возможным после поражения (см. выше) СССР в Третьей мировой войне с искусственным возрождением артефакта частнособственничества — и прямо в объятия мирового империализма в его высшей и завершающей стадии глобализма*. ...Опять России пришлось догонять Запад, но только в части расчеловечивания, отказа от высшей в Истории христианской морали и — от образного литературного мышления и восприятия его следст-

* См.: Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Глобализм, или высшая и завершающая стадия империализма / Предисл. А. И. Субетто.— Тула, 2016.— 460 с. (В электронной форме см. на различных сайтах по поисковику).

вий некогда «самой читающей в мире страной». Как сказал некогда Троцкий — не только ленинский «иудушка», но и блестящий публицист — «*мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику*». И, говоря ностальгическим советским речевым штампом, претензий к «партии и правительству» здесь никаких быть не может, раз страна всецело включена в мировой процесс глобализации, утверждение о чем мы ежечасно слышим с самых высоких трибун — через «ящик» и интернет. Никакого сейчас нет и в помине «особого пути России», а есть сложнейшая мировая сеть гибридных войн, цветных революций, перманентных обострений, противостояний и пр., и пр.— это «рабочий инструмент» Великого глобализатора. Пресловутые политкорректности, толерантности и «общечеловеческие ценности» (кроме доллара, конечно) здесь малоуместны.

Достаточно сказано для осознанного понимания сущности мирового и <несколько запаздывающего; см. выше> русского антилитературного процесса: словесность, тем более изящная, романически-поэтическая, глобалистскому человейнику безо всякой нужды — и наоборот, вредно для расчеловечивания. Опять же не будем либерально лицемерить, только для нашей страны, кроме ее беспрестанной гонки за Западом, в рассматриваемом контексте добавим дичайшее социальное (не классовое! Классов в глобальном общеустройстве не предполагается) расслоение и стахановскими темпами нарастающее обнищание масс. К литературе это имеет самое прямое отношение, о чем ниже скажем... опять же без лицемерной политкорректности. А «многожанровое» лицемерие — самая яркая окраска бурной глобализации.

Итак, в силу указанных факторов, для словесности начался обратный отсчет времени: от общественного литературного процесса, созданного классической русской литературой и развитого эпохой соцреализма,— стремительное возвращение к тому, с чего начали: к салонному разобщению, кружкам по интересам, образцово-показательным примером каковых все более и более становятся «толстые» литературные журналы и ... региональные отделения писательских организаций — их вроде бы сейчас в России пять? Но все время на глаза попадаются новые, диковинные названия. На полном безденежье и отсутствии поощрительного внимания со стороны властей и СМИ, владыки умов и сердец среднестатистического обывателя, писательские союзы все более становятся формальными <общественными> объединениями и теряют связь с *условно своими* областными ячейками. К указанным двум факторам салонности добавим, конечно же, авторские книги.

Восторг девяностых годов в части бесцензурной «самодеятельной» печати таких книг уже давно сменился глубоким скепсисом и разочарованием: полное разрушение бывшей всесоюзной книготорговой сети, тиражи в 50...100 экземпляров при полнейшей бедности (см. выше) сочинителей, а главное, полная и безвозвратная потеря читательской аудитории. Сейчас, признаемся, граждане писатели, книги пишутся: старшими поколениями «письменников» — в силу творческой инерции, как машинист и паровоз не может мгновенно затормозить, увидев издали на путях семафор; дескать, дальше нет тебе пути; а литературной новью-молодежью? — Это печальный для них, но оптимистичный для социума признак: слишком мощный разгон взяла во время óно русская и советская литературы, еще не обнулен Молохом глобализма художественный творческий потенциал русского человека! Но раз книга написана, то хотя бы указанные выше десятки экземпляров издать, сэкономив на всем жизненно потребном. Причем без уверенности: а хоть два-три родственника или знакомца прочтут ли?

Это и есть фактор салонности. Точно также в XIX веке сочинялись и издавались собственным коштом многочисленные рóманы и семейные хроники тихими уездными помещиками и удалившимися от дел средними по чинам военными и чиновниками. Коль выше вспомнили о Достоевском, то еще раз отметим его зоркий взгляд, вспомним из «Бесов» губернатора фон Лембке, что, отлынивая от скучных административных дел, любил уделять целые полгода-год кропотливому изготовление бу-

мажной «кирки» с прихожанами в движении. Энергичная же супруга его Юлия Михайловна, полагая, что такие увлечения вредят в глазах подчиненных реноме хозяина губернии, «кирку» отобрала и упрятала в комод, а суверену великодушно разрешила сочинять романы — только тайно!

... И самому мне доводилось читать такие ро́маны, любовно переплетенные, с автографами авторов, приобретенные в тульском букинистическом магазине, что в 70-е годы был богат на такие раритеты: народ массово увлекся «подписными изданиями» и вычищал под них домашние полки от всякой семейной старины...

Все ясно с писательскими организациями: посмотрите незашоренными глазами на вашу областную... а мне и своей хватило для обобщающего вывода.

♦ Осталось нам «пройтись» по журналам — вроде как, на первый взгляд, по определению (см. выше слова Пушкина) самой мощной «антисалонной» силы. Но это именно лишь на первый взгляд. Во времена Пушкина журналы раскрывали потенцию литературного процесса. Нынешние же, увы, ее завершают. Отдаленная аналогия — два бурнокипящих взрыва русской литературы в первой четверти XX века и в девяностые годы завершения его. Но в первом являл собой энтузиазм творения, зачастую в новых формах, во втором — «но явствен признак угасания», излишнее возбуждение, холерический оптимизм в предчувствии явления Великого глобализатора — могильщика художественного творчества с древнеримским девизом: «Вино, женщины и искусства принадлежат избранным». И вдобавок еще либеральные похороны советской литературы... а впрочем заодно и русской классики. *Pax Americana*, словом.

Были журналы, но остались *журналы*; из уважения к героизму издателей нынешних *журналов* мы это слово не закавычиваем, но лишь отличающе от журналов выделяем курсивом. Избави, Бог, подумать, что таким хитрованным синтаксисом выражаем неодобрение самому факту наличия современных журналов и/или их содержанию! Избави, избави... сам таковой редактирую уже четырнадцать лет, а в свой колодец плевать как-то некомильфо. Или демонстративно взывающе. Нынешние журналы — тягловые лошади исчезающего литературного процесса, но уже в салонном, кружковом качестве. Главное, они уравнены во всех отношениях, но в журнальном деле равенство не является поощрительным признаком. У каждого такого журнала свой салон авторов и — дай, Бог, если таковые имеются! — читателей. Словом, в каждой избушке свои игрушки. И растолковывать здесь более нечего.

Как среднестатистически (средняя температура по больнице) уравняли в «художественном весе» журналы, к такому же знаменателю существующее *status quo* устремило и писателей нехитрым приемом: отрицанием самого института авторитета, взамен предложив суррогат «запиаренного». Все коварство такого нигилизма авторитета в том, что, во-первых, литератор с явными (природными, особенно в поэзии) задатками таланта в уравнительной среде чувствует себя ущемленным; для поэтов это и вовсе непереносимо; во-вторых, пропадает стимул напряжения мощности своего таланта. В итоге безавторитетное сообщество литераторов, численно, со стороны явного графоманства — трудолюбивого бесталантства, не ограничиваемое никакими барьерами (журналов тьма, книги печатать — были бы деньги, <якобы> творческих союзов много и вступить в них, что в баню сходить...), превращается в губернские салоны — аналоги «литературного утра» у уже упомянутой Юлии Михайловны Лембке. В массе своей все эти продукты «стенгазетного» творчества при чтении вызывают вкусовой эффект жевания ваты...

А где современный читатель, зверь, занесенный в «Красную книгу»? И не замкнулась ли нынешняя салонная, кружковая литература сама на себе в условной самодостаточности? — Как в добром советском анекдоте: «...Чукча, однако, не читатель. Чукча — писатель!» Очень даже похоже и на то. Так где он при крохотных «бумажных» тиражах? Слышим восторженно-радостный ответ, что, дескать, весь он, многомиллионный, в интернете. ... Я давно сомневался, что в интернете что-либо читается

по части литературно-художественной. Но вот получаю первый номер за этот год журнала «Бийский Вестник», издаваемого, как и наши «Приокские зори», при содействии Союза писателей России, а в нем статья давнего друга нашего журнала Валерия Румянцева «Смерть читателя — это лишь версия или?» И в материале этом автор дотошно, с цифрами в руках (даром что полковник ФСБ в отставке, а бывших чекистов не бывает...) однозначно делает вывод: по интернету читают-смотрят что угодно, но только не литжурналы. А про книги авторские мы уже и не говорим.

Нет читателя массового — самый мощный аргумент в части утверждения о салонном характере современной литературы. Дело дошло до самого отчаянного зазеркалья: автор публикуется в журнале — про книги было уже сказано выше — не в расчете на читателей, которых нет, а чтобы таковой номер со своими виршами или рассказом горделиво поставить на домашнюю полку... Еще раз напомним: так по всему миру.

...Явно превышая допустимый объем для современных публикаций (редакции требуют *minimum minimorum*!), все же затронем животрепещущий ныне вопрос о цензуре, имея в виду все нарастающие устрожения в интернете. По мне бы его, как боевое оружие глобализма в части расчеловечивания, и вовсе прикрыть, оставив только обычную «мыло»-почту. И то потому, что «бумажная» Почта России под гнетом скоропалительных рескриптов о «переходе на цифру» (см. выше слова Льва Давидовича...) совсем сбилась с принятого со времен ямской гоньбы ритма работы.

Кстати о самом институте литературной цензуры в России. Была она введена в качестве предварительной то ли Екатериной после конфуза с Радищевым, а может и строго дисциплинированным Николаем Павловичем. Возьмите в руки любую книжку издания XIX века, на обороте титульного листа которой прочтете шедевр высокого административного штиля: «*Дозволено цензурой с тем, чтобы по напечатании шесть экземпляров были препровождены куда следует*». Для книг духовно-нравственного содержания разрешение звучало по-другому: «От С.-Петербургского Духовно-Цензурного комитета печатать дозволяется, СПБ <дата>. Цензор <духовное звание, имя>». После революции 1905-го года, это когда «царь испугался, издал манифест...», цензуру упразднили, но с началом Первой мировой войны по понятным причинам была введена иная цензура: «Дозволено военной цензурой <дата>». В советское время цензура, особенно начиная с «хрущевской оттепели», то есть пресловутые «литы», сосредоточилась на полезном и нужном деле: охране военных и гостайн в печати. Функции же предварительной цензуры были переданы, негласно конечно, *самоцензуре* авторов и издательств (редакций). Таким образом, между властью и писателями постепенно было, опять же негласно, достигнуто джентльменское соглашение: власть дозволяла — раз литератор без нее обойтись не может — злободневную, конструктивную критику, но не выше должности завгоркомхоза (бессмертный товарищ Саахов...), а сочинитель не позволял себе мата, порнографии, главное — «не трогал за вымя партию и правительство и лично <имярек>». Всех это устраивало, вот и распоясались «шестидесятники» и «деревенщики»! Кстати, искусство «обходить острые углы» писателям только на пользу пошло; мастерство эвфемизмов, умолчаний и недоговорок при полной ясности заложенного смысла достигло мировых литературных вершин.

...Все сказанное, опять же уклончиво, к тому, что литература наша и так в салонные рамки введена, вреда не приносит, не следует жизнь ее — не в интернете, но в «бумаге» — обременять какой-либо цензурой. Чиновникам же по этой части освежить в головах слова Бисмарка: «Говорите что хотите, только слушайтесь!» — И будет всем счастье. Писателям же искренне пожелаем трудиться и еще раз трудиться:

А то — умрет предмет литературы
И станет чем-то вроде лигатуры —
Отживший тлен — предбывшие таланты...

К ЮБИЛЕЮ ПЕРВОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И СОЗДАНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Владимир Десятников
(г. Москва)

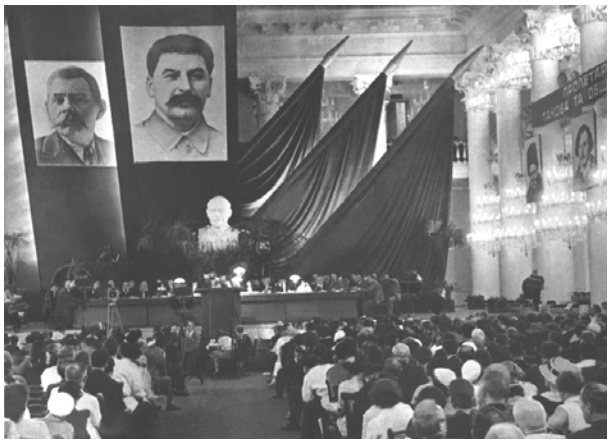
Наш постоянный автор. Член Союза писателей России

ВСПОМИНАЯ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА
к 85-летию Первого съезда советских писателей

С 17 августа по 1 сентября 1934 года в Москве, в Колонном зале, проходил Первый съезд советских писателей. В работе съезда участвовали 376 делегатов с решающим и 215 делегатов с совещательным голосом, более 40 иностранных гостей. Основной доклад был сделан Горьким, председательствовавшим на съезде. Алексей Максимович подчеркнул, что коллективный писательский труд поможет авторам лучше узнать друга, «перевоспитаться в людей, достойных великой эпохи». На съезде выступали Николай Бухарин, Алексей Толстой, Леонид Леонов... Итог дискуссиям подвел Горький. В своем завершающем выступлении он назвал целью социалистического реализма, признанного с тех пор основным методом советской литературы (шире — всего искусства), развитие творческих способностей человека «ради победы над силами природы». Как отмечалось в принятом на съезде Уставе Союза писателей СССР, соцреализм требовал «от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии».

Разумеется, творчество крупнейших наших писателей никогда не ограничивалось тесными рамками соцреализма. Свидетельство тому — эпические романы Михаила Александровича Шолохова, Алексея Николаевича Толстого, Константина Александровича Федина, Леонида Максимовича Леонова...

О Леониде Леонове скажу особо. Треть века я тесно общался и, хотелось бы верить, дружил с этим удивительным человеком — мыслителем, беспокойным искателем-правдолюбцем, великим мастером слова. О встречах с Леонидом Максимовичем я рассказал в своем «Дневнике Русского» (1963—2001), фрагменты которого предлагаю вниманию читателей журнала. Здесь же — и выступление Л. М. Леонова на Первом съезде советских писателей, которое привожу полностью, без изъятий.



В зале заседаний Первого съезда советских писателей

Леонид Леонов

Из «Дневника Русского»

18 октября 1979 года

— У меня была трудная литературная биография,— рассказывал мне Леонид Максимович.— В 1931 году я возвращался вместе с Горьким из-за границы, куда он меня приглашал — Горький перевозил вещи, книги. Ехали поездом. В Москве Горький меня не оставлял без внимания и ласки, часто приглашал в гости. Как-то прихожу к нему — Горький предложил посмотреть библиографические редкости, которые он собирал. Я тоже собирал книги. Когда работаю над эпохой, то люблю заглянуть в нужную книгу. Она так и лежит на столе. Я посмотрел книги, выхожу, а у Горького в гостях Сталин. Тогда у них «медовый месяц» был (Сталин — Горький). Меня представили. В это время я был Председателем Всероссийского Союза писателей (с 1929-го по 1932-й), в который входили Новиков, Лидин и ряд других серьезных писателей. Был еще и РАПП, который позже распустили.

Леонов хотел было откланяться, чтобы не мешать Горькому и Сталину, но Горький оставил его обедать. За столом сидели так: по одну сторону — Горький и Сталин, по другую — Леонов, Ворошилов, полярный летчик Чухновский и Бухарин. Были за столом сын Горького Максим и жена Максима.

— Сталин и Горький вели оживленную беседу, громко смеялись, шутили,— продолжал свой рассказ Леонов.— Ворошилов тихонько спрашивал меня о делах литературных. Я сказал что-то о Всеволоде Ива́нове. Вдруг Сталин, который, оказывается, слушал наш разговор, спросил: «А что, Всеволод Ива́нов, похоже, исписался?» Прежде чем мне ответить, Горький сказал Сталину, что я буду и имею право говорить от имени русской литературы, и добавил еще несколько слов обо мне, которые мне и повторять неудобно. Сталин три четверти минуты в упор смотрел на меня и крутил ус. Я выдержал взгляд, хотя это нелегко было, не спрятался «за ширму», как говорили в кругу вождя. Сталин кивнул и сказал Горькому: «Понимаю». То, что Горький так меня представил Сталину, и то, что я выдержал его взгляд, наверное, многое сыграло в моей жизни, — заключил Леонов.

7 сентября 1988 года

«26 октября 1932 года на квартире у Горького состоялась встреча членов Политбюро с писателями, среди которых были Афиногенов, Багрицкий, Гладков, Ермилов, Зелинский, Катаев, Леонов, Маршак, Панферов, Фадеев, Шолохов. К. Зелинский записал по памяти беседу со Сталиным, который, между прочим, сказал: "Вы не долж-

А. Н. Яр-Кравченко. А. М. Горький читает 11 октября 1931 года товарищам Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть»

А. Н. Яр-Кравченко. «Ответственность на вас!» Встреча советских писателей в Москве на квартире М. Горького в 1932 году

ны забивать голову художника абстрактными тезисами. Он должен знать теорию Маркса и Ленина, но должен знать и жизнь. Художник в первую очередь должен будет показывать нашу жизнь, он в ней не может не заметить, не показать того, что ведет ее к социализму. Это и будет социалистическое искусство. Это и будет социалистический реализм"» (из газеты «Советская культура» от 6 сентября 1988. № 107).

Леонид Леонов
Выступление на Первом съезде советских писателей

Товарищи, нам дано удивительное счастье жить в самый героический период мировой истории. Я отваживаюсь повторить это, уже произнесенное здесь, не только потому, что повторение есть самая сильная из риторических фигур, но и потому, что это самая существенная предпосылка ко всякому выступлению с этой трибуны в эти торжественные дни. Отсюда вытекают и наши обязанности, и наши права, и наша гордость и трудности наши, и наше будущее гражданское удовлетворение, что в конце концов мы одолеем эти трудности. Конечно, ни в одну эпоху литератор не испытывал такой почетной и высокой ответственности, как сейчас. Это наше основное дело — показать в образах, глубоких и запоминающихся, великое столкновение идей, разработать хотя бы вчерне принципы новой морали и запечатлеть рождение еще неслыханного мира. Наш возраст позволяет нам надеяться, что мы еще будем свиде-

телями очень больших событий. Этот век, может быть, самый емкий исторический период из всех, через которые проходило человечество. На наших глазах будут образовываться все новые советские республики, в грозе и буре будет просыпаться самосознание колониальных стран, будут создаваться все более совершенные формы человеческого общежития. Товарищи, мы еще будем участниками мировых конгрессов социалистической литературы, которые уже не уместятся в этом зале. В том большом доме, где мы встретимся еще не однажды, мы будем пожимать руки делегатов Африки, Австралии, Южной Америки. На повестке дня будут стоять уже не только вопросы, трактующие рождение нового человека, но вопросы могущественной борьбы со стихиями, все большего расширения деятельности человека в космосе.

Наш век — это утро новой эры. Но эта наша песенная пора, юность мира, когда народы только начинают вступать в великое социалистическое русло, не повторится больше никогда.

Именно это обстоятельство заставляет страну предъявлять особые, повышенные качественные требования к нашим произведениям.

Художественная литература перестает быть только беллетристикой. Она становится одним из самых важных орудий в деле ваяния нового человека. Все качества хорошего резца должны стать непременным достоинством наших книг. Я имею в виду их прочность, их остроту, их закалку. Это одновременно касается как формальной стороны, так и идейной. Мы слышали здесь Никиту Изотова, текстильщицу Гурову, пионеров. Мы видели, как требователен и нетерпелив потребитель нашей продукции. Несмотря на гигантские темпы своего роста в сравнении с дореволюционным временем, советский массовый читатель не совсем еще достиг того окончательного уровня критического сознания, когда он сам, без указки, сможет разобраться, что в этом образе правдивого и что в нем от лукавого. Но тяга его к классикам показывает, что этот вкус совершенствуется, крепнет, проникает в самую толщу народной массы. Всякая фальшивая нота поэтому неизменно влечет к тому, что автор, пускай бессознательно, лишь затемняет великую правду, разъяснить которую он обязан по самому существу своего призвания. С другой стороны, мы видим, как все более раскалывается мир на две, очень неравные, части. Эти два лагеря слишком различны в своих политических тенденциях. В этом свете всякая наша идейная оплошность не есть ли, по крайней мере, неметкий выстрел в ту сторону, куда сейчас направлены пристальные взгляды всей страны? Итак, надо делать вещи, достойные времени. Выполнить это очень трудно, мы знаем все это по собственному опыту. Иногда кажется, что надо иметь втрое, вдесятеро больше мозга, сердца, мужества и мастерства, чтобы справиться с поставленной перед нами задачей. Это так же трудно, как на огромном лугу очертить контур тени, отброшенной грозовым облаком. Оно несется со скоростью, превышающей во много раз медлительную поступь искусства. Здесь и лежит причина отсутствия средней формы — рассказа и повести. Отсюда рождаются две основные струи в нашем художественном движении: можно или фотографировать стремительные тени гигантских вещей и их творцов, переполняющих нашу современность, или же пытаться в более монументальных жанрах искать ту эмоциональную формулу, по которой образуются эти суровые тучи, полные дождя и благодеяний для земли.

Удивительно, как сплетаются в современном человеке самые различные качества и свойства, образующие параллелограмм движущих сил. Поэт сегодня обязан быть философом, философ не может не быть солдатом, готовым ежесекундно защищать свою идею, а наш солдат — я говорю о высоком звании красноармейца! — разве он не поэт во все периоды своего существования: и тогда, когда он гнал врага, сквозь нищету, голод и сыпняк провидя свое сверкающее будущее, и теперь, когда он стоит на страже у ворот в этот новый мир, полный зданий самой совершенной социальной архитектуры! И вот всякое ремесло сегодня сопряжено так или иначе с мечтательством, потому что всякая работа сегодня — не работа, если в нее не входят элементы

подлинного творчества. Нельзя жить в эту эпоху, не видя огромной, во многом еще не законченной дороги вперед, выводящей нас за пределы видимых, привычных горизонтов. Наше искусство поэтому должно в еще большей степени содержать эти элементы мечтательства, вооруженного уже не только лирой и безоговорочной верой в свою победу, но и точным, безупречным знанием. Вот почему область, где мы работаем, привлекает такое пристальное внимание нашей общественности; вот почему наш съезд не может не быть значительным событием в культурной жизни страны; вот почему этот съезд подведет итоги и тому, насколько мы оправдали внимание партии, правительства и самой широкой читательской массы.

Мы пришли в гражданскую войну (я беру на себя смелость говорить от имени некоторой части моего литературного поколения) с кое-какой зарядкой старой культуры. Большинство из нас проходило первую литературную учебу в фронтовых газетах. Это определило нашу судьбу. Старое культурное наследие и те чрезвычайно поразительные вещи, свидетелями и прямыми участниками которых мы становились, были как бы двумя электродами. Получилось нечто вроде вольтовой дуги, с тем существенным отличием от ее физической сестры, что пламя ее воспламеняло, не сжигая. Нас привлекала тогда необычность материала, юношеское наше воображение поражали и пленяли иногда грозные, иногда бесформенные, но всегда величественные нагромождения извергнутой лавы и могучее клубление сил, запертых в глубине жизни. Эта необычность материала зачастую прикрывала нашу литературную беспомощность. Мы все проходили тогда еще только через орнаментальную прозу, вычурную словесную вязь, как ребята радуясь дару повторять громовые слова взрослых. Мнилось порою, любой кусок жизни этого периода годился бы в многопудовый роман, потому что он кровоточил, пульсировал и звенел в руках. Но невелика в литературе заслуга очевидца! Даже и об этом времени главное еще не написано. Семена этих тем лишь развеяны по ветру, и многое еще не проросло. В вялые паруса нашего поверхностного романтизма ударил грозовой ветер, и если они зазвучали, как бубен, то не революции ли мы обязаны всякими нашими успехами, если только они были? Разве соответствуют наши книги той гигантской породе людей, которые первыми принесли себя в жертву социалистической родине, которые завоевали нам право собраться здесь, в лучшем зале мировой столицы? На этот вопрос можно и не отвечать. Каждый из нас еще хранит память об этих людях и, надо надеяться, еще не вполне забыл своих собственных персонажей. Этот разрыв, этот интервал между искусством и жизнью, за самыми немногими исключениями, сохраняется и теперь. Мы все еще не научились писать словами, которые взрывались бы на бумаге, которые были бы топливом для самого мощного двигателя в нашей стране — коллективного сердца строителей социализма. Не казалось ли, товарищи, всем нам в разное время, что всякий исписанный нами лист бумаги — только испорченный нами лист? Большая литература измеряется такими вехами, как Пушкин, Толстой, Горький, а мы мельчим предоставленный нам новый отрезок на сантиметры, да и тех иногда не можем поделить между собой!

Упреки Горького, брошенные нам с этой трибуны, справедливы и своевременны. В самом деле, в стране, имеющей мировые достижения в любой области народной жизни, в стране, движимой передовыми идеями века, литература должна бы быть лучшей литературой мира. Всмотримся честно в то, с чем мы пришли на этот съезд, как еще много в нашем багаже набросков, черновиков, очень часто рационалистических, а иногда просто провинциальных по форме и содержанию. Не это ли главный и смертный наш порок, с которым следует бороться? В таком маленьком зеркале, как наше, не умещается центральный герой нашей эпохи. А все мы отлично знаем, что он уже вошел в мир, новый его хозяин, великий планировщик, будущий геометр нашей планеты. По богатству своих идей и замыслов он уже стал полноправным членом того мирового созвездия человеческих типов, членами которого были и Робинзон, и Кихот, и Фигаро, и Гамлет, и Безухов, и Эдип, и Фома Гордеев, и Рафаэль Валантен.

Мы хорошо знаем все его отдельные черты, мы романтизируем его отдельные качества, бессильные схватить его главное обобщительное свойство, делающее его земным (и в этом главная его сила), реальным и жизненным. И мне кажется, товарищи, есть только два способа изобразить его во весь рост, в правдивой гармоничности его пропорций. Один из них — отступить на целый век, чтобы хоть немного уменьшить оптический угол зрения, под которым он виден нам, современникам. Но это не может стать нашим методом. Это значило бы никогда не написать книги о нем. Мы вступаем в особый, чудесный мир, где развитие народного благосостояния, культурных потребностей, самого человеческого могущества происходит с величайшим ускорением, не известным ни одной науке. Отставание искусства, по моему убеждению, формула пока несколько запальчивая, может стать просто самоубийственной для нас. В этом случае мы навсегда упустим возможность стать поэтами своей эпохи, а та, которая придет следом за ней, неминуемо принесет авторов более сильных, творчески более одаренных, чем мы. Тогда мы окончательно потеряем наш удивительный материал, обладающий таинственным даром древнего Мидаса делать мудрым всякого, кто к нему прикоснется!

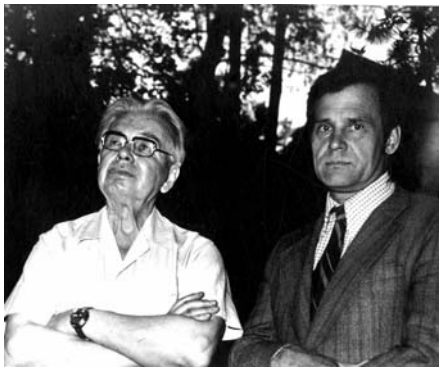
И есть другой способ, единственный,— стать равным по росту и прежде всего по творческой одержимости своему персонажу. Я говорю о еще большем, еще более гармоническом развитии личности автора, я говорю о его культуре и ее идейном наполнении. Я хотел бы, чтобы автор моего времени научился быть рядовым тружеником эпохи.

Это означает, что необходимо самому подняться на ту высоту, откуда виднее всего варварство вчерашнего каменного века, глубже осознать историческую силу новых истин, вся философская глубина и социальное величие которых в их простоте; сделаться, наконец, самому неотъемлемой частицей Советской власти, взявшей на себя Атлантову задачу построить общество на основах высшей, социалистической человечности. Тогда, товарищи, нам не придется тратить время на технологические ухищрения, переполняющие наши книги, на схоластические дискуссии, зачастую лишь разлагающие живое вещество литературы; нам не потребуется тогда думать о долговечности наших книг, потому что в самом материале этом заключается гормон бессмертия. Тогда мы будем иметь все основания сказать, что мы подготовили все для появления нового Горького в нашей стране.

1934

Опубликовано 22 августа 1934 г. в газете «Правда» под заголовком «Эра, которая не повторится больше никогда».

Это леоновское выступление тридцать четвертого года и сегодня звучит ярко, мощно, призывно!



Леонид Леонов и Владимир Десятников. 1979 год.
Фото Г. А.

Евгений Трещев
(г. Щекино)

ЗА ПЕЛЕНОЙ ЗАБВЕНИЯ
К юбилею СП СССР

Наш постоянный автор.

Литература — это целый мир. Бесконечный источник разных точек зрения, мир идей, фантазий, философских основ. Она нужна человеку как воздух. Литература учит чувствовать, вдохновляет, зовет человека вперед. Это хорошо понимали руководители нашего государства, когда принимали решение о создании Союза писателей СССР — творческой элитарной организации.

Писатель и его творчество с этого момента становились для власти ресурсом: наравне с экономикой, промышленностью, сельским хозяйством и другими сферами государственной деятельности. Формируя сознание масс, писатели играли огромную роль в идеологической борьбе.

В 1934 году на Первом съезде писателей (17.08 — 01.09) этот союз был создан. Он пришел на смену Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП). По свидетельству современников атмосфера этого съезда напоминала большой праздник.

Во главе СП СССР с момента его образования стояли: Максим Горький (1934 — 1936), Алексей Толстой (1936 — 1938), Александр Фадеев (1938 — 1944, 1946 — 1954), Николай Тихонов (1944 — 1946), Алексей Сурков (1954 — 1959), Константин Федин (1959 — 1977), Георгий Марков (1977 — 1986), Владимир Карпов (1986 — 1991), Тимур Пулатов (1991).

В большинстве своем это очень известные и талантливые писатели, авторы произведений, ставших достоянием мировой литературы, такие, как романы: «Мать», «Жизнь Клима Самгина», «Дело Артамоновых» (М. Горький), «Хождение по мукам», «Петр Первый» (А. Толстой), «Последний из Удэге», «Молодая гвардия» (А. Фадеев), «Необыкновенное лето» (К. Федин), «Строговы», «Соль земли», «Сибирь» (Г. Марков), «Вечный бой», «Не мечом единым» (В. Карпов).

Надо иметь в виду, что русская литература никогда не замыкалась в области чисто художественных интересов. Писатели всегда были учителями жизни. Они помогают человеку постичь самого себя и окружающий мир, прививают любовь к Родине, истории своего народа. Дают понятия о добре и зле, правде и кривде. Литература формирует нравственные принципы, идеалы поведения. Кроме того, литература является главным хранителем языка. А ведь сбережение языка равноценно сбережению народа, его истории, характера и памяти. Она мощный источник воспитания личности. Роль литературы трудно переоценить.

Поэтому Союз писателей (СП) стал инструментом в руках власти для тотального контроля над творческим процессом. Структурно СП был организован по секциям: проза, поэзия, драматургия, перевод художественной литературы, секция детской литературы, по литературам народов СССР, по работе с молодыми писателями. Во главе каждой секции — секретариат или бюро. Высшим руководящим органом СП СССР был Всесоюзный съезд писателей. Исполнительный орган съезда — правление.

Численный состав организации (СП СССР) с 1934 г. по 1989 г. вырос с 1500 до 9920 членов, из них 3665 человек писали на русском языке. В довоенные годы в стране властвовала атмосфера страха и всеобщей подозрительности. Социальные и политические гонения в СССР начались после завершения последнего этапа Гражданской войны. В период 1934 — 1940 годов начинает работать так называемая машина репрессий: один за другим проходили процессы над «врагами народа». Деятели литературы, которые отклонялись от линии партии и позволяли себе «свое мнение иметь», наказывались.

Так, в 1936 — 1939 годах были арестованы и погибли: И. Бабель, Л. Авербах, А. Воронский, О. Мандельштам, М. Кольцов. По вымышленным обвинениям были расстреляны также такие известные русские поэты, как Н. Клюев, П. Орешкин, С. Клычков, В. Наседкин, И. Приблудный и многие другие писатели и поэты.

Рассматривая документы писательских съездов, можно сделать вывод, что отношения между писателями были очень сложными.

Так В. Карпов написал о дачном писательском поселке Переделкино, где жила элита Союза писателей СССР: «Какие страсти здесь бушевали! Жили рядом друзья и враги. В газетах, журналах и радио, а позднее и по телевидению они хвалили и перехваливали друг друга, курили фимиам и стирали в порошок. Стукачи и будущие репрессированные гуляли по одним дорожкам, сидели рядом за праздничными и будничными столами...»

Великая Отечественная война, ставшая в истории человечества самой кровопролитной, унесла жизни миллионов людей. Нельзя оставаться равнодушным к мужеству и подвигам советских солдат, всего нашего народа, в том числе писателей. Писатели—фронтовики — это поколение героических личностей. Около тысячи членов СП СССР были награждены в годы войны боевыми орденами и медалями, а более четырехсот погибли на полях сражений.

Восемь писателей во время Великой Отечественной войны получили звание Героя Советского Союза: П. Вершигора, М. Борисов, А. Бережевич, Г. Малик, Г. Гофман, Г. Збанацкий, В. Карпов, Б. Котов. Позже за подвиги, совершенные в годы войны, звания Героя Советского Союза были удостоены: М. Джалиль, М. Бауыржан. До войны это звание получил летчик и член СП СССР М. Водопьянов. По состоянию на 1 марта 1986 года на учете в СП СССР состояло: Героев Советского Союза — 21, Героев Социалистического Труда — 46.

Подвиг всегда связан с состоянием духа. Подвиг — это взрыв, это всплеск, к которому нужно готовиться всю жизнь, чтобы в тот самый единственный миг не оплошать и совершить его.

Писатели и поэты, участники войны донесли до современного поколения людей историю человеческих судеб, атмосферу фронта, подполья, партизанского движения, истории жизни и героического труда в тылу.

Глубокие, проникновенные произведения о военном лихолетье, о героизме нашего народа написаны М. Шолоховым, К. Симоновым, А. Сурковым, А. Твардовским, В. Катаевым, С. Наровчатовым, Ю. Бондаревым, Г. Баклановым, Б. Васильевым, В. Астафьевым, В. Быковым, Ю. Друниной, В. Некрасовым, В. Кондратьевым, Э. Казакевич. Их творчество пронизано остротой переживаний и верой.

А песни военных лет пела вся наша огромная страна. Это: «Священная война» (В. Лебедев-Кумач, муз. А. Александров): *«Вставай, страна огромная,/ Вставай на смертный бой / С фашистской силой темною,/ С проклятою ордой...»;* «Жди меня» (К. Симонов, муз. М. Блантер): *«Жди меня и я вернусь./ Только очень жди...»;* «В лесу прифронтовом» (М. Исаковский, муз. М. Блантер): *«С берез, неслышен, невесом,/ Слетает желтый лист./ Старинный вальс «Осенний сон» / Играет гармонист...»;*

«Давай закурим» (И. Френкель, муз. Табачников): *«Об огнях — пожарищах,/ О друзьях — товарищах / Где-нибудь, когда-нибудь мы будем говорить...»;* «Темная ночь» (В. Агатов, муз. Н. Богословский): *Темная ночь, только пули свистят по степи,/ Только ветер гудит в проводах, тускло звезды мерцают...»;* «Смуглянка» (Я. Шведов, муз. А. Новиков): «*Как-то летом на рассвете,/ Заглянув к соседке в сад./ Там смуглянка-молдаванка/ Собирала виноград...»;* Враги сожгли родную хату» (М. Исаковский, муз. М. Блантер): *«Враги сожгли родную хату,/ Сгубили всю его семью...»;* «Эх, дороги» (Л. Ошанин, муз. А. Новиков): *«Эх, дороги.../ Пыль да туман,/ Холода, тревоги/ Да степной бурьян...»;* «В землянке» (А. Сурков, муз. К. Листов): *«Бьется в тесной печурке огонь/ На поленьях смола, как слеза...»;* «Заветный камень» (А. Жаров, муз. Б. Мокроусов): *«Холодные волны/ Вздымают лавиной/ Широкое Черное море...» и др.*

Песня «Соловьи» (А. Фатьянов, муз. Соловьев-Седой)) покорила фронтовиков своей задушевностью и искренностью. Это был гимн всему живому и вечному на земле! *«Пришла и к нам на фронт весна,/ Солдатам стало не до сна — / Не потому, что пушки бьют,/ А потому, что вновь поют,/ Забыв, что здесь идут бои,/ Поют шальные соловьи...».*

«Это бессмертная песня. В ней есть самое главное — это душа народа»,— говорил знаменитый маршал Георгий Константинович Жуков.

Стихи живые, они просты и понятны каждому. Четкие и легкие строки, незатейливые рифмы. В них ноты человечности и жизнелюбия звучат глубоко и пронзительно.

В апреле 1945 года по дороге на фронт Фатьянов и Соловьев-Седой сочинили негромкую, но очень задушевную песню «Давно мы дома не были». *«Горит свечи огарочек,/ Гремит недальний бой./ Налей, дружок, по чарочке,/ По нашей фронтовой!/ Не тратя время попусту,/По-дружески да попросту / Поговорим с тобой...».*

Эти песни можно было услышать у походного костра и в землянке, они доносились из вагонов воинских эшелонов и разносились над походными войсковыми колоннами. Зазвучавшие в тяжелую годину военных испытаний, песни глубоко проникали в душу и сердца людей. Они стали своеобразной летописью подвига нашего народа в годы военного лихолетья.

И все это — в простых, доступных образах, без лишних художественных изощрений. Поражаешься, как можно сказать всего несколькими простыми словами так много.

Война оказала огромное влияние на наше общество. Пройдя сквозь горе и муки, люди жили надеждой на то, что с окончанием войны все изменится к лучшему.

Второй съезд писателей, созванный после долгого перерыва в 1954 году, отразил в себе новую ситуацию междувременья после смерти И. Сталина. Писательский съезд готовился как сигнал: все остается по-прежнему. Люди же хотели свобод и обновлений. А правда о масштабе репрессий в стране, озвученная позже на двадцатом съезде КПСС, еще не была обнародована. Поэтому большинство делегатов пребывало в безмолвии.

В 1959 году под знаком борьбы с ревизионистскими тенденциями прошел третий съезд писателей. Выступавший на нем Н. Хрущев сравнил писателей с артиллеристами: «Писатели — это своего рода артиллеристы. Они расчищают путь для нашего движения вперед, помогают нашей партии в коммунистическом воспитании трудящихся».

В послевоенные годы были опубликованы книги К. Симонова «Живые и мертвые» (1959), «Солдатами не рождаются» (1964), С. Смирнова «Брестская крепость», (1957—1964), Ю. Бондарева «Батальоны просят огня» (1957), «Тишина» (1962), «Последние залпы» (1959), Г. Бакланова «Южнее главного удара» (1958), «Пядь земли» (1959), роман Л. Леонова «Русский лес» (1953), повести В. Тендрякова «Суд» (1960), «Чрезвычайное» (1961), «Короткое замыкание» (1962) «Шестьдесят свечей» (1972),

«Ночь после выпуска» (1972), «Расплата» (1979), стихи А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджава, Н. Матвеевой, Н. Заболоцкого, Н. Асеева, Э. Асадова, Ю. Трифонова, А. Митта, Г. Шпаликова, Р. Казаковой, Р. Рождественского, Ю. Мориц и др.

В это же время написаны замечательные песни: «На безымянной высоте» (М. Матусовский, муз. В. Баснер): *«Дымилась роща под горою / И вместе с ней горел закат / Нас оставалось только двое / Из восемнадцати ребят...»;* «Офицеры» (Е. Агранович, муз. Р. Хозак): *«От героев былых времен / Не осталось порой имен...»;* «День Победы» (В. Харитонов, муз. Д. Тухманов): *«День Победы, как он был нас далек,/ Как в костре потухшем таял уголек...»* и др.

Во второй половине прошлого столетия в литературу вошла большая группа прозаиков, темой творчества которых стала современная им деревня, судьба русского крестьянства, взаимоотношение деревни и города (В. Распутин, В. Астафьев, Б. Можаев, В. Шукшин). В жанре научной фантастики работали братья Стругацкие. Вышли из печати книги Г. Жукова «Воспоминания и размышления» и А. Василевского «Дело всей жизни», романы В. Кожевникова «Заре навстречу» (1956 — 1957), В. Закруткина «Сотворение мира» (1955 — 1967), романы и повести М. Алексеева «Вишневый омут» (1961), А. Иванова «Тени исчезают в полночь» (1963), «Вечный зов» (1970), И. Ефремова «Туманность Андромеды» (1975), Д. Гранина «Иду на грозу» (1962) и др.

В год 50-летия Октябрьской революции (1967) собрался четвертый съезд писателей, поэтому доклады и выступления делегатов были обращены к истории советской литературы. Съезд как бы подвел итоги развития нашей литературы за полвека.

Прошедший после XX1V съезда КПСС пятый съезд писателей (июнь — июль 1971 года) «продемонстрировал готовность советских литераторов внести достойный вклад в борьбу народа за претворение в жизнь исторических решений партии».

Период между приходом к власти Л. Брежнева (1964) и началом «Перестройки», организованной М. Горбачевым в 1986 году, характеризуется относительной стабильностью, отсутствием серьезных экономических и политических потрясений и ростом благосостояния людей. Советский Союз в эти годы достиг пика своего могущества, добился ядерного паритета с США и был признан супердержавой.

В системе Союза писателей по состоянию на 1 марта 1986 года издавалось 17 литературных газет на 15 языках народов СССР, более сотни толстых литературно-художественных журналов (с учетом республиканских) на 45 языках народов СССР и 5 иностранных языках, 25 литературных альманахов. Имелось несколько книжных издательств, в том числе «Советский писатель»), более двадцати Домов творчества, поликлиники.

При правлении СП СССР и региональных писательских организациях имелись литературные фонды, в задачу которых входило оказание писателям материальной поддержки: обеспечение жильем, медицинским и санаторно-курортным обслуживанием, предоставление путевок в Дома творчества, оказание бытовых услуг, снабжение дефицитными товарами, организация творческих командировок, семинары, обсуждение, защита экономических и правовых интересов своих членов и т.д.

Но при этом нужно иметь в виду, что СП СССР не был однородным ни по социальному уровню, ни по степени талантливости своих членов.

Существует мнение, что абсолютное большинство писателей жили довольно скудно, не лучше всего остального населения страны. Основная творческая масса едва сводила концы с концами. Если произведения издавались с очередностью один раз в три-четыре года, то писателям приходилось подрабатывать где-то на стороне, чтобы прожить. Какая трагедия! Сегодня все писатели, за исключением единиц, зарабатывают на этой самой «стороне» и еще вынуждены оплачивать из собственного кармана тиражи издаваемых книг!

24 июня 1986 года в Кремле состоялся очередной восьмой съезд писателей, на котором первым секретарем Правления Союза писателей СССР был избран В. Карпов.

В одном из своих выступлений он сказал: «Первостепенной задачей следует считать создание в творческом союзе такой атмосферы, которая способствовала бы развитию литературы, утверждающей правду жизни, возвеличивающей человека, смело берущего на себя ношу своего времени...».

Валентин Распутин в это время писал: «Союз писателей СССР значил для меня очень многое... Ведь в литературу входят не только своим словом, но и братством определенным. Вот это братство было. Оно позже было в Союзе писателей России. И всегда было радостно зайти туда. В ту пору Союз писателей Советского Союза несомненно нужен был».

Писатели старшего поколения хорошо помнят, как в 60 — 80-е годы прошлого века их восторженно встречали многочисленные аудитории читателей, любителей поэзии, бардовской песни.

Сегодня такого уже не увидишь. Мы живем в период перемен, многое за последние несколько десятков лет в стране изменилось, в том числе отношение к литературе.

Конечно, скажут мне, существовала цензура, партийный контроль за деятельностью писателей, но по сравнению с реалиями сегодняшнего времени — это цветочки. Писатели в большинстве своем все-таки были более обеспеченной и уважаемой частью общества.

В конце восьмидесятых годов Союз писателей СССР денег от государства не получал, а наоборот отчислял в бюджет огромные суммы, полученные от издания книг, журналов и газет.

СССР официально прекратил свое существование на основе договора, подписанного 8 декабря 1991 года руководителями России, Украины и Белоруссии.

На протяжении десятков лет огромная страна держалась на сильной идее: построение светлого коммунистического будущего. Но идея не подкреплялась реальными делами и великая держава распалась на отдельные государства.

Девятый съезд писателей СССР был назначен на май 1991 года, затем перенесен на осень, но вследствие путча и распада СССР так и не был проведен.

Когда в «лихие девяностые» разваливались старые организации и союзы, создавались новые, распался и Союз писателей СССР. Он прекратил деятельность, не приняв решения о своей ликвидации. При этом уже с 1958 года в его составе существовал Союз писателей РСФСР, в который входили все писатели, проживающие на территории республики.

Нынешний год для писателей — юбилейный. В августе Союзу писателей СССР исполнилось бы 85 лет... Уходит время, уходят люди, имеющие какое-то отношение к этой организации, многое забывается.

Новая социальная реальность принесла в жизнь нашего общества совсем другие понятия и вопросы. Настало время новых идеалов и жизненных принципов. Все кардинально изменилось, в том числе и Союз писателей России, который превратился в своеобразный клуб по интересам. Здесь все теперь основано на добровольной основе и энтузиазме участников. Ведь литературная деятельность — естественная потребность части нашего общества. Писатель не выбирает слова, они в нем живут и просятся на чистый лист бумаги.

Наша литература меняется, нельзя не признать этого. Можно сказать, что уровень литературной культуры, резко упавший с началом перестройки, показывает положительную динамику. И это обнадеживает.

Людмила Козлова
(г. Бийск Алтайского края)

ЛИТЕРАТУРА АЛТАЯ — ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

...Увы, Людмилы Максимовны уже нет с нами. При жизни она была постоянным автором «Приокских зорь». Настоящий очерк о писателях Алтая был написан ею по нашей просьбе к юбилею создания Союза писателей СССР.

Если задаться вопросом, что творится в мире сейчас, ответить можно словами одного из героев фильма «Москва слезам не верит»: «Стабильности нет». Нет ее, вот этой самой стабильности. Мир болен. Мир на грани войны. Называйте ее, как хотите — холодной, гибридной, экономической, информационной, но жертвами ее становятся не только реальные люди, но и то, что всегда являлось основой человека разумного — культура и литература. А ведь еще совсем недавно по историческим меркам все было иначе. Обратимся к летописи писательской организации Алтая.

Алтайская краевая писательская организация была создана 28 апреля 1951 года Постановлением № 326 исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов. Поэт Иван Фролов, член Союза писателей СССР, первым вошел в ее состав, кандидатом в члены СП — поэт Борис Орлов. Затем в течение двух лет были приняты в Союз Писателей СССР Николай Дворцов, Николай Павлов, Николай Чебаевский и Марк Юдалевич.

В Алтайской краевой писательской организации в разное время состояли члены Союза Писателей СССР и России: Александр Баздырев, Фридрих Больгер, Петр Бородкин, Вольдемар Гердт, Георгий Егоров, Борис Кауров, Эвальд Каценштейн, Лев Квин, Владислав Козодоев, Иван Кожевников, Леонид Мерзликин, Вильям Озолин, Геннадий Панов, Виктор Попов, Иван Семоненков, Владимир Сергеев, Виктор Сидоров, Петр Старцев, Иван Фролов, Николай Черкасов, Иван Шумилов, Игорь Юровский, Владимир Свинцов, Игорь Пантюхов, Владимир Башунов, Эдуард Прутковский, Александр Гусев, Василий Гришаев, Евгений Гущин, Александр Родионов.

К сожалению, их уже нет среди нас. Их вклад в литературу СССР и России — это уже исторический факт, ярко свидетельствующий о временах взлета алтайской литературы, когда тиражи издаваемых книг достигали сотен тысяч экземпляров, а детская литература выходила и миллионными тиражами.

Не успели стать членами Союза Писателей, но оставили своим талантом след в литературе Алтая: барнаульцы — Борис Капустин, Станислав Яненко, Евгений Гаврилов, бийчане — Иван Лебедев и Евгений Шапранов, Иван Меликов и Михаил Длуговской.

Алтайская краевая писательская организация, совместно с администрациями края и г. Барнаула, долгое время была учредителем журнала «Алтай», который в Год литературы сократил выпуск до двух номеров и в подобном режиме существует и до-

ныне. В Бийске писателями издается журнал «Огни над Бией», который выходит четыре раза в год и в следующем году отметит 15-летний юбилей. Лидирующее место в периодических изданиях на Алтае в настоящее время занимает журнал родины В.М. Шукшина «Бийский Вестник», издающийся с 2003 года.

В Алтайском крае учреждены краевые литературные премии:

Премия Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества.

Премии главы администрации г. Барнаула (муниципальные премии).

Премия имени Г. П. Панова.

Литературная премия имени Н. М.Черкасова.

Премия Славянского общества.

Литературная премия имени А. С. Пушкина.

Премия им. Л. С. Мерзликина.

Премия имени И. Л. Шумилова.

Учреждены Российские литературные премии им. В. М. Шукшина и Р. И. Рождественского, номинантами и Лауреатами которых становятся писатели Алтая, Сибири и России.

Ежегодно проводятся литературные чтения:

Шукшинские чтения	Грибановские чтения
Мерзликинские чтения	Гущинские чтения
Башуновские чтения	Соболевские чтения
Егоровские чтения	Пановские чтения
Семоненковские чтения	Чебаевские чтения
Шишковские чтения	Шумиловские чтения
Борисовские чтения	Рождественские чтения
Черкасовские чтения	Ядринцевские чтения

В разное время руководителями Алтайской краевой писательской организации были (ответственные секретари): И. Фролов, А. Тресков, М. Юдалевич, А. Баздырев, Н. Дворцов, И. Кудинов, Л. Квин, И. Пантюхов, В. Горн, Е. Гущин, Ю. Козлов, В. Свинцов (1988—90 г.г. и с 1996 г.), Г. Колесникова, В. Тихонов. Секретарями Правления СП России были — Ю. Козлов, В. Свинцов, Г. Колесникова, В. Тихонов.

В настоящее время вот уже в течение шести лет ответственным секретарем АКПО и секретарем Правления СП России является прозаик, Лауреат российской литературной премии им. В. М. Шукшина Анатолий Кирилин.

В истории Алтайской краевой писательской организации заметное место занимают бийчане, в разное время принятые в Союз писателей России: Г. Рябченко (1937—2015), Л. Козлова, Д. Шарабарин, С. Филатов, И. Семоненков (1946—1998), О. Скворцова, П. Явецкий, В. Буланичев, И. Шевцова, С. Чепров, А. Краснослободцев, О. Заева, Л. Казарцева.

Много талантливых писателей трудились на Алтае в советское время, но особо следует отметить имена тех, кто не смог пройти Рубикон буржуазной революции 90-х — начала 2000-х: это поэты Леонид Мерзликин, Николай Черкасов, Геннадий Панов, Владимир Башунов, прозаики Иван Семоненков и Евгений Гущин, и недавняя потеря алтайской литературы — поэт и прозаик Александр Родионов. «Если мир рухнет, трещина пройдет через сердце поэта» — все они именно из той породы творческих людей, которые всегда принимали мир в свое сердце, и оно не выдержало,

когда судьба литературы подверглась дьявольскому испытанию на дыбе коммерческого времени. Они не умерли, а погибли, ведь каждый из них по возрасту мог бы еще долгие годы жить и работать.

Реквием всем безвременно погибшим братьям по перу звучит в стихотворении Владимира Башунова:

Завидная доля черемух —
Завянуть и снова отцвесть.
Всему на земле очередность,
Всему повторение есть.
А мне повторенья не будет.
За краем ослепшего дня
И ливень меня не разбудит,
И лес позабудет меня.
Земля будет темной, оплывшей…
Но каждою клеткой своей,
Несдавшейся,
Неостывшей,
Я все буду помнить о ней!

Хорошо помню свое первое впечатление при встрече с Владимиром Мефодьевичем — молчаливый, сдержанный, ироничный и к себе, и к другим. Умница, эрудит. Он остался самим собою — на всю жизнь. С годами к его чертам добавилось лишь ощущение какой-то затаенной боли, которую он всегда носил в сердце:

…Матерь Божья, Оберег России,
или отвернулась ты от нас?
И без материнского догляда
все пошло рывком да кувырком.
Тянет ниоткуда сквозняком.
А душа, взыскуя, ищет лада
и бредет по углям босиком.

Как всегда негромко, но слова прожигают душу насквозь! Как странно и удивительно, что его жизнь, целая жизнь поэта, огромная и неисчерпаемая, уложилась в два десятка книг. Цвета обложек менялись от василькового, солнечно-зеленого («Васильковая вода», «Возвращение росы»...) до сумеречного, ночного и сурового («Третья стража») — словно солнце взошло, поднялось в зенит и стало клониться в сторону ночи. Все зримо и живо — от обложки до каждого слова в строке. Как много сказано в этих книгах от первых строк: «Пока бежит песок в часах…» — до последних: «Последний луч горюет над землей. // Последний угль пылает над золой.

Прозаик Александр Родионов по складу мышления и образу жизни был исследователем, слишком настойчивым и слишком сложным для некоторых современников. Многие ведь жаловались, что не смогли прочесть его романов «Аз грешный» и «Князь-раб». Не смогли, потому что степень проникновения в исторические реалии у Александра Родионова превосходит возможности понимания обывателя. В ходе поисков он становился не просто знатоком эпохи, но ее свидетелем. Александр Родионов не только писатель. Он изобретатель, создавший свою машину времени, которая рождалась, в том числе, и в старинных узких улочках Бийска, где он изучал памятники архитектуры и вековые технологии глухой деревянной резьбы — материал для его «Красной книги ремесел».

Поэзия Леонида Мерзликина, проза Евгения Гущина и Владимира Свинцова входят в школьные краеведческие программы изучения литературы Алтая. Огромный труд публициста и историка Василия Гришаева позволил сделать доступными многие ранее закрытые архивные материалы, касающиеся периода сталинских репрессий на Алтае. И благодарные читатели отдают дань гражданскому подвигу писателя.

Если же говорить о тех, кто смог преодолеть время и шагнуть в 21 век, то в первую очередь следует назвать имена прозаиков Анатолия Кирилина и Станислава Вторушина.

В 2012 году в трехтомнике «Избранное» (т. 1) издан в Барнауле роман Станислава Вторушина «Литерный на Голгофу». Первое прочтение романа в журнальном варианте оставило в памяти след, подобный ожогу. История жизни и трагической гибели императорской семьи, не однажды воссозданная на страницах книг известных писателей, здесь повернулась к читателю иной стороной. Нет в романе Станислава Вторушина ни железной поступи Красной эпохи, ни крушения дома Романовых, ни истории классовой борьбы, где неизбежны сакральные жертвы, возложенные на алтарь «победителей». В романе «Литерный на Голгофу» нет ничего, что оправдывало бы действия и личную ответственность конкретных людей в конкретных обстоятельствах. Станислав Вторушин сказал первое слово истины. За что ему поклон от всех, кто умеет думать и видеть многое, в том числе и между строк романа «Литерный на Голгофу», ведь писатель сумел сказать не только то, что написано словами. Он сумел создать роман, в котором по мере его прочтения проявляются скрытые смыслы и возникают «жгучие» вопросы. Чтобы найти ответы на них, нужно прочесть роман еще не один раз. В настоящее время роман «Литерный на Голгофу» вышел в свет в издательстве «Вече».

Честная реалистическая проза Анатолия Кирилина хорошо известна читателям на Алтае и в России, потому что публикуется он в толстых литературных журналах давно и регулярно. Если читатель заглянет, например, на сайт «Сибирских огней», то увидит, что Анатолий Кирилин — постоянный автор этого издания. Герои его крупной и малой прозы — люди разные, каждый со своим характером и судьбой. Но, как мне кажется, наиболее полно, наиболее объемно творчество писателя представляют два романа — «Под знаком Творца» и «Семена для попугайчиков». Действие в том и другом произведении происходит во времена, которые мы называем эпохой перемен. Какою предстает перед нами эта самая эпоха перемен в романах Анатолия Кирилина? Первая часть романа «Под знаком Творца» открывается эпиграфом — строчками из стихотворения Николая Шипилова, которого автор хорошо знал как человека, и как писателя. Вот эти слова: «Но только нет страшнее этой пытки — глядеть в окно на родину свою». Вторую часть предваряют строки из стихотворения Евгении Курдаковой: «Опять влачим привычный русский ужас, тоскуя на земле своей родной». Оба эпиграфа очень точно отражают суть этого горького повествования.

Читать прозу Анатолия Кирилина непросто — здесь необходимо думать о тех вопросах, которые писатель ставит перед читателем и впрямую, и между строк. И главные из них — что такое человек, в каких пределах он может оставаться человеком, если волчий мир диктует жить по волчьим законам? Если же в человеке побеждает его звериное начало, если это происходит так легко под действием обстоятельств, то в чем смысл человеческого бытия? Есть ли он вообще? Вот на такие жесткие вопросы придется отвечать вдумчивому читателю. А писатель свою нелегкую миссию выполнил в полной мере — он эти вопросы сформулировал, вытащил их на свет и показал, что происходит с людьми, когда человек сдается на милость враждебных обстоятельств. Он падает на дно. Упасть легко, а выбраться оттуда почти невозможно. Показал, куда приводят эти вопросы человека, не желающего смириться. Путь у такого несогласного один — становиться воином жизни и воевать — и за

свою душу, и за душу своих близких и родных людей. Проза Анатолия Кирилина — это зеркало, в котором мы легко узнаем наше время. Кто-то увидит в этом зеркале и себя, найдет отголоски своей собственной судьбы.

К поколению писателей среднего возраста относится поэт, прозаик, сказочник и художник-иллюстратор Юлия Нифонтова. Открыла ее книгу «Ермошка Добродей и волшебные часы» и не могла оторваться, пока не прочла сказку до конца. Вы спросите — почему? А потому, что, читая эту волшебную сказку, я погрузилась в мир моего детства, в котором жили такие же — родом из самой жизни — волшебные сказки Шарля Перро, Братьев Гримм, великого сказочника Эрнста Гофмана, Вильгельма Гауфа или любимые русские народные сказки. Вот именно дух классических сказок витает в книге «Ермошка Добродей и волшебные часы», а не порхающая пустота современных фэнтези. Современные сказки-фэнтези, которыми сейчас полны детские книги, похожи на новогодние блестки — они сиюминутны, они не имеют никаких точек соприкосновения с реальностью. Такую сказку прочел — и забыл. А ведь русская народная пословица гласит — сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок. А урок может состояться лишь тогда, когда сказка рассказывает о реальной (хотя и волшебной) жизни и запоминается тогда, когда в ней есть и настоящее горе (мама живет с новым мужем и не может все время быть с дочкой!), когда есть добрая бабушка, верные друзья, и, конечно, испытания, в которых необходимо пройти через многие страшные препятствия и опасности. Все, как в жизни!

И стоит ли детей так уж отстранять от реальности, оберегать от любых неприятностей, в том числе и в детской литературе? Как же они будут жить, когда повзрослеют, если у них не появится никакого опыта реальной жизни? Почему же сказочники прежних времен не боялись рассказывать детям о том, какова жизнь там, за порогом родного дома? Вспомним о приключениях Золушки, Маленького Мука или жизни Фрейлен Аннхен из «Королевской невесты» Гофмана. Юлия Нифонтова в силу своего литературного дара возрождает дух классической сказки. И ее *реалистическая* волшебная история сразу же перевешивает многие книги современных сказочников, созданные по законам компьютерных игр.

Если же говорить о текущем процессе и обозреть литературное поле молодой поросли Алтая не изнутри, а поднявшись над суетой и кипением быта, картина получится, я думаю, мало отличимая от общей панорамы российской словесности. Может быть лишь с некоторым отставанием во времени. Динамично и общими крупными мазками рисуется довольно обширное поле постмодернизма с островками — остатками традиционализма и нарождающееся, пробивающее себе дорогу, словно некогда посеянная трава, новое течение постреализма, иногда невольно преходящее в новый модернизм. Пространство постмодернизма заполняют многочисленные произведения, авторы которых осознанно или неосознанно приняли его постулаты. В характерных чертах этого течения легко заметны расслабленность, созерцательность, скептицизм. Произведения постмодернистов, в основном, это ритмически организованные тексты (в том числе и проза), где авторский стиль — ирония, а художественный метод — самоанализ собственных несовершенств. Постмодернисты разрабатывают месторождения личных переживаний, убегая от объективной реальности. На первом плане — их эго. Возраст авторов — самый разный. Можно было бы назвать и несколько имен в поэзии и прозе, но пока ограничимся одним именем — поэта, прозаика и публициста Ивана Образцова.

Деятельность Ивана Образцова по продвижению молодежных культурных проектов на Алтае направлена на сохранение лучших традиций русской литературы. Его проза и поэзия открывают нам глубины человеческого в человеке и могут быть отнесены к гуманистическому направлению литературной школы Андрея Платонова, например, его рассказы, опубликованные в «Литературной России» № 10 — от

16.03.2018 г., а также поэтические книги «За гранью глаз» (Алтайский Дом печати», 2012), «Жизнь замедленных листьев» (Россия, издательство «Спектр» — 2013 г.), «Рула» (Сонные заметки о романе, Альтаспера-Канада, 2014 г.).

Иван Образцов, член Молодежного Совета при СП России, обладает полнотой литературной эрудиции, необходимой для собственного творческого роста, а также для плодотворной работы в воспитании молодых литераторов. Дополнительное образование позволяет Ивану Образцову обогатить свое мировоззрение знаниями тысячелетней культуры православной Руси, что особенно ценно сейчас, когда именно культура становится центральным звеном, способным вывести страну из системного кризиса во многих сферах нашей жизни.

Особое слово следует сказать о журнале родины В. М. Шукшина «Бийский Вестник», о котором упоминалось выше — это литературно-художественное, научное и историко-просветительское издание, главным редактором и издателем которого является Виктор Васильевич Буланичев, директор Демидовского Фонда, писатель, общественный деятель, член Союза писателей России и Петровской Академии Наук. Журнал «Бийский Вестник» является основным литературным изданием в крае, где читатели могут ознакомиться с произведениями авторов Алтая, Сибири и России. Во многом благодаря журналу «Бийский Вестник» Алтай стал точкой притяжения для просветительских, литературных и культурных проектов российского масштаба, связанных с поддержкой писателей русской провинции, в частности — конкурса на российскую литературную премию «Белуха», премию им. святителя Макария, народного литературного фестиваля «Три реки» и других.

Главными достоинствами журнала «Бийский Вестник» являются открытость его литературных горизонтов, демократичность редакционной политики, что позволяет изданию быть действительной летописью литературного процесса Алтая, Сибири и России. Диапазон авторской составляющей также весьма широк — в журнале публикуются достойные произведения и начинающих авторов, и мастеров поэзии, прозы, публицистики. Кроме всех названных качеств журнал обладает и еще одной, очень важной чертой — в «Бийском Вестнике» пишется не только литературная эпопея начала 21 века, но и создается текстовая область, где обитает история страны, рассказанная ее свидетелями — людьми из народа. Таким образом рождается летопись от народа, пережившего и сталинскую коллективизацию, и времена страшнейшей репрессивной машины, пущенной в ход в довоенный и послевоенный периоды в Сибири и на Алтае.

Рассказанные простыми словами с абсолютнейшей искренностью истории живых людей и их семей, принявших на себя невероятную тяжесть железной эпохи, потрясают до глубины души. Читая тексты, созданные часто неграмотными или малограмотными выходцами из крестьянских или рабочих семей, понимаешь, что народ, восставший живым из ада, непобедим! Таким же уровнем психологического воздействия обладают, пожалуй, лишь «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, «Чевенгур» Андрея Платонова или «Конармия» Исаака Бабеля. Поиск и публикация живых летописных свидетельств — это памятник не только прошлой эпохе, но и нынешним временам, которые с помощью журнала «Бийский Вестник» символизируют приход библейских истин — есть время разбрасывать камни, а есть время собирать камни. Замечательно и то, что журнал родины Шукшина не забывает публиковать и литераторов Бийска, Барнаула, Алтая, что дает им новые силы для творческого роста.

Невозможно в одной короткой статье представить всех талантливых поэтов, прозаиков, публицистов Алтая. Можно лишь с уверенностью говорить о том, что Алтай — это чистый и полноводный приток, питающий великую реку русской литературы.

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: РОМАН, ПОВЕСТЬ

Виталий Ковалев
Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

НОЧИ ДИАНЫ*
(из книги «Побережье наших грез»)

Наши постоянные авторы.

История вторая
ВИШНЕВОЕ ВАРЕНЬЕ С КАПЕЛЬКОЙ ДОЖДЯ

МЫС

3. Отель

Диана укатила коляску в отель, словно угадав намерение Яны чуть-чуть побыть одной, а потом самостоятельно войти. Она чуть продрогла, пока стояла у машины, но вот, наконец, машина отъехала (водитель приветливо помахал им через стекло рукой), и Яна, поддерживаемая Дианой под руку, обходя расцвеченные рекламными огнями лужи, направилась к ярко освещенному входу, обещавшему, наконец, тепло и долгожданный отдых. Да, Диана сегодня едва не переборщила с экстримом. Еще немного и ноги бы ей точно отказали, до того она устала. Хочется лечь, лежать и не шевелиться.

— Янка, посиди,— подвела ее Диана к креслам в большом холле.— Я пока все организую. Сейчас подберу классный номер.

— Лучше постою у колонны. Я потом не встану, кресла такие низкие.

— Хорошо. Я быстро,— и уже уходя, обернулась на нее, окинула взглядом с головы до ног, и одобрительно кивнула.— Ты молодец! Еще чуть-чуть и отдохнем.

Диана стоит у стойки с надписью «Reception», из притемненного бара доносится музыка, а рядом с ним, за стеклянными дверями от пола до потолка, зал с двумя столами для настольного тенниса. Парень с девушкой только что закончили игру, бросили ракетки на стол и, обнявшись, стоят у огромного, во всю стену окна и смотрят в темноту. Ни одного огонька за окном. Холл, в интерьере которого преобладает кожа и хром, переливающийся искрами от ярких огоньков, которыми усеян потолок зала, залит ярким светом, играющим на гранях белых колонн, зеркальных плитках пола, отчего кажется, что находишься ты в середине огромного кристалла.

Яна никогда не задумывалась ни об интерьерах, ни об архитектуре, но сейчас она

* Продолжение. Начало в № 4, 2018 г.— № 1—2, 2019 г. «ПЗ».

ощутила всю силу правильного дизайна. Ведь только что она валилась с ног, была совсем обессилена. Куда делась усталость в этом теплом сиянии, которое пронизывает ее и все мысли и чувства ее делает светлыми? Она наполнилась силой и радостью, и ей не хотелось больше ложиться. Хотелось увидеть что-нибудь еще. Ведь столько чудесного еще есть вокруг. Но, как странно, что чудесным этим становятся обычные вещи, которые окружают нас каждый день и на которые мы не обращаем внимания.

Дианка... Где же она?

Но Диана уже идет к ней, разглядывая какой-то буклет, а потом смотрит на Яну, улыбается и подмигивает.

— Думаю, они решили, что мы с тобой две лесбиянки,— сказала она тихо.— Та девица в красном — точно, потому как сама такая же. Но, плевать... Коляску я тут пристроила. Ее даже пристегнули в спецпомещении. Все здесь продумано. А номер-то какой у нас! Пошли скорее его смотреть.

— Диана, а это дорого? А то ты все платишь и платишь.

— Рука дающего не оскудеет. За все мои добрые дела Бог простит мне мои прегрешения.

— Болтушка. Прегрешения у нее... Пошли смотреть номер.

Лифт с зеркальными стенами мягко подхватил их, взметнул ввысь и, с мелодичным звоном, так же мягко остановился. Открылись двери в притемненный холл, и первое, что увидела Яна за стеклянной стеной, были темные очертания верхушек елей на фоне ночного неба, все еще хранящего едва заметный отсвет заката. Чем дальше, тем больше деревья опускались вниз, словно в глубокий провал. Какая высота! «Отель на горе, и я на вершине этого отеля»,— думала Яна. Ночь, звезды, огромные ели спускаются в пропасть... Диана. Она открывает белую дверь номера с золотыми цифрами — 333.

— Янка, смотри скорее, какое чудо! Это даже лучше, чем было у нас с Ником.

По коридору, устланному ковром, ворс которого гасил звук шагов, она вошла следом за Дианой в огромный номер, с окнами во всю стену. За стеклами угадываются столик и кресла на балконе, а большая ванная, изощренной формой напоминающая морскую раковину, и душ находятся тут же в спальне за полупрозрачной раздвижной перегородкой.

— Какая красота! — воскликнула Яна.— Здесь просто можно жить!

— Именно это мы и будем делать,— сказала Диана и, блаженно раскинув руки, упала спиной на широкую кровать.

— Ничего себе, сексодром! На этой кровати можно потеряться. Тут можно кувыркаться, прыгать, как на батуте, и делать забеги на сто метров. Янка, давай ко мне. Вот только варенье следовало бы утром поварить, но ничего, я соседку попрошу это сделать. Она знает, где ключ. Я тоже, другой раз, ее выручаю.

— Наши парни будут не особенно довольны,— сказала Яна, присаживаясь рядом с Дианой на постель.

— Думаю, Женька меня уже успел изучить. Да и Ник Женьке про меня, наверняка, уже все рассказал. Он знает, что все это мне надо. Я же так материал для книг собираю — устраиваю такие вот, хепенинги. Помнишь, я и дворником работала, и почтальоном, и маляром в строительной бригаде. Опыт бесценный!

Яна легла на постель рядом с Дианкой, так что голова ее оказалась на откинутой в сторону Дианкиной руке.

— Ну, как ты чувствуешь себя? — спросила Диана.

— Как разряженный планшет.

— Сколько процентов?

— Семь.

— Ничего, у нас номер с джакузи. Это тебя подзарядит.

— А что это за соседка?

— Соседка? — повторила Диана задумчиво.— А, рядом с нами дом. Я тоже, другой раз, ее выручала... А ты заметила, какой у нас балкон! Я уже посмотрела. А столик там какой! Прямо садись и пиши какой-нибудь «Тропик Рака». Эх, когда-нибудь я напишу такую книгу. Всю правду о жизни скажу. И пусть на меня не обижаются. Выложу читателю жизнь, как она есть. Шлепну ее перед ним, как кусок мяса на прилавок, так что брызги во все стороны полетят.

— Ты это можешь!

— Да. Но пока я к такой книге не готова. Мне еще надо подрасти.

— Уверена, что о тебе еще узнают. И придет время, когда книги твои будут издавать.

— Не скоро это время придет, Янка. Мы сейчас в таком средневековье. Сначала, чувствую, будут большие потрясения. Да и после них, если человечество выживет, тоже долго будет не до чтения.

— Ты какие-то ужасы рисуешь.

— Не только я. Ты, вот, хотела бы, чтобы люди жили в мире?

— Конечно.

— Вот! А Достоевский сказал, что для того, чтобы люди жили в мире, для этого они сначала должны хорошенько друг дружку выпороть.

— Да...

— Это не я. Это Достоевский. А он был пророком. Но... Ладно... Выбрось из головы. Я у тебя дурочка и болтаю всякую ерунду. Не надо меня слишком серьезно воспринимать. Часто то, что я говорю, это у меня так — упражнение для рта. Мы счастливы. И давай это осознавать.

Одна из стеклянных дверей на балкон открыта. Слышен легкий шум елей, доносится аромат хвои.

— Даже если такое и ждет нас впереди, не хочется об этом думать.

— Все будет хорошо.

— Ты просто пиши хорошие книги, а что будет дальше, решит судьба. Есть высшие силы, и они нам помогают.

— Знаешь, когда Генри Миллер закончил свой роман «Тропик Рака», он пришел к Джун, своей... возлюбленной, бухнул на стол толстую кипу исписанных листов и сказал: «Я закончил свою книгу! Но ее никогда не издадут». Вот слова настоящего писателя! Главное — реализовать то, для чего ты появился в этом мире.

— Я тоже иногда думаю, зачем я появилась в мире. Но бесполезно об этом думать. Появилась и слава Богу. Наконец, мы вместе и это главное.

Яна повернулась к Диане и обняла ее.

— Знаешь, Дианка, часто, когда ты что-то рассказываешь...

— Да, и что тогда?

— Чувствуется, что тебя воспитывал отец, а не мама.

Дианка повернулась к Яне, посмотрела ей в глаза и, протянув руку к ее лицу, погладила по щеке.

— Ты ничего не сказала,— улыбнулась Яна.— Спасибо!

— Тебе было несравнимо тяжелее,— сказала Диана, откинув волосы со лба Яны и поглаживая их.

— Я росла, в основном, с мальчишками. Почему-то в интернате их было гораздо больше. Из-за того, что я с ними росла, говорила с ними на те темы, которые им интересны, а главное, выслушивала их страхи, проблемы, обиды, мне казалось, что я не только девочка, но и немного мальчик. Однажды, был у нас такой — Лешка, так вот, в порыве какого-то чувства, он положил мне руку на плечо и сказал: «Хороший ты, Янка, парень!» Он это сказал, а я в тот момент ничего странного в его словах не увидела. Мне даже приятно стало, что я «хороший парень».

— И все равно, мы с тобой самые классные. Спроси хоть Ника, хоть Женьку. И, главное, понимаем мужчин.

— Ну, кто первый в душ? — спросила Яна, пытаясь подняться, но Диана, быстро встав, помогла ей.

— Давай я быстренько. А ты пока посмотри балкон. Только не упади там.

Диана разделась, укладывая одежду на спинку кресла. Совершенно голая она пошла к ванной, включила в душевой голубоватую подсветку, которая шла прямо из пола, и встала под струи воды. Они тоже были голубыми. Яна видит Диану за полупрозрачным стеклом. Почему-то сейчас, когда размыты черты ее тела стекающей по стеклу водой, кажется, что Диане лет пятнадцать. Небольшая, стройная, изящная... Вода стекает по ее телу и рассыпается у ног блестками сверкающих хрусталиков.

— Попа у меня совсем не загорела,— послышался голос Дианы и несколько звонких шлепков.— Где бы найти необитаемый островок, чтобы позагорать голышом?

— А здесь что, таких мест нет?

— Я не нудистка. Я очень скромная девушка,— слышится голос Дианы сквозь шум воды.

— С незнакомыми мужчинами не разговариваешь?

— Да. С незнакомыми мужчинами в постели не разговариваю.

— Ох, Дианка, дождешься, что Ник тебя по твоей белой попе отшлепает.

— Ха!.. Он только это и делает.

Дианка показалась из душа, закутанная в махровое полотенце. Темные волосы растрепаны, глаза весело поблескивают. Капельки воды блестят на ресницах.

— Давай, Янка. Твоя очередь. Я ванну наполнила и все наладила. Сейчас у тебя будет подводный массаж.

— Я еще не посмотрела балкон,— говорит Яна и делает несколько шагов к раскрытой двери.

Она шагает в звездную тьму, раскинувшуюся перед ней. Кажется, протяни руку и коснешься звезд. Яна делает еще один шаг в темноту, и вдруг чувствует сильный удар по лицу, груди, коленям... Она вскрикивает и, не понимая, что происходит, со странным равнодушием осознавая, что сразу же сдается тому неминуемому, что с ней происходит, почувствовала, что падает, но руки Дианы ее уже подхватили и крепко держат, прижимая к чуть влажному, горячему телу.

— Янка, ты что, не видишь, что здесь стекло! — хохочет Диана у самого ее уха.

— Стекло?..

— Да. Сейчас ведь такие делают, что их и не видно. Но обычно на них яркие полоски наклеивают.

Яна пришла в себя и тут уже обе они расхохотались.

— Боже, как это нелепо! — хохочет Янка.— Такого со мной еще не было. Ты посмотри, его же совсем не видно. Оно даже не блестит.

— Я и сама однажды о такое стекло грохнулась. Им, конечно, следовало бы что-то наклеивать. Ведь и вправду, его не видно.

— Только не рассказывай Жене. А то я как дурочка буду выглядеть.

— Ну вот, а еще считаешь, что понимаешь мужчин. А они ведь как раз любят, чтобы женщина была немножечко... женщиной. И несла бы порой, как выразился Пушкин,— «прелестный вздор».

Яна проводит рукой по стеклу, находит ручку и отодвигает вбок стеклянную дверь. Ночь пахнула в лицо густым ароматом леса. Совсем темно, ничего не видно за перилами балкона. Но также, как она чувствовала море, не видя его, так она теперь чувствует и высоту.

На балконе стоят кованый столик и три кресла из такого же темного, кованого

металла. Подушки на сидениях кресел из плетенки, которая не боится влаги и быстро сохнет. Толстая полированная столешница украшена инкрустацией из янтаря.

— Ну, что, классно там посидеть, закутавшись в пледик? — спрашивает Диана из комнаты, разбирая постель.

Яна ничего не отвечает, она смотрит во тьму и вдыхает ночной воздух. Далеко у горизонта небо едва заметно озарено легким сиянием. Наверное, там городок. «Я понятия не имею ни об одном из тех людей, что там живут. Случись сейчас что-нибудь с кем-то из них, исчезни он с лица земли, я ничего не почувствую и знать об этом не буду. Точно также и до меня этим людям нет никакого дела. Есть я, нет меня, ничто от этого не изменится в мире».

— Что ты говоришь? — спрашивает Диана.

Яна оглядывается и видит Диану за окном, за полупрозрачной розовой шторой.

— Я ничего не сказала,— говорит она.— Просто думаю.

— А... Если что-нибудь интересное придумаешь, скажи. Мне сейчас нужны свежие идеи. Пора начинать новую книгу. А ты у меня мастер по идеям.

— Знаешь, о чем я подумала,— придерживаясь руками за оба стекла, Яна с трудом вошла в комнату.— Я хочу понять одну вещь. Ты должна мне раскрыть секрет.

— Какой? У меня от тебя секретов нет.

— Понимаешь, мы с Женей довольно много путешествуем,— начала Яна, снимая майку и расстегивая джинсы.— Мы ездили в автобусах, на пароме, отдыхали на море, жили в отелях... Во Франкфурт однажды на машине ехали точно по такой же ночной дороге, как сегодня.

— И что?

— А то, что хотя я и была по-настоящему счастлива в наших с ним путешествиях, я все же не чувствовала того, что почувствовала сегодня с тобой. Я не могу этого понять. Тут какая-то тайна.

— Я тебя не понимаю,— сказала Диана, откидывая одеяло и садясь на кровать.— Но я рада, что тебе было хорошо сегодня. Мы же столько лет мечтали быть вместе. И все сбылось. А когда мечта сбывается, человеку все кажется особенным.

— И никакой тайны нет?

Яна сидит на кровати и смотрит в темные глаза Дианы. Они так похожи на ночь за окном. Тихую, звездную ночь...

— Знаешь,— Диана чуть задумалась, глядя на Яну с легкой улыбкой,— все, что сегодня было, очень похоже на то, что происходило в одном романе.

— Каком?

Яна села на кровать и сняла джинсы.

— Нет, пока не скажу.

— Кто автор?

— Потом скажу,— улыбнулась Диана.

— Ну хотя бы, из какой он страны?

— Американец.

— Американец? — удивилась Яна.

— Да.

— И что, книга известная?

— Очень известная. Не думаю, что есть люди, которые не слышали о ней. Я не имею в виду, конечно, туземные племена.

— Заинтриговала!

— Да, появилась интрига,— усмехнулась Диана.— Мне это нравится. Я за интригу и в жизни, и в литературе.

— У меня уже есть версия. Это, случайно, не роман Керуака «На дороге»?

— Нет. Хоть мы с тобой и «на дороге», но у нас совсем другая история. Подумай, может и догадаешься,— улыбнулась Диана.

Яна встала и, ступая по мягкому паласу, осторожно пошла к ванне. Диана быстро поднялась с постели.

— Давай помогу тебе. Подожди...

— Ладно,— сказала Яна.— Есть у меня еще версия. Потом проверим. Ты же мне, в конце концов, скажешь.

— Конечно. У меня от тебя нет тайн.

В полутемной комнате ванна светится перламутровым сиянием. Вблизи она еще больше похожа на гигантскую раковину с волнистыми, золотыми краями. Голубоватая вода играет пузырьками, поверхность чуть колышется, волнуемая подводными струями. А по потолку и стенам скользят отсветы, отчего Яне кажется, что вокруг нее падает снег.

— Придумаешь же ты, Дианка!.. Джакузи!.. Я спокойно бы помылась в душе.

Диана помогает Яне поднять ногу и лечь в ванну, зачерпывает воду ладонью и окатывает ею плечи Яны: — Закрой глаза и представь, что лежишь ты в теплых струях океанского прибоя. У самых твоих ног дно уходит вниз, в темную бездну океанских глубин, в которую цветным водопадом низвергаются мириады разноцветных рыб. Там, среди вечного безмолвия и покоя, на фоне темных Левиафанов, колышутся водоросли, скрывающие за собой поросшие подводными цветами мачты и остовы затонувших кораблей, чьи борта засыпаны не только песком, но и золотыми дукатами, дублонами и солидами. Все богатства мира, которыми наполнены амфоры и сундуки, золотые чаши и ларцы, все то, что на земле было олицетворением власти и славы, здесь просто красивое сияние, ничем не отличающееся от сияния быстрых рыб, плавных медуз и роскошных кораллов...

Яна лежит в воде, слегка прикрыв глаза, и слушает тихий голос Дианы.

— Это из какой же книги? — спрашивает она.

— Это из великой «Библиотеки ненаписанных книг».

И еще раз плеснув водой на плечи Яны, встает и идет к балконной двери, прикрывает ее и, скинув махровое полотенце, ложится в постель.

Из сумочки, лежащей на паласе у кровати, она достает книгу в мягкой обложке и включает ночник.

— Тебе хорошо? — спрашивает Диана.

— Как в Раю... Как на берегу океана...— и чуть помолчав,— «Библиотека ненаписанных книг». Что-то в этом есть?

— Немного в духе Борхеса,— заметила Диана.— Хотя... Может выглядеть так — главный герой оказывается в лабиринте, стены которого сплошь уставлены книгами в почерневших кожаных переплетах, украшенных золотом, сияние которого наполняет лабиринт гипнотическим светом.

— Да,— говорит Яна,— и это не просто книги, которые не открывали столетия и даже тысячелетия. Это книги... которые не открывались никогда.

— Больше!.. Эти книги никогда не будут открыты. И знаешь, что это за книги? Это величайшие шедевры мировой литературы, которые не были написаны либо потому, что творцы их погибли в детстве, либо вообще не были рождены, потому что погибли их родители. Не появившиеся в мире творения всех гениев, всех времен и народов заполняют стены, потолок и пол этого нескончаемого лабиринта. Те шедевры, которые нам известны,— жалкие, ничтожные крохи того, что могло бы быть, не будь люди... людьми... Как это горько ни звучит. Да, корешки книг устилают даже потолок и не падают, потому что не существует земного притяжения для того, чего нет в мире. На то, чего нет, не действуют никакие законы бытия. Любая книга в «Библиотеке ненаписанных книг» равна, а порой и превосходит творения Сервантеса, Шекспира, Гоголя, Достоевского, книги которого тоже могли бы здесь быть, если бы был расстрелян, а не отправлен на каторгу. «Братья Карамазовы», «Бесы», «Преступление и наказание» стояли бы сейчас на этих полках. Чудо, что их здесь не оказалось!

— Но зато,— продолжила Яна, чувствуя, как ласково массируют струи воды ее тело,— на этих полках стоит восьмидесятитомное собрание сочинений старца Михаила Лермонтова, которое он так и не написал.

— Ты, кстати, знаешь, Янка, он приступал к написанию многотомной эпопеи, события которой охватывали бы столетия Российской жизни. Если бы не его смерть, то в мире бы явился роман-эпопея задолго до «Войны и мира» Толстого. И кто знает, может, его роман был бы и помощнее Толстовского.

— А может, лучше звучало бы — «Лабиринт ненаписанных книг».

— Это лучше,— согласилась Диана и, закрыв свою книгу, положила ее на кровать.— Обо всем этом стоит подумать. Ведь в этом лабиринте я могу брать книгу за книгой, открывать наугад и... читать.

— Да, Диана, тут-то и начнется самое сложное. Текст, который ты увидишь, а вместе с тобой и читатель, должен быть гениальным.

— Да... Как думаешь, Янка, можно за год написать полстраницы гениального текста?

— Вряд ли.

— Ну, а фразу? Одно маленькое, гениальное предложение?

— Думаю, что нет. И тут не во времени дело. Вон, мы уже в двадцать первом веке живем. Где Шекспиры, Бальзаки или Толстые? Да и в двадцатом веке подобных им не было.

— Вот,— вздохнула Диана,— вот они — мировые войны, революции и прочее. Постарались политики — творцы «Лабиринта ненаписанных книг». В общем, буду думать над этой идеей. Что-то в этом есть.

— Да... И про Борхеса не думай. Пиши по-своему...

— Эх, прямо хоть бери и начинай писать!.. Самое муторное, это технический момент, вот это — клацанье клавишами. Сделали бы такую программу, что ты говоришь, а компьютер сам набирает текст в Ворде. Как тебе идея! Я бы продала ее японцам.

— Дианка, ты как была маленькой, такой и осталась.

— Э, Янка, если бы я все свои идеи продала японцам, то мы катались бы сейчас, как сыр в масле, жили бы в самом высоком пентхаусе и любовались бы сверху ночным Токио.

— Дианка, мне здесь нравится гораздо больше.

— Мне тоже. Это я шучу. Ты же меня знаешь...

— Конечно, я тебя знаю. А пока помоги мне, а то я так расслабилась, что боюсь навернуться. Я сегодня так устала!.. Столько всяких впечатлений было!

Диана помогла Яне выбраться из ванной, вытереться, и теперь она сидит на постели и расчесывает волосы Дианкиным гребнем. Яна посмотрела через него на свет ночника, он полупрозрачный, словно отлитый из янтаря или застывшего меда.

— Меня завораживают красивые вещи,— говорит она.— Прямо гипнотизируют.

— Я такая же. Когда была маленькая, папа дал мне свои старые механические часы. Я сняла корпус и обомлела. Механизм был сияющий, золотистый. Я как загипнотизированная ворона смотрела на него и погружалась в гипнотический транс.

— А нас однажды повезли на экскурсию за город,— Яна взбила подушку и легла под одеяло рядом с Дианой, та придвинулась к ней и прижалась щекой к ее плечу,— и вот, слушай, Дианка, сказочку, слушай... И вот на берегу реки я нашла кусок стекла, но не от бутылки, а это была такая, застывшая, граненая масса, по форме похожая на грушу.

— Может, природное что-то, древнее, вулканическое?

— Не знаю. Этот кусок стекла мне очень понравился и стал моим талисманом на долгие годы. Стекло было голубое, как небо... Как вода в этом джакузи...

— И талисман помогал тебе?

— Думаю, да. Я верила в это. Сейчас, если подумать, странно! Почему я решила, что он может мне помогать?

— Наверное, Янка, нам всем хочется, чтобы было что-то такое, что могло бы нас беречь.

— Да, тонущий хватается за соломинку. А я схватилась за кусок стекла. И он мне помогал.

— Куда он делся?

— Не знаю. Может, украл кто.

— Ну, как ты? Замучила я тебя сегодня.

— Мне хорошо было сегодня...

— Расскажи еще что-нибудь.

— О чем?

— Про маленькую Янку.

— Про маленькую Янку — это совсем неинтересно.

— Мне интересно все. Мы столько лет жили врозь и не знали друг о друге. Когда ты расскажешь мне о себе все-все, мне будет казаться, что я знала тебя всю жизнь. Первое попавшееся расскажи. Любой пустяк, какой вспомнишь. Мне это интересно.

— Надо подумать.

— Давай я выключу свет. Так тебе будет удобнее вспомнить какой-нибудь наиважнейший пустяк.

Как только Диана выключила свет, в окнах стали видны неподвижные ветви елей и редкие искорки звезд. Далекий самолет, тоже, как еще одна звезда, мигает во тьме, плывет в небе.

— Диана, шепчет Яна,— как красиво! Я никогда не засыпала среди елей. Теперь я поняла, почему такие стекла делают. Чтобы казалось, что нет ни стекол, ни стен, и ты паришь в высоте, среди деревьев, а над тобой кружится звездное небо... Ты меня привезла именно в такое место, в котором я всегда мечтала оказаться.

— Ну, давай, рассказывай, только подожди, я плечико твое взобью, чтобы помягче было,— и Диана, привстав, сделала вид, что взбивает плечо Яны, словно подушку перед сном, после чего снова кладет на него голову, блаженно причмокивая губами.— Давай... Рассказывай.

— Хорошо.

— Может, мне диктофон включить?

— Лежи, непоседа, и просто слушай... Так вот... Самое интересное в моей жизни начиналось, когда меня отправляли в санаторий в Калининградскую область. Не помню, как городок назывался, но было это у моря, жили мы в двухэтажных коттеджах в немецком стиле, а море было прямо за деревьями. Когда я подходила совсем близко к забору, то видела море за стволами деревьев. Было мне тогда лет шесть. И, кроме нескольких девочек из нашего интерната, были дети из других интернатов, которых я совсем не знала. Знакомство с каждым из таких детей было, порой, целым приключением.

Однажды утром, после завтрака, я пошла по дорожкам между коттеджами и вышла к поляне на краю нашей территории. Здесь начинался кустарник и был он до того густой и высокий, что казался мне настоящими джунглями. Никто меня не беспокоил. Посередине поляны рос дуб, и я наблюдала за белкой, которая, шурша коготками по коре, спускалась вниз по стволу, находила что-нибудь в траве и быстро взлетала по стволу ввысь. Я терпеливо ждала, когда белка снова спустится на поляну.

И тут появился мальчишка. Я его не знала и почему-то сразу обратила внимание на его сандалии — синие, довольно таки потрепанные. Подошел он ко мне, загорелый, на носу конопушки, стриженый коротко, только на макушке светлый вихор. Ух, драть за него хорошо, подумала я.

Шмыгнул он носом и говорит:

— Девочка, тебя как звать?

— Яна,— отвечаю я.

— А ты долго тут будешь сидеть?

Я удивилась.

— Долго,— говорю.

— Слушай,— говорит,— тут сейчас мой брат подойдет. Мы на этой поляне договорились встретиться. Скажи ему, чтобы подождал меня. Я быстро по делу смотаюсь и приду. Скажешь?

— Конечно, скажу,— ответила я.

— О, классно! — сказал он.— Я быстро... Пусть ждет меня...

И скрылся за кустарником. Я сижу себе дальше, за белкой наблюдаю, как она желуди куда-то к себе на верхотуру таскает.

Прошло несколько минут и появляется мальчишка. Тот же самый, который только что был, только в другой майке.

— Эй, девочка,— говорит.— Как тебя звать?

— Янка.

— Ты брата моего не видела? Он на меня очень похож. Мы с ним близнецы.

Я так незаметно глазками вниз — шмыг, глянула на его сандалии и вижу, что сандалии те же самые. Каждая царапинка на них та же самая. Посмотрела на его лицо, и конопушки на носу те же самые. Сразу же поняла, что это тот же самый мальчишка, только дурачит меня зачем-то.

— Да, говорю,— твой брат тут был, просил, чтобы ты подождал его. Он сейчас придет.

Говорю это, а сама стараюсь не улыбаться. Мальчишка потоптался немного, носом пошмыгал, точно так же, как тот — «первый», и говорит:

— Некогда мне ждать. Если он придет, скажи, что я на футбольное поле пошел.

— Хорошо, скажу.

И убежал за кусты. Ну, я сразу поняла, что сейчас он снова придет. И точно, появился. Майку сменил на прежнюю. Вот, думаю, артист растет.

— Ну что, Янка, приходил мой брат?

— Приходил.

— А где он?

Так и хотелось мне пальцем на него самого показать и сказать: «Вот он», но не сделала это.

— Ушел,— говорю.— На футбольное поле.

— Что же ты не задержала его! — досадливо всплеснул он руками.— Эх!.. Ладно, поищу его там.

Направился снова к кустам, но вдруг оборачивается и говорит:

— Слушай, а ты попугая тут не видела? Ребята говорят, что тут попугая видели. Улетел, наверное, от кого-то. Или из зоомагазина. Здоровый такой!..

Вот, думаю, врун несчастный!

— Нет, попугая я не видела,— говорю, а сама уже злиться начинаю.

— Если увидишь попугая, дай нам знать. Мы с братом на футбольном поле будем.

— Конечно, конечно,— киваю я головой.— Сразу же скажу.

Ушел этот врунишка. Я думала он снова появится, но, видно, надоело ему играть в эту игру. Посидела я еще, поскучала... Белка тоже куда-то ускакала. Скучно стало.

И тут появляется на дорожке девочка из моего корпуса. Она была не из нашего интерната, но так как кроватки наши были рядом и обедали мы часто за одним столом, то мы с ней уже познакомились. Была она очень маленькая, звали ее Соня. Стоит на дорожке, ножки тоненькие, ручки тоненькие, волосики на голове тоже тонюха-

тенькие. Такая шапочка волос до ушек. Ветер их колышет во все стороны. Я их раз потрогала рукой, так даже не почувствовала. Очень она худенькая. Просто соломинка какая-то. А глазищи огромные. Подходит ко мне, и явно что-то сказать хочет.

— Давай, Янка, что-нибудь делать,— говорит она мне.

— Давай. А что ты хочешь делать?

— Давай грибы искать.

— Соня, грибов еще нет. Они будут осенью.

— А что же нам тогда искать? — спрашивает.

— А зачем нам что-то искать,— говорю я,— Давай лучше посмотрим, как белка желуди собирает. Это она к зиме готовится.

— А где белка? — оглядывается вокруг Соня.

— Сидит в своем домике. Скоро придет.

— А где у нее домик?

— Вот, на этом дубе,— показываю я рукой.— Там есть большое дупло, а в дупле этом чего только нет! Тут и желуди, и ягоды всякие, и корешки. А осенью белка еще и грибов натаскает.

— А мама у нее есть? — интересуется Соня.

— Так белка — сама мама. У нее детки есть.

— Это она деткам своим все носит? — заинтересовалась Соня.

— Конечно,— говорю,— она любит своих деток.

— А кого из них она любит больше всех?

— Всех любит. Одну детку любит за то, что она самая быстрая. Другую за то, что самая послушная. А третью... — задумалась я.

— За то, что любит она всех своих братиков и сестричек,— говорит Соня.— У белки очень много деток.

Она стоит рядом со мной, моргает и иногда так расширяет свои глаза, как будто увидела что-то страшное. Я однажды спросила у знакомых девочек, почему она так делает, и они (им нянечка сказала) открыли мне, что это у нее от нервов.

— Почему ты глазами так делаешь? — спрашиваю я Соню.

— Не знаю. Хочется почему-то так делать,— и тут предлагает.— А давай играть в «Мама идет».

— Ой, нет! Я сейчас не хочу играть в это,— говорю я.

Мне и правда не хочется играть в Сонину игру потому, что знаю, Соня в конце игры расстроится и будет плакать. Удивлялась я тогда, откуда у нее столько слез берется!.. Иногда ночью просыпаемся и видим — Соня стоит на постели и плачет. Значит, что-то ей приснилось. Я тогда звала Соню к себе в кровать и со мной она успокаивалась. Она была до того маленькая и худенькая, что даже не чувствовалось, что в кровати появился кто-то еще. Иногда ночью я проверяла рукой, тут ли она. Не упала ли на пол. Так иногда бывало.

И вот, стоит она передо мной, в глазенках уже влага копится. Сейчас хлынет ручьями.

— Ладно, давай играть,— говорю я, потому что знаю, очень уж ей хочется.

Соня любила эту игру и, думаю, она в нее не играла, а действительно, какие-то мгновения, верила, что все это происходит по-настоящему. Эти несколько мгновений делали ее счастливой.

— Играем,— говорю я ей.

Соня садится на траву, потому что так, обычно, она начинала играть, расправляет платьице на коленках, и поправляет на головке волосики, чтобы быть красивее. Она срывает несколько цветков и начинает их сплетать. Теперь она ждет, когда я заговорю.

— О!..— изумленно восклицаю вдруг я,— Соня, твоя мама приехала!

— Где? — радостно оборачивается Соня и быстро встает на ножки.

Я вижу, как по ноге ее ползет муравей, из тех — красных, что кусючие, но не успеваю ей сказать.

— Где, где она!? Где!? — радостно подпрыгивает Соня.

— Только что была на той дорожке. За наш корпус зашла.

— А ты точно ее видела?

— Ну, конечно. Она сейчас придет. Наверное, она воспитательницу встретила.

— Или доктора.

— Да... Или доктора. Сейчас они поговорят и она придет.

— А про что они говорят? — интересуется Соня.

— Разве ты не знаешь, мамы всегда спрашивают у докторов — как их ребенок? Не болеет ли он?.. Хорошо ли себя чувствует?..

— Я хорошо себя чувствую,— говорит Соня и тут же расширяет свои глаза.

Мне показалось, что надо уже заканчивать.

— Да,— соглашается Соня.— Моя мама говорит про меня с доктором.

— И она что-то вкусное тебе принесла,— продолжаю я, забыв, что хотела заканчивать игру.

— Что? — шепчет Соня, облизнув губы.

— Большую банку клубники с сахаром.

— Я клубнику съем,— говорит Соня,— потому что мне ее мама принесла, а сок могу дать тебе.

— Спасибо! Я очень люблю клубничный сок.

— И где она? — нетерпеливо спрашивает Соня.

— Сейчас... Сейчас она выйдет из-за корпуса... Вон, на ту дорожку...

Мы с Соней смотрим на куст сирени в конце дорожки, потому что если кто и появится, то именно из-за этого куста. Мы замерли, смотрим во все глаза, и я гадаю, кто же появится? И то, что мы увидели, поразило нас с Соней. Из-за куста сирени, важно вышагивая по дорожке, вышел большой попугай! Я смотрела на него и не верила своим глазам. Я поморгала и даже расширила глаза, как это делает Соня, но попугай не пропал, а в раскачку продолжал идти по дорожке. Потом вдруг захлопал крыльями и, пролетев низко над травой, скрылся в кустарнике.

Соня посмотрела на меня. В ее глазах был восторг. Она забыла уже о нашей игре, забыла о своей маме и банке с клубникой.

— Яна,— здесь водятся попугаи! — пробормотала она восторженно.— Это был попугай?

— Конечно,— сказала я как можно небрежнее.— Это обычный, здешний попугай. Здесь их полно. Особенно в тех джунглях у забора.

— А это джунгли? — опасливо посмотрела на кусты Соня.— Я про джунгли смотрела мультик. Давай уже пойдем отсюда...

Мы пошли, время от времени оглядываясь на опасные джунгли.

Удивительно получилось с попугаем. Оказалось, что мальчишка не врал. И тут я подумала, а может, их действительно двое? И конопушки на носах у них одинаковые... И разбитые сандалии... И носами они шмыгают одинаково...

Яна перестала рассказывать, посмотрела на пригревшуюся рядом с ней Диану и увидела, что та спит. «Интересно, на каком месте она заснула»,— подумала Яна. Осторожно, чтобы не разбудить Диану, она повернула голову к окну, лежала, смотрела в темноту и не заметила, как закрыла глаза, продолжая видеть и темные ели, звезды и мигающий огоньками далекий самолет...

(Продолжение следует)

Борис Рябухин
(г. Москва)

ПОЛЫЕ ВОДЫ*
роман

Наш постоянный автор.

Глава третья
ДОЧЬ ВРАГА НАРОДА

В рабфак Полина ходила два года. Училась очень хорошо и добросовестно. Литературу любила, много читала, но русский язык ей не давался, особенно орфография.

Когда Полина закончила с отличием педрабфак, ее вместе с Мусей Серовой сразу перевели в педагогический институт. Они сдавали один экзамен: как выпускной из рабфака, и как вступительный в институт.

Таким образом, в 1935 году Полина поступила в Астраханский пединститут на четырехгодичное отделение. Ее зачислили на физико-математический факультет по рекомендации преподавателя математики. Эту очень статную и знающую материал учительницу рабфаковцы назвали — «метр», за ее маленький рост. Математичка ей сказала: «Я порекомендовала вас на математический факультет». А она до этого искала себя в списках о приеме на биологический факультет. Подруге Мусе помог поступить на этот же математический факультет ее богатый отец.

В институте Полина стала хорошо учиться, получала одни пятерки, и ей дали повышенную стипендию 65 рублей. Она отдавала деньги матери, а также всю хлебную карточку — для своей большой семьи. Как студентка Полина получала карточку на 500 грамм хлеба.

Только вот дела в доме Аксиньи стали невыносимыми. Да еще Елизавета привезла сына Леньку, двух лет, а сама опять уехала на Кавказ. Аксинье не поднять одной этот груз. Жить семье нечем. И Полина боялась, что четыре года она не сможет учиться. Она окончила только первый курс пединститута, а впереди еще три курса. Как раз в то время в Астраханском пединституте открыли двухгодичный факультет. Стране не хватало учителей. Поэтому пошли на такие краткосрочные меры. И Полина, видя, что Аксинье одной всех не прокормить, тайком от нее перевелась на укороченный — двухгодичный факультет пединститута, который заканчивался в 1938 году. Аксинья, когда узнала, даже руками всплеснула, так расстроилась, что четырехгодичный институт Полина бросила. Поплакали от такого горя вместе. Но дочь дала слово, что обязательно закончит четырехгодичный пединститут заочно. Только один год у нее пропал.

Так Полина с подругой Мусей стала учиться на двухгодичном факультете пединститута, на физико-математическом отделении.

Надо сказать, что ее отец, Алексей Тимофеевич, помог Аксинье и всей семье тем,

---

* Продолжение, начало в № 2, 2019 г.

что построил для семьи большой дом. И полдома можно было сдавать. И Аксинья стала пускать к себе квартирантов — «куряжников» с Кавказа. Астраханцы их называли «ялдышами» (торгашами). Базар Большие Исады был недалеко от дома — только перейти через Ямгурчевский мост, и квартирантов это устраивало.

Полина как-то спросила ялдышей:

— Почему вы все говорите не на своем, а на русском языке?

Они сначала стеснялись, не отвечали, потупив голову. Лишь одна женщина, побойчей, сказала:

— У нас что ни аул — то разный язык. Мы не знаем его. А русскому учимся, так как нужно торговать.

Торгаши приезжали с женами. Только их жены и носили полные мешки с фруктами на горбу, а мужья важно шли впереди налегке. Эти квартиранты платили, хоть мало, но исправно. Они были страшно вшивые, особенно женщины. Видимо, не мылись. Носили черные штаны и черные платки в астраханскую жару.

У Аксиньи в доме была чистота и порядок. А теперь вши поползли строем по двери, отделяющей одну половину дома от другой — квартирантской.

Один ялдаш засмеялся, когда Полина показала ему на эту вереницу вшей на двери, и сказал:

— Он меня кусал, и я его кусал.

Мужчины выбрасывали всю ношеную одежду с себя в мусорный ящик, и надевали новое белье, из магазина. Не жалели выбрасывать, денег полно выручали на базаре за свои фрукты.

А деньги не пахнут. Пахли душисто, заманчиво, до слюнок во рту, только кавказские яблоки и груши, которые брать хозяйским детям строго не разрешалось.

Ялдыши были скупые, ничего не давали. И себе-то ничего не готовили, кроме хинкал. Их варили в котле на керосинке. Женщины развяжут платочек, достанут горсть-другую кукурузной муки, скатают из нее комки теста — и бросят в кипяток с куском мяса. Вот и обед готов. А свежее, да с базара-то, мясо так вкусно пахнет во всем доме! И спали квартиранты, не раздеваясь, на своих мешках на полу. Благо, в Астрахани все лето жарко.

Боря, став заниматься творчеством, по воспоминаниям о ялдышах, написал стихотворение «Пятая стена». Ведь дедушкин дом был «пятистенкой».

ПЯТАЯ СТЕНА

Пускала бабка на постой
Приезжих торгашей.
Чесночно-войлочный настой
Нам стоил горсть грошей.

Набит мешками был сарай —
Орехов, яблок, груш.
Но не для нас был этот рай —
Голодных детских душ.

Хинкалы нежились в жиру.
И сок стекал вдоль шей.
Я был за дверью на пиру,
Давил их грязных вшей.

Галдят, поют, и все жуют —
А я в сенях притих.
Не знаю, они ль у нас живут,
Живу ли я у них?..

Затем половину дома снимал квартирант — персиянин Юсуп. С ним связаны у Полины свои испытания судьбы. Кстати, он хорошо помогал Аксинье. Он торговал на Больших Исадах всякими восточными пряностями, кишмишом, курагой... Даже пару раз шоколад куском давал Аксинье, и она поила детей горячим шоколадом. Видимо, Юсуп занимался контрабандой. Поэтому были у него и дорогие вещи.

Глядя на страшного Юсупа, Полина вспоминала, как приезжал к ним в гости красивый татарский хан Малик. Такой белый, полный, холеный. Он привез маленькой Поле много подарков и восточных сладостей. Разговаривал с ней и улыбался. А матери ее Аксинье сказал:

— Эти подарки — только Поле.— И уехал.

И другим сестрам ничего из татарских подарков не дали.

Услышав это, Поля сложила все сладости в подол нового платьица, которое привез татарский хан, и унесла в свой укромный уголок за печкой.

Юсуп жил шесть лет квартирантом у Аксиньи. Сначала во второй половине дома на Пушкинской улице, потом на Огаревой улице много лет. Фактически Полина выросла у него на глазах.

Когда Полине исполнилось восемнадцать лет, старый Юсуп, видимо, наметил ее себе в жены. Ничем не выдавал этого, а старался задарить. Давал носить золотое кольцо, золотые часы. Но Аксинья отняла их и отдала Юсупу. Строго сказала ему:

— Не балуй!

А Полине хотелось пофорсить перед девчонками. Они спрашивали:

— Полина, где ты берешь эти дорогие вещи?

А она хвалилась:

— Мне их подарили.

Юсуп начал потом и дарить Поле всякие вещи. То чулки красивые подарит, то еще чего-нибудь. А однажды даже подарил ей кольцо с бриллиантами. На нем было три бриллиантика на одной веточке, и три — на другой. И тихо сказал ей: «Носи, но не теряй. Кольцо дорогое».

Однажды к Юсупу приходил мулла. Они тихо разговаривали в спальне за закрытой дверью. Сестра Настя, еще маленькая, следила за ними исподтишка. И сказала Полине: «Не бери вещи у Юсупа. Он колдует. Был у него мулла и что-то над часами шептал».

В это время Полину стал сватать «молниеносный вычислитель» Шишкин. Он приехал на гастроли в Астрахань. Ему было 36 лет, а Поле 18 лет. Он имел чудесную память. Мог в уме быстро умножать и делить многозначные цифры. И выступал в Астрахани на концертах со своими математическими фокусами. Видимо, получал за это большие деньги.

Юсуп ревновал Полю к этому Шишкину, когда она, с разрешения матери, уходила погулять с Шишкиным. И даже поссорился однажды с хозяйкой Аксиньей, прикрикнув на нее: «Что, вы ее продать за деньги хотите?» А сам уже посматривал на Полину, когда она в двухгодичном институте училась.

Но Шишкин уехал из Астрахани, и вопрос о сватовстве отпал сам собой.

Торгашей в Астрахани местные власти стали прижимать. И Юсуп решил готовить на продажу сдобные «витые» — колбаски из теста, которые жарили в кипящем

постном масле. Его мастерской была старая баня, которая долго стояла брошенная, не работала.

Юсуп предложил Аксинье торговать этими «витыми» на базаре Большие Исады. Полина, после учебы, носила эти витые Аксинье из мастерской Юсупа на базар в корзинах на коромысле. Жить стало сытнее.

Однажды было очень жарко, Полина отнесла очередную партию витых матери и пришла в мастерскую за второй корзиной. Видит, на столе стоит кружка. Она выплеснула из нее осадок — и персиянин от неожиданности даже ахнул. Полина испугалась, и спросила: «Что, нельзя?» Молчание. Зачерпнула из ведра воды, напилась, и понесла на базар вторую партию «витых». Но в душе остался неприятный осадок — почему Юсуп ахнул?

А Юсуп на второй день, когда пришел с базара, потихоньку сунул Полине письмо в руку и сказал: «Мама не говори».

Что было в письме? «Поля, я тебя люблю. И давай я и ты уедем в Персию. Выходи за меня замуж». Письмо было неграмотное. Но в нем были теплые слова о том, что он знает ее с детства и давно полюбил. Девчонка, конечно, испугалась, а как мать Аксинья без нее с ребятами будет жить? Ведь работников нет, а в доме — шесть едоков. Да Юсуп ей и не нравился, она его боялась. Полина все рассказала своей матери, прочитала ей письмо, потому что та была полуграмотной, и отдала. Аксинья очень удивилась, задумалась. Было видно, что она обиделась на Юсупа, сказав: «Я не ожидала такого. Я же к нему, как к родному, относилась». Но дочь не ругала. А сама, наверное, думала — вышла бы Полина за Юсупа — и была бы сыта и богата? Да жалко дочку за старика отдавать. А Полину смутило еще неприятное совпадение. Недавно она прочитала книгу о том, как продали одну девушку в жены старику. А он держал дом терпимости. И подумала про Юсупа: «То же со мной может сделать».

Полина, видимо, не догадалась раньше, что до письма Юсуп неспроста надел ей на палец дорогое золотое кольцо с бриллиантами,— думал с ней обручиться. Да еще Полина сфотографировалась с Юсупом, по его просьбе. Он принес откуда-то дорогой фотоаппарат.

Полина попросила его сфотографировать отдельно ее, хотелось запечатлеться на память с бриллиантовым кольцом Юсупа. Чтобы оно было видно, она кулачком подперла сбоку свой подбородок. Заодно прикрыла поднятой рукой большой вырез неудачной сатиновой кофты с бантом. Конечно, как не улыбалась, а на лице видна грусть по осужденному отцу в этом 1934 году. Да еще персианская тюбетейка слишком сдвинулась на правый бок, вот-вот упадет.

А теперь эту карточку нужно было вообще спрятать подальше от глаз Аксиньи.

После письма мать, видимо, поругалась с Юсупом.

Потом мастерскую закрыли. Всех пришлых торговцев выпроводили из Астрахани, и Юсуп уехал к себе домой в Персию. И не взял у матери это «обручальное» кольцо.

«Так и сорвалось мое замужество,— вспоминала Полина, всякий раз роняя слезу.— И на всю жизнь сорвалось».

Она считала, что поэтому осталась несчастной, и жизнь ее пошла не по тому руслу. Мол, он «нашептал» плохое, когда колдуна приводил в дом. И связывала с этим свои «пророческие», как она считала, сны, будто она или под пол, или в темницу попала. «Говорили, что он запер мое лицо,— промокала платочком слезы Полина.— В упор меня никто не видел и не хотел взять замуж. Кольцом его я так и не воспользовалась. А вот одиночеством на всю жизнь обеспечена, и ненавистью ближних».

Вот интересно, задумывалась Полина, могли отразиться те переживания на будущем ребенке? Наверное, сказались. Три раза он неудачно женился.

Училась Полина в пединституте один год с молодым человеком, которому она понравилась. Но он ей — не нравился. Уж больно мал ростом, как она выражалась,— «чинарик». А от любви до ненависти — один шаг. Потом он все время ей мстил за то, что не ответила ни разу на его чувства и внимание. Особенно, когда, впоследствии, был завучем, а потом и директором в школе, где работала Полина Алексеевна преподавателем математики. А работать ей пришлось вместе с ним почти всю жизнь. Получив от ворот поворот, в пединституте он женился на злой, но талантливой сокурснице Гнусарьковой. И прожила она всю жизнь с ним как за каменной стеной. Потому что он умел ловчить. А Полине он мстил, конечно, из гордости.

Вот почему она не вышла замуж за «чинарика»? Любви хотелось? Так выговорили Полине ее закадычные подружки. С Натой и Клавой она дружила с рабфака. Но когда его окончили, то в институт пошли на разные факультеты. Ната — на литературный. Клава вышла замуж за Сашу Попкова, который работал в НКВД, и уехала с ним по распределению института. Троица распалась. Вскоре и Ната бросила институт. Нужда заела. Она была «безродная». Родная мать отдала ее старшей сестре мужа. А у сестры новый муж взъелся на падчерицу. Из жадности, а может, и того хуже, стал приставать. Ната не поладила с теткой и уехала в Яндыки — в село в Лиманском районе Астраханской области — работать.

В пединституте Полина больше сблизилась с подружкой Мусей. Два года с ней дружила в институте. А раньше, в рабфаке, если и была с ней, то редко. В общем, у Полины в то время стали близкими подругами сокурсницы по институту — Муся и Зина.

Ходила по подружкам, чтобы что-нибудь поесть. Часто приходилось жить на чужих «харчах», у сокурсниц, которые побогаче, у Муси и Зины. Дольше Полина жила у подруги Муси Серовой и ее сестры Галины. Жили втроем. Но бесплатно никто не будет кормить, да еще в трудное время. Поэтому Полина помогала им учить математику и убиралась в их квартире.

Откуда-то Аксинья иногда стала приносить надкусанные куски хлеба, сушила их в чистой наволочке на русской печке. Боря с Леней их размачивали и ели с удовольствием.

Когда Боря при Полине вспомнил об этом при своей жене Маше, пришлось его остановить. Полине не хотелось признаваться, что она с Борей жили «на чужих кусках» и на подаяния тетушек, отрывающих от своих грошей от пенсии рубли на подарки бедным родственникам. Стыдно быть нищим.

Напрасно Боря написал об этом стихотворение. Вот оно.

СУХАРИ

Сухари-сухарики,
скрип в зубах.
А чуть-чуть подсолишь —
еще сахарней.
Ах, какие хрусткие —
зуд в губах.
Не оттянешь за уши
с военных дней.

Пятки мелом вымазал —
на печи.
Снимок рентгеновский —
в лагерных трусах.
С ума из сумы
сведут калачи,
Сухари-сухарики,
аршин — в кусках.

А положишь в чай —
набухнут в сажень.
Самовар кипит-поет,
дуй на блюдце!
— Бабушка, на базар?
Суму надень!
Бабушка, почем
куски продаются? —

Сухари-сухарики —
хороши!..
И вдруг понял с возрастом,
что рос на кусках.
И зубовный скрежет,
и крик души,
Пальцы с хрустом сжимает
в кулак тоска.

Полина записала со слезами, так что размытые пятна на листке остались от слез, и спрятала в Библию, как какой-то собственный грех для покаяния.

Шел голодный год. Полина жила впроголодь. У Муси тоже вначале не было ничего. Она с сестрой Галей снимали квартиру, жили у буфетчицы, она работала в столовой. Галя где-то гуляла, а Полина с Мусей учили уроки.

Вот сидели так однажды, зубрили, закутанные в одеяло. Холод и голод. Нечем даже согреть воды. Девчата знали, где у хозяйки лежала пайка хлеба. Муся предложила тихо: «Давай подпилим ее паек хлеба немного, незаметно».

«Подпилили» для Муси и для Полины по тонкому кусочку хлеба. Еще больше захотелось есть — еще раз подпилили. «Подпиленный» кусочек хлеба запивали холодной водой. Хозяйка, конечно, заметила, что хлеб убывает, но смолчала. Понимала, как девчонкам тяжело. Было время, когда приходилось учить уроки до утра. Уставшие, заглядывали в окно, как на рассвете солнце поднимается над городом, а они еще спать не ложились.

Поля училась хорошо. Пока долбила-объясняла Мусе, сама наизусть запоминала.

Когда жили втроем у Серовых, расход вела старшая сестра Муся. Полина была гостем, помощницей в учебе Муси, и уборке квартиры.

Потом у Муси в селе умерла мать. И ее отец купил дом в Астрахани на Трофимовой улице. Там девчата также жили втроем — Муся, Галя и Полина. Стало легче учиться. И жили так, пока двухгодичный институт не окончили. Все время отец содержал сестер, помогая им до конца учебы. Галя — была на курсе учителей начальных классов. А Муся — на физико-математическом факультете.

Отец Муси в Астрахань редко приезжал. Он жил и работал в селе Икряное Аст-

раханской области. Там на рыбозаводе он был мастером по приготовлению черной икры всех сортов. Иногда перепадало поесть дорогой и вкусной черной икры и девчатам. Подруги ее долго «тянули» — экономили. Впервые у них Полина полюбила черную икру.

У Полины были и другие подруги, которые приглашали ее в гости. Кто позовет и покормит, туда и шла. Вот так приходилось дружить. Но правильно говорится: друг не тот, который тебе нужен, а тот, кому ты нужен.

«Конечно, нищета меня часто обижала,— как-то вырвалось признание у Полины в горькую минуту.— Ведь молодая была, хотелось одеться».

Как-то на ней была чиненая серая кофта из хлопчатобумажной ткани. Так Муся даже скривилась, увидев ее в этой кофте. Потом Полина старалась в люди не надевать «чиненое».

Мусе хорошо было шиковать — отец икру делал.

А у другой ее подруги Зины отец был закупщиком скота.

Все подруги состоятельные. Но кусок зря не дадут. Как выражалась Полина: «Поднимут кусок повыше, де, мол, смотри, какие мы щедрые. Зато с тебя сто шкур сдерут. И уберись, и выучи их, несколько раз объясняя, до тошноты. Обе были тупыми и ленивыми. А меня нищета и нужда тянули. Я одна выбивалась».

Вот и жила Полина месяцами у Муси Серовой. Аксинья не беспокоилась за нее, знала, что Полина дурного ничего не сделает. Только время от времени все же приходила сверяться, жива ли Поля? Шутя или всерьез? Всякое может быть.

С Зиной Сиротенко Полина познакомилась в двухгодичном институте. Ее семья жила богато, в двухэтажном доме. Одна дочка у отца с матерью. Правда, ее мать все время прихварывала. Но Зине хотелось, чтобы Полина с ней дружила, и она «отнимала» ее у Муси. Трудно было жить Полине. Поэтому она по обстоятельствам ночевала то у Муси, то у Зины.

Зина была очень красивая, украинка, всегда хорошо одетая. Полина по красоте ей не уступала и за ней тянулась. Однажды даже решительно купила на стипендию себе на платье. Пришла пора цветенья и любви. Полина то с Мусей, то с Зиной ходила иногда на танцы.

Мать Зины часто собирала у них в доме вечеринки, приглашала подружек дочери с ребятами. Стала приглашать и Полину. Накрывала стол. У Зины был друг Николай. Зина впоследствии вышла за него замуж. Но у него болели ноги, и он рано умер. Оставил ей двух детей, девочку и мальчика, которые позже учились у Полины.

Все тяжести в большой семье лежали на Аксинье и на Полине. Хотя была старшая сестра — Елизавета. Она ведь первая родилась у Аксиньи, в 1914 году.

Но таким дурам, признанным врачами, не нужно иметь детей, чтобы не пускать их на верное страдание.

Лиза, наверное, все-таки была шизофреничкой. Было с ней что-то непонятное. Она считала, что должна все время куда-то бежать. После того, как Аксинья уговорила ее искупаться в святой воде, это с ней прошло, но не совсем. Может, она стала понимать сама, что эту порчу ей «сделали» колдуны.

Елизавета привезла в Астрахань грудного сына Леню, отняла его от груди полутора лет. И уехала. Аксинья Леню выходила. А когда ему было три года, Елизавета вновь явилась в Астрахань. В это время Полина была дома и попросила сестру взять Леню с собой. Но Елизавета не взяла, сказав Полине: «Ты его привезешь. У меня квартира в Сураханах. Я там работаю». Уехала — и с концами.

Полина была молодая, беззаботная. Было ей тогда 19 лет.

И вот она, окончив первый курс института, летом решила отвезти трехгодовалого племянника Леню к Елизавете в Баку через Каспийское море.

Полина про себя решила, что за морем кое-что купит, потому что вся оборвалась в финскую войну. Для этого решила купить в Астрахани картонный чемодан дрожжей и на Кавказе их продать по мелким кусочкам, чтобы заработать себе на обновки. Но все дрожжи в дороге растеклись от жары, вздулись и испортились. Пришлось их, со срамом, выбросить за борт в море. Так что об обновках пришлось забыть.

Полина приехала в Баку, считай, без приключений, если не говорить о дрожжах. Но Ленька что-то рассвирепел. Вцепился в ее волосы, да так сильно, что не оторвать. Мужчина какой-то разжимал ему кулачки. Злой он был очень сильно с детства. А может, помнил, как с ним обращались у матери, и не хотел к ней возвращаться. Но потом успокоился.

Полина нашла Елизавету за городом, в рабочем поселке — в Сураханах. А сестра — опять с «животиком». Полина бегает за билетом в Астрахань, считается в длинной очереди, боясь потерять свой номер. А Елизавета бросила ребенка и ушла «на работу». Уехать Полине домой было очень трудно. Ходили две шхуны по Каспийскому морю, и билетов не хватало. Полина ездила много раз на морской вокзал считаться в очереди — и все время опаздывала. Хорошо еще из очереди не выгнали добрые люди.

И вот раз утром Полина решила спросить приличного молодого человека — куда он едет. Выяснила, что в Астрахань. Парень сам согласился взять ей билет, так как стоял в очереди двенадцатым. Полина быстрей поехала на квартиру к сестре. Ехать нужно было загородной «кукушкой» (такой маленький поезд) за 1 рубль. В Суруханы она доехала. Открыла дверь, а около порога лежит Ленечка. Пока Полина стояла в городе за билетом на шхуну, он весь обмарался в говне, бедный, кричал долго, звал мать — и так не дождался и уснул около двери.

Полина подняла, помыла Леню, накормила, уложила на кровати. И решила достать свои деньги на билет. Она спрятала их за висящую на стене картинку. А там их нет! Все обыскала в доме — ни копейки. У Полины осталось в кармане всего пять копеек, 2 и 3 копейки. Ехать не на что. А нужно! Испугалась, что не уедет.

Тогда Полина решается на такой шаг. Просить этого парня, чтобы он довез ее до Астрахани на свои деньги, а дома она деньги отдаст. Но у нее и на «кукушку» даже рубля нет. Только собралась уходить с чемоданами, Леня проснулся, и, почувствовав, что она уезжает, начал плакать. Что делать? Подождала, Елизаветы нет. Время не терпит, стала уговаривать Леню, гладить его. А он просится на руки и не хочет отпускать. Сердце зашлось у Поли. Его оставить — не отпускает. Увезти его — тогда зачем она сюда ехала? Везла его к матери? Решается опять оставить его одного, а сама ревет от жалости. Все-таки обманула бедного племянника, схватила чемодан — и на поезд-кукушку побежала. Добежала, до станции полтора километра от их дома. Так сестру и не встретила по пути. Денег нет на проезд. Стала умолять начальницу станции дать ей один рубль на дорогу. Сказала, что по дороге она разошлась с сестрой. Обещала, что на обратном пути она отдаст рубль. Обрисовала Елизавету. Та сжалилась, дала ей один рубль на билет на «кукушку».

Так Полина приехала на морской вокзал из Сураханов с пятаком. С горечью поняла, что все ее деньги Елизавета украла.

А на вокзале парень уже ждет. Через два часа посадка. Билет взял. А она приехала с пятаком.

Поля обманывать не умела, но стала убеждать парня, что сестра вот-вот подъедет с деньгами. А сама знает, что ждать бесполезно. Не затем Елизавета их взяла. «Свои люди — сочтемся»,— не раз слышала от нее в подобных случаях.

Началась посадка. Полю увидел мужчина, который считал очередь, и сказал ей:

— Я вам оставил номер четыреста.

— Мне взял билет один человек, да денег у меня нет,— ответила Полина.

От горя все мужчине этому рассказала. Он вынул три рубля и отдал ей на хлеб. Есть же на земле добрые люди! Поля купила на дорогу два килограмма хлеба — размола.

— А где я увижу вас, чтобы отдать?

Мужчина только махнул рукой:

— В Астрахани увидимся.

А молодой человек стал торопить Полину с посадкой. Она с отчаяния сказала ему:

— Продавай билет, а то опоздаешь. Нет сестры…

А он, видимо, понял ее отчаяние и решил помочь:

— Нет уж. Я тебе поверил. Довезу тебя до Астрахани.

Поля была так довольна, и спросила:

— Как тебя зовут?

— Василием.

— Спасибо тебе, Василий. Как только приедем, я сейчас же тебе отдам. Меня будут встречать,— сказала Полина.

Погрузились на палубу. Билеты были палубные. Народу — больше, чем надо. Как скотину, набили, но поплыли.

А ночью поднялся шторм. Суденышко трещало, все мачты поломало, когда проплывали Дербент (самое глубокое место на Каспии). Судно заливает, какой-то кошмар. Вот здесь Полина струсила. Думала, все погибнут. Шторм, наверное, десять баллов. Кричала между собой команда, бегали, спасали судно. В общем, спаслись чудом, да умением капитана.

А многие пассажиры решили: «Ну, все — конец!»

Василий где-то под лодкой спал. И Полину сморил сон. Очнулась — тишь, ночь. Что-то болтается у нее в головах. Оказались — ноги с одной стороны и с другой стороны, от них голова ее перекатывается. Люди стонут. Многих рвет. Кричат: «Умираю!»

Утром наступил штиль. Море — как зеркало. А все равно судно как-то вздрагивало, до тошноты. Зыбь. Но Полина сравнительно хорошо переносила качку. Пришел из клозета Василий. Тоже, вроде, ничего себя чувствовал. Все сидели на палубе вповалку. Многие стонали.

Полина услышала, что какой-то мужичок рассказывал «рацею»: «Вот у меня шпана украла двести рублей. Я дал телеграмму, и мне выслали на билет. А что бы делала девчонка на моем месте? Пропала».

Полина обернулась к нему — и сказала: «Вот перед вами такая девчонка. Еду на чужие деньги. Этот добрый человек везет меня на свои деньги. И ничего со мной не случилось».

Поля не любила хвастунишек, особенно вот таких мужичков. Всех, кончено, она такой репликой заинтересовала. Стали ее спрашивать: что да как? Ох, да ах! И вдруг кто пирожков, кто рыбы, кто мяса — все со всех сторон ей надавали. Не брала. А измученные пассажиры уговаривали: «На еду смотреть не можем. Пропадет добро. Ешьте!»

Полина заранее купила таблеток от морской болезни. Сама выпила и Василию дала одну. Может, и это помогло. А может, пустой желудок. Она же целый прошлый день ездила, ничего не ела. А Василий на вокзале в очереди стоял. Так что с ним она хорошо поела «за спасибо». А вечером, как стемнело, шхуна была уже в Астрахани.

Все же парень довез Полину до дома. Так она с пятью копейками переплыла Каспий.

Когда подъезжали к пристани, Полина с тревогой подумала, а вдруг тетушки не придут встречать? Телеграмму не давала, не на что.

И решила Василию сказать об этом:

— Тогда поедем ко мне домой. Я тебя накормлю. Помоешься и дальше поедешь утром. Отдохнешь.

А ехать ему за Саратов, в какую-то деревню.

Подъехали. А на пристани тетя Оля и тетя Шура ее высматривают.

— Замучились тебя встречать! — говорят.— Все истерзались — Полина пропала.

А Поля, обнимая их, призналась:

— Приехала с пятаком. Вот молодой человек привез.

Смотрит, а его нет. Только сундучок его рядом с ее чемоданом стоит, горбатенький. Где же Василий? Она бегала по пристани, звала его, а он пропал. Наконец, сообразила, что ему ведь надо ехать дальше — значит, он ушел узнать насчет билета — в свою деревню. Нашла Василия в кассе. Отдала ему горбатенький сундучок и деньги. Тетушки, слава Богу, наскребли.

Полина была счастлива, но сказала назидательно: «Спасибо тебе, добрый молодец,— выручил. Но ты так не доверяйся. Все бросил и убежал».

Василий улыбнулся ей: «Уж я тебе доверился, ты не могла меня обмануть. Я тебе верю».

Распрощались друзьями. И больше Поля его не видела ни разу. А фамилию и адрес не знала.

У Полины, по ее словам, были хорошие ребята в юности, и дружили честно. С Яшей она дружила пять лет, и, как он выразился, «без запятых». Яша учился заочно в Сталинграде в автодорожном институте, а работал в Астрахани шофером. Для Полины он был, «как подружка, только в брюках». Он приходил к ней домой. Аксинья его очень уважала и считала: как закончит Поля институт, так они поженятся. Так и жили.

Чем жили? Но выжили, только здоровья не нажили. Все три грыжи у Полины — отголоски тяжелой жизни. Раньше она забывалась, хватала тяжести, которые девушке не под силу. Ведь, кроме нее, не было никого. Так что надрывалась Аксинья и, конечно, наваливала на себя Полина. Думала, молодая, энергичная, что сделается? Но ей уже раньше, в 18 лет, вырезали паховую грыжу. Врач тогда даже не пустил ее домой, когда она пришла к хирургу на прием. Сразу положил в Александровскую больницу. Стали готовить к операции. А Полина — голодная.

Аксинья в то время все больницы обегала — Полина пропала.

Пришла к молодому человеку дочери — Яше. Стали искать Полю с Яшей, и только на второй день нашли.

Яша купил пропавшей девушке четыре пирожных. Она, голодная, сразу их съела — и у нее поднялась температура. Врач чуть не избил ее, так ругался. Пришлось отложить операцию, пока не сбили температуру.

Операция прошла очень тяжело. Поля кричала, а врач кричал на нее: «Ори, ори! Все кишки твои вылезают».

Зато после Полина жила без паховой грыжи почти 30 лет, пока пупочная не появилась.

— От стоячей работы, ваша грыжа,— сказал врач в Москве.

— А сесть нельзя, не то они, ученики, сядут на шею,— сказала врачу со стоном учительница Полина Алексеевна.

В молодые годы Полина, бывало, веселилась с молодежью. Как-то озорничали в доме с квартирантами. Поля неосторожно махнула рукой — и почувствовала на руке

царапину. Посмотрела на кольцо Юсупа — а глазка одного из шести на нем нет. Позже кто-то выковырял и второй бриллиант. Поля спрятала кольцо — все равно все шесть глазков исчезли — имели большую цену. Так кольцо от персиянина обесценили. Позже Поля видела у мамы один лишь тоненький золотой ободок от своего подарка. Аксинья держала его в золотом ломе, среди которого хранила и Полины сломанные сережки, и страшные золотые коронки. Блеск нищеты! А потом и это исчезло. У сестры Насти тоже алмаз исчез из кольца. Так пропажи и покрылись тайной.

Семья голодала — берегли каждую вещь. Поэтому и появились домашние воры, которых Аксинья звала осторожно — блудни. Блудили и Леня, и Боря, и Лада, и другие — сильно хотелось есть, продавали тайно себе на хлеб. Раз такое дело, Аксинья поспешила тогда распределить детям свое «приданное». Так что, била нужда, и «били» добрые люди.

Где же все выдержать Аксинье, которая сгорела в 61 год. А дочь ее Поля сохранилась, потому что в молодости были хороший сон и девичья беспечность.

Молодость всегда беспечна. Были и смех, и дружба, и настоящая любовь. Все это — параллельно с нуждой.

Однажды Поля проспала подъем, вскочила утром с кровати, умыла лицо холодной водой, надвинула шляпу набекрень — и бегом в институт. Едет в трамвае. Кто посмотрит на нее — с улыбкой отворачивается. Только маленькая девочка, сидящая напротив, неотрывно смотрела поверх глаз Полины. Она потянулась к зеркалу в трамвае — а у нее нарисован черный крест на лбу. И, как умывалась, размыла сажу на щеках. Быстро отвернулась к окну — и давай слюнями оттирать. В институт, конечно, успела. Ведь строго спрашивали за опоздания. Но на занятия пришла — вся ситцевая, серая. И умывалась в перерыве, но без мыла все смыть не удалось, только лицо покраснело. Ребята спросили: «Полина, ты что, из печки вылезла?»

Так Полю осрамил квартирант Василий. Он жил у Аксиньи с сестрой в маленькой комнате. Это они хозяйку вымазали ночью сажей. Еле лицо Полины отыскали — кругом много ног. Ведь хозяйские дети спали «валетом» на одной кровати. За это Поля и его с сестрой тоже намазала сажей, когда они спали, и поехала в институт.

Дружила Поля и с парнями. Была симпатичной, веселой, душевной. Позже познакомилась на маскараде в пединституте с Володей. Он подошел и пригласил ее на танец. А потом и не отставал два года, пока она училась в двухгодичном институте. Володя Щербаков был студентом рыбвтуза. Парень буквально прилип к ней. Говорил: «Много у меня было девушек, но ты, Поля, особенная». Много ли было — это он погорячился, судя по его положительному характеру. «А какая я особенная, не знаю»,— посмеивалась Поля. У подруги Зины они собирались компанией вчетвером и вшестером. Были угощения, мама Зины готовила хорошо. Иногда четвертинку наливочки ставила на стол для парней. Хорошие были ребята, скромные, умные.

Володя Поле тоже понравился. Он был ростом вровень с Полей, не высокий. Но ей могучие парни и не нравились. А как раз такие и встречались на ее веку.

Володя приходил из рыбвтуза после занятий домой к Поле. Старался чем-то помочь Аксинье. Доставал — то мыло, то чулки, по мелочи, ведь трудно было все достать. Если Поли нет дома — шел к Мусе. А там девчата намечали пойти или в кино, или на танцы. Иногда устраивали застолье. Так долго у них было. Володя дружил с Николаем, который потом стал мужем Зины.

Володя был искренним другом, очень любил Полю. Но она стала замечать, что в их компании Зина липнет к нему. То его страстно целует при игре в бутылочку, то вообще щебечет ему на ухо. Но, по пословице: «Больше двух — говорят вслух».

Это Полю насторожило и обидело. И не напрасно — вскоре дружба с Зиной порвалась. И не только с ней, но и с Володей.

Произошло это перед самым окончанием учебы и распределением на работу. Обычно у Зины собирались для застолья три пары. И в очередной раз Володя пришел из общежития рыбвтуза домой к Поле, но Аксинья сказала, что Поля у Муси. Тогда Володя зашел к Мусе, на Боевую улицу, в другом конце города, и сказал Поле:

— Сегодня мы собираемся у Зины, она нас звала.

Полина в недоумении насторожилась, а почему Зина ей ничего не сказала?

У Полины платье и туфли были у Муси, и она быстренько оделась. А душа болит.

Володя уверял, что ее мама Аксинья твердо сказала, что Поля знает о встрече у Зины. На всякий случай Поля сказала Володе:

— Иди вперед. Если там кто есть, я войду. А если тихо, то я уйду.

Он вошел первым. Послышались радостные возгласы Зины:

— Володя! Здравствуй...

А о Полине — и речи нет. Она от обиды метнулась уйти, но дверь в коридор отворила мать Зины. И пришлось Поле войти.

И тон у Зины сразу понизился:

— А, Полина... Проходи?

Полина заметила, что стол набран. Но ее, видно, не ждали.

— Ты маме говорила? — выпалила Поля.

— Нет,— замялась Зина.— Я Настю видела, и ей сказала, что мы собираемся.

Поля поняла, что Зина врет. Села за стол, как опущенная, а сама чувствует, что разговор не клеится, бывшей близости нет. И других гостей не ждут, судя по накрытому столу.

Поля быстро встала и пошла к выходу.

— Ты куда? — встревожился Володя.

— Болит голова,— сказала Поля и вышла.

Она не дошла еще до угла — Володя ее догнал:

— Поля, Полечка! Да ты что? Я не знал ничего…

— Может, и так. Но дружбе настоящей — конец.

— Я с ней не буду никогда. Она пустая,— взмолился Володя.

Поле обида рвала душу:

— Если я — бедная, так хоть клок волос отнять?

Володя стал уговаривать ее. Так они шли всю дорогу, они впервые разругались и расстались. Но Володя до Муси Полю все же проводил. И она всю ночь проревела.

Это был конец любви.

Это был и конец экзаменов. Потом — распределение. Мусю направили на работу в село Петропавловку. Кстати, оттуда родом и Полина, там жили ее отчичи и дедичи Подлипалины. Но ее туда не направили, а отослали — в дикую степь, на Дон.

«Вот такие мы — «простодыры»,— всплакнула как-то после очередного обмана Полина.— Думаем позже, не видя беды».

После разрыва с Володей Полина погоревала, поплакала — и молодость взяла свое. Надо жить.

С Володей Полина встречалась после этого только один раз. Пошла с Мусей на танцы. Подошел высокий, красивый парень и пригласил ее потанцевать. Во время танца вдруг за руку ее схватил Володя. И начал умолять поговорить. А незнакомый парень возьми и скажи с гонором:

— Что вы нам мешаете танцевать? Оставьте мою девушку.

И отшил Володю.

А Поля не знала даже, как звать этого парня. Он потанцевал и исчез. А Володя подумал, что Полина теперь встречается с другим.

Как склеишь разрыв? Полина, пересилив себя, решила как-то сходить к Зине домой. Ведь она не раз ночевала у нее, когда долго засиживались на занятиях. Полина

знала, что Володя после танцев наверняка мог зайти к Зине, так как нельзя поздно возвращаться на Болду в общежитие, где он жил. И угадала. Зина сказала, что он приходил к ней и сказал, что переведется на учебу в другой город.

«Вторую судьбу я тоже потеряла,— горько вздохнула однажды Полина, промокнув мокрые глаза платочком.— Отбила богачка Зина. Но Володя Щербаков с ней дружить не стал. Хотел он вернуться ко мне — я не захотела, его обвинила, а напрасно».

Зина вышла замуж за своего друга Николая. Николай — хороший парень, но скоро он умер. Больше Полина не видела Володю и ничего не слышала о нем.

Как-то Поля еще раз пришла к Зине, вспомнить молодость, может, узнать что-нибудь о Володе. У Зины мать с отцом скончались. У ее сына Гены уже были дети. Их дети, девочка и мальчик, потом учились у Полины в школе. Семья Гены жила отдельно от Зины в трехкомнатной кооперативной квартире. Но сноха неудачная, жаловалась Зина. Путалась с бывшим другом сына. Зина в школе не работала, а занялась хозяйством — корова, дом, продавала молоко на Больших Исадах. Гена стал врачом. А Зина жила одна. Позже Гену убили в драке. Горе-то какое!

Так что счастья не было и у Зины. С таким-то богатством!..

Двухгодичный физико-математический факультет пединститута Полина окончила в 1938 году, на отлично. Когда окончила, сразу подала документы на третий курс заочного отделения четырехгодичного пединститута. Поэтому диплом за окончание двухгодичного факультета ей сначала не дали, но распределили уже на работу учительницей. Полину по комсомольской путевке послали на Дон, в Клетскую Почту. Там ей предстояло начать самостоятельную жизнь.

Муся все же, с грехом пополам, окончила двухгодичный институт. Но ее оставили работать в Астраханской области — отец помог. Видимо, сыграла роль его черная икра. Мусю направили работать в Петропавловку. Но приезжала комиссия в Петропавловку, где она работала. И Мусю быстро рассчитали. Она бросила работать учительницей, переехала к сестре Гале, работала у нее в школе уборщицей. Осталась жить в Астрахани у сестры Гали и вышла замуж.

А Галина стала заведующей начальной школы. После перешла в среднюю школу № 11. И Полина с ней долго вместе работала. Позже Галину разбил паралич, рука и нога правая не действовали. Но она ходила. И была несколько раз у Полины в гостях. А потом умерла. Полина всех помнила и поминала, потому что эти люди много ей помогли в юности, хотя и не бесплатно. Трудные были годы.

(Продолжение следует)

Аркадий Мар
(г. Нью-Йорк, США)

ВАЛЬС ДЛЯ НАТАШКИ
(Повесть в новеллах)

Писатель и журналист, автор 14 книг повестей и рассказов, изданных в Москве, Ташкенте, Монреале (Канада). Член Союза Писателей СССР, России, Москвы, Узбекистана. Член Международного ПЕН клуба. Издатель и главный редактор газеты «Русскоязычная Америка NY». Лауреат четырех литературных премий: «Лучшая детская книга России», «Артиады народов России», «Серебряная литера». Лауреат Международной литературной премии Владислава Крапивина.

ВАЛЬС ДЛЯ НАТАШКИ

Наташка крепко прижимает к себе жирафа Леньку и шепчет:

— Только не спать, только не спать.

Да, сейчас она очень боится заснуть — ведь завтра день ее рождения и ей так хочется поймать ту минутку, когда исполняется целых шесть лет, когда вырастаешь сразу на целый год.

Перед тем как лечь, она попросила отца сделать отметку на двери. Стояла она честно — даже не поднялась ни разу на цыпочки, и черная карандашная черточка пришлась чуть ниже дверной ручки. Интересно, где будет эта смешная черточка завтра — утром Наташка обязательно измерится опять...

Но сейчас нужно закрыть глаза и притвориться спящей — отец подходит к ее кровати. Глаза не хотят закрываться, хочется засмеяться, и поэтому пришлось перевернуться на живот и уткнуться в подушку.

Отец что-то положил рядом с ее кроватью.

Наташка уже знает — это подарок. Большой сверток, завернутый в целлофан и перевязанный красной шелковой лентой. Отец прятал сверток в шкафу, но ее не проведешь — она сразу поняла, что это подарок.

Но что же там? Может, кукла? Может, смешной надувной крокодил? Интересно бы посмотреть. Но сейчас ей некогда, и она потерпит до утра.

Отец выключил лампу, и стало совсем темно. Раньше Наташка боялась темноты и даже визжала от страха. Теперь же приятно чувствовать себя большой и сильной. Пусть будет совсем-совсем темно — ей ни капельки не страшно. Она может даже встать и, не зажигая света, пойти на кухню или в ванную. Только неохота...

В соседней квартире медленно начали бить старинные часы и Наташка про себя считает их удары.

Где она слышала, что день рождения наступает ровно в двенадцать часов ночи, Наташка забыла, но это уж точно, и поэтому теперь нужно вытерпеть и не заснуть...

Но целый, целый час — как еще долго...

Наташка поворачивается на бок и смотрит на стену. Над ее кроватью висит большая фотография. Сейчас темно — фотографии не видно, но Наташка на память может сказать, что на ней сфотографировано.

На этой фотографии живет ее мама. Пусть говорят, что люди, которые умерли, не возвращаются, но Наташка знает: когда-нибудь мама сойдет с фотографии и опять будет жить вместе с ними. Только нужно очень этого хотеть... Наташка представила, как мама шагнет с фотографии прямо в комнату, крепко-крепко обнимет ее и спросит:

— Ну, как вы там, соскучились без меня?

А пока Наташка сама ухаживает за отцом: ведь отец такой неприспособленный. Так про него сказала соседка Мария Степановна...

О чем бы еще вспомнить?

Вчера Наташка вытирала полотенцем шкаф — и он вдруг заблестел так, что в его полированных створках отразилась смешная девчонка со съехавшим на затылок бантом и высунутым от усердия языком.

Наташка высунула язык еще больше и показала его шкафу. И противный шкаф сделал то же самое...

Как хочется спать... Наташкины глаза стараются закрыться, и она сильно-сильно трет их руками. Она трет глаза и жирафу Леньке — пусть тоже не спит. Ее жираф очень хороший — он умеет внимательно слушать и никогда не говорит, как отец: «Мне некогда»...

Сейчас Наташка расскажет ему о своей мечте. Слушай, жираф Ленька. Слушай внимательно и не спи. Каждый день, возвращаясь из сада, Наташка тянет отца к соседней девятиэтажке. Там на втором этаже живет мальчик. Знакомых мальчиков у Наташки много, но этот не такой, как остальные. Он умеет играть на скрипке. Наташка часто подходит к его дому, и, затаив дыхание, долго стоит неподвижно. Она слушает... И иногда мальчик начинает играть. Простенькие звуки вальса поднимаются в небо, и Наташке начинает казаться, что все вокруг останавливается, замирает, и на всей-всей земле остается только одна музыка.

У Наташки почему-то щиплет в глазах, прозрачные капли скатываются по щеке. Как странно. Ведь ей совсем не хочется плакать...

И Наташка мечтает о том дне, когда она возьмет эту чудесную скрипку, проведет по ее струнам, и вдруг скрипка запоет, звуки вальса поднимутся высоко в небо, вокруг все остановится, замрет, и на всей-всей земле останется только одна эта музыка.

КОРОЛЬ И БЕЛЫЙ ЩЕНОК С ЗОЛОТЫМИ ВЕСНУШКАМИ

Я приложил руку к Наташкиному лбу, и моя ладонь тотчас стала влажной. Блестящие бусинки пота скатывались вниз, прямо Наташке в глаза, и она нетерпеливо смахивала их.

— Папа, возьми меня на руки,— вдруг попросила Наташка.

— Но ведь ты уже большая. Сейчас тебе нужно спать. Попробуй, засни, а завтра будешь совсем здоровой.

— Я еще маленькая,— не согласилась Наташка,— а раньше ты всегда брал меня на руки. Я буду лежать тихонечко-тихонечко и сразу-сразу засну.

Я укутал Наташку в мохнатое одеяло и взял на руки. Ее горячая голова прижалась к моему плечу. Я старался мягко и осторожно ступать на носках, но полы рассохлись и тихонечко поскрипывали вослед каждому шагу.

— Папа, расскажи мне сказку.

— Ну вот! Ты же обещала заснуть.

— Пожалуйста, я тебя очень прошу. Хоть самую маленькую сказку.

— Но я не знаю, с чего начать,— сказал я.

Наташка удобнее устроилась у меня на руках и зашептала в ухо:

— Далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими морями жил-был Король.

— Далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими морями жил-был Король,— повторил я, совершенно не зная, что сказать дальше.

— Ну что же ты молчишь? Даже это не умеешь,— сказала Наташка, и я понял: еще секунда и она заплачет.

В наше окно заглянула луна и вдруг расстелила по комнате серебряную фольгу.

Я посмотрел в Наташкины блестящие, наполненные слезами глаза, и начал снова:

— Далеко-далеко, за высокими горами, за глубокими морями жил-был Король.

— И у него были усы,— быстро подсказала Наташка.

— Хорошо, пусть. И у него были усы. Я знал, почему она сказала про усы. Мой товарищ Алексей носил роскошные усы, и Наташка обожала, забравшись к нему на колени, наматывать на пальцы пушистые завитки.

— А когда Король пил водку, как ты с дядей Лешей, то пел песню «Отговорила роща золотая».

— Наташка,— обиделся я.— Во-первых, мы не пьем водку, ну ладно, иногда и чуть-чуть, а во-вторых, не буду больше рассказывать сказку, раз ты такая умная,

— Не будешь рассказывать — я буду долго болеть, потом умру и тебе больше никто не будет вытирать пыль и мыть посуду.

Я испугался и стал думать, что бы еще сделать с этим проклятым Королем…

— Жил Король в большом красивом дворце из сорока шести комнат.

— Нет,— перебила Наташка.— У Короля не бывает столько комнат. Он живет в двухкомнатной квартире, как мы.

— Наташка,— возразил я.— Сказочным Королям всегда полагается жить во дворцах.

Но Наташка со мной не согласилась.

— Этот Король живет в двухкомнатной квартире. Я была у него в гостях. Там очень много игрушек, а в ванной из крана течет вкусный-вкусный лимонад. И еще у Короля есть белый щенок с золотыми веснушками.

— Не бывает щенков с веснушками.

— Нет, бывает,— обиделась дочь.— Бывает, бывает. Мне он снится каждую ночь. И играет со мной. И Король тоже со мной играет. Мы бегаем по лесу и догоняем друг друга. А когда я устаю и сажусь на землю, щенок подходит, лижет меня и говорит: «Ну поиграй еще со мной, ну поиграй, пожалуйста. Ведь мне так долго приходится ждать, пока наступит ночь и я вновь тебе приснюсь». И мы снова начинаем играть... А потом я иду к Королю в гости. Король закуривает трубку, пускает дым кольцами и начинает рассказывать разные удивительные истории. А когда мне нужно проснуться, я говорю им: «До свидания. Пожалуйста, приходите ко мне в следующем сне».

— Как зовут твоего щенка?

— Просто щенок. Белые щенки с золотыми веснушками получают имя, когда становятся взрослыми. Щенок сказал: «Когда я вырасту, придумай мне самое красивое имя...» А теперь, папа, положи меня в постель. Я хочу, чтобы они быстрее приснились...

Наташка зажмурила глаза, ровно задышала. Прошла минута, другая, я заметил, что уголки ее губ начали приподниматься, рот приоткрылся.

Наташка что-то зашептала во сне, и я понял, что она вновь встретилась с Королем и своим щенком с золотыми веснушками.

ДЕНЬ, ПОЛНЫЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

— Наташка,— сказал я за завтраком.— Сегодня воскресенье, но мне придется пойти на работу. Что же с тобой делать?

— Не волнуйся,— ответила дочь.— Вечно ты обо мне волнуешься. Это я должна о тебе волноваться.

— Делать нечего, ладно, оставайся дома.Только поешь вовремя.Что-то ты похудела за последнее время. Одни кожа да кости остались.

— Ничего ты не понимаешь,— не согласилась со мной дочь.— В саду все говорят, что у меня французская фигура. Это сейчас очень модно.

— Эта мода уже кончилась,— сказал я.— Сейчас во Франции модны очень даже упитанные дети.

— А ты точно знаешь?

— Конечно. Даже по телевизору сообщили.

— Что-то не слышала,— недоверчиво проговорила Наташка.— Ну ладно, тогда доем торт и выпью два стакана компота. А ничего, что тебе торт не достанется? Тебе же не нужно полнеть. Ты ведь и так упитан.

Я не стал спорить, поцеловал дочь, на ходу дожевал кусок колбасы и пошел на работу...

Наташка подошла к окну. Во дворе не происходило ничего интересного. Было лишь десять часов и, наверное, ее друг Вадик, еще спал. Но вот кто-то вышел из соседнего подъезда. Наташка открыла окно настежь, перегнулась через подоконник. А-а, она вспомнила! Вчера, когда она гуляла, к соседнему подъезду подкатила машина, доверху наполненная вещами.

«Смотри, Наташка, новые жильцы въезжают,— сказала тогда соседка Мария Степановна.— И мальчик там есть. Друг тебе еще один будет».

Наташка увидела мальчика. Он стоял рядом с машиной и прижимал к себе большую черную папку. Наташка хотела подойти посмотреть, что это он прижимает к себе,— может интересное что-то, но тут ее позвал отец и пришлось идти домой...

Наташка вышла в коридор, сняла с гвоздя ключ от квартиры, положила в карман, захлопнула за собой дверь и стала спускаться по лестнице. На площадке второго этажа она увидела Катю.

— Я хочу с тобой серьезно поговорить,— сказала Наташка.— Передай своему знакомому, что если он будет мучить кошек, ему хуже будет.

— Что ты, Наташка! Вечно все выдумываешь. Очень нужны ему кошки. Он весь день на мопеде гоняет. Хочешь, попрошу, тебя тоже покатает?

— Не нужен мне его мопед. И на твоем месте я бы вообще перестала с ним дружить.

— А тебе какое дело,— обиделась Катя.— Я уже в шестом классе учусь, и не собираюсь слушать такую малявку, как ты...

Наташка вышла во двор. Настроение было совсем испорчено из-за этой Катьки. И тут она вспомнила совет своего друга Вадика.

— Наташка,— говорил он,— когда у тебя плохое настроение, подерись с кем-нибудь. Это всегда здорово помогает!

Наташка уважала Вадика. Он быстрее всех влезал на деревья и заборы, дальше всех кидал камни. Как же можно было не уважать такого талантливого человека? Правда Наташка еще никогда не исправляла настроение таким способом, но попробовать было надо, и она подошла к мальчику.

Она глубоко засунула руки в карманы джинсов, изо всех сил прищурила глаза и сказала басом:

— Ты почему сидишь на моей скамейке?

Но мальчик почему-то не стал говорить: «А тебе какое дело?», как отвечали все другие ребята. Он встал и произнес совсем другие слова:

— Извини, пожалуйста. Я не знал, что это твоя скамейка.

«Да,— подумала Наташка.— Очень необычный мальчик». Но настроение пока не исправлялось и она решила попробовать еще раз. К чему бы еще придраться? Но в голову ничего не приходило, и она просто вытащила руку из кармана, сжала ее в кулак и ткнула мальчика в бок.

Затем отскочила назад и приняла боксерскую стойку, как учил ее Вадик. Но мальчик вдруг молча повернулся к ней спиной и пошел к своему подъезду.

— Стой! — закричала Наташка.— Почему ты со мной не дерешься? Ты, наверное, трус. Трус!

— Нет,— сказал мальчик.— Я не трус. Просто мне нельзя драться. Я музыкант.

— Музыкант...— удивилась Наташка.— А на какой музыке ты играешь?

— На фортепиано. И уже за второй класс.

Да, это был совершенно необыкновенный мальчик.

— Как тебя зовут? — спросила Наташка.

— Альберт.

И имя у него было необыкновенное!

— А меня Наташка... Знаешь, ты, Альберт, теперь во дворе никого не бойся. Я лично буду тебя защищать.

— А я тебя научу играть на фортепиано. Хочешь?

— Конечно. Когда начнем?

— Хоть сейчас.

Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице и Альберт нажал кнопку звонка.

— Мама, это Наташка,— сказал Альберт.— Мы с ней уже подружились.

— Очень хорошо,— похвалила мама.— Пока поиграйте во что-нибудь, а я обед приготовлю.

— Смотри, это моя комната,— объяснил Альберт.— Только в ней еще беспорядок.

— Не волнуйся, вы же только вчера переехали,— успокоила его Наташка.— А чей портрет на стенке висит? Твоего дедушки?

— Что ты, Наташка! Это великий композитор Чайковский. Вот, послушай, эта пьеса называется «Болезнь куклы».

Альберт сел за фортепиано и начал играть.

— Ну как, понравилось? — поинтересовался он.

— Вообще-то от Чайковского я большего ожидала,— сказала Наташка.— А что, он сочинял только грустную музыку?

— Нет, почему, например «Танец маленьких лебедей» очень даже веселая пьеса.

— Эту вещь я знаю,— обрадовалась Наташка.— Под нее настоящие балерины танцуют! А для чего большая черная папка нужна?

— Там ноты лежат. Я с ней в музыкальную школу хожу.

— Хочу тебя попросить,— сказала Наташка,— когда в следующий раз пойдешь в музыкальную школу, можно за тебя папку понести?

— По-моему очень вкусный кисель получился,— мама Альберта вошла в комнату с двумя стаканами в руках.— Ну-ка, налетайте!

Наташка взяла стакан, подошла к окну. И вдруг, резко повернувшись, побежала к двери.

— Беги за мной! — крикнула она Альберту.— Он опять кошку мучает!

— Куда вы? — спросила мама Альберта.— Допейте хоть кисель, сумасшедшие!

Но они уже через две ступеньки неслись вниз по лестнице...

Возле третьего подъезда, где выбито стекло, стоял красивый красный мопед. Рядом с ним второгодник Максимов из соседнего дома держал кошку за хвост. Голова ее моталась внизу, кошка отчаянно мяукала и извивалась, стараясь освободиться.

— Отпусти кошку, отпусти! — закричала Наташка.— Ты зачем ее мучаешь?!

— А тебе какое дело? Твоя она, что ли?

— Ты... Ты... Живодер,— тихо сказала Наташка.

— Что? Сейчас получишь за живодера! — Максимов толкнул Наташку и она отлетела в сторону.

— Не смей обижать женщин! — крикнул Альберт, подбегая. Он сжал кулаки и бросился в атаку. Но через секунду оказался на земле рядом с Наташкой.

Наташка вскочила, утерла рукавом слезы и вдруг, подняв камень, бросилась к мопеду.

Удар — и на красивом лакированном баке образовалась вмятина.

Удар — и вдребезги разлетелась фара.

— Ты что делаешь!!! — заорал Максимов.

— Отпусти кошку,— сказала Наташка.— А то совсем разобью.

— Ладно, забирай свою паршивую кошку,— сказал Максимов.— Вечером я к твоему отцу приду. Пусть за ремонт мопеда заплатит!

Он отпустил кошку, завел мопед и уехал...

— Какая ты смелая,— сказал Альберт.— А я испугался.

— Если честно-честно,— призналась Наташкпа,— мне тоже страшно было... Смотри, у кошки что-то с лапой случилось!

— Кошка сидела посредине двора, облизывала переднюю лапу и жалобно мяукала.

— Отнесем ко мне,— предложила Наташка, и взяла кошку на руки.

— Когда у меня что-то болит,— сказал Альберт,— мама всегда дает мне порошки.

— И мой папа меня также лечит,— подтвердила Наташка.

Она выдвинула ящик серванта и достала большую картонную коробку.

— Смотри, сколько у нас разных лекарств,— сказала она.— Только как узнать, какие кошке нужны?

— Давай их все смешаем,— предложил Альберт.— Один из них обязательно поможет... Смотри, твой отец пришел!

— Что тут у вас происходит? — поитересовался я, входя в комнату.

— Мы кошку лечим,— объяснила дочь.— Смотри, какая пушистая.

— Кажется, сегодня у вас был день, полный приключений? — заметил я.

— Ты садись. Мы тебе сейчас все расскажем,— сказала Наташка.

КАЖДЫЙ ОХОТНИК ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ, ГДЕ СИДИТ ФАЗАН

Большой белый голубь вдруг резко взлетел с ветки старого тополя и кругами начал ввинчиваться в небо.

Наташка козырьком приложила ладонь к глазам и, щурясь на оранжевое солнце, сидящее на крыше соседней девятиэтажки, спросила:

— Интересно, куда это он полетел?

Я на секунду оторвался от газеты «Советский спорт» и, не думая, пробормотал:

— М-м... Наверное, в теплые края.

— В Африку?— мгновенно догадалась дочь.

— Почему именно в Африку?

— Потому что Африка самое теплое место на земле. И потом, расскажи, пожалуйста, что-нибудь про голубей!

Я напрягся и постарался хоть что-то вспомнить из прошлогодней передачи «В мире животных».

— Голуби бывают разных видов,— медленно начал я.— Например, почтовые. В старину, когда не существовало современных средств связи, они доставляли важные сведения... Э-э, есть еще турманы, лохмачи...

— Ага! — обрадовалась Наташка.— Лохмачей я у рыжего Петьки видела. На его крыше все голуби лохматые.

— На какой крыше?

— Ну, где Петькина голубятня.

— Ты что, на крышу лазила? — испуганно спросил я.

— Ты, папа, не волнуйся,— успокоила меня Наташка.— Высоты я ни капельки не боюсь. Петька даже говорит, что поэтому меня можно в отряд космонавтов зачислить.

— Наташка, ну что тебе на крыше делать?— попытался я уговорить дочь.— Оттуда ведь свалиться можно... Представь себе, можно!— строго закончил я, увидев, что дочь собирается спорить.

— А хочешь, я тебе тайну открою? — вдруг сказала Наташка.— Только обещай, что никому-никому не расскажешь. Я кивнул. Наташка наклонилась ко мне и прошептала:

— На этой крыше «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан» живет.

— Кто, кто? — переспросил я.— Какой еще охотник?

— Который желает знать, где сидит фазан! Ну, присказка есть такая. Чтобы легче запомнить.

Я отложил газету и насторожился. Наташка презрительно посмотрела на меня и произнесла:

— Ты что, никогда маленьким не был? Этой присказке, наверное, уже лет сто... Слушай!.. Красный. Оранжевый. Желтый. Зеленый. Голубой. Синий. Фиолетовый. А вместе: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан!» Теперь понял?

— Так это радуга! — догадался я.

— Конечно. Она на этой крыше и живет.

— Не выдумывай. Совершенно не может быть, чтобы радуга жила на какой-то там крыше! Радуга — сложное физико-оптическое явление, возникающее при разложении белого света на составные цвета спектра,— попробовал объяснить я.

Наташка задумалась, потерла лоб и не согласилась!

— Никакое она не явление. Она совсем как живая и вся переливается. А появляется, как только присказку произнесешь.

— Знаешь что, Наташка!— разозлился я.— Ты мне голову не морочь. Надоело выслушивать твои фантазии! Лучше займись делом. Вон в раковине немытая посуда с утра стоит. А сегодня на кухне твое дежурство!

— Не веришь?! — обиженно произнесла Наташка.— Фантазиями обзываешься? Тогда давай, собирайся!

— Куда? — не понял я.

— На крышу. К радуге в гости. И если я все-все наврала, то... то... то пусть со мной никто и никогда не дружит. А посуду, не бойся, я и так вымою!

— Хорошо,— сделал я последнюю попытку.— Но зачем же лезть на крышу? Ведь радугу вполне можно с земли наблюдать.

— Как ты не понимаешь? Мы к ней в гости собираемся. А в гости всегда домой ходят!..

Я вытащил с антресолей старые кеды, надел их, закрыл дверь и догнал Наташку уже в подъезде.

Пока мы шли к соседней девятиэтажке, на солнце наползла похожая на лохматого пуделя с разинутой пастью туча, и мне на щеку упала прозрачная дождевая капля.

— Ой! — сказала Наташка.— Сейчас дождь пойдет.

Я поднял голову.

Тучу насквозь пробивали солнечные лучи, она съеживалась и таяла прямо на глазах, разбрасывая по сторонам редкие тяжелые дождевые капли.

— Наташка, смотри, слепой дождь,— удивился я.— А я и забыл, когда последний раз его видел...

Лифт в девятиэтажке не работал. Мы поднялись по лестнице до самого конца и через раскрытый чердачный люк выбрались на крышу.

— Иди за мной,— сказала Наташка и прошла вперед. Она обогнула торчащие во все стороны телевизионные антенны, забытый строителями ржавый железный бак, пустую Петькину голубятню, подошла к краю крыши и взяла меня за руку.

Далеко внизу виднелся наш двор. На скамейке, возле песочницы, еле видные сверху, сидели пенсионеры и играли в лото.

— Каждый охотник желает знать, где сидит фазан! — громко произнесла Наташка.

Мы посмотрели вокруг, но все осталось также, как и раньше.

Тогда Наташка набрала полную грудь воздуха и закричала изо всех сил:

— Каждый охотник желает знать, где сидит фазан!!!

Гулкое эхо заметалось по крыше, отскочило от нее, отвесно ударило вверх и, тут же, сверху, неожиданно, вдруг протянулись красные, оранжевые, фиолетовые полосы. Сначала тусклые, они с каждым мгновением разгорались и разгорались, складываясь в тугой семицветный жгут.

Огромная радуга упиралась прямо в нашу крышу и ярко и радостно светила нам с Наташкой.

Мы стояли молча и боялись дышать, чтобы не спугнуть ее...

Радуга давно истаяла и пропала, а я все вглядывался в небо, стараясь заметить и вернуть хоть кусочек этой цветной небесной смальты, частичку и моего полузабытого давнего детства...

Но небо было пустым и чистым...

Лифт в девятиэтажке по-прежнему не работал, и мы, переглянувшись, два пролета проехались на лестничных перилах.

— Пап, а пап,— сказала Наташка.— А пусть эта радуга будет наша. Ну просто наша, и все!

Я согласно кивнул.

Мы уже подходили к своему подъезду, когда любопытный сосед Сурен Вазгеныч подозрительно взглянул на нас и поинтересовался:

— Вах! Зачем на чужую крышу лазить?

Наташка незаметно хитро мне подмигнула и произнесла:

— А мы знакомым антенну чинили. Вот!

ФРЕГАТ

— Ну и жарит сегодня! — вздохнула Наташка, вытирая полотенцем взмокший лоб.

Хотя наши окна были раскрыты настежь, воздух в комнате был горячий и душный.

— Интересно, сколько сегодня градусов? — поинтересовался я, взглянув на термометр, висевший за оконной рамой.— Ого, тридцать четыре! Давно такой жары не было.

— Пап, пошли купаться? — предложила Наташка.— Все равно в такую погоду ничего делать нельзя.

Только с условием, что сначала выпьешь стакан молока.

— Ну, ладно,— неожиданно легко согласилась дочь. Она взяла треугольный молочный пакет, аккуратно надрезала ножницами и, запрокинув голову, начала пить.

— Из стакана же удобнее,— заметил я.

Но Наташка со мной не согласилась. Она на секунду оторвалась от пакета и произнесла:

— Зато так вкуснее...

Арык, где мы с Наташкой всегда купались, протекал неподалеку от нашего дома. Вода в нем была желтоватая — наверное, от глинистых берегов, по которым росла дикая ежевика.

Мы поплескались в прохладной воде и вылезли загорать.

Дочь что-то задумчиво чертила по земле, а потом вдруг спросила:

— Интересно, куда течет арык?

— Разве не знаешь? Он за парком культуры впадает в канал Бурджар.

— Да я не об этом! А о том, в какое место из него вообще попасть можно?

Я подумал и уверенно сказал:

— В Аральское море.

— Ну да! Так сразу и в море.

— Конечно, не сразу. Послушай... Наш арык впадает в канал Бурджар. Бурджар — в Чирчик, где всегда холодная вода и много водоворотов. И только потом будет большая река Сырдарья, которая через весь Узбекистан течет на север, в Аральское море.

Дочь перевернулась на живот, опустила руку в воду — маленький тополиный листок уперся в Наташкину ладонь, постоял так, будто отдыхая, потом медленно и неуклюже поплыл дальше.

— Пап, ты когда-нибудь видел море?

— К сожалению, нет,— честно признался я.— Не приходилось.

— Ну, а хоть что-нибудь можешь про него рассказать?

Я напрягся и попытался освежить в памяти полузабытые книги про пиратов и кругосветные путешествия... Но ничего не вспоминалось и я медленно начал:

— Э-э... Морей на земле очень много. Белое. Черное. Желтое. Красное...

— А оранжевое есть? — перебила Наташка.

— Оранжевого нет.

— Жаль. Это мой самый любимый цвет... Может, такое море просто еще не открыли. Как ты думаешь?

Я не стал спорить и продолжил:

— На море бывают приливы и отливы. Штормы — когда очень сильный ветер, и штили — если ветра нет совсем.

— А я слышала как море поет,— сказала дочь.

— Где?

— Павлику из двадцать седьмого дома из самой Феодосии раковину прислали. Большую, красивую из настоящего перламутра. Мы ее по очереди к уху прикладывали. Внутри нее море и живет. И поет тихонечко-тихонечко. Ч-ш-ш-ш-ш. Ч-ш-ш-ш-ш... Только потом раковина куда-то задевалась... Папа, а какие корабли по морю плавают?

— Разные. Крейсера. Эсминцы. Подводные лодки. Ледоколы. Пассажирские лайнеры...

— И фрегаты тоже? Я их на почтовой открытке видела.

— Что ты, Наташка. Фрегатов давным-давно не существует.

— Почему?

— Они просто не нужны. Ведь это парусные корабли и движителем для них служит ветер... Теперь представь, что будет, если на море установится штиль?

Наташка наморщила лоб и сразу догадалась:

— Наверное, как троллейбусы и трамваи, когда в проводах кончается ток.

— В принципе верно,— похвалил я ее...— Только знаешь, мне самому жаль, что эпоха парусного флота закончилась. Наверное, это было прекрасное зрелище. Корабль с наполненными ветром парусами...

— А ты умеешь строгать и вырезывать? — вдруг спросила Наташка.

— Зачем? — удивился я.

— Вчера прекрасную деревяшку нашла. Так и знала, что пригодится.

— На что пригодится? — насторожился я.

— Я уже все продумала! Из нее получится отличный фрегат. А за паруса не беспокойся — у меня материи сколько хочешь наберется.

— Послушай,— сказал я.— Ну зачем нам делать какие-то там фрегаты?.. Если ты так хочешь иметь корабль, давай купим. Я недавно в магазине видел прекрасную модель торпедного катера.

— Как ты не понимаешь! Ведь гораздо интереснее все делать своими руками.

— Ну хорошо,— сдался я.— Придется нам с тобой открыть дома небольшую судоверфь.

И мы стали собираться...

Я повертел в руках Наташкину деревяшку, карандашом нанес отметины, распилил ножовкой, потом вытащил из ящика с инструментами стамеску. Ее стальная головка легко входила в дерево и выбирала тонкие стружки.

— Ой,— сказала Наташка,— какой у фрегата красивый нос получается. Только зачем ты в нем дырку сверлишь?

— Это важная часть у всех парусных кораблей. В отверстие мы потом вставим бушприт. На нем крепятся носовые паруса... Кстати, скоро они понадобятся.

— Надо же, чуть не забыла,— встрепенулась Наташка.— Сейчас коробку из шкафа достану, в ней столько материи, на сто парусов хватит.

Пока дочь возилась в соседней комнате, я закончил корму, зачистил корпус шкуркой, вырезал мачты, крепко, чтобы не шатались, вогнал их в пазы, стряхнул с брюк деревянную крошку, взял кораблик и подошел к окну.

Я даже не ожидал, что он получится так удачно!

С острым носом и узким корпусом, он чем-то напоминал старинные фрегаты и чайные клипера.

— Наташка,— позвал я.— Ну где же ты?

— Иду,— отозвалась она и тут же появилась с целым ворохом разноцветных обрезков и лоскутков.

— Откуда столько?— удивился я.

— Мне их мать Альберта дала. Она портнихой работает... Ой, неужели уже все готово?

— Не совсем. Наш корабль еще нужно оснастить парусами.

— А я уже выбрала для них самую лучшую материю... Смотри!

И Наташка протянула кусок черного бархата.

— Правда красиво? Из него мать Альберта одной артистке платье сшила.

— Кто же паруса делает из бархата? — рассмеялся я.— На них идет обыкновенная парусина. Вон у тебя как раз кусок.

Мы аккуратно нарезали паруса, прикрепили к мачтам и Наташка сказала:

— А самое главное забыли!

— Что?

— Каждый корабль имеет название, а наш нет.

— Правильно,— согласился я.— Ну и как же назовем?

— Можно я сама?

Я кивнул.

Наташка достала свои любимые фломастеры, на минутку задумалась и, высунув от напряжения кончик языка, большими печатными буквами вывела на борту: ФРИГАТ.

— Так корабли не называют,— возразил я.— И потом ты ошиблась. Нужно писать «фрегат».

— Но мы же хотели, чтобы у нас был настоящий фрегат,— не согласилась со мной Наташка.— И если он не будет так называться, никто об этом и не догадается. А что ошибка, теперь я всегда буду помнить, что слово фрегат — через «е» пишется... Пап, а пап, ты не будешь ругаться, если я одну вещь скажу? Давай наш фрегат отпустим. Может, он до самого Аральского моря доплывет...

Когда мы вышли из дома, оказывается, было уже совсем темно. Наташка шла чуть впереди и бережно прижимала к себе наш кораблик. Мы пересекли пустырь и спустились к арыку.

В нем отражалась луна и окрашивала медленную воду в серебристый цвет.

Наташка присела на корточки, осторожно спустила фрегат в воду.

— Ой, смотри, ветер! — удивилась она.

Неизвестно откуда вдруг появившийся ветерок растрепал Наташкины волосы, прошелестел в кустах ежевики, надул паруса нашего кораблика, и он, как натянутая струна, задрожал под Наташкиными пальцами.

— Счастливого пути! — сказала Наташка и разжала пальцы.

Фрегат секунду помедлил, словно прощаясь с нами, мгновенно набрал скорость и понесся по блестящей серебряной воде.

Мы стояли и смотрели ему вслед.

Ему предстояла долгая трудная дорога.

Из арыка, за парком культуры попасть в канал Бурджар, плыть по быстрому Чирчику, где всегда холодная вода и много водоворотов. И только потом будет большая река Сырдарья, которая через весь Узбекистан течет на север в Аральское море.

Алексей Яшин
(г. Тула)

КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ ИЗ ВОДОПРОВОДА

Историческое сказание от Гостомысла до наших дней*

Но дарователь песнопений
Меня давно не посещал;
Бывалых нет в душе видений,
И голос арфы замолчал.
Его желанного возврата
Дождаться ль мне когда опять?
Или навек моя утрата
И вечно арфе не звучать?

В. А. Жуковский

♦ История как матерая профессиональная содержанка: под кем почивает, тому и осанну воспевает своим подружкам — коллегам в *spa*-салонах, фитнесах разных, в ресторане на девишнике удачной товарки, что окрутила-таки своего толстосума, убедив придурка во всем, что не касается долларов и евро, что-де он у нее первый, а девственной плевы у нее с рождения не имелось. Бывают, дескать, такие *особенные* женщины. Слово *особенные* насторожило было папика, ибо припомнил, что в нынешнем словоречии особенными, политкорректности и толерантности ради, публично и изустно именуют клинических сумасшедших, половых извращенцев и вообще всех персонажей человеческой комедии с какими-либо недостатками... а может уже и достоинствами, коль скоро таковые заполонили телеэкраны. Но удачливая кандидатка в супруги инвалютного миллионера свела все к шутке, умело подольстив своему суверену, что и он по своей торгово-воровской части особенный везунчик: не счесть, сколько раз под следствием состоял, но каждое не то что конфузом и узилищем завершалось, а извинениями судейских и прокурорских чинов...

Так в присущей ему ассоциативной манере умственно рассуждал известный в университете и вообще в Тулуповске большой оригинал и заслуженный профессор Игорь Васильевич Скородумов, идучи поздним уже утром на *службу*. Числился он за биологическим факультетом, а почему именно на службу, не просто на работу шел? Он охотно при случае пояснял интересующимся: «Со времен первых университетов и театров на Руси только в отношении профессоров и артистов — на фоне всей остальной партикулярной, то есть невоенной и нечиновной, среды — употребляется определение «служит», а не «работает».

* Упаси бог подумать, что эта повесть — сатира в конкретный адрес! Только сугубая констатация того явления, что в наступившую эпоху глобализации писатели никому не нужны... даже самим себе. Вообще-то к 85-летию Союза писателей.

Рассуждал же Игорь Васильевич, к тому же главный редактор созданного им научного журнала «Феномены разума. XXI век», на историческую тему, шествуя теплым еще сентябрьским утром по тротуару главной улицы губернского города, по той обыденной причине, что, вынося вчерашним вечером мусорное ведро (его домашняя служба), узрел возле их дворовой помойки стопку школьных учебников и вообще книг для юношеского просвещения. Надо полагать, некий недоросль одолел-таки курс новомодной одиннадцатилетки и, не имея более младших возрастом братьев и сестер, удалил из квартиры тягостные материальные напоминания о годах мучений и скорбей о напрасно потраченном времени, оторванном от завлекательного общения с компьютером. Компом — по их словоизъяснению.

Игорь же Васильевич, как человек разносторонний по интересам, давно порывался ознакомиться с каким-либо историческим руководством, ныне издаваемом для средних учебных заведений. И — удача! Поверх неряшливых видом книжек в бумажно-картонных переплетах как раз, словно ожидая нового владельца, как дождливым или морозным днем дворовый кот, плача от голода, безнадежно ожидает добрую двуногую душу, что возьмет его на квартирный постой с гарантированной пайкой еды, лежал учебник отечественной истории для школьников второй ступени.

Отужинав чем бог послал на сиротское профессорское жалованье, Игорь Васильевич, предварительно, как истовый аккуратист, протерев учебник тряпкой, сбрызнутой дезинфицирующим простонародным одеколоном «Дипломат» — с лощеным молодым армянином на флаконочной наклейке,— прилег на диван... и уже до самого «отбоя» на сон в одиннадцать часов не выпускал книгу из рук. Даже кот, здесь уже речь идет о личном домашнем, забеспокоился: дескать, не захворал ли хозяин? Покурить всего три раза в отхожее место сходил, все с той же книжкой, на кухню с дежурными на вечерний аппетит бутербродами никакого внимания, самое настораживающее — часто смеется ехидно, а чаще — баритонным хохотом. Еще кот, давно квартирующий здесь на правах полной автономии личности и свободы убеждений (*liberte, egalite, fraternite*), а потому досконально знающий внутренние порядки, приметил: пользуясь странным болезненным состоянием хозяина, хозяйке попустительствует, то есть смотрит она по телевизору ненавистную для первого передачу, в которой ражие молодые и косящие под таковых бабы вцепляются друг другу в крашеные волосы, дерутся-бьются за девяностолетнего актера с богатым киношным прошлым и нынешним банковским счетом. Экс-же-актер отстраненно смотрит на побоище немигающим старческим взором и тихо повторяет: «Раз нет интимной близости, то нет и брака».

♦ ...Как раз перед входом в свой университетский корпус Игорь Васильевич завершил свое умствование по части истории-проститутки. Не самой по себе, конечно, но в блудодействии сочинителей руководств по оной.

Не успел он, войдя в свой кабинетик, заварить чай и продолжить начатое вчера успешное доказательство — был он биофизиком с хорошим знанием математики — теоремы об экспоненциальном спадении качества самоосознания своего мышления у компьютерно-интернетовских «сидельцев», как, извинившись, что без предварительного звонка («Проходил мимо твоего корпуса и зашел наудачу»), Скородумова навестил давний знакомый с вычислительного факультета, матерый доцент Привалов. А знался он с добродушнейшим Григорием Анатольевичем еще с тех пор, когда Игорь Васильевич, защитив свою первую докторскую — по техническим наукам — диссертацию, покинул зашатавшееся в начальные «лихие девяностые» Конструкторское бюро «Меткость», ранее флагман отечественного оборонпрома, и устроился в университет на этот самый вычислительный факультет.

— Чайку за компанию?

— Очень даже не откажусь. И под чаек малую фляжку вроде как неподдельного коньячку захватил.

— О-о! Значит с серьезной темой, как говорят современные деловые люди, пришел...

— Не деловые так говорят, а бандюганы, Васильич. Я же пока с предложением к твоей милости прибыл.

...Под дальнейшее чаепитие и «легкий звон бокалов» — в нарушение университетского устава и вообще всего директивного уклада нынешней жизни — и «тема» из прозрачности намека обрела реальную суть:

— Понимаешь, Васильич, у нас на кафедре образовался аспирант...

— Тю-тю-тю, Анатольевич, ход твоей мысли уже уловил: сбагрить молодца под мое научное руководство, да? Но у меня уже имеется джентльменский набор: десяток докторов защищенных и двадцать кандидатов. Причем, по пяти отраслям наук: от технических до медицинских; так что я и здесь оригинал большой — в части отраслей-то. Под второй бутылек в нашей славной рюмочной «Наливай-ка!» мне уже со смехом намекают насчет книги Гиннеса; говорят, по «инту» справлялись: вроде как с тремя-четырьмя отраслями фигурируют граждане и господа «вченые», но с пятью не встречаются... А раз такой набор имеется — для всяких отчетностей, премий и грантов,— то и мне докука с аспирантами, тем более нынешними охламонами и бездельниками, более не нужна. Других дел по горло: две серии монографий сочиняю, журнал опять же...

— Ты, Васильич, хвати-ка рюмаху и дослушай. Дело говорю.

— Парень-то как раз неординарный попался, как ты любишь цитировать кого-то умного: «С лица не общим выражением». Опять же кафедра по защите информации, куда меня сейчас по приказу о расформировании прежней, нашей еще с тобою, что конструированием ЭВМ занималась — не нужны уже в нашей стране умеющие проектировать вычислительную технику! — определили, совсем новая, этого самого «научного лица» не имеет, профессоров еще не настругали, так что даже формального руководителя по части аспирантуры не имеется. Но главное в другом. Я хотя и старинного закала *до́цент с по́ртфелем*, но журналы в университетской библиотеке по въевшейся привычке просматриваю, тем более номера твоих «Феноменов разума». И нюх меня на тематику еще никогда не подводил: ведь при твоем отвращении к интернету, даже в наукообразной его части, да еще тратить уйму времени на программирование, то есть самую черновую и тупую работу... словом, разве не нужен тебе способный и трудолюбивый — не чета всем остальным нынешним! — парень, что будет за свой интерес работать на тебя, всю чернуху и монотонность на себя возьмет? А ты поставишь ему целью и задачами диссера доказательство или опытную проверку своих высоколобых идей... Да еще три года будешь от универа доплату за руководство получать; худо-бедно, на «Наливайку» будет хватать!

— Тпр-ру, охолонись, Григорий свет Анатольевич, сам стопку слабоподдельного в организм введи. Не скрываю: люди работающие мне нужны; таких и ранее подбирал, что составили мой «джентльменский набор». Но сейчас ведь таких упертых нет! И какой интерес вашему кафедральному аспиранту так корячиться — ведь я его на полном серьезе работать заставлю? Почему как не все сейчас: чуток наукообразить дипломную работу и — вперед к защите! Кадры даже с липовыми степенями нынче универу позарез нужны ведь. Какой-то совковый у вас аспирант...

— Давай по последней и суть раскрою. Никакой Володька не совковый, даже очень современный, то есть о будущем думает и все ходы, как шахматист, просчитывает. Родственник у него по матери в Москве если не первое-второе место, но где-то в руководящей пятерке кресло занимает в некоторой конторе — я даже не интересо-

вался в какой, меньше знаешь, крепче спишь,— занимающейся этой самой информационной защитой, в том числе шифровальным делом. Он-то, Володька, уже сейчас там на полставки во вспомогательной службе работает вахтовым методом, а родственник-протежист настропалил его: дескать, защитишь диссертацию на близкую к нашему профилю тему, так дам тебе стартовую должность замначальника отдела плюс служебную однушку в пределах часа езды от центра. Так как...

— Все понял. И заинтересовался. Подумаю всерьез и через тройку дней ответ дам. Скорее всего положительный.

— Уф-ф, Васильич, камень с души снял!

— Твой-то какой интерес?

— Чисто служебный: пока кафедра своих профессоров не понаделала, меня определили в ответственные за подготовку молодых кадров. И тебе всегда рад помочь по-дружески...

♦ К окончанию трудодня, лихо завершив доказательство, с использованием сложных математических соотношений, включая энтропию Реньи и формулу Фробениуса — Перрона, теоремы о резком поглупении нынешних *недолайкиных* — интернетчиков, Игорь Васильевич засобирался домой — прямо к свежесваренному супругой борщу и пока еще доступной для профессорского оклада содержания жареной картошке с куриной грудкой. Хотя и не немец, но чистопородный русак, Игорь Васильевич был аккуратистом и не приступал к новому делу-докуке, не завершив предыдущего. То есть все прикидки и размышления по части чем занять образовавшегося аспиранта Володю он отложил, сразу после разговора с доцентом Приваловым, на завтрашний день. Но — человек полагает, а бог располагает.

Путь домой лежал между корпусами университета — студгородок с советских времен вольно раскинулся обочь главного проспекта Тулуповска почитай на три квартала,— а посредине этого пути расположилась рюмочная «Наливай-ка!». Правда, не совсем удачно расположилась: как-то само собой в последние годы правило не проносить стопку мимо рта вышло из исторической русской и советской обыденности, особенно в университетской среде. Студиозусов отвлекли от этого святого дела круглосуточное оглупление интернетом и умеренная клубная спайсовая наркота. Молодые и среднестаршие преподы по принципу тусовки (у Петьки есть, а я чем хуже?) наскребли деньжат на автомобили — при нынешних, все ужесточающих строгостях по гаишной части еще сто раз подумаешь — опрокинуть пару-тройку стопок, если завтра за руль садиться? Матерые же, еще с советских либеральных времен, профессора и доценты опасались доносов и уличений даже в умеренном винопитии: боялись увольнения, что для них, более ничего в жизни, окромя талдычанья лекций, не умеющих делать, было смерти подобно. Вот она, глобализация с Запада: не надо и сухой закон объявлять!

...В планах Игоря Васильевича, тем более, что воспоминание о позднеутреннем дармовом коньячке испарилось, проходившего мимо гостеприимной «Наливайки», вовсе не мыслилось заскочить в рюмочную, но...

— Игорь Васильевич! Рад вас видеть,— шутейно раскинув руки для дружеского объятия, навстречу ему и как раз на траверзе «наливайкиной» двери шел Андрей Матвеевич Бурцев. Он же главный редактор местного литературного журнала «Срединная Россия», писатель-прозаик,— сколько же мы не виделись, дорогой профессор?

— А год с лишним после того, как вы посетили наши с Николаем Андреяновичем «каминные четверги» в пригородном доме моего свояка, тестя брательника Виктора, Прокофьича. Еще интересно вы рассказывали о тулуповских писателях...

— Как же, как в лицах помню ту замечательную беседу у камина: Николай Андреянович, старый морской волк Прокофьич, его хлебосольная супруга Тихоновна и, разумеется, философский кот Мичман! Эх, хорошо тогда посидели-поговорили...

И как-то не сговариваясь, на автомате-автопилоте вошли они в дверь «Наливайки».

...На бывшей святой, потом советской благодушной, а ныне торгово-спекулятивной частнособственнической Руси самое разлюбезное для человека занятие — встретив давно не виданного знакомца, вволю с ним поговорить под бутылочку *этого самого*, ныне властью и официальным «общественным мнением» порицаемого. Уже профессорская супруга сняла со слабого разогревочного огня плиты свежесваренный борщ, а на картошку с обидевшейся и скукожившейся куриной грудкой и вовсе рукой махнула, а наши некогда случайные знакомцы, перейдя на дружеское «ты», все говорили и говорили в полупустой «Наливайке». Клиент по средам шел неторопко, как будто вспоминал среду советскую: отрезвляющий «партийный день»; четверг же был «рыбным», даже в простонародных распивочных на закуску выдавали запеченный в тесте хек по рупь-сорок килограмм (это то, что сейчас в телерекламе пышно именуют импортным словом «наггетсы»...).

Для завязки обсудив очередные инициативы партии и правительства об увеличении возраста доступа к алкоголю, табаку и пенсиям, а также заметив о всенародной, почти что холерической, любви народа к футболу, любимой игре Старика Хоттабыча, перешли к более серьезной теме, начатой еще полтора года тому назад у камина Прокофьича: о потере современной художественной литературой читателя, полностью ударившегося либо в мелкое частнособственничество, а в массе своей — в сугубо биологическое выживание со все дорожающей «потребительской корзиной»... наполненной генномодифицированными овощами, пальмовым маслом и напичканной антибиотиками курятиной. Самое существенное, что по закону общесистемной обратной связи читательское обнуление скоренько свело к полному ничтожеству и класс пишущих. Исчезли уже ко второй каппятилетке нового века и тысячелетия профессиональные писатели, а еще сохранившиеся любители — как стенгазетчики советской поры — все плоше и плоше сочиняют; в прозе — одни неумелые зарисовки, в поэзии — частушка или «про розы-морозы...».

— На носу, достопочтенный Игорь Васильевич, хотя и не круглый, но все же юбилей нашей областной писательской организации. Вот я и сочинил, естественно, для своего журнала, никто в городе и области не напечатает, нелицеприятную историю этой некогда крепкой, почти что писательски добротной, организации...

— Ну и славно, драгоценнейший и лироносный (уже по паре стопок приняли, добродушествовали) Андрей Матвеевич! Тиснешь в своей «Срединной России», чего здесь стесняться правду матку резать! Я в своем журнале, хотя бы и научном, для пользы дела и не такое пишу.

— Все то так, Игорь Васильевич, как говорили римляне, *bonorum sibi oppositorum fac melius*, то есть делай лучшее из предстоящих тебе благ, но сомнения одолевают: писатели суть народ обидчивый, соринку в чужом глазу за версту различат, а в свой адрес даже на похвалу морщатся, дескать, не «известный», а «известнейший»! Боюсь сонм врагов себе этой публикацией нажить... хотя с ними не особо общаюсь. Самостийный я человек. Тем более, что по отдельности письменники наши люди неплохие, душевные даже... порой.

— Ну-у, волков бояться — в лес не ходить. И мы алаверды по латыни: *fac bonum et omitte malum* — делай добро, избегая зла, то есть обойдись без имен, завуалируй, но так чтобы всем было все понятно. Как у дедушки Крылова, особенно у Салтыкова-Щедрина...

— Во-во, Игорь Васильевич, метко в цель навострил! Я как раз планирую первый номер журнала в следующем году двухсотпятидесятилетию Ивана Андреевича посвятить. А Михаил Евграфович и вовсе почти что наш тулуповский земляк! Сам знаешь, в низу проспекта что ни солидный дом дореволюционной постройки, так по

табличке памятной, а то и по две, в честь наших великих и выдающихся писателей! А на здании коммунально-строительного техникума, что рядом с Пушкинским сквером с его же бюстом, мраморная плита с указанием, что-де в таких-то годах Салтыков-Щедрин возглавлял в этом доме казенную палату, областное казначейство по-нынешнему значит. А такая должность соответствовала статскому генералу!

Кстати, Игорь Васильевич, свой знаменитый «Город Глупов», как утверждают литературоведы, Михаил Евграфович «списал» именно с Тулуповска; есть нам чем гордиться... И нигде он долго не задерживался со своим острым взглядом и еще более острым языком. Только обустроится в каком городе в генеральском чине, а его р-раз! И переводят в другой. Поскольку же собственно упущений по службе за ним не наблюдалось, то по русскому чиновному обычаю переводят с повышением в чине. Так и до вице-губернатора сначала в Рязани, потом в Твери! Самое интересное, когда в советское время к юбилею решили поставить ему памятник, то обкомы всех городов, где Салтыков служил, руками и ногами открещивались от такой символической чести! Чуть ли до сакрального «положить партбилет на стол» не доходило... хотя это уже перебор в слухах.

Матерый профессор, лауреат и орденоносец обоих режимов — предыдущего и нынешнего,— поучает самого способного из нынешних своих аспирантов:

— Ты, Егор, парень умный и старательный. Диссертация у тебя идет хорошо. Несомненно, со временем из тебя получится достойный ученый-экономист. А экономика — это двигатель прогресса в наше время самых смелых реформ и гигантских национальных проектов…

— Василий Матвеевич, я что-нибудь не так делаю?

— В общем-то есть один нюанс. Как бы это… э-э, сейчас у нас патриотизм в фаворе, а ты все практические примеры для своих теорий прямо как по американскому учебнику «Макроэкономикс»: производство «кока-колы», лизинг оборудования для ее же изготовления, транспортная логистика для «пепси-колы»…

— Так ведь на самом деле у нас эти фирмы на рынке прохладительных напитков главенствуют?

— Ну, это всем понятно. Но нельзя ли для благозвучности на защите диссертации, оставив все цифры и выкладки, оперировать, например, напитком «Колокольчик», а?

Заулыбался умный Егор, а на защиту вышел с маркетингом кваса.

...Увы, уважаемый профессор, нет у меня, убогого, таланта по части хара́ктерных зверушек импровизировать. Увы, не получится — реалист я закоренелый, поздно переучиваться. Хотя идея твоя архизаманчива: «История писарей Тулуповского леса». Каково звучит? Навроде «Медведя на воеводстве» Михаила Евграфовича... Не-е, не осилю.

— Стоп! Изволь идти к стойке за добавочной четвертинкой коньяка — мысль у меня мелькнула; озарило, словом, как сейчас на новорусском языке говорят: пазлы сошлись! И мой интерес с твоим объединился.

♦ В пятницу пополудни к профессору Скородумову пришел востребованный аспирант-шифровальщик Володька. В телефонном разговоре еще поутру с аспирантом в гости набивался и сосватавший его доцент Привалов. «С благодарностью от кафедры»,— намекнул Григорий Анатольевич. Но Игорь Васильевич ответил тому обоснованным отказом: «Перенесем благодарность на морковкины заговенья, то есть на потом. Сегодня у нас на факультете день бдительности: две девицы востроносые из охраны труда с утра шныряют по этажам, в кабинеты и аудитории то и дело заглядывают, мужиков со всякими глупыми вопросами в коридорах останавливают, чуть не целоваться лезут — принюхиваются. Как советские парторги по понедельникам со своей паствой... Ищут курящих в корпусе и которые с похмелья... Сам понимаешь, Анатольич, как говорится: «Не до того, Федя, не до того».

С понятливым, что профессор по одному внешнему виду давно научился определять, аспирантом он долго лясы не точил.

— Дескать, молодой человек империи новороссийской, я и так три дня не разгибаясь исписывал для тебе — компьютером я не пользуюсь — под полусотню листов бумаги. Поскольку ваше поколение недолайкиных написанный от руки текст не воспринимает, то, будь добр, покорпи и переведи его для себя в печатный. Тема — вот она, вначале, сверху обозначена — новое слово в части защиты информации и шифровального дела, что и требуется для твоей блестящей карьеры. Далее: развернутый план на все твои аспирантские года упражнений: со схемами, алгоритмами для программирования, базовыми логическими и математическими соотношениями, списком литературы по различным разделам информатики и тех же логики с математикой, что ты обязан знать от корки до корки. Мои книги из списка возьмешь в университетской библиотеке или в *своем* интернете найдешь: они на многих сайтах помещены. Спрашивать буду строго, но отечески, с пониманием — человек сам себе светлое, сейчас в долла́рах и еврах, будущее кует. До конца текущего года, а это почти четыре месяца, пройдешь, как у меня с вашим братом принято, курс молодого бойца. Согласно плану диссертации, у тебя значится небольшой параграф в заключении вводной главы: практический пример иносказательного перевода обычного разговорного, например, литературного, текста в более архаичную форму — так называемое спектральное шифрование; термин мой, в *инете своем* не ищи. Я все расписал, в том числе постановку задачи на составление программы, вот на этих, отдельно прошитых степлером — господи, во что русский язык класс-гегемон превратил! — листах. Для конкретики примера возьмешь сказки Салтыкова-Щедрина; надеюсь, и сейчас в школе их упоминают: ну-у про премудрого пискаря, медведей-воевод и другие. По поисковику найдешь в *своем* интернете их оцифровку и по программе, которую составишь вот по этой постановке задачи, составишь частотный словарь языка Михаила Евграфовича в части его сказок. Исходный текст для иносказательного перевода здесь,— усмехнувшийся Игорь Васильевич протянул аспиранту флешку писателя Бурцева с текстом истории Тулуповской писательской организации.— А на этом листе я перечислил персонажей первичного текста в сопоставлении с лесным и домашним зверем. Все прочие пояснения я тебе написал. Сейчас иди в отдел аспирантуры, оформ-

ляй мое руководство, утверждай план диссера и вообще скоренько — из сердца вон, с глаз долой — всю бюрократию завершай и — к делу!

Аспирант Володька чуть помялся и начал благодарить...

— Что? Отец, говоришь, при умеренных капиталах? Это замечательно, но я человек со странностями, как всему университету известно, с аспирантов денег не беру. Мне достаточно официальной оплаты за руководство, а главное, нужны твои результаты: я их ведь под свою новую теорию применю. Конечно, со ссылкой на Владимира-свет-такого-то, оказавшего неоценимую помощь и так далее. А главное, сейчас времена архистрогие по мелочным денежным делам настали, как говорится, алтынного вора вешают, а полтинного чествуют!

Обескураженный будущий шифровальщик осмелел...

— Да? Дед твой, говоришь, для домашнего пользования самогон не хуже фирменной виски гонит? И на клюкве настаивает? Это интересно... в целях научной дегустации, разумеется. И под всякие статьи не подпадает. Что ж, заноси перед праздниками — всеми советскими, включая Сталинскую конституцию, и, как у Райкина, Парижскую коммуну и пасху. О датах справься в инте. Ладно, свободен. Сюда часто не шастай, не отвлекай меня. Используй изобретение америкоса Белла, телефон то бишь. Потом, я все архиподробно тебе расписал, особенно до конца этого года. Привет деду-естествоиспытателю!

...Возвращая в ностальгической «Наливайке» — точно в оговоренный срок, за день до бой курантов, президента и оливье — бытописателю нравов Бурцеву его флешку, дополненную «переводом на салтыково-щедринский», Игорь Васильевич заметил:

— А знаешь, Андрей Матвеевич, что меня в тогдашней нашей сентябрьской беседе за этим же столиком натолкнуло на мысль, оказавшуюся столь полезной для тебя, меня и умного аспиранта Володьки, действительно, отменный клюквенный самогон деда которого мы сейчас из-под полы пьем?

— Теряюсь в догадках, дражайший Игорь Васильевич. А самогон отменнейший! Всякие там «Джонни Уокеры» и «Белые лошади» — помои по сравнению. Словом, умелец из гущ трудового народа. Извиняюсь, по мозгам оный сильно шибает. Так что же подвинуло на архиполезную для всех нас мысль?

— А имя автора «Архипелага ГУЛАГ'а, что невзначай промелькнуло у тебя. Дай, конечно, бог ему успокоиться в ином мире от своего оголтелого антисоветизма, но мне-то вспомнилось, что был он одним из инициаторов развернутой на Западе кампании клеветы на нашего великого Шолохова; мол, Михаил Александрович незаслуженно получил Нобелевскую премию, поскольку «списал» «Тихий Дон» с рукописи расстрелянного в застенках ОГПУ-ВЧК белогвардейского офицера — писателя... Крюкова или Крючкова? Не помню. Александр Исаевич даже толстенную книгу «Бодался теленок с дубом» на эту тему сочинил... Как и «Архипелаг» *сочинил*.

Западняки не русские, нет бы сплюнуть и растереть, всю чушь всерьез принимают, вот и поручили Шведской королевской академии провести компьютерный текстологический анализ — сопоставление текстов «Тихого Дона» и всех других произведений нашего великого писателя. Что тамошние, не кормящиеся «от Кремля», академии и сделали. К огорчению западных хулителей и лично Солженицына (но он не успокоился!) Шолохов оказался Шолоховым. Разливай «клюквенную»!

...Номер своего журнала с «Историей писарей Тулуповского леса» Бурцев успел-таки издать к некруглому юбилею писательской организации, предпослав ей эпиграфом слова почитаемого им русского философа-космиста Бердяева: «*Мне всегда хотелось, чтобы оголенная правда была наконец обнаружена*». Вот она, история.

♦ «История, именуемая до напечатания пространных сочинений на указанную кем надо першпективу гг. Карамзиным и Костомаровым «российской гишторией»,

есть наука умственная и полезная для воспитания юношества, но зане своеобычная. Если исторического сочинителя в его кропотливых упражнениях подстегивает, яко ямщик коней разлетевшейся тройки, торопясь домчаться до первого после городской заставы трактира или кабака, алчба правдивости описания, но соотнесенная с указаниями цензурного ведомства при Свщ. Синоде, то читателя томов, набранных мелким шрифтом, более всего удерживает в порче зрения при ознакомлении с написанным сожаление о потраченных деньгах — в серебре и даже в крупных ассигнациях.

И не то, что писчебумажное искусство неверно Скрижали Истории в оттисках типографских литер представляет, но во всяком благоустроенном людском обществе, как рассуждает немецкий смутьян и сицилист Карла Маркс, обозначаются внутренние и внешние сущности противопоставлений человеческих устремлений. Исторический сочинитель все правды, согласованной с кем надо, жаждет. Ценсор, особенно если он по синодской принадлежности, суть сторонник благочиния и отсутствия в написанных текстах всяческих резких осуждений. Его резонный девиз по древней истории: «Что было, то сбылось и не нам о том судить». По новейшей: «Улита едет, когда-то будет».

Читатель же, держа кукиш в кармане камзола из недурственной фабрикации аглицкого сукна — это где овцы землепашца съели,— все более сокрушается о потраченном серебре и ассигнациях, особенно тех, что с портретами исторических и нынешних царей... Разумеется, его и приблизительная, дозволенная кем надо правда Скрижалей Истории интересует, но огорчает все тот же губительный для глаз мелкий шрифт, чуть ли не петит и нонпарель, хотя и понимает сочинитель исторических трактатов: оченно много и многоречиво хочется сказать о Скрижалях, но кто тогда будет покупать в книжных лавках издательств А. Ф. Маркса, Кушнерова и Ко, Саблина, братьев Сабашниковых и прочих огромное число исторических томов с крупным, как в синодальном печатании Библии, шрифтом? Словом, все по Марксу — не издателю А. Ф., но Карле: единство борьбы и противоречий, что он подсмотрел в диалектике немца же Гегеля...

Но в современном благоустройстве жизненных стихий, невзирая на Марксово противопоставление желаний и чаяний историка, ценсора и читателя, манкировать знанием Скрижалей недопустимо. Не то что квартальный, тем более пристав и — бери куда выше! — исправник уездный за незнание истории распорядятся насчет съезжей и дальнейшего правежу. Нет, конечно, давно не в дикости и самодурстве наша жизненная тропа пролегает, хотя бы и петляя часто, как заяц следы свои от охотника-лукаша заметает. Сейчас благонадежность обывателя рука об руку с начальственной снисходительностью, как шерочка с машерочкой, по прешпекту шествуют к туманной светлой будущности. Соответственно такому регламенту, и знание истории почти что обязательно. На худой конец — рекомендательно. Опять же, повторимся, не от квартальных, приставов и их высокородий исправников. *Arbitrium proprium*, как из латинских грамматик гимназисты, даже без упраздненных ныне воспитательных розог, усваивают: сиречь по собственному усмотрению и выбору.

И образовательные департаменты в целях удаления юношества от неблагонадежных компаний, зачиная от церковно-приходских двухклассных школ и далее по восходящей до университетов, устремляют малосмышленные еще головы к пользе знания истории... или хотя бы прилежание в изучении оной, если не надеются на худую память школяров и студиозусов. Каждый да обретет положенное ему, говоря от Писания.

...И еще одна мода в наше благожелательное и стремящееся к просвещению время объявилась: даже если волею судеб и иных радений на кого чин большой наложен, все одно, будь-стать добр в календарно обозначенный срок, даже если на каникуляциях в заморском роздыхе обретаешься, явись во время оно в свой департамент

и ответь проверочный урок по истории, для надежности и вящей вразумительности сноровки к занимаемой должности, совмещенной с наукой географической. Наверное, чтобы в твердом уме держал постоянно: где ты сам-один сейчас творишь малую историю, в каком пространстве: лесистом, промысловом, степном, железоделательном, или вообще с горюч-камня, светильного фонарного газу, керосиновых промыслов заводчика Нобеля,— себе и отечеству пользу доставляешь? Никак без того нельзя, чтобы даже высшие чины самых первых классов, согласно табели о рангах, не помышляли об истории: откуда есть и пошла родная землица.

Правильно же сочиненная ближняя история, вкупе с целеустремленно переписанными набело летописями и глухими преданиями старины глубокой, хотя бы сочинитель и сам в молодости застал эти времена и видел их воочию, привносит в радостную действительность радикальное и повсеместное отрезвление от якобы сложившихся издавна в мыслях людей пагубных настроений и побуждений ко всякой необдуманности не то что поступков, но даже мимолетных намеков действовать не по пристойности. Словом, холостого сватом не посылают...

Все тот же настырный немец Карла Маркс с сотоварищем своим Федором Энгельсом всю историю человечества по календарным табелям расписали: когда мы от образины-облезьяны вылупились, когда началась добровольческая деятельность по распространению здравых мыслей в обществе... а потом общество это отрезвилось и произошел процесс поголовного освобождения от излишних мыслей, чувствований, а теперь и совести. Еще немчура эта настаивает на разделении труда мысленно взрослеющего человечества. Продолжая их перспектицию, и мы можем безнаказанно и вольнолюбиво рассуждать о разделении оброчных и иных тягот и выделении сообществ людей творящих Историю и описывающих это творчество, то есть появлении в подлунном нашем мире *класса* писателей. В свою очередь, и этот класс постигло дальнейшее разделение на сугубо исторических сочинителей, восторженных поэтов-пиитов (именно в их среде много любителей зеленого змия), суровых прозаических изъяснителей и так далее. Словом, всех тех, кто за хлебом насущным притерся к одной из муз античного пантеона, что обитали возле вдохновляющих источников Иппокрена и Кастальского ключа в Дельфах: Эрате, Эвтерпе, Каллиопе, Клио, Мельпомене и Талии.

Писатели ничем не хуже всех остальных земных постояльцев, потому и они с самого своего начала резонно заявили о необходимости наличия собственной истории, понятно дело, полагая занести свои имена на ее сверкающие Скрижали. Ничто человеческое писателям не чуждо. Поначалу в обществе такая резонность представлялась тускленькой и малосерьезной. Но на то они и сочинители, умеющие этаким изворотливым умом вползать в человеческие души, добрались куда надо во властных верхах и получили там — дескать, уймитесь теперь и больше не приставайте! — благословение: пишите о себе что хотите, только особо не либеральничайте и благочиния хоть для приличия придерживайтесь.

И пошла, поехала писать губерния! От общих, мировых и отдельных царств-государств, писательских историй, спускаясь все ниже и ниже по географической лестнице, от царств к наместничествам и генерал-губернаторствам, далее к просто губерниям и областям казачьих войск на окраинах, потом к уездам, отдельным городам и местечкам, а затем и вовсе к волостям, создавались и до бесконечности дробились истории возникновения, процветания и, увы! — угасания местных Кастальских ключей и окормляющих провинциальных сочинителей муз. *Иносказательно*, чтобы не возвеличить слишком одних и не умалить ненароком дарований других сочинителей, придадим литерному тиснению краткую историю тулуповских писателей.

♦ «Русский мужик долго запрягает, зато потом быстро скачет»,— сказал опять-таки немец, остряк Бисмарк. Но в написании всяческих историй поспешность непо-

требна. Здесь ближе к истине французы с их *laisser passer, laisser faire*, то есть тише едешь, дальше будешь. Но русские эту присказку переводят еще более вразумительно, навроде как «дурак на дураке сидит и дураком погоняет». Не то чтобы история писарей Тулуповского леса прямо-таки пестрит этими малопочтенными господами... нет, как и в других лесах окрест и до границ леса вообще, до которых во все стороны света тридцать три дня скачи и не доскачешься, все в соотношении со статистическими подсчетами земских управ.

Тако же и мы начнем с некоторой древности, перелистывая омшелые и запыленные своды летописей, что, почитай, с ветхозаветных времен дятлы на древесной коре трудолюбиво записывали своими клювами. С появлением же книгопечатания и первых губернских типографий, разрешенных великими ревнителями грамотности Магницким и адмиралом Шишковым с его обществом бесед любителей русского слова, дятловы клювописания были переведены в литерные наборы и оттиснуты на бумажных листах *инфолио*, затем переплетенных в тисненую кожу, содранную за недоимки с различной лесной сволочи и отданы для сохранения и прочтения интересующимся древней лесной историей в публичную библиотеку, учрежденную на паях просвещенным тулуповским купечеством.

Вот из этих летописных томов мы и почерпнули знание оно о начале писарства в Тулуповском лесу, обитатели которого — разношерстная сволочь, платящие налоги обыватели и нарочито просвещенные звери — исстари гордятся, что их губернский центр, это как пень посреди округлой лесной поляны, даже на два года старше столицы *Нашего леса*! Такую дозволенную официально уверенность кроты-краеведы питают из обнаруженной в одном из томов свода летописей Тулуповского леса, в которой литерно оттиснутая на нетлеющей веленевой бумаге с водяными знаками фабрики купца Мясоедова дата первого объявления в Истории оной чащобы была решительно перечеркнута, а поверх явно блудливой рукой гимназиста III класса ныне выцветшими железисто-галлусовыми чернилами начертана цифирь на три сотни лет старше... В полном административном восторге управа Тулуповского леса в близкие к нынешним времена, когда вошло в популярность «считаться чинами», и объявила повселесно, даже до немых обитателей вод довела через урядников-головлей, полагать датой первого упоминания их леса на Скрижалях Истории рукописание дотошного, явно из начинающих нигилистов, гимназиста...

Начальное писарство в темные и дремучие времена по тысячелетнему обычаю *Нашего леса* сводилось к доносительству по закону, намного позднее опубликованному ученым англичанином Дарвиным: борьба всех против всех. До изобретения писчебумажного промысла подметные письма рукописались на берестовой коре, благо этих веселых видом дерев в Тулуповском лесу произрастало превеликое множество. Доносы по начальствующей у зверья части начинались всегда с преамбулы: «Ваше степенство, вы отцы наши, мы дети неразумные ваши...» Затем следовал собственно сутяжный навет, а завершалось настоятельной просьбишкой «взыскать с тяглового Барана в его, Волка, пользу недоимку в частном расчете в размере семнадцати рябчиков...»

Надо пояснить, что рябчик являлся единообразной лесной денежной единицей. Причем даже Филин, на что уж неисправимо глупая птица, понимал: расплачиваются в лесу не собственно живыми или придушенными в силках, замороженными на льду в гостинодворских погребах рябчиками, но их нарицательными именами-званиями, отчеканенными на полушках, грошах, копейках, серебряной мелочи и — козыряй куда выше! — вплоть до крестовиков, полуимпериалов и ассигнаций «сашенек», «петруш» и «катенек». Но общее число этих *купил*, как в лесу называют деньги, всегда в точности приведено к одному знаменателю: числу живехоньких и здоровых рябчиков, что, не ведая о своем высоком предопределении, прохлаждаются себе в северных лесах.

Пришел местный композитор Нотострочицкий Аким Стронгинович в департамент культуры областной администрации: может какие заказы имеются, а то совсем обнищал, даже музы, не говоря о земных женщинах, перестали его посещать. Принял его, правда, в коридоре, на ходу, не заводя в кабинет, чиновник по музыкально-хоровому разряду Тертуллианов Акинфий Амосович:

— Есть, дорогой вы наш Аким Стронгинович, заказ на музыкальное оформление к дню города; надобно спешно, в оставшуюся неделю сочинить пяток бравых маршей. Оплата, увы, по расценкам детского музыкального творчества. Сами понимаете, по культурной программе все выделенные средства ушли на перепрофилирование бывшего кинотеатра в досуговый центр.

— Вы что, Акинфий Амосович, издеваетесь? — Я про оплату и сроки.

— А что, других заказчиков у нас в городе вы не найдете, а сроки... Будьте проще. Возьмите забытые советские марши и скоренько переанжируйте их под уже готовые текстовки поэта Демьяна Омшанникова, кстати, вашего соседа по дому. И ничего здесь зазорного нет. Вот, например, некто известный в Гражданскую войну, проживая в Ростове-на-Дону, где власть менялась раз в месяц, всегда про запас имел две аранжировки под схожие тексты: одну для генерала Миллера, а для заменившего его Буденного под новый вариант текста всего-то три доминанты в нотах менял. А многие марши 30—40-х годов очень даже напоминают марши Третьего Рейха. Так-то!

Подумал чистоплюй Нотострочицкий и отказался. Совсем забыли его губернские Музы, а из женщин только судебная приставша стала приходить — описывать имущество за долги по квартплате и электричеству.

Полтыщи с солидным гаком лет — от указанной безымянным гимназистом даты записи на Скрижалях — писари Тулуповского леса на этих самых скрижалях ничего путного не оставили. Доносы на бересте выцвели, скукожились в присутственных местах и по мере надобности пускались на растопку печей в морозные зимы. Пергамент стоил неимоверных купил, да и новомодная бумага не в един рябчик обходилась... Так вольнолюбивое писарское дело в лесу и завяло, не успев распуститься. Но

по прошествии указанных лет и в тулуповскую чащобу долетели отголоски новых веяний по части грамотности и вообще дозволенного кем надо просвещения. Правила тогда *Нашим лесом* восприбывшая из Неметчинской дубравы царица, воспылавшая приязнью к просвещению. В губернском центре Тулуповского леса учредили типографию с добротным набором тискающих на бумагу литер, начали издавать публицейские куранты «За родную трущобу». К курантам начали подтягиваться и проснувшиеся от вековой спячки писари. Их власти к курантам и типографии подпускали строго в соотнесении с их статскими чинами, предупредительно наущая не допускать в своих сочинительствах вольтерьянства и масонства, занесенных из Галльского леса.

К великому огорчительству, на писарские Скрижали в тот век из Тулуповского леса попал всего лишь один Бобер, что по приказу царицы возводил в болотных окрестностях хоромную берлогу для ее незаконнорожденного дитяти — подальше от царского дворца и всего лесного светского бомонда. Болотный тот Бобер уникумом оказался: многоярусную плотину обочь хоромной берлоги соорудил, на изведанной площади прежде дикого леса парк по аглицкому манеру разбил; слыл аж до самой столицы *Нашего леса* болотный Бобер по агрономической части, но хорошо и грамоте разумел, сочинил в целиковых двух пудовых томах личное свое жизнеописание, которое и в столице получило замечательные референции от самых высоких писарских чинов, что в казинетовых и плисовых вицмундирах с бриллиантовыми анненскими звездами щеголяли. И вовсе привел Бобер в пристойное изумление всех статских и военных генералов, университетских академиков и профессоров своими начинаниями в лечении от всевозможных хворей елестричеством, изготовив подсобные для этого богоугодного деяния елестрические махины. В родному лесу обыватели и всякая чащобная сволочь слухи о том друг дружке сплетками передавали: дескать, Бобер-то наш единой елестрической искрой всю хворобную соплю из носа вышибает!

Но... на писарских и иных Скрижалях так один Бобер и укрепился; иных тулуповцев близко к ним не подпустили в тот просветительский век. А все отчего? — Оттого, что, невзирая на объявленное устремительство к благоустройству лесных чащоб и всех буреломных завалов, дороги от тулуповских застав до столицы с изобилием типографий и курантов, в числе которых и специальные писарские имелись, содержались в крайней степени неудовлетворительными. Опять же писарям, по их легкомысленному статскому рангу, прогонных рябчиков на проезд тройками с подставой губернским казначейством не полагалось. А как на Скрижалях зацепиться, ежели не тискаешь свое сочинительство в толстых столичных курантах? Признаться же в отсутствии наличия способностей и талантов лесная звериная гордыня супротивничала.

Другая же причина та, что исстари тулуповцы, полагая за баловство всякие иные занятия, тем паче изведение дорогой бумаги на туманное сочинительство, все повально и подушно занимались от казны железоделательным мастерством. Вся лесная челядь постукивала от зари до заря молоточками. Вот идет писарь местный в поисках сюжета для своего малохлебного сочинительства и видит такого мастерового енота или какого другого зверя. Спрашивает: «Чего, малопочтенный, творишь?» — «Дело творю».— «Да ну-у?» — «Вот те и ну, котёлки гну! Погну-погну, еще найду. А хочешь сюжету — к целовальнику веди для разговору...» Но нет у нищего писаря ни рябчика за душой. А без сюжету, понятно дело, к сочинительству даже и не приступай!

Скверно и уныло для тулуповских писарей завершился административно возвещенный век просвещения.

♦ Следующее столетие началось в сиянии внешних блестящих злодейств и кровопролитиев, попавших на самые высоты Скрижалей Истории: воинственный корсиканский Волк, завладевший Галльским лесом, от природных натуральных, а потому и

своеобычных, злодейств прокормления сильного слабым, в мании величия начал попусту терзать все окрестные леса и даже до столицы *Нашего леса* добрался. При всем том косил Волк под либералиста вольтерьянского пошибу, однако в *Нашем лесу* поопасался дать волю лесной сволочи и иным обывателям, за что те, крепко забидившись, взяли его в дреколье, топоры и вилы. А команду над ними принял умный и храбрый Барсук, потерявший еще ранее один глаз в сражениях, заманивший Волка в свою нору и выпустивший на него гончих стаю со словами: «Ты сер, а я, приятель, сед. И волчью вашу я натуру знаю. Поэтому обычай у меня такой: с волками иначе не делать мировой, как снявши шкуру с них долой!»

Как то заведено в писарской среде, блеск кровопролитиев воодушевляет на сочинение эпических поэм, многомудрых романов и исторических легенд. Вот в такой-то ажитации писарство Тулуповского леса взлетело на горние вершины Скрижалей благодаря проживавшему там Льву — не по табельной должности, каковая за ним вовсе ничтожной записана была, но по величию его писарского умения и данному при рождении таланту. Сам он в сражениях умного и храброго Барсука супротив корсиканского Волка участия не имел, поскольку еще не появился тогда на свет, но, спустя полсотни лет, сочинил в четырех увесистых томах такое величественное жизнеописания тех героических кровопролитиев, что на века вперед и по всему лесному миру сам елико прославился и даже отблеск вершинных Скрижалей наложил на писарство Тулуповского леса. Жил-здравствовал тот Великий Лев долго, сочинил он под девяносто томов многомудрых житий и наставлений, но из мира ушел не парадно для своей значимости: не то что поругался со своей хозяйкой и многочисленным потомством, что жило на писарские рябчики за его сочинительство, но очень обеспокоился за моральную убогость всех обывателей и — особенно — управителей лесного мира. Тайно покинул родовую свою пещеру, в дороге расхворался и без должного ухода отдал богу душу.

...В наступившем после злодейств и кровопролитиев, учиненных корсиканским Волком, порядке и благоустройстве *Нашего леса* писарство, по преимуществу обходя стороной Тулуповский лес, в невиданных дотоле эмпиреях устремленно возросло в столичных и университетских центрах. Дабы в своих упражнениях восторженные писари не отходили от наступившего благочиния и не подпускали в своих рукописаниях, далее оттиснутых литерами на бумаге фабрикации купца Мясоедова, излишних надежд, а также вольтерьянства и масонства, особая комиссия под водительством адмирала и образовательного министра Шишкова ввела в регламент писарства, в дополнение к прежнему «вы отцы наши, мы дети неразумные ваши», словесное узаконение: «Самодержавие, православие, народ»,— призывая мастеровых гусиного пера, зловредно склоняющихся по своей подлой мыслительной сущности к бедствиям, нищете и угнетенности всей лесной сволочи и прочих обывателей, к аккуратности и выдержанности в излагаемых чувствованиях. Негласно, то есть без статей законоуложений и наставлений всем чинам от урядников и квартальных до уездных исправников и городских полицмейстеров, писарям рекомендовалось в своих рассуждениях о ничтожном положении тяглового зверья постоянно держать в своих головах (мол, един в уме держим, а другую цифирь грифелем на аспидную доску заносим...) вечную и неустаревающую в *Нашем лесу* руководящую присказку: дескать, царь-батюшка дал всему населению леса жалованную грамоту, но злые бояре-чиновники ее перехватили и неведомо где глыбко в землю зарыли... Присказка эта ведет свой род от Гостомысла и братьев Рюриков, и продолжению того рода никто не препятствует. На этот счет в том же описываемом веке благопорядка и регламента один признанный столичный писарь съязвил: «Вот приедет барин, барин нас рассудит!»

Правда, пущая в обращение и для вящего руководства эту нетленную присказку,

власть придержащие уточняли: обличение злыдней-чиновников ограничивать сверху, согласно табели о рангах, чином коллежского асессора, то есть статского майора. А выше — нут-ка!

Но здесь ушел в отставку (пора, мол, на пенсию — в сенат!) министр-адмирал Шишков, так что писари во множестве распустились: во множестве — потому что грамотность лесных жителей, особенно в столицах и университетских центрах, следуя общему прогрессированию цивилизации и культуры в мире, усилилась. Появились на смену вольтерьянцам и масонам нигилисты и сицилисты. Особенно из поповских детей, то бишь разночинцев, персон по родовой памяти хватких, мол, хрен возьмешь с тарелки деньги у попа! И пошло, и поехало — впереди фельдъегерских троек помчались нигилисты и сицилисты!

Не минуло сие Тулуповский лес, где доселе великий Лев в гордом своем одиночестве изрекал на весь мир истины добра и самосовершенствования. Хотя и не первостатейного писарского ряда-табели, но замеченные общественностью *Нашего леса*, объявились, числом два, свои обличители, со склонением скорее к сицилизму, нежели к нигилизму. Поскольку они носили одинаковые прозвища, ибо вышли с разницей в несколько лет из Успенского урочища Тулуповского леса, и оба являлись склонными к сарказму енотами, то их и посейчас полагают родственными братьями. Но не так это вовсе: даже в кумовьях не состояли. Один славу поимел от обличения тулуповских мастеровых, которые все котёлки гнули себе и гнули; другой же по крестьянской части обидное для власти высказывал. Первый крепко дотянулся до третьего яруса писарских Скрижалей, второй еле за четвертый ухватился... Но и то слава Тулуповскому лесу, хотя в водных его займищах не одни раки водились, но и рыба по ихнему регламенту присутствовала.

Ближе к окончанию этого, не очень-то лавроносного — исключая, разумеется, Великого Льва,— для писарей Тулуповского леса века объявился в оном сочинитель не без искры божией, легальный сицилист по общественным своим убеждениям, к тому же пользовавший тулуповских обывателей по знахарской, медикусной части. Прожил он долго, до середины века последующего. Также обозначился на ярусах Скрижалей своими описаниями медикусной практикации в Тулуповском лесу, жизни и творений самых великих писарей *Нашего леса*, а еще переводом на принятый в нем изустный и письменный язык сочинений древнейшего писаря-поэта далекого, за тремя морями, Эллинского горнолесья.

...Прошедший век для всех писарей как собственно *Нашего*, так и в частности (и в малой масштабности) Тулуповского лесов ознаменовался не только тем, что писари все о конституционных свободах болтали, но более значительное случилось: впервые с дремучих первобытно-лесных времен в столетии этом писарство получило административно и пачпортно утвержденный статус не любительских упражнений, но сугубой профессии. Хотя бы и без включения в табель о рангах даже в малых чинах «почетных граждан», то есть от коллежского регистратора до десятого класса, а также получения присвоенного оклада содержания в четко обозначенном числе рябчиков. Прокорм им и прогонные до столичных и университетских центров с готовыми для печатания творениями, подъемные для устроения своих берлог, пещер и дупел шли токмо от тисканья в публицейских ведомостях и особенно в толстых писарских курантах и печатания целиковых книг и собраний сочинительств в типографских заведениях Саблина, А. Ф. Маркса, Кушнерова и Ко, братьев Сабашниковых — для последующей продажи знающим грамоте обывателям и даже тем из лесной сволочи, что обучились в двухклассных церковно-приходских школах.

Коль скоро писарь пописывает, читатель почитывает, а оный за чепуховину «без идей и направления» рябчики свои в книжную лавку не понесет, то и приобретшие

воскормляющую их профессию писари посерьезнели умственно, хорошо правописанием по учебнику «Пространной русской грамматики» Николая Ивановича Греча, что с другом своим Фаддеем Венекдитовичем Булгариным («за что кукушка хвалит петуха? — За то, что тот кукушку хвалит...») толстые писарские куранты «Сын отечества» издавал, овладели, гимназии и даже университеты пооканчивали, сочинять приобыкли с душевным трепетом к различным звериным чувствованиям, с лавированием (чтобы через ценсора проскочить в печатание) между сочувствием обездоленной лесной сволочи и обывателю и обличением — не выше чином коллежского асессора, как было заведено — власть имущих и придержащих. И если утверждали вольнолюбиво, что «в нашей лесной глухомани невинный за виноватого как раз сойдет», то явственность такого неверноподданнического утверждения приглушали рассуждениями о малой пользе «лишних мыслей, совести и чувств».

«Что же попишешь,— горестно рассуждали писари в свободное от сочинительства время в узком кругу,— необходимость есть жестокий учитель!»

...Но в целом поголовный переход писарей в прошедшем веке от шутейного любительства их тезоименитых предшественников к обретению одобряемого общественностью рода полезных занятий, всем на пользу пошел. Писари разохотились творить разумное, доброе, вечное, руководствуясь заученным в гимназические годы латинским девизом *quaere perfectionem quantum potes*, что значит стремиться к совершенству, насколько это тебе по силам... да еще толику таланта имея. И такого в сумме всего им написанного натворили, что весь прошедший век во всемирном растительстве был поименован «веком писарства *Нашего леса*».

И лесному народу, коль скоро число грамотных, ввиду успехов министерства просвещения в открытии народных училищ, постоянно возрастало, почитывать книги и куранты все больше по нраву приходилось. Ведь все податное и прокормное тягло не выработаешь, всю «злодейку с зеленой наклейкой» не выхлебаешь в кабаках и на вынос? К тому же у одного норма ведро, а у иного и вовсе шкалик*, с которого уши выше лба не вырастут от прилива к оным разгоряченной крови и мозг в голове не выветрится, но обостряется чувство всеобщей справедливости, которое настоятельно требует молчаливого собеседника: чтобы выговориться не мешал, но всячески поддакивал. А в идеале такой собеседник — с чувством написанная книга или хлесткие подметные статейки в курантах, оттиснутых на желтой бумаге.

...Вот таким своеобычным манером писари и подвигли вкупе с сицилистами и масонами лесной народ к бунтам начала века следующего. Была в этом деле и толика усилий писарей Тулуповского леса, но совсем малая... опять же не считая Великого Льва.

♦ Царь зверей *Нашего леса* и губернские Ока Царевы заблагодушествовали к началу нового века, а разъевшиеся на казенном и поборном харче исправники, квартальные и урядники не уследили за деятельностью внутренних, включая писарей, потрясателей основ, подрывателей устоев с их подлыми мыслями, воспоследовавшими от Марксова злопыхательного учения о накоплении и распределении богатств. Но главное — лбом стену не прошибешь — не в их силах и усердии было воспрепятствовать врагу внешнему, супреждь всего коварному Аглицкому безлесью, которое хитро втравило *Наш лес*, аки покорную окрику пастуха овечку невинную, сначала в воинское сражение с Империей сакуровых островов, а затем и вовсе в многолетнее кровопролитие с Неметчинской дубравой.

На тропинке, извилисто ведущей к Скрижалям Истории, установлена на обочине оловянная таблица с содержанием закона о том, что востребовано дураков уму-разу-

* Принятые в России до метрической реформы 1918-го года меры рóзлива спиртных напитков, прежде всего водки: ведро — 12 литров; шкалик — 1/200 ведра, то есть 60 миллилитров (прим. ред.)

му учить. И здравствовавший еще во времена первого кровопролитного сражения и воспоследовавшего за ним первого же бунта сицилистов в *Нашем лесу* Великий Лев остерегал власти и лесной народ: до добра все это не доведет, если путем самосовершенствования злоупотребители и дураки не изведутся. Не послушали старца-провидца, доигрались после трех лет Неметчинского кровопролития до окончательного бунта. Царя зверей с престола сбросили, власть в свои лапы и когти взяли сицилисты и масоны, внутриусобное кровопустительство во всю лесную пространственнность развернулось. В конце же концов, победив внутреннего и внешнего супостата, в *Нашей стране* установилось общественное зверовластие, как *conditio sine qua non*, что по латинскому гимназическому учебнику значит «непременное условие»,— в части всеобщего равенства перед табелями закона (чижик, что за канарейку сойдет), обязательного исполнения трудовых повинностей и прочих радостей и удовольствий лесной жизни.

Новая власть хорошо знала особенность характеров и своеобычаев своих лесных подданных, что со старинных (от тех же все Гостомысла и Рюриков!) времен всегда завидуют чужому куску, если он хотя бы на золотник по весу больше своего, не говоря уже о социальном неравенстве всего-то в величине разменной медной мелочи. Потому с самого начала общественного зверовластия всех перевели на единые продовольственный паек и получение присвоенного содержания в неотягчающих карманы числе рябчиков. На несказанную же радость писарям новая власть обязала все лесное население отныне и вовеки знать грамоте.

...Даже убеленные благородной сединой мудрости и в сюртуках, увешанных писчебумажными наградами, великие сочинители в душе остаются малыми детьми («Счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминания о ней»,— в таком смысле сам Великий Лев писал). Оттого они и восхитились, наивные, установкой новой власти на всеобщее подтягивание лесной сволочи и иных обывателей к овладению грамматикой, включая в оную синтаксис и морфологию... фонетику тож. «Теперича все читать обязаны наши рукописания, оттиснутые литерами, но уже без надоедливых «ятей» и «еров», а мы не будем успевать наведываться в кассу трудовые рябчики в обандероленных пачках получать»,— радостно делились писари в своем кругу. Одно их поначалу сдерживало: за время бунта и междоусобного кровопролития в лесу разучились фабриковать бумагу, даже обычную древесную, не говоря уж о веленевой цвета благородной слоновой кости и с водяными знаками. Типографии же печатали указы и публицейские куранты новой власти на синей хрусткой бумаге, в которую обертывают сахарные головы. Указов же являлось многое число, потому сахарной бумаги писарям оставлялось очень мало. А ведь сколько мыслей, партикулярных и новолиберальных, отчаянно бунтарских и воспитательных, хвалящих Марксову затею о справедливом накоплении и распределении лесных богатств и воспевающих в бунтах борцов за общественное зверовластие, толкалось в головах одушевленных *идеей и установкой* писарей? Но все упиралось в нехватку бумаги.

И в Тулуповском лесу редкая, почти что занесенная в звероохранную «Зеленую книгу», порода писарей, бесконечно далекая от претензий даже на самые нижние, что под полом, ярусы Скрижалей, также проявляла умеренный энтузиазм. Но, как метко заметил Великий Тигр переворотного в лесной стране бунта, что-де Тулуповский лес знатное и полезное в части общественного зверовластия урочище, но звери там *далеко не наши*! А потому они были *не нашими* и никакими отпечатанными мыслями столичных, тем паче — местных, писарей не интересовались, что исстари все гнули да гнули свои котёлки-самопалы, имея от казны регулярное содержание за свои труды в купюрных рябчиках; грамоте знали, но токмо для правильной разметки котёлок и верного подсчета окладных и премиальных рябчиков. Словом, со времен объерничавшего их первого успенского Енота ничего в среде тулуповских обывателей-котёлщиков не изменилось...

Литераторы губернского масштаба Омшаников и Сухариков случайно встретились напротив бывшего издательства-кормильца. Вспомнили прежние времена, когда по нескольку раз за год заходили туда за солидными по провинциальным меркам гонорарами, повздыхали, позлословили о бывших и нынешних коллегах. Теперь оба нищей пенсией живут, изредка удается подрабатывать толику сочинением агиток на выборах-перевыборах. Поговорили и порешили, что единственное сейчас стоящее дело — пробиться в почетные граждане города: и приплачивают немного, и квартплату не требуют, на всякие торжественные мероприятия с буфетом, а то и вовсе с банкетом, непременно зовут.

— Да, хорошо бы,— мечтательно протянул Сухариков.

— Совсем недурственно, сударь мой,— поддержал Омшаников, поглаживая свои пушкинские бакенбарды.

Повздыхали, еще раз вспомнили недобрым, язвительным словом коллег-литераторов и разошлись. Пока до своих домов шли, все мечтали-фантазировали: как же почетное гражданство ухватить? Сухариков склонялся к совершению какого-либо трудового подвига, вернувшись к юношеской профессии оператора доильных установок. Долго мучался и Омшаников, а в конце концов позвонил — посоветоваться — руководителю местной писательской организации, разбудив того. «Брось писать, и за это тебе сразу почетного дадут»,— сердито буркнул литначальник.

В серых, малорябчиковых буднях, без помыслов о Скрижалях, редко тиская тощие брошюры в губернской типографии и лишь по случаю печатая колонки в местных публицейских ведомствах — все той же «За родную трущобу», дожили писари Тулуповского леса до окончания первой трети нового века. Имена их, по преимуществу, исключая разве что переводчика писаря-поэта из Эллинского горнолесья, сохранились разве что в губернском архиве Тулуповского леса — на стеллажах порыжелых от времени нумеров «За родную трущобу».

Самое обидное для тулуповских писарей того времени, что их даже администра-

тивными мерами не побуждали к более активному писчебумажному искусству, говоря гимназической латынью: *necessitatio per stimulos* — принуждением через посредство стимулов. По всей видимости, в столичных культуртрегерских департаментах новой власти на них вовсе махнули рукой, памятуя слова Великого Тигра о *ненашенских*. Скучно, девушки, скучно...

♦ Конечно, особых-то эмпиреев на почву сугубой практической пользы тулуповские писари тех пламенных и одушевленных сердцем воспринятых Марксовых референций о светлом предбудущем не выказывали. Это не значило, что писарская жизнь в Тулуповском лесу тлела. Но все дело в масштабе, в сравнении со столицами и университетскими центрами; как говорят в междоусобных разговорах ученые звери в академических шапочках: кого-то усмотреть и в мелкоскоп лучшей неметчинской фабрики «Карл Цейс Йена» маловозможно, а иной и без астрономической трубы в полнеба виден! И ежели тулуповские писари из фабзайцевой пролетарской молодежи робко толклись в коридорах официальных губернских курантов «За родную трущобу» — в основном по части подвала четвертой полосы «Стихи и разное», то в столице *Нашего леса* с постоянно прибывающих почтово-пассажирских из Эдесских каштановых бульваров сходили и разбегались по редакциям курантов и типографских образцовых заведений многие числом ушлые писари.

Но сочинительствовать может и медведь в одинокой берлоге, если под старость зимой бессонница овладевает и хочется излить трепетную звериную душу в *memoires* об обоснованиях всякой общественности, отдаваясь беззаветно своим ощущениям и горьким идеалам добра и справедливости и так далее. При этом расчувствовавшийся зверюга как бы забывает в долгих зимних воспоминаниях о былых его должностных кровопролитиях и незаконном присвоении прогонных и подъемных рябчиков от казначейства...

Это все к тому сказано было, что прибывшие с вокзальных перронов в редакции и типографии молодцы-удальцы мигом начали создавать всякие писарские сообщества, в собраниях которых витийствовали о беспредельных свободах нового общественного сочинительствования и требовали с юношеским задором зверей с новыми уклонениями в части идеалов и благ, необходимых для развития оной общественности, «сбросить с корабля Истории, сиречь ее Скрижалей для себя самих уготовляемых, всех до единого великих писарей прошлого века, особливо упоминая «Солнце лесной поэзии». Но вот Великого Льва «не трогали за вымя», ибо за недостатком времени, круглосуточно уходившего на прилюдное, площадное декламирование своих многостраничных поэм и баллад о свершившейся свободе, самодеятельности и угадываемой в своих горячих сердцах обеспеченности (в рябчиках в том числе), они никак не поспевали ознакомиться с девяносто томами наследия «зеркала» лесной общественности... Да еще написанные тяжелым умственным слогом. А как «сбрасывать с корабля Истории», на зная за что?

Другие писари, прибывшие в столицы и университетские центры из глухих захолустий смешанных и хвойных лесов от сохи и посконно-домотканного быта, также объединялись для ограждения и развития своих идеалов в разрешенные пока еще — ввиду недоработанности конституционных законов нового времени — землячества и союзничества. Эти грамотеи по преимуществу сочиняли о фордзоновском (свои еще мастерить не научились) «тракторе, идущем на смену крестьянской лошадке».

Тут еще рабфаковская лесная молодежь уверенно заявила о своем присутствии и пролетарских идеалах, тиская свои индустриалистические вирши и бытописания не то что в подвалах последних полос столичных курантов, но сразу опосля идейных передовиц и постановлений «партии и правительства», как со времен Великого бунта привычно стали называть верховных управителей *Нашего леса*. А почему не поимен-

но? — Чтобы ответственность в случае какого конфуза отнести по части неопределенности. Поэтому-то партию в передовицах именовали мудрой, а правительство «плотью от плоти» тру́дящегося лесного зверья.

Во главу же партии, правительства и всего *Нашего леса* вступил Стальной Барс, некогда спустившийся с заснеженных гор далекого безлесного края, друг, соратник и верный ученик уже почившего Великого Тигра. Именно Стальной Барс привел огромный лесной край, занимавший 1/6 часть земной суши, к четкому порядку во благо всем и каждому; не потрафлял смутьянам и ворам даже высших кондиционных рангов, перевел от громких слов к сугубой практике осязательное содержание общественного цветения лесных массивов и урочищ. Все он делал по грамотному порядку, добрался и до неспокойного, неуемного писарского сословия. «Эк, распоясалась,— говорил он сам себе с горным языковым акцентом, прохаживаясь по своему кабинету со знаменитой курительной трубкой у барсовых уст,— все в ногу идут на стройки новой общественности, а эти разделились, как гимназисты младших классов в большую перемену, на ватаги и вот словесно лупцуют друг дружку: рабфаковцы фордзоновских лесовиков, те — «сбрасывателей с пароходов» — и все по кругу идут, забывая о важности создания прочных устоев, необходимых для подведения общественных идеалов от беспредметных мечтаний для практического их пользования... да-да, всенепременно искреннее пламенение писарской натуры, одушевление которой сейчас имеет слишком отвлеченный характер, заручившись соображениями общественной пользы, необходимо без промедления притянуть к коллективизированной земле, заводам и фабрикам, лесной армии и водоемному флоту!»

Еще по ковровой дорожке кабинета туда-сюда походил Стальной Барс, три раза вытряхивая пепел из трубки и вновь набивал ее табаком из переломленных пахитосок «Герцеговина флор», умственно все привел в диспозицию по писарской части и Поскребышеву отдал распоряжение срочно вызвать пред его очи из италийских курортов знаменитого пролетарского писаря Горькоусого Моржа, а по прибытии оного в столицу изложил ему продуманный регламент об объединении всех сколь-либо проявивших себя, тем более просиявших на ниве отечественной словесности, писарей в единое обобществление — Союз лесных писарей, сокращенно, что тогда было в модной фаворе,— *Леспис*. Что Горькоусый Морж по старой, еще времен бунтов, дружбе со Стальным Барсом и исполнил, сверив число проявивших себя и просиявших на ниве писарей по статистическим таблицам, при департаменте внутренних дел публикуемым.

На первый съезд Лесписа из глухих урочищ, заповедных дубрав, речных омутов, горных арыков, тайги и тундры, джайляу плоскогорий, кишлаков, аулов и аилов, пустынь и степей («и друг степей калмык...») шайтан-арбами, пароходами Речфлота, перекладными тройками, новомодными аэропланами, с щедрыми прогонными и представительскими от казны рябчиками с 1/6 части земной суши добрались все сколь-либо проявившие и просиявшие писари. Добрались скоро, безо всяких докук и настояний, к начальству обращенных: везде им зеленый свет был отверзд.

Во вступительном к отчинению первого съезда Лесписа Горькоусый Морж, соблюдая со всех сторон предмет размышлений о необходимости и полезности обобществления писарей в Лесписе, обозначил смысл и назначение оного. В особенности видел он последнее в дружественном объединении всех писарей *Нашего леса*, принадлежащих к различным и многим — свыше ста! — зверовым видам. И долженствование такого объединения (Волк обочь Овечки благонравно рядышком расположится) тот имеет толк, чтобы показать всему *Ненашему империалистическому лесу*: мы есть единое перед лицом зверного пролетариата *Нашего леса* и перед лицом дружественных нам писарей всего лесного мира!

Особенно отчеркнул в своем Слове Горькоусый Морж, что объединение писарей не суть лишь географическое понятие, но в основание такой общественности положено единоустремление нашей цели. Причем обобществление это вовсе не отринает своеобразия — в выдержанной пристойности — дозволенного вольномыслия и цветистости писчебумажного искусства каждого писаря, его манерности и устремленности к светозарным идеалам.

Обобществление всех наших писарей, продолжил оный достославный Морж, имеет место быть во времена империалистического одичания, устремленности к срамным злодействам и бесславным кровопролитиям. Но полное отсутствие воодушевленных идеалов свободы, обеспеченности и разумной самодеятельности у окружающей *Наш лес* империалистической звериной сволочи понуждает ее к безысходному отчаянию, а как следствие оного — возвращению к изуверству дремучей трущобной первобытности еще не благоустроенного леса.

Только наши обобществленные писари утверждают во всем лесном окоеме идеалы добронравия и осязаемого благопорядка — от ничтожнейшей лесной инфузории до величественных слонов и китов. И именно поэтому мы с полным на то историческим основоположением можем выступать судиями того лесного мира, что за нашими пределами (которые защелкнуты на замок) и каковой находится в долженствовании неминучей погибели. Наша же задача в ближней и дальнейшей першпективе суть «не норовить в ложке утопить» чуждый нам лесной мир, но привнести в таковой гуманитаризм и ослобонить трудящиеся массы от пороков мыслей, совести и чувств. Главное завоевание нашего Великого бунта — это полное устранение на Аридовы веки* устремлений к накопительству, вельми вредного общественному процветанию, и дремучему звериному одиночеству.

Наш Леспис, завершал свое краткое, но убедительное Слово достопамятный Морж, сообразовался в обновленном Великим бунтом *Нашем лесу*, где руководимые должностными воспреемниками Великого Тигра лесные пролетарии и обобществленные землепашцы в праведных кровопролитиях обрели правомочность на всяческое успешное самоусовершенствование своих умственных дарований и естественного для всех нас трудолюбия. Целеустремление же наше — освященное мыслями и подвигами Великого Тигра, а ныне руководимое титанической волей Стального Барса — соорганизовать лесное писарство как обобществленное добровольческое компанейство для воспитания в лесных обывателях-тружениках идеалов добра и бунтарской непримиримости ко всему тому, что мешает *Нашему лесу* идти семимильными шагами к вселесной свободе, беззаветно отдаваясь решениям нашей партии и правительства!

...Две недели длился с восторгом и на казенных харчах первый съезд Лесписа, по окончании же был единодушно принят Лесной писарский устав. А еще загодя хлопотами Горькоусого Моржа в столице было освящено с торжественным открытием специальное Высшее писарское училище для вящей вразумительности и наставлений инженеров лесных душ: соорганизованно нести в лесную глушь доброе и вечное, создавать в мыслях будущих писарей прочные устои для практической натурализации всяких благополезных идеалов, решительно бороться в своих писчебумажных сочинениях супротив благодушествующих «писарских середняков» на дармовых хлебах, всевозможных потрясателей, подрывателей и злоупотребителей основ, искоренять в своей среде тех недобросовестных «примкнувших» сочинителей, у которых мысли вроде бы и резонные, чувства не задевающие те самые основы, но совести на медный пятак. Особливо выступающие на объединительном и обобществляющем съезда Лесписа требовали искоренения и дальнейшего недопущения в их ряды хал-

* То есть на многие века (вперед); из русского языка XIX века (прим. ред.).

турщиков, что, затесавшись в число *наших* писарей, исподволь скучно на бобах разводят или паче всего на округление периодов приналегают.

...Много чего за две-то недели посланцы далеких лесов, водоемов, горных арыков и джайляу, кишлаков, аулов и аилов (что по созвучию близки, но в разных географических пространствах наблюдаются), да еще на полном казенном содержании, вельми доброго, вечного и справедливого порассказали. Оно того и ожидалось устроителями: ведь не нищие сволоклись на поминки упраздненных на съезде междоусобных писарских кумпанейств, но во весь голос новые пролетарские инженеры лесных душ, поклявшись в верноподданичестве, направляющей силе обобществления *Нашего леса*, заявили всему империалистическому миру: «Мы — умы, а вы — увы...» — «Кто там шагает правой? Левой, левой!» (При этом для вящей вразумительности поясним: имелось в виду не принятое в империалистическом Аглицком безлесье левостороннее дорожное передвижения и не *наше* правостороннее...).

...Как обычно, по сложившейся со времен Гостомысла и братьев Рюриков традиционности, все события в *нашем* писарском обиходе проходили обочь Тулуповского леса. Были ли званы на учредительный съезд Лесписа робкие писари оттель? История таковых имен не называет. Скорее всего, званы не были, а незваный гость? Таки не пришло и здесь время Тулуповскому лесу иметь своих проявивших и просиявших. Великий же Лев давно почил в бозе... да и не поехал бы оный на съезд. Не уважал он мероприятиев соорганизованных. Во время оно даже отказался с гневом от премии нефтяного и динамитного купца Нобеля, о коей во сне и наяву грезят вот уже за сто лет все писари лесного мира, ибо она сходу возносит обладателя ею на самый горний ярус Скрижалей.

♦ Сразу скакнем по времени вперед на четверть века от прохождения достославного первого съезда и собственно учреждения в целях общественного процветания и благополезного регламента Лесписа. Уже давно почил на вечный отдых от трудов благоустройных Стальной Барс. *Нашу* партию и правительство, вероломно взяв верховенство, теперь вел к идеалам Кукурузный Вепрь; ни шатко, ни валко вел, но накопленное рачением тезоименитого предшественника огромное лесное богатство и установленное благонравие вывели *Наш лес* в мировое первостепенство. Обыватель впервые за лесную Историю преисполнился сытостью и нравственным благодушием. Золотой век ощутимо наступал, и не бездельным обычаем, но веселыми трудовыми буднями все устремилось приводом к единому знаменателю: каждому по его внутриутробным потребностям!

В начале своего верховенства Вепрь ослабил либерально вожжи писарям и радетелям иных благоприличных изящных художеств, что и поспешили наречь «оттепелью». Но скоро Вепрь осознал свою административную оплошность и сызнова ввел прочные устои для исполнения идеалов: кое у кого из писарей повыдергивал (изустно) из шаловливых ручонок гусиные перья, а живописующих уклонистов от предначертанных идеалов и вовсе пидорасами нарек. Сам Вепрь простонародного званья был зверь, любил грубо пошутковать: дескать, узнаете у меня как Кузькину тещу зовут!

...Опять же по горестной традиционности за проистекшее со времени соорганизации Лесписа два с половиной десятка лет ни один из тулуповских писарей не проявился и не просиял. Быть только может один поэт, которого для исправления идеалов, давших у него некоторую кривизну, на время прислали из столицы в одно из фабричных урочищ Тулуповского леса? Но тот побыл положенное ему, кривизну поправил и взад в столицу возвернулся. Все одно — временный и пришлый в нашем кондовом лесу... К тому же впоследствии не на высокие ярусы Скрижалей определился. Про девочку Лиду он строки слагал.

А меж тем зарекомендовавшие себя с лучших позиций коренные обитатели-писари *Нашего леса* и которые по регламентной разнарядке с южных пустынных и гористых окраин удостоенные титла почетных граждан, то есть обилеченных членов Лесписа, что в новой, общественной табели о рангах означало майорский чин, в полное восторженное ликование впали... Мудрый Стальной Барс, соорганизовывая с усердием Горькоусого Моржа Леспис, совсем не случайно переиначил старинную — от Гостомысла и Рюриков — присказку «хороший писарь — голодный писарь» в обратную: «лучший писарь не должен отвлекаться на поиск хлеба насущного». То бишь, с одной стороны, бесталанный пролезть в члены Лесписа, да еще бездельным обычаем, был поставлен в диспозицию библейского верблюда, стремящегося протиснуться скрозь игольное ушко: широкая, массовая общественность пишущих и читающих, а также благодушная отеческая опека лесной партии и правительства не дозволяли. Со стороны другой, обильный казенный харч от положенного натурой и гонорарами оклада содержания держал обилеченных писарей постоянно в состоянии бодрственной действительности, не отвлекаясь на жажду бесформенных чаяний — а то запросто могли отчислить по инфантерии в нижних, стенгазетных чинах! «Билет с золотым на обложке профилем Великого Тигра на стол!» — и окончен разговор.

К тому же время шло, а *времена* изменялись. Если при Стальном Барсе от членов Лесписа, несколько попуская особо талантливым, требовалось непременно обличать потрясателей основ, подрывателей устоев и злоупотребителей по части науки и практики накопления и распределения обобществленных богатств, то еще при Кукурузном Вепре, даже при его неустойчивом соображении по части писарей и всяких художеств, не говоря уже о его воспреемнике на высшей в лесной стране должности благодушном Втором Тигре, обилеченные и стремившиеся в ареопаг оных писари неназойливо отыскали выход. По молчаливому уговору меж собой, пользуясь радикальной устареваемостью бессменных руководителей *Нашего леса* (их в наступившее либеральное время уже не приводили периодически к одному знаменателю, как то было принято при Стальном Барсе) с естественным ослаблением бдительности и тягой к снисходительному благодушествованию, было достигнуто джентльменское, как говорят в Аглицком безлесье, соглашательство. То есть власть не выказывает неудовольствия по части легких намеков писарей на некую якобы неустроенность лесного народа в части свободы, самодеятельности и обеспеченности в отношении накопления и распределения лесных богатств. А потому не выказывает, что располагает многой старческой мудростью, то есть понимает: всякий зверь имеет пожелание продовольствоваться от пуза, а писарь — тем паче, поскольку он есть труженик умственный, а оная работа по природному, биологическому естеству требует чрезвычайного расходования нутряной энергии мозга (если он еще из головы не выветрился!), которая токмо и возобновляется двойной пайкой поросят, кур, меда и сивухи к обеденному столу.

Поелику же писарь рябчики на покупку продовольствования имеет по преимуществу от гонорариев, размер которых в масштабной пропорции издательскими бухгалтерскими регистраторами исчисляется от проданных в писчебумажных лавках книг писарей и толстых курантов с их же сочинительствами, то в оных рукописаниях тот должен подпускать намеки на легкую крамольность и некоторую подлость мысли. Конечно, даже в потаенных своих мыслях не допуская какие-либо потрясения основ и подрывания устоев! Но вот такими-то необидными для власти (дескать, о твоей же благонравной крепости заботимся!) намеками только и может хитроумный писарь потрафить лесному читателю. Ведь со времен Гостомысла и воспоследовавших ему Рюриков известна посконно-домотканная вредность *нашего* лесного звериного народа: в чужом глазу соринку узреть, забыв о своем бревне...

В недавние былые времена, когда литераторы жили хорошо, опекаемые Литфондом Союза писателей СССР и приписанные к издательствам, труд их был регламентирован и очерчен определенными рамками. Так, столичным писателям и «продвинутым» провинциалам, отмеченным высокими премиями, дозволялось сочинять на темы философски-отвлеченные, общечеловеческие — понятно, в рамках гуманизма, интернационализма; рекомендовалось попутно добрым словом отзываться о руководящей роли… и лично! Но от наиболее знаменитых и известных «за бугром» здесь требовался джентльменский минимум: прямо не восхвалять, но «пусть будет плохо тому, кто дурно об этом подумает». Провинции же, периферии по-тогдашнему, оставалась конкретика: воспевание людей труда и агитация за советскую власть. Здесь о партии и правительстве полагалось петь гимны, но в персонификации партайгеноссе не выше областного масштаба.

Сейчас социальный заказ остался только для запиаренных столичных сочинителей детективов, фантастик и глянцевых порнороманов. Провинциалам же, бывшим периферийщикам то есть, осталось только развлечение в виде пускания литературных мыльных пузырей тиражом в 100 экземпляров — своих кровных, или если полного дурака-благодетеля найдут. Вот соберутся они в крохотной комнатушке местного отделения писательского союза (их сейчас несколько) и пускают пузыри:

— О-хо-хо, были же времена хлебные?

— О-о-х, то ли еще впереди...

С ответной стороны, блюдя это аглицкое джентльменское соглашательство, писари дают при получении членского билета Лесписа «клятву верности»: сочинять благопристойно, особенно в части предметов, лежащих в основании обобществленности, не хулить даже полусловом (или единой буквицей с многоточием) все властные персоны и их должностные статусы, начиная с чина коллежского асессора, то есть статского майора. Коль же сами они по Лесному писарского уставу тоже отнесены к таковому чину, то избегать внутреннего междоусобства. То есть воодушевляющее пламя критики партикулярной можно раздувать только на образы персон нижних ступеней табели о рангах, особливо на безвинных овечек коллежских регистра-

торов, а внутренней писарской критики токмо на еще необилеченных и пишущих в свои урочищные и фабрично-заводские стенгазеты. В остальном — *litteran quoad litteram* (в отношении буквального смысла) — всеобъемлющая круговая джентльменская порука. Уже не по-аглицки, но по природным нравам *наших* лесных обитателей.

♦ Для вящей вразумительности и подчеркивания того, что писарство отныне включено в общий табель профессий, хотя бы условно безчиновных, но приравненных к майорскому достоинству, регламентом было определено: званием *писаря* именовались токмо обилеченные члены Лесписа; все же остальные тяготеющие к рукописанию и к светлой, радужной перспективе войти в ряды таковых звались *сочинителями*. Между ними пролегла не то что доступная перепрыгиванию, подоткнув за опояску полы партикулярной шинели, обоченная булыжной мостовой канава, но — пропасть окоемная! И вот здесь-то возникла скверна зависти необилеченных к действительным лесписовцам. Как же страдали в уязвленной гордыни тулуповские сочинители за те четверть века от основания Лесписа, что в их рощах, ельниках, осинниках-березниках, дубравах и болотистых урочищах не имелось ни единого полного (как полный генерал от инфантерии или кавалерии...) писаря?! Даже фабрично-заводские стенгазетчики Чижик и Канарейка с подсвистывающими им Скворцом, Соловьем, Зябликом, Синицей и Пеночкой, тем более иногда публикуемые в подвалах четвертой полосы губернских курантов «За родную трущобу» и комсомолистской «За молодую трущобу», уже твердо освоившие грамоту и умение лихо чиркать гусиным пером Снегирь, верноподданнический Копчик, осанистый Ястреб, патриарх сочинительского дела Глухой Тетерев и рабфаковские «собственные корреспонденты» всей веселой стаей — Кукушка, Ворона, Галка, Сорока и Горихвостка... словом, все они засыпали на своих ветках деревьев и раскрывали очи на утреннее солнышко с единой довлеющей мыслью: а не оттиснут ли в столичной образцовой типографии уже тот билет с золоченым профилем Великого Тигра на обложке, в графы которого фатальной судьбой уготовано в оно время каллиграфу-регистратору Лесписа начертать железисто-галлусовыми чернилами *его Имя*? Но — «долог путь до Типперери, долог путь, четыре дня. Знаю я, красотка Мэри в Типперери ждет меня»... как в годы первого в этом веке великого вселенского кровопролития распевали на позициях солдаты Аглицкого безлесья... Горестно, несмотря на радостное утреннее солнечное благолепие, стреножили они свои мечтания; ведь вступить в Леспис намного сложнее, нежели, к примеру, получить ученую степень доктора филологии.

И было отчего исходить от невольной (или вольной?) зависти. Ведь рядовой провинциальный сочинитель даже в продовольствовании своем перебивался с хлеба на квас, а писари, особливо столичные и университетских центров местопребывающие, жировали. Об этом с огорчительным восторгом рассказывали тулуповским стенгазетчикам и «специальным корреспондентам» иные лихие снегири, сороки и горихвостки, что иногда ездили на перекладных и «чугунке» в столицу: побегать нахраписто по редакциям толстых писарских и тетрадного формата комсомольских курантов со смешными предложениями (ох, фофаны они, фофаны!) тиснуть их поэмы и романы о трудовых буднях родного леса.

Безнадежно толкаясь в редакциях, они и узнавали о регулярно-спокойном обиходе проявивших и просиявших обилеченных писарей. У них теперь и мысли об утолении нервного голода выветрились из голов. Уже не только по табельным числам харчевались они штями с убоиной, но всятко-то день хозяйки их из печи на стол ухватами метали горшки. Да все с бараниной-то штицы! В праздники же, которые в память о предбывших бунтарских геройствах, особливо в главный из них, что на канун Михайлова дня в отрывном календаре киноварью помечен, а также в день опосля ведьмовской Вальпургиевой ночи, в тезоименитство Парижской коммуны, Взятия Басти-

лии и Восстания лионских ткачей...— в оные торжества шти с убоиной понеже постными полагались, а огромадные овальные столы, доставшиеся обилеченному вкупе с отведенной по литеру многокомнатной берлогой от прежних эксплуататорских классов, перебравшихся на прозябание в Галльский лес, хозяйки писарские уставляли для гостей иными яствами.

Очищенную «рыковку» и настоящую сорокоградусную гости гурмански заедали семгой-порогом и копчеными переславскими сельдями. Не вспоминая о бедной своей молодости, когда для них все было и в пир и в мир, празднично собравшиеся писари лакомились копченой же тамбовской ветчиной, что почище хваленого пресмыкателями перед Западным лесом вестфальского окорока. После тяжелого даже для закаленного круглогодичным мясоедом (не как раньше токмо в весенний и осенний, когда свадьбы справляли...) писаря поросенка с гречневой набивкой и хреном, последующие тосты вегетариански закусывали малосольными калиброванными муромскими огурчиками, а нарочито («мы от сохи, вашими изысками брезгуем...») крестьянский поэт Коняга хрустел тугой квашеной ростовской капустой. Жены и дети писарей лакомились ржевской, коломенской и белевской (бывш. «поставщик двора Его Императорского величества») пастилой и засахаренной кольской морошкой, что по раннему озимью, когда установится торный санный путь в Лапландию, поставляют в столицу архангелогородские купцы — люди поведения трезвого и к идеалам обобществления благонамеренные.

...Чего только с три короба не расскажут побывавшие в редакциях столичных курантов лихие снегири, сороки и горихвостки? Известно, славны бубны за горами! Но даже толика истины из рассказанного ими (под отведенный регламентом сочинителям хлеб и квас) неимоверно будоражила провинциалов, поселяя в их головах и душах бессильные порывания «от тьмы к свету» встревоженной бессознательности.

И как-то не задумывались непроявившие и непросиявшие о жизни, трудах и заботах обилеченных писарей. Мало того, что с них верховная лесписовская — и бери куда выше! — власть строго спрашивала рапортами и изустно даже за невольные отклонения от утвержденного Лесного писарского устава. Устав же тот при его перворождении был внимательно прочитан (с красным карандашом) самим Стальным Барсом и одобрен. Поверх же официальным языком изложенных — все-таки партикулярный документ! — положений о добровольческой деятельности писарей по распространению в своих книжных и курантовых тисканьях здравых мыслей в обществе лесных обывателей (о лесной сволочи уже не принято упоминать) ясно полагалось основное предназначение Лесписа и составляющих его обилеченных. А именно: не для того писарям положен ежедневный харч из штей с убоиной, и по праздникам* и поросенок с гречкой и хреном, чтобы они благодушествовали и считались чинами, то бишь числом оттиснутых в книгах и курантах авторских листов и полученных за оные премиальных, а также прогонных и представительских на поездки к своим читателям в лесную глушь. Нисколько не так. Билет Лесписа получал только писарь с горением таланта в душе... и в голове, конечно, осененный благосклонностью муз Эрато, Каллиопы и Мельпомены, мыслию витающих в Дельфах (а тем, кому загранпоездки разрешены — и воочию) близ источников Иппокрена и Кастальского ключа. А собственно задача Лесписа — отображать волнующую обобществленную действительность и устремление к высшим идеалам. Главное же в том заключается, чтобы воспитывать лучшие чувства, нравственность, поиски доброго и вечного в *трудящемся* обитателе *Нашего леса*. И срок жизненности, самого существования и необходимости в оном для Лесписа, как одушевляющего предмета в обобщенности жизни,— соотносится с отпущенным Историей временем самой действенности указан-

* См. выше (прим. ред.).

ного обобществления. Пока что в *Нашем лесу*, но желательно в распространенности по всему лицу земли в качестве узаконенной нормы, каковой руководит неусыпно Марксова наука о накоплении и распределении обобществленных богатств.

Еще же наивные провинциальные непроявившие и непросиявшие не ведали в своей тулуповской чащобной глуши о постоянно вспыхивающих междоусобных словесных кампаниях-баталиях в среде обилеченных писарей, особливо и по преимуществу столичных постояльцев. В порушение положений писарского устава поливали они самым непристойным и подлым образом друг дружку, в основном, все из зависти по части упомянутых авторских листов, премиальных, прогонных и представительских, зачастую вовлекая в паскудное это дело и власть предержащих посредством особливых писарских доносов.

...Но обо всей кухмистерской таких междоусобенных баталий с отчаянной подробностью всех их перипетий рассказал в своем волшебно-магическом романе один столичный писарь, в большой мере хлебнувший воодушевляющей влаги источников Иппокрена и Кастальского ключа в особенности. Поначалу он в писаниях зарекомендовал себя не с лучших позиций, слишком вольнолюбиво и со смехачеством относясь к начальным годам обобществления в *Нашем лесу*, но затем кастальская жилка в нем возобладала, сурьезно стал рукописать, даже в определенных смыслах проявился как собинный собеседник в телефонных диалогах с самим Стальным Барсом, знавшим толк в истинных талантах.

...Но все это обсуждено и переговорено писарскими дятлами и кротами науки писареведения. Мы же вернемся к сочинителям, а впоследствии даже писарям Тулуповского леса. Полагаем — до самого окончания нелицеприятного, но вдохновенного повествования.

♦ Мечтания о ежедневных штях с убоиной и поросенке под хреном в праздники и иные табельные дни для тулуповских сочинителей обострились в верховенство Кукурузного Вепря — в пресловутую «оттепель». Но все едино ни одному из оных сочинителей не удавалось вспрыгнуть в чин писаря, хотя бы они не только никаких пропаганд по предметам всеобщего обобществления не распространяли, но порой являли и недюжинные сообразительные способности к складыванию виршей и написанию повествований. Самое обидное — в самом Лесписе не токмо официально, но и за дружескими ассамблеями с поросенком и тамбовской ветчиной не выказывали ни малейшего сочувствия к треволнениям тулуповских сочинителей за свое светлое будущее, проявление и просияние. Как в народе лесном говорено: не все в ус да в рыло, ино и мимо.

Не могут обиженные тулуповские бесчиновные сочинители сообразиться настоящим моментом: чем они провинились? Или в провинции талант меньшего весу, нежели в столицах и университетских центрах? Казалось бы, в упертом старании их не обвинишь. Не только в подвалах четвертой полосы губернских курантов «За родную трущобу» и его младшего, комсомолистского брата «За молодую трущобу» они регулярно тискаются, но с благонамеренной регулярностью два раза в год начали печатать свои толстые писарские куранты «Тулуповский сочинитель». И книги свои начали печатать, благо судьба сама катила им навстречу «златые горы и реки полные вина» в виде собственного, печатающего полезные для нравственности и обобществления сочинения издательского заведения. Как издревле принято в лесной стране, сообразно сработала присказка: нет худа без добра. То бишь утомивший весь лесной народ своим *волюнтаризмом и пробебелизмом** Кукурузный Вепрь сделал единст-

* С такой энцикликой в 1964 годы <имярек> был удален со всех своих чиновных должностей; волюнтаризм — всем понятно, но пробебелизм требует пояснения: от имени социалиста Августа Бебеля, имевшего некоторое недопонимание теории Маркса (прим. ред.).

венное за свое самоуправное время доброе дело: разогнал неимоверно скопившийся в столице чиновный народ, у которого от обилия дармового харча в виде штей с убоиной, поросят под хреном и копченого тамбовского окорока мозг в голове усиленно выветривался — расселил его в правильной пропорции по губерниям. Волею (волюнтаризмом?) случая Тулуповский лес в новом административном порядке получил статус главного над несколькими соседними лесами, потому в нем учредили местное правительство (партия осталась одной для всех, как и Леспис). Для благонравия, резонности и действия по пристойности при нем создали в тулуповском губернском центре и многие полезные учреждения, рассчитанные на все подопечные леса, в том числе и издательское заведение для печатания благополезных книг. В числе оных предположено было тискать и благонравные сочинения, чем тулуповские писчебумажные труженики тотчас воспользовались под латинским девизом *jus primae noctis* (право первой ночи), коль скоро издательское учреждение хотя и рассчитывалось на несколько лесных губерний, но располагалось-то оно в Тулуповске! А значит местным сочинителям не токмо не следует тратиться на прогонные и представительские рябчики из самоличного кармана, но хоть кажинный день, исключая праздники (покуда, увы, без поросенка с хреном...), в пешем — для бодрого освежения мысли — порядке шествуй в издательское заведение и убеждай тамошних служащих во всенепременной пользе и воспоследующем от того распространении здравых мыслей в лесном обществе от первоочередного тискания его сочинений...

Так благоустроилось в Тулуповском лесу, что и свои писчебумажные куранты завелись, и *bonum vacans* — вакантное благо печатания сочинений в издательском местном заведении предоставилось, но... не являлись в тулуповские пенаты обиленные писари. Хоть в колокола звони и чужих к себе переманивай!

...Сбылось таки! Пришло и в Тулуповский лес писчебумажное счастье — вожделенный момент просияния наступил! От сочинительских посиделок-воздыханий и курантов «Тулуповский сочинитель» в одночасье соорудилось административно-официальное отделение Лесписа, что предполагало обретение Тулуповском обиленных писарей.

В полностью обобществленном лесу не общественность как таковая решает те или иные поползновения на образование предмета действия, но принятый регламент. Но кроме него продвижению к образованию предмета во многом, если не во всеобщности, способствует соревновательность равноправных, но имеющих в подчинении различные леса и урочища властей. Как писари и сочинители считаются своими писчебумажными чинами, то бишь числом оттиснутых типографскими литерами авторских и печатных листов с дальнейшей их брошюровкой, так и воеводы различных губерний пристально надзирают за равными по чину: а не завелся ли у моего соседа воеводы <имярек> таковой занимательный предмет, о коем в *моей* губернии еще слыхом не слыхивали? А коль упущение обнаружено мною самолично, либо же исправником, предводителем, каким-либо малочинным становым или тысяцким доложено по канцелярии рапортом, то немедленно: ату их! Создать немедля! Воплотить в бодрственную действительность, на закон не наступая, но для скорости обходя его в дозволенных устоях и градациях! И для благонравной строгости и побуждения к исполнению: ма-а-лчать! Не рассуждать, а тотчас перевести предмет из области эмпиреев на почву практической пользы! Затем от нарочитости административного гнева перейти к поощряемому благодушию: дескать, действуйте по пристойности, ибо оный предмет суть благо, вельми необходимое для развития обобществленности. В наградных за усердие не сумневайтесь!

Вот по такой-то диспозиции и произошло в Тулуповском лесу в части сооружения соревновательного предмета — губернского отделения Лесписа; в устоявшемся впоследствии поименовании — *Тулупис*.

♦ Надо сказать, что сразу после достопамятного учреждения Лесписа в университетских центрах и в обычных лесах и урочищах дальновидные воеводы принялись, радея об общественном просвещении и рекомендации своих губерний с лучших позиций, учинять отделения Лесписа. Главное — пройти первое препятствие: по Лесному писарскому уставу требовалось наличие присутствия в губернии не менее пяти уже обилеченных писарей. Для сызнова учрежденных губернских писарских автокефалий утверждались три условные должности: руководящего Льва в чине подполковника, Осла в майорском звании и бесчинной Птицы-Секретаря. Отметим: это именно наименование табельных должностей. Замещать же оные мог иной благонамеренный по своему естеству зверь; для сего не требовалось уточнение рапортом и иных докук и настояний, к лесписовскому и местному губернскому начальству обращенных. Не допускались токмо рыбы ввиду их бессловесно урожденного характера, никак не сообразного писарским занятиям. Впрочем, должность Птицы-Секретаря являлась чисто регистраторской, не востребовавшей писчебумажных наклонностей.

Осел, хотя бы уроженец иных, теплолюбивых климатов, по сочетанию врожденной мудрости и доверительности междусобойных суждений, а также пристойной осторожности в части улавливания потрясательных, подрывательных и злоупотребительных намеков всего более соответствовал должности заместителя Льва по творческой пристойности соучастников губернской писарской соорганизованности. Однако — к собственно истории появления Тулуписа.

Возвернувшись с большой, что раз в четыре года происходит, властительской ассамблеи, на каковой речь шла и о роли писарей в дальнейшем усовершенствовании обобществленности, тулуповский воевода, донельзя разобиженный ерничеством на оной ассамблее в его адрес (в буфетных перерывах) властителей иных лесов и урочищ, уже соорганизовавших писарские сообщества, грозно упрекнул ответственных за культурное времяпрепровождение лесного народа чиновников, намекнув явно и прилюдно: а не напрасно ли вы получаете присвоенное содержание?

Огорченные культуртрегерские чины принялись действовать по пристойности, но и поспешая. Главное, старались, чтобы их огорчительное одушевление не имело отвлеченного, как принято в их благодушной среде, характера. «Партбилет на стол!» — более всего устремляло к практической действенности.

Начало делу положило зачисление двух тулуповских сочинителей, один из которых в давности даже побывал секретарем у Великого Льва, в писари. Правда, для учета и регламента их провели по соседнему лесу. Тулуповский воевода, промолчав на такую обиду к унижению своего чина, еще раз провел нелицеприятный разнос чиновникам от культуры: дескать, ищите где хотите, апартаментные берлоги и рябчики подъемные, харчевые и представительские не задержатся, но чтоб, вынь да положь, в самое ближнее время в *моем* лесу еще трое обилеченных имелись!

Коль скоро в это время вторая (из женского полу она была Оленихой) из ранее зачисленных в писари являлась курсисткой Высшего писарского училища, то ей и вчинили негласно сагитировать троих однокашников по училищным курсам, с билетами Лесписа, перебраться под сень Тулуповского смешанного леса. Дело было сделано: слабо благоустроенные в исторических родных лесах и чащобах завербованные писари, в том числе из Якутской мерзлявой тайги и Полесских болот, прибыли в Тулуповск. Каждый получил по роскошной трехкомнатной берлоге (даже если был самдвое с супругой) в центре губернского города, в добротных «сталинских» — так их звали по имени Стального Барса, при котором халтурить воспрещалось,— домах. И рябчиками прогонными, подъемными, харчевыми и представительскими не обидели.

Вот и собрался негласным радениям беспокоящегося о культуре и благонравии лесного народа воеводы пятерик кандидатов в проявившие и просиявшие писарей. И никто им (пока что) поперек не стоял, берлогам апартаментным и рябчикам подъем-

ным и харчевым регулярным не завидовал. Время оно, когда один дурак пятерых умных ссорит, еще не пришло. Словом, благости в воздухах при появлении на свет Тулуписа разлиты светозарно были: *fac bonum et omitte malum* — делай добро и избегай зла, как говорил один из родоначальников этой славной соорганизации, упомянутый выше последний секретарь Великого Льва, коль скоро он в царевой еще гимназии ума-разума набирался и латынь зубрил за партой оной.

...А раз не мытьем, так катаньем, в смысле числом и достаточным умением, пятеро обилеченных писарей собрались воедино (но каждый в своей благоухоженной берлоге) под сенью командированных от Кастальского ключа в Тулуповский лес писчебумажных муз, то, как говорено, и свадебку пирком. Воевода, теперь уже не остерегаясь язвительных намеков на некультурность от хозяев других лесов и урочищ, благословил создание Тулуписа; Леспис одобрил, приписав создание еще одного очага в лесной глуши, конечно же, себе. На организационную ассамблею прибыли из столицы руководители Лесписа, седовласые и умудренные, естественно, проявившие и просиявшие на положенных им ярусах Скрижалей. «Писари Тулуповского леса,— в заздравном спиче на ассамблее говорил один из них, просиявших,— вельми должны усердствовать в сочинении резонных книг об обитателях вашего преславного леса, при этом держа в уме, что читать их станут по всем окоемам *Нашего леса*!»

В завершении празднично организованного властями и усердием самолично тулуповского воеводы, предводителя и исправника тож, действа, но уже в междоусобном писарском кругу был избран на должность Льва смененный из Якутской мерзлявой тайги писарь. Признанный умелый соорганизатор пишущего зверя и тонкий дипломат в части междоусобных раздоров.

♦ Лиха беда начало, даже если лихо всенепременно за спиной всякого счастливца стоит. Но лихо самочинствует некоторое время втихомолку и набрасывается на ничего не подозревающего опосля... когда природная бдительность писаря утрачивается. Но случится сие лишь через десять лет после узаконения Тулуписа, о чем позже будет сказано. Пока ж облагодетельствованные Лесписом, воеводой и культуртрегерскими властями тулуповские писари развернулись во всю губернскую ширь и удаль. Не следует мнить, что Леспис и его губернские отчинения были устроены радением Стального Барса и Горькоусого Моржа едино для беззаботного продовольствования писарей. Это было бы накладным для лесной страны баловством да и только, о чем выше приведены пристойные рассуждения. Главное — обеспеченное жительство и харчевание не отвлекало писарей от сочинения книг, способствующих общественному цветению лесной страны. А с числом оттиснутых литерами книг и междусобойных критик приходило и мастерство, которое, в свою очередь, продвигало к проявлению и просиянию с весомой надеждой на оседание в положенных писарским регламентом ярусах Скрижалей.

В обобществленном *Нашем лесу* во всем главенствовала коллекта*, из чего приветствовалось численное возрастание писарей. Шестым сочленом Тулуписа также стал пришлый, завершивший все те же курсы при Высшем писарском училище Сказочник. Родопроисхождением с Мокшанских лугов. И его воевода с предводителем не обошли трехкомнатными апартаментами, прогонными, подъемными и пр. Имеется в арифметических учебниках для гимназий, того же Магницкого (но и не того, что упоминали выше...) правило о прогрессиях, где та же коллекта возрастает не простым прибавлением единиц (един в уме держим, два в пропись заносим), но все набирающим мощь при увеличении текущей численности. Так наблюдалось и с Тулуписом: после прибытия Сказочника чужих более не звали, а междоусобным тайным голосованием вычленяли в писари наиболее способных тулуповских сочинителей. И им воевода по наущению партийного предводителя на добротные берлоги и подъемные не скупился.

* Термин (разговорный и книжный) XIX века, далее трансформировавшийся в «коллектив» (прим. ред.).

Вызвал халиф Кишмишстанского ханства визиря по идеологии для доверительной беседы:

— Знаешь, Саулбек Биригендерович, моя дочка Зульфия, которая, как ты хорошо знаешь, в МГУ на филфаке учится, намедни позвонила. Дали ей сложную тему для курсовой работы по политологии: «Большевизация и современная американизация Средней Азии в исторических параллелях»…

— Вот, неверные, как закрутили, мой повелитель!

— Погоди, Саулбек, не на митинге мы, не на телевидении. Давай к делу. Референт мой кое-что скачал с Интернета, но нужны практические примеры. Нарой что-нибудь по памяти.

— А чего тут рыть. И сами, ваше… сам, дорогой Назым, знаешь по моей биографии. Дед Барлык-хан в двадцатые годы был главным басмачом в наших местах. Три года за его отрядом конники Ворошилова безрезультатно гонялись. Кровушки реку немалую дедуся пролил. Но затем, как человек умный, первым дал клятву Клименту Ефремовичу в верности партии и народу и обменял именной маузер — от английского короля Георга — на должность первого секретаря обкома. Убывая беседовать с аллахом, передал ее отцу Биригендеру Барлыкхановичу, а тот, как сам опять же знаешь, меня в наследство ввел на закате нашей бывшей родной власти. Теперь вот ты меня подобрал… вроде как все в обратную сторону двинулось.

— Эт-то ты на что намекаешь? Знай все же меру, хотя и в ВПШ вместе учились! Кстати, сегодняшний курс поганого доллара к нашему алтынчачу узнавал?

И самим *тулуписцам* веселее во все увеличивающейся коллекте время, остающееся от писчебумажных упражнений, проводить; опять же интриги повелись, что бодрят течение жизни и учат проворству, и тулуповским властям есть чем по культуртрегерской части на вселесных ассамблеях отчет держать. Выступает, к примеру, по принятому регламенту на такой ассамблее тулуповский воевода, доложил о благонравии обитателей своего леса, а по части хозяйственной зачитал таблицы о числе котёлок, пудах меда, числе поросят (с хреном и пока еще без оного), ведрах сивухи и пр., сгоношенных в Тулуповском лесу его с предводителем и исправником радением.

Ан недоброжелатель из залы ехидно: «А как с культурой-то! Имеются ли в наличии присутствия обилеченные писари?» Раньше бы воевода скуксился, а теперь горделиво и подбоченясь: «Превосходно у нас с культурой со всех сторон рассматриваемого предмета. Если до обобществления в Тулуповском лесу имелся в наличии токмо один писарь — Великий Лев, то ныне у *меня* оных, зачисленных в Леспис, целиковый двадцатник!» Ассамблея от гордости за своего сочлена в полном восторге рукоплещет. Только допущенные на это мероприятие седовласые проявившие и просиявшие, уже при жизни занесенные на Скрижали, меж собой необидно ухмыляются... мол, из пустой хоромины, либо сыч, либо сова, либо *сам сатана*. Как в воду седовласые насчет Тулуписа глядели — но позже об этом опять же.

Десять лет начального существования Тулуписа — самое блистательное время для тулуповских писарей. В тогдашнюю пору все лесные жители страны от мала до велика читали книги и толстые писарские куранты, развивая в себе благонравие и упраздняя всякие подлые мысли, что остались от эпохи старого, еще не обобществленного леса. У тулуповцев, исстари полагающих свой лес наипервостепеннейшим, горделивое чувствование к писарским землякам все более проявлялось. А те, по регламенту обилеченных, уже не одни подвалы курантов «За родную трущобу» и «За молодую трущобу» занимали, но и целиковые писарские рубрики там завели. Каждый писарь раз в год-два тискал многогонорарную книгу в *своем* издательском учреждении. И в столичных курантах кое-кого из них приметили и привечать начали. Премиальными особо пока не баловали, но уже Олениха получили скромное, но на слуху у всех писарей лауреатство...

Бурлила писарская, сочинительская жизнь в Тулуповском лесу. Авторов по дагерротипам в местных курантах уже в лицо на лесных улицах начали узнавать. Писари же, особливо из легких на подъем стихотворцев, солидную прибавку к гонорариям извлекали из творческих поездок с выступлениями перед лесным народом по заводам, фабрикам, урочищам, департаментам и училищам Тулуповского леса. И по части грамотного сочинительства писари усердствовали: записывались в Высшее писарское училище или на курсы при оном, благо столица рядком, а прогонные всего два рябчика в един конец.

Но — писарь полагает, а имущий власть располагает. И вышел превеликий конфуз с Тулуписом.

♦ ...Однако грех да беда на кого не живет? Разблагодушествовались не токмо писари тулуповские, но в «золотые годы» верховноправительства Второго Тигра, давшего пинка под зад волюнтаристу и пробебелисту Кукурузному Вепрю, вся лесная страна, перейдя на ежедневные шти с убоиной, приобрела искреннее пламенение души и осязательное содержание своих трудов праведных и вознаграждение за оные. Городские лесовики служили по департаментам, фабрикам и заводам. Обобществленные жители деревни летом землю общим колхозным обычаем работали, а зимой валяли валенки или иному оброчному занятию предавались. Но и в городе и на селе тесно общались с культурой, читали запоем стихи поэта Рубцова («Мне поставят памятник в городе или на селе. Буду я и каменный навеселе»). И тулуповских писарей, усердно приумножавшихся, земляки читали и других лесов обитатели — слово «обыватель» в обобществленную историю страны полагалось ругательным и исключенным из употребления.

Но всякое общественное цветение и вольнолюбивое расширение своих идеалов приводит к потере бдительности — обратной стороне всеобщего благонравия и благодушествования. И гром грянул над Тулуписом. Почему Илья-пророк для образцово-показательной порки избрал почти из сотни губернских отростков Лесписа именно тулуповский? Кто знает... может звезды в таком астрологическом соподчинении

на закопченом небе заводского Тулуповска сошлись, или почившие на лаврах воевода с предводителем и исправником бдительность ослабили. Увы, История обратного ходя не имеет: в ее анналах и на ее Скрижалях входят односторонне сколь-либо проявившие и просиявшие... в мирных докуках или в наиболее блестящих злодействах, поучительных срамных делах, великих кровопролитиях, но обратного хода из Истории в реальную протекающую жизнь не предусмотрено. То есть править, исправлять, дополнять или искажать Историю — дело хотя и нехитрое, но на полном резоне дурацкое.

Итак, гром прогремел над Тулуповским лесом, молния попала, аки нарочито прицеленная, прямо в Тулупис на десятом году его <увы, предыдущего> благодушествования, цветения и продвижения к пока еще дальним окрестностям Скрижалей.

...Нет, конечно, и до этого междоусобства в форме сугубо специальной писарской хвори — зависти к ближнему — имело место быть в Тулуписе. Оно и понятно: коллекта писарская все увеличивалась, а у издательского заведения в Тулуповске план тисканья книги отставал за оным ростом жаждущих сочинять под гонорарии. Отсюда и подковерное первенство затеялось — источник зависти и взаимного враждования. И даже верноподданническое доносительство по части опекаемой предводителем партейности; особенность участия в Лесписе, оно же в Тулуписе — обязательность окромя писарского иметь в наличности и партейный билет. Соревновательность эта в писчебумажном занятии распространялась и на прокормочную докуку, завидование по выделенным берлогам: у одного трехкомнатная апартаментная в центре, у другого — поближе к окраине и всего лишь о двух комнатах... Поелику же тулуповские писари находились в спелом для любовных утех возрасте, да от ежедневных штей с убоиной и праздничного поросенка под хреном натура бунтовала и требовала оных, то тянуло обилеченных сволочиться с молодой красивой зайчихой или кобылицей из преданных почитательниц губернского таланта, заводились мамошки* для утоления будоражащей страсти. Опять же такой либерализм в повреждении семейных устоев — по части предводителя: по устному или писанному доносительству недруговзавистников.

Но все это дело обыденное, особенно по женской части. Предводитель посмеивался чтением доносов или даже слегка завидовал наиболее ушлым жеребцам. Полицмейстеру и жандармскому шефу Тулуповска доносительства и вовсе остерегались сочинять: не за супротивника, конечно, опасались, но за мать-кормилицу, то есть за Тулупис; как бы не прикрыли! Дело тонкое и политичное.

Но вот что случилось на десятом году благодушествования тулуповских обилеченных писарей, то ни словом сказать, ни пером описать в приличествующих партикулярных выражениях, ибо по сути рассуждать — одни неудобные для литерной печати выражения получаются. Таковое в писарской среде злоумышленное подрывание устоев и потрясение основ, очернение высших идеалов, беспримерное по нарочитой срамной наглости ни то что в обобществленный период истории *Нашего леса* ни до, ни после не случалось, но и сообразоваться настоящим манером со времен Гостомысла и братьев Рюриков могут разве что с предательством князя Курбского и воспоследовавшей его перепиской <в сугубых матерных изъяснениях> с Иваном Грозным. И все одно на предмет упомянутой уже срамной наглости злоумышление князя супротив учиненного тулуповским писарем Лошаком паскудства все одно, что утаенная полтинная монета перед украденным золотым полуимпериалом в рябчиковом исчислении...

Молодой Лошак, хотя бы и выглядел несколько несоответственно с возрастом

* Сволочиться <с кем-то> — завести любовную связь; мамошка (или мамоха) — любовница. Разговорный язык XIX века (прим. ред.).

старообразно, что в лесном обиходе ядовито зовут «оглоблей», являлся баловнем касталийских муз — не в понятии особливого какого таланту, но в умении улавливать щербатым своим носом веяния «сверху» к особливо значимым событиям и датам. Таковых умельцев лесписовцы в домашнем междусобойном кухонном кругу за поросенком под хреном и «очищенной» (женам и малым детушкам — пастила и морошка в сахаре) именовали *датскими писарями*. Потрафляя либерализму в «оттепель» при Кукурузном Вепре и общему расслабляющему благодушенствованию при Втором Тигре, Лошак и здесь подпускал в писчебумажных сочинениях инвективные ужимки, но — все в пределах намеков на желательное усовершенствование (борьба лучшего с еще более лучшим!) регламента и осязательного содержания идеалов цветения обобществления. Самый упертый в своем запретительном деле ценсор, хоть в астрономические окуляры глаза порти, не мог выявить в писаниях Лошака ничего либеральнее замечания, что де вот герой его повествования возжелал (с похмелья что ли?) вкусить соленого арбуза, обегал все зеленные лавки в своем сибирском урочище, но диковинного приуготовления фрукта не обрел... И верноподданнически Лошак рекомендовал кому следует обеспечить *Наш лес* (опохмелительными) солеными арбузами. Ценсор, научившийся латыни в университете, оконченном по римскому праву, вспоминал сообразующуюся с арбузным либерализмом формулировку: *causa impulsiva per stimulos*, то бишь побуждающая посредством стимулов причина,— и надписывал разрешающий к тисканью литерами гриф, сходный с масонским знаком.

♦ С чего это музы, восторгающиеся всем изящным («*Хохот, свежий точно море, хохот, жаркий точно кратер, / Лился лавой из коляски, остывая в выси сфер...*»*) и красиво прекрасным, возжелали избрать своим представителем в тулуповской лесной глубинке Лошака, дагерротипная фотогеничность коего тотчас побуждала вспомнить присказку, что-де с лица не воду пить? О, эти женские загадки! Но в части данного предмета сказать, что любовь зла, полюбишь и осла, значило бы обидеть занимавшую в Тулуписе тогда должность Осла добропорядочную птицу Казарку...

Конечно, грамоте Лошак знал изрядно, то есть на гимназическое «хорошо», не зазря ученичествовал в Высшем писарском училище, откуда был выпущен по прозаическому разряду, тотчас уловлен дипломатическим писарем из Якутской мерзлявой тайги Лавроносным Журавлем, уже примерявшем на себя должность Льва во вновь соорганизуемом Тулуписе, водворен на постоянное местопребывание в Тулуповский лес с выделением самой благодатной — в сравнении с другими писарями, соорганизаторами — трехкомнатной апартаментной конюшне с приличествующими прогонными, подъемными и представительскими.

Опять же легкое либеральное резонирование и *датское* чутье, о чем говорилось выше, поспособствовали довольной регулярности тисканья книг и на страницах столичных писарских курантов. Ничем не выделялся Лошак в предмете и содержании писарского умения в соотношении с большинством лесписовцев и собственно тулупсовцев, но... вот так на молодого Лошака пасьянс разложила судьба, а гораздо правильнее — умел он нужную карту в бостонной игре передернуть без битья канделябрами и шандалами по головке тыковкой. Лошак еще в столичном своем бытье довольно извертелся в лесписовских кругах. Облик его и прозвище запало в седеющие головы тамошних проявивших и просиявших, оттого отказу ему не надлежало быть в толстых писарских курантах; уже в тулуповское житье-бытье ввели Лошака в редакторскую коллекту главных молодняковых писарских курантов, что тиражировались в столице ежемесячно в миллионах штук и прочитывались всем *Нашим лесом*.

С таким-то устремлением в ряды проявивших и просиявших Лошак и прибыл в Тулуповский лес с молодой жеребой Кобылкой... почему-то в последующие годы ему

* Игорь Северянин. Июльский полдень. Синематограф (прим. ред.).

с неизменным постоянством сопутствовали эти обязательно жеребые кобылки, затем вскачь убегавшие от Лошака. Даже на конфузное и подлое свое дело он отправился от все такой же жеребой кобылки — очередной мамошки.

...Да еще Лавроносный Журавль подливал масла в огонь, прилюдно устно и писчебумажно расхваливая сверх всякой меры «нашу надежду и осязательное содержание растущего в мерах талантливости Тулуписа, одаренного писаря, беспрестанно сеющего рукой добродетельного пахаря на нашей лесной ниве разумное, доброе, вечное, беззаветно отдаваясь своим ощущениям благ, необходимых для дальнейшего развития и процветания обобществленности»... и далее в тех же велеречивых похвалах. Понятно дело, Лавроносный Журавль, заботясь о радикальном возрастании авторитета начальствуемого им Тулуписа, меркантильно питал надежду на исполнение искреннего пламенения своей писарской души: посредством высоких столичных покровителей Лошака и самому себе приблизиться к стройным шеренгам, побатальонным «квадратом» под звуки оркестра полковой музыки марширующим в одушевление своих идеалов в диспозиционном направлении к абрису едва еще узреваемого в раннеутреннем весеннем тумане контуре писарских Скрижалей.

...Но «травмированный ранней славой», как удачно в кулуарной беседе посередь доверенных своих высказался тулуповский писарь Альбатрос, Лошак полагал все высокопарные восхваления, к нему относящиеся, натурально самими собой разумеющимся и вовсе не имел в мыслях предстательствовать перед столичными писарскими чинами за своего благодетеля. И вовсе не полагал за что-либо из себя значащих всех тулуповских писарей, поплевывал на них фигурально. Словом, вел себя соответственно присказке: един брат сыт и крепок, другой брат жидок и редок. Вообще не имел какого-либо общения с ними, исключая случайные встречи у кассы тулуповского издательского заведения. «Я есмь единый писарь в этом лесу... и не только в ем одном,— прилюдно рассуждал Лошак в некотором употреблении «очищенной» по табельным дням в гостеваниях у видных служебных персон Тулуповска,— все же остатние, именующие себя избранниками муз, суть графоманы уровня учрежденческих стенгазетчиков!» И всем это почему-то по душе маслом ощущалось прокатившимся. Даже самим введенным Лошаком в ничтожество тулуповским писарям. Потемки душа человеческая, а писарская и того более. А все от того, что в те добронравные и снисходительные времена жилось писарям хорошо на гонорарии и сообразные приработки, но регулярность их получения паче всего определялась изворотливостью, умением подольстить тому, кто мог «порадеть своему человечку».— Даже в слабоожидаемой перспективности. Лошак же мог многозначительно, надув брылья, заметить к случаю, что-де в Лесписе он со всеми на короткой ноге; привет, мол, брат Пушкин, как жизнь? — Да как-то все так, брат Лошак. И сам главный писарский Осел за него лесписовскому Льву предстательствует... Доверчивые тулуповцы, хотя бы в своем кругу хитрецы и их на мякине не проведешь, невольно робеют: ваше лошаковское степенство, вы отцы наши, мы дети слабограмотные ваши, уж пособите при случае — просто, не прося ни за кого, скажите: есть, мол, в Тулуповском лесу такой дедушки Мазая писарь Заяц! С нас, сирых, и этого довольно будет.

Лошак же, присвистнув и тотчас изгнав из тыквенной своей головки все писарские благоглупости, шел в пристойный для его реноме круг общения, что охватывал достойнейших чинов Тулуповска, близких к воеводе, предводителю и исправнику. Но шеф жандармов и полицмейстер также о Лошаке наслышаны с благонравных позиций соблюдения идеалов обобществления.

♦ Конюшню же свою дармовую Лошак, ничтоже сумняшеся, в бодрственную действительность самоличных — уже не проповедуемых им обобществленных! — идеалов превратил. Продовольствовался он обычным делом в трактирах и в гостева-

Бомж Игнат сходил на прием к депутату городской думы, новорусскому купцу Лаврову. До Самого секретарша общественной приемной депутата Игната не допустила, но выдала по разнарядке и под роспись тридцать рублей. Пошел довольный Игнат на ближний рынок «своего» микрорайона и купил у частного предпринимателя Ворсклова, торгующего вразнос, два пирожка с квашеной капустой. Время зимнее, поэтому люди в общественных местах улицы для взаимного сугрева стараются обитать кучкой. Вот и Игнат, пережевывая обеззубленными деснами домашней выпечки пирожки, завел беседу со скучающим Ворскловым. Как дипломат в душе, а по образованию инженер-ракетчик, Игнат заговорил на тему дня: грядущие выборы в главную думу страны:

— За кого голосовать будешь, достопочтенный?

— За наших, бродяжка,— ответил частный предприниматель, в бытность давнюю учитель литературы.— А почто интересуешься? Ведь бомжей к урнам не подпускают.

— Ошибаешься, достопочтенный; сейчас и без прописки можно. Так вот и я надумал голосовать за Народную партию торсионно-инновационного освоения Марса.

нии у сурьезных персон, где завсегда подавали фаршированного гречневой кашицей поросенка, добавляя к оному первостатейного лафиту и доброй «очищенной», настоенной на ягоде клюкве <<дойдя до этого места при первом чтении авторизованной под Салтыкова-Щедрина *исторической* повести, Игорь Васильевич усмехнулся и сделал легкое вразумление аспиранту Володьке: «Прекрасно понимаю твою семейную гордость — настоенную на клюкве самогоновку, но ведь *историческая* правда важна! Самогонить-то на Св. Руси стали только в начале Империалистической, когда Николашка-царь сухой закон ввел. Поэтому прошу: при дальнейшей работе над диссертацией аутентичность *историческую* соблюдай; как говорил персонаж знаменитой кинокомедии: «А ты не путай личную шерсть с государственной!»>>

...Не брезговал и домашними штями с парной убоиной, на рынке приторгованной, если на тот момент в конюшне обиталась очередная, непременно жеребая кобылка. Отдельное стойловое помещение отвел под самоличный кабинет, где сочинял на писарском досуге, беззаветно отдаваясь творческим устремлениям (око за око, нумер толстых курантов за нумером), руководствуясь светлыми, радужными перспективами гонорариев по высшему разряду, чутко разбрыльенными ноздрями осязаясь на полезные даты и события в упрочении и дальнейшем цветении Марксового идеала обобществления.

Но ближе к сумеркам и на всю ночь, особливо в промозглую, слякотную осень, позднедекабрьские морозы, февральские вьюги, мартовские стылые иды, в самом большом стойле лошаковской конюшни набивался — с ответными визитами — чиновный и прочий светский бомонд Тулуповска. В числе каковых все те же из круга ближних к воеводе, предводителю и исправнику. Иные и из благочиния полицмейстера и шефа жандармов запросто заходили, отстегивая в прихожих сенцах сабли от мундирных поясов и снимая шпоры.— И сразу гости, добродушно ухмыляясь, а которые в мундирах подкручивая усы, устремлялись к фуршетному угловому столику: к водке, коньячку, дамскому лафитцу, к икре паюсной, конторской и пробойной, к семужке и балычку-с.

Опосля уже за обеденным овальным столом пир на весь вечер и половинное начало ночи: с тостами, либеральными (в своем кругу) беседами, вистом и бостоном, с дамами для плясов и общего одушевленного благоустройства. Имелись в гостевом наличии и писари, но токмо (упаси бог!) не тулуповские, но наездом из столиц и университетских центров, такие же как Лошак энергетические и устремленные к проявлению и просиянию.

Много чего в тех весельях говорено было. И сам Лошак и многозначительные гости воодушевлялись радостными успехами общественного цветения Тулуповского леса, меж тем многое для себя узнавая нового в веяниях, лежащих в основании нынешнего уклада обобществления...

И лишь только впервые попавшие на раут к Лошаку изумлялись: потолок гостевого стойла... был по всей его площадности закопчен до грифельной гимназической черноты. Каждый же такой неофит — в знак вхождения в этот «круг короля Артура», олицетворявший писарскую мысль и вообще художественное одушевление Тулуповска — обязан был взобраться (до первой фуршетной стопки безопасности в части членовредительства для) по лесенке-раскладушке, что на такой случай имелась в углу стойла, и на не занятом еще пятачке вороненого потолка подмахнуть свою подпись, для чего применительно пользуясь палочкой гимназического мелка. Оный также всегда про запас наличествовал у хозяйственного в части домашнего быта Лошака.

Почти с десяток лет жуировал и благодушествовал наш Лошак, имея обильные сонмы рябчиков от беспрестанно издаваемых книг и печатания в толстых столичных курантах благонамеренных, в основном *датских*, сочинений, для остроты чувствования и спроса читателей в писчебумажных лавках слегка подперчивая их дозволенным либерализмом — навроде упомянутых уже соленых арбузов. Исподволь тулуповские писари, вне всякого сомнения, люто завидовали ему, но то была абстрактная зависть недостижимости: как бы Моська тщилась уравняться геометрическими и весовыми пространствами с облаянным ею Слоном. Лай не лай, но если ты суть мелкая квартирная тварь, то куда тебе до украшения зоологического паноптикума?

Нет, всенесомненно, за эти десять лет после обретения вожделенных билетов Лесписа тулуповские писари, хотя и не всем кагалом, но в приличествующей пропорции, вплотную приблизились к той линии горизонта, с которой уже просматри-

ваются дальние предместья Скрижалей. Шло время, многие прошли курсы в Высшем писарском училище, а если от рождения голова способна «ямбы от хореев отличить», либо склонна к историческим и лирическим жизнеописаниям, то в итоге многие тулуповские «инженеры» душ лесных обитателей ничем не отличались по грамотности и осязательному содержанию своих сочинений от уже проявивших и просиявших из других лесов, но даже от таковых из столиц и университетских центров. Все-то отличие в географии и писарском компанействе. Нередко уже тулуповцев тискали литерами и в толстых столичных курантах.

Еще раз оговоримся: нет худа без добра. Так и здесь: тулуповские писари, завидуя в бессознательности Лошаку, в оно же время вполне чистосердечно благодарности ему не то что прилюдно льстя, но и заглаза, даже сам-один находясь в каком-либо местоположении, выказывали (!?). Удивительного в том ничего не сыщешь: их все чаще «узнавать» начали в столичных курантах, самых-пресамых рябчиковых и Скрижалью осененных. «Ба-а! Да этот проситель по части напечатания в наших курантах из Тулуповска! Это ведь где *сам* Лошак укрепляет прочные устои *наших* идеалов и подвигает оные на ниву всеобщего обобществленного просветительства, да? И вроде как Лавроносный Журавль на должности Льва ему всячески поспособляет в устоянии идеалов». После чего произнесший сию похвальную тираду Осел — секретарь курантов предстательствует перед самим Львом-редактором за тулуповского автора: «Ваше степенство! Надоть тиснуть этого Лисенка тулуповского, конечно, сократив раза в три... опять же Лошак!»

К десятому году своего бытования Тулупис уверенно шел к дозволенным регламентом обобществления идеалам добра, осязательно перенося на ниву практической полезности эмпиреи устремленности и благонравия. И собственно коллекта тулуповских писарей ни шатко ни валко, но все же не допуская особливой кривизны, как городовой на посту у своей полосатой будки бодрствуя, все более приближалась к позициям равнозначности с первенствующими губернскими писарскими товариществами (уже на паях которые, но не с ограничительной ответственностью...). Конечно, до столичных и университетских центров очень далековато все просматривалось, но... чем черт не шутит? Вдруг подвиг блестящий какой случится на тулуповской ниве писарской — и все единово, в однодень просияет?!

...Вот и «просияли», ибо боге не микишка, зрит на ком шишка. Видимо изначальный грех кто-то свалил на тулуповских писарей, причем свалил безадресно; это как досужий прохожий, что в мартовскую оледень аккуратно смотрит под ноги, увидит медный семишник, а то и вовсе серебряный гривенник, обрадуется, подымет, с серебрушкой и вовсе в кабак завернет, сотку или шкалик на найденную дармовщину в организм введет... а того не ведает простодушный, что монетка эта заговоренная, кто-то с себя грех снял, перенес на семишник или гривенник и подбросил: с Федота, мол, на Якова перейди!*

Да и мужик не перекрестится пока гром не грянет. Надо было креститься тулуповским писарям до грома, но только три пальца ко лбу приставишь, как тут же рядком птица Казарка, что на должности Осла в Тулуписе. Добрая она и сердечная, но ведь ответственная по своему чиновному месту за идеалы обобществления, в числе коих обращение к всевышнему не означено табелем...

(Окончание следует)

* Замечательно и со смыслом таковое свойства денег описал Л. Н. Толстой в своем «Фальшивом купоне» (прим. ред.).

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Андрей Новиков
(г. Липецк)

Первая серьезная публикация состоялась в журнале «Подъем» в 1984 году. Печатался в газетах «Литературная газета», «Московский комсомолец», «Общеписательская литературная газета», во многих журналах СССР, России, Киргизии, Белоруссии, в альманахах «Паровозъ», «Истоки», «Поэзия», «День поэзии», «Академия поэзии», «Под часами», в коллективных сборниках «Турнир», «Дебют в «Современнике», «Молодая гвардия—85», «Тверской бульвар, 25». Автор 5 книг. Секретарь Союза писателей России.

КНИЖНЫЕ ЛЮДИ

После окончания культурно-просветительного училища Аня получила распределение на работу в большое село Подгорное. Она стояло в девяти километрах от райцентра. Комнату ей пообещали снять у сельской пенсионерки. Рейсовый автобус сломался на середине пути и Ане, единственной пассажирке, пришлось зимней ночью идти больше часа пешком. Ей даже показалось, что на пустынной дороге, огороженной деревянными снегозащитными щитами, она видела волка. В темноте из придорожных кустов горели два внимательных глаза. Она шла и боялась обернуться. Так и вошла она в темное село, нужный дом спросила у стоявшей у колонки женщины:

— Это вам к Елизавете Дымовой,— опустила оцинкованное ведро закутанная в теплый платок селянка,— вот тот дом, из красного кирпича возле склада, видите, окно горит?

Аня благодарно кивнула и пошла на слабый огонек за красной занавеской. Дом у пенсионерки Дымовой был небольшой, кирпичный, в одно окно, с пристроенным двором из самана. Весь двор был заполнен желтыми и оранжевыми тыквами, часть из них уже успела подгнить. Старушка Елизавета встретила Аню приветливо, быстро оценив, что новая библиотекарша сильно продрогла.

— Автобус сломался,— виновато сказала Аня,— я полдороги пешком шла. Мне кажется, я волка видела, сильно испугалась.

— У нас такое бывает,— кивнула пенсионерка,— ты полезай-ка на печь, задницу греть, а я щи тебе разогрею.

Аня молча и с благодарностью влезла прямо в пальто на полати. Они пахли старыми валенками, шиповником и сухой глиной. Уже через полчаса она согрелась, а бабка Елизавета разогрела щи на электрической плите.

Она подала Ане щи прямо в помятой алюминиевой кастрюле, нарезав несколько пластиков сала и черного хлеба. Эта простая еда показалась Ане самой вкусной на свете. В это время бабка Елизавета, бурча себе под нос, перешла к разговору о личной жизни. На стене, в деревянной рамочке, висели старые, пожелтевшие семейные фотографии. Одна была самая крупная, с человеком в военной гимнастерке:

— Вот я с Петром Федоровичем тридцать лет прожила, умер десять лет назад от воспаления легких. Шестерых детей родили, трое померли, а остальных жизнь по всей стране развела. Редко приезжают, внуков всего два раза видела. Мужа всю жизнь по имени и отчеству звала, не так как теперь у вас принято, в строгости жили, даже ни разу не поцеловались.

Аня от неожиданности поперхнулась щами:

— Как это так, шестерых детей сделали и не поцеловались?

— А что я,— хитро улыбнулась бабка Елизавета,— спать лягу, он сзади пристроиться и что-то там ворочается себе, а я вид делаю, что сплю. Так дети и получались, без всяких ваших поцелуев!

Библиотечные дни были похожи один на другой. В натопленном большой металлической печью зале стоял резкий запах типографской краски, книг, газет, журналов. Молодая библиотекарша Аня откровенно скучала целыми днями, дожидаясь конца рабочего дня. Уже была прочитана вся периодика, а любимые книги, которые она перечитывала, вызывали теперь раздражение и равнодушие. Она часами смотрела на тихую сельскую улицу, на кладбище, примыкавшее к деревянному зданию библиотеки. Читателей не было. Изредка в библиотеке появлялся кто-то из школьников. Она до сих пор помнит своего первого читателя — смышленого белобрысого подростка, как его почему-то боялась и непонятно почему рекомендовала четырнадцатилетнему мальчишке рассказы Борхеса. Он принес книжку через день, разочарованно признавшись, «как скучно и куце пишет этот дядя».

Ученики просили книги из школьной программы, иногда забавно путая названия и авторов, не зная, что им вообще нужно. Или просили книжку про войну или приключенческую. Школьная программа ее все более настораживала, даже на привычные басни Крылова она стала смотреть с подозрением. Вот ведь пишет: «На ель ворона взгромоздясь». Сколько же должна весить такая ворона, чтобы «взгромоздиться»? А стихотворение Некрасова о медведе, которого смотритель принял за генерала? Употребил классик неуклюжее сравнение «Мохнатый седачок»? Один из юных читателей и вовсе рассмешил, попросив стихотворение Пушкина «Я помню жуткое мгновенье...» Иногда Аня делала обход по домам должников, книги возвращали в потрепанном виде, были и с коричневыми следами от тарелки с супом. Библиотекарша только вздыхала и пеняла нерадивым читателям, предупреждала, что книги больше не даст, однако покорно выдавала нужную литературу проштрафившимся читателям.

Путь к домам нескольких должников проходил прямо через кладбище, так было короче. По дороге Аня с интересом рассматривала припорошенные снегом, заросшие сухим бурьяном могилы, читала таблички с именами усопших. «Да здесь все библиографические данные!»,— невольно осенила ее лукавая мысль, она хорошо помнила, как пару дней назад в библиотеку наведалось районное начальство и требовало увеличить количество читателей, грозили урезать финансирование или вовсе библиотеку закрыть.

— Что я сделаю, если нет читателей,— робко оправдывалась Аня,— кто на селе книги читает, кроме школьников?

— Вы плохо работаете,— с непроницаемым лицом отвечал ей молодой чиновник в модной финской дубленке,— ищите индивидуальный подход к сельскому труженику. Объясните трактористу или доярке, что книга — источник знаний.

Библиотекарша слушала и покорно молчала, другой работы все равно не было. Но выход из положения она нашла и весьма необычный.

Так Аня завела в библиотеке новые формуляры с фамилиями покойников. Вначале она боялась, что обман может вскрыться, но отчеты проходили нужные инстанции и на них никто не обращал внимание. Есть новые читатели и есть. Иногда она, осторожно проходя по кладбищу, останавливалась у могилы потустороннего абонента и весело спрашивала:

— Ну, что Валерий Иванович Карпенко, новый роман Донцовой понравился?

Ей казалось, что могильный холмик с колеблющимися на ветру останками проволочных венков глухо отвечает:

— Да разве можно это читать?

Однажды, к концу рабочего дня, сидя за столом в библиотеке, Аня услышала, как тихо скрипнула входная дверь, и раздались шаркающие шаги. Она привычно не подняла глаз и спросила:

— Вам какая книга нужна? У нас есть новые поступления.

Через секунду Аня подняла глаза, но перед ней никого не было, только в открытую сквозняком дверь, как ей показалась, метнулась длинная тень. Но ведь шаги она явно слышала? Более того, на полу остались большие мокрые следы. Аня не испугалась. Она стала ждать, что будет дальше. Но ничего больше в этот день не происходило. От безделья Аня даже сама попробовала написать книгу, но смогла только вывести черной авторучкой на салатовой клеенчатой обложке общей тетради название: «Село и люди».

— Какие люди? Какое село? — вслух невольно произнесла она,— мужики почти все спились и вымерли от суррогатного спирта, а бабы злые, молодежь разбежалась...

За Аней несколько дней пытался ухаживать местный парень. Он возил в село баллоны с газом. Алексей был мешковат, хотя ему было всего двадцать пять лет. Он считался завидным женихом на селе, работает газовиком, зарплата для села большая, и служебным грузовиком он пользовался, как личным. Начальство позволяло ему держать машину в заулке возле дома, Алексей ездил на ней в лес, на рыбалку, иногда калымил, была она и хорошим подспорьем в личном хозяйстве. Некоторое время он пристрастился к спиртному, но его властная мать Полина быстро пресекла слабость сына, отобрав у него пластиковую карточку, на которую начисляли зарплату. Он както пригласил Аню в местном клубе на танец, неуклюже обнимал, а после они смотрели польский фильм в этом же клубе, где, как ей показалось, Алексей смеялся в ненужных местах. Аня отчужденно смотрела на его профиль в темноте зала и думала, зачем у него на таком большом лице такой маленький нос? От бабки Елизаветы она недавно слышала, что чем больше у мужчины нос, тем больше его мужское достоинство. Рассуждение старухи тогда очень насмешило ее. «Может быть, поэтому Алексей до сих пор не женат»,— невольно подумала она.

Один раз она ужинала в доме Алексея, ее поразила властная мать, жидкая, темная похлебка с грибами, которую молча, как по команде, ели за столом. Полина расспрашивала Аню о родственниках, учебе в педучилище. А после высокомерно глядя на библиотекаршу сказала, что хотела бы для Алексея невесту из местных девушек.

Алексей отвел глаза и промолчал. Больше они не встречались.

В этот день Аня пришла в библиотеку за полчаса до ее открытия. Она просто спешила уйти из дома бабки Елизаветы, житье на квартире у старухи становилось невмоготу. Бабка постоянно заводила разговоры о повышении квартплаты, у Ани

стали исчезать ее продукты, мелкие деньги. Ранний час библиотеки был пустым и душным от печного отопления. Она с оторопью увидела, как к ее столу подошел мужчина в сером мешковатом костюме и заснеженных домашних тапочках. Лицо у мужчины было землистого цвета с тонкими синими губами.

— Я Вам, наконец, книгу принес, три года назад брал почитать Островского, да и забыл о ней. Вчера случайно в серванте нашел.

— Вы у меня ничего не брали,— пролепетала Аня странному абоненту,— Вам не холодно из дома было в костюме идти?

Мужчина ничего не ответил, медленно повернулся и вышел на улицу, унося с собой потрепанную книгу. Аня только обратила внимание на его неестественно прямую спину со следами больших черных ниток и мокрой земли на костюме, необычную шаркающую походку. Буквально через минуту раздался телефонный звонок. Районный начальник перешел к делу без ненужных вступлений:

— Как Вы посмели покойников в библиотеку записывать? — услыхала она истеричный голос в трубке,— как до такой мерзости додумались? Вас впору под суд отдать!

— А что мне делать,— севшим голосом пролепетала библиотекарша,— Вы читателей требуете, а их нет...

— Приезжайте в район, пишите заявление об уходе, я как-нибудь утрясу скандал. Один из бывших жителей села увидел в Ваших отчетах своего давно умершего родственника и еще нескольких сельских покойников.

Собралась Аня быстро, с бабкой Елизаветой даже не попрощалась и уже через час была на автобусной остановке. Удивительно, на душе было почему-то не горько, а радостно и впереди озорно светило яркое февральское солнце, обещая новую жизнь.

МИША-ПИСТОЛЕТИК

Миша-пистолетик, будь он знаменит, давно бы посрамил книгу рекордов Гиннесса. Ибо вопреки известным постулатам медицины, выпивал он последние лет двадцать по пять бутылок водки в день. Причем, за очередной бутылкой ездил в сельский магазин на велосипеде и с двухколесного коня никогда не падал. Жил Миша-пистолетик всю жизнь в примаках в избе у тещи. Он, теща Маня и жена Шураня. Пил и жил вольготно, теща была пенсионеркой областного значения, отработала на ферме, хотите верьте, а хотите нет — 60 лет. С 15 лет до 75. Пенсия у орденоносной тещи была даже по городским меркам огромная — 35 тысяч. Вот и лил Миша-пистолетик водку в луженую глотку, закусывая первоклассной бужениной. Женщинам мяса не давал, все съедал сам и приговаривал:

— У вас все равно, поганки, зубов нет.

А прозвали его Мишей-пистолетиком потому, что пугал он домочадцев в пьяном виде самодельным пистолетом, вроде пугача.

В такие опасные минуты теща Маня и жена Шураня тихо сидели на диване, а Миша-пистолетик, не выпуская пугача из рук, злобно наступал кошке на хвост. Жена толкала локтем тещу и та многозначительно издавала звук:

— Мяу!

А следом за тещей мяукала и жена. Любил Миша-пистолетик только своего петуха. Выйдет на крыльцо, и кричит:

— Петя, Петя, ко-ко-ко...

И кормил любимца кошачьим кормом.

К мясу у Миши-пистолетика было очень трогательное отношение.

Ел он мясо всю жизнь от пуза. Жена и теща держали всегда много скотины. Позвал он как-то сестру Лиду в гости. Не хотела она идти, да брат настоял:

— Пойдем, Лида, я тебе мясо покажу.

Зашла сестра в веранду, а там туша теленка и свиная туша лежат. Показывает Миша-пистолетик сестре на туши и кричит радостно:

— Гляди, Лида, сколько у нас мяса!

А тут жена Шураня в веранду с красными заплаканными глазами врывается и тоже кричит:

— Ты что, опоек, чужим мясом распоряжаешься, ты растил это мясо!

Тут уж сестра Лида перепугалась:

— Шура, да не нужно мне вашего мяса, у меня же муж на мясокомбинате работает, что мы — мяса не видели?

Конечно, пыталась Шураня алкоголизм мужа укоротить. Да что поделаешь? Коли на бутылку супругу не даст — Миша-пистолетик берет веревку и идет в баню вешаться. Однажды и в лес вешаться пошел, да веревку потерял. Даже спать с веревкой на шее ложился. А как такое допустить? В деревне злые языки обязательно скажут, дескать, что это за жена, если муж в доме повесился?

Вот и приходится ей в день несколько раз мужу на бутылку давать. Подойдет к ней муж, ущипнет за заднее место и кашляет в кулачек, а она ему денежку в ответ дает и только со слезами приговаривает:

— Когда же ты обопьешься, Юрьевский мерин!

Всю жизнь Миша-пистолетик от Шурани по бабам ходил. Но самая трогательная любовная история произошла на закате его мужской жизни, можно сказать, посетила его поздняя любовь. Набирает сестра Лида воду на колонке, а мимо Шураня на велосипеде проезжает, останавливается и говорит сквозь слезы:

— Лида, Миша пропал!

— Да как это пропал?

— Пошел в районную больницу шишечку на плече лечить и не вернулся.

— Да придет, куда он денется,— успокаивает ее Лида,— где-нибудь пьет.

— Нет его уже второй день, пойдем Мишу искать.

Райцентр был всего в полутора километрах от деревни, но Лида искать брата отказалась, была уверена, что Миша заночевал у собутыльников. А на третий день брат сам к сестре пожаловал и говорит:

— Лида, только никому не говори, я влюбился.

— Да ты что, тебя Шураня ищет.

— Пришел я на прием к врачу с шишечкой, народу в коридоре много, полно мужиков, а вот пришла женщина с палочкой и почему-то подсела ко мне. Я-то хорошо одет был, жена накануне новую замшевую куртку купила. Посидели, помолчали и она спрашивает:

— Вы местный? Что-то я Вас раньше не встречала.

— А вы?

— Я из-под Питера приехала, я актриса и сейчас пою в Доме Культуры.

— А вы не бывший военный?

— Я бывший офицер,— соврал Миша-пистолетик.

— А вы с чем? — допытывается новая знакомая.

— У меня шишечка на плече вскочила,— пожаловался Миша-пистолетик.

— А у меня на ноге.

— А вы с кем живете? — спрашивает женщина.

— Да с тещей поганкой и женой негодяйкой,— сетует Миша-пистолетик.

— И вы так живете?

— Да,— кивает головой Миша-пистолетик,— хотя я самый богатый в деревне человек, всю деревню могу купить, наследство в Питере получил — двухкомнатную квартиру, недавно ее продали.

— А меня зовут Надежда Сергеевна,— заулыбалась женщина,— так зачем вы мучаетесь, бросайте их и приходите ко мне жить, я живу в квартире, и без мужчины-помощника одной тяжело.

Когда в больнице процедуры закончились, они пошли под ручку на квартиру к актрисе, можно сказать, вместе свои шишечки лечить.

— Лида,— продолжал свой рассказ брат,— дверь она открыла, гляжу — на полу ковер, Лида, представляешь, туалет в квартире, я даже заблудился в ее хоромах.

Выпили они, закусили и сказала актриса: — Я вас никуда не отпущу, будем вместе жить, подавайте на развод.

Насчет богатого наследства Миша-пистолетик Надежде Сергеевне не соврал. Только получил его не он, а жена Шураня. Ушел Миша-пистолетик от сестры, в дом к жене и теще зашел и с порога заявил:

— Дайте мне, поганки, денег, я встретил женщину, она такая душистая, а вы обе навозом пахнете. Она даже утром и вечером меня дезодорантом обрабатывает.

Испугалась Шураня, скорее мужа посадила за стол. Съел он две миски окрошки из сыворотки с бужениной, две сардельки, выпил бутылку водки и опять за свое:

— Ухожу от вас, поганки.

Так он ходил между двумя домами несколько дней, пока не получил Миша-пистолетик пенсию и не отдал ее актрисе. Повела его Надежда Сергеевна к юристу, совет брать, как развестись. Но тут выяснилось, что у Миши — пистолетика за душой ничего нет, и выпроводила его актриса, восвояси.

Но с тех пор Миша-пистолетик в образ бывшего офицера прочно вошел. В любой праздник форму шурина — прапорщика надевает, тещины ордена и медали на грудь вешает и давай женой и тещей командовать, и, как обычно, стращать пугачем:

— Я сказал, поганки, я командир и офицер! Теща, шаг влево, шаг вправо — расстреляю!

— Миша, да ведь это мои медали,— боязливо возражает теща.

— Молчи, мама,— уже защищает мужа Шураня,— пусть перебесится, может уснет побыстрей.

И права Шураня, ведь уже не раз Миша-пистолетик тещу на простыне через штакетник на улицу выбрасывал. Вызовет милицию Шураня, заберут мужа в вытрезвитель, а утром идет понуро в отделение за буйного супруга законный штраф платить.

Начальник вытрезвителя штраф примет и только пальцем у виска покрутит:

— Вас всех троих пора в сумасшедший дом отправлять.

Только вышел Миша-пистолетик из вытрезвителя и снова в чары любви попал. Вновь приходит он к сестре и говорит:

— Лида, я тебе такую историю расскажу. Повела меня Шураня из вытрезвителя на прием к окулисту, очки наконец-то выписать, а врач в меня влюбилась. Завела она меня в кабинет, свет выключила, навела лампу на глаза и приказала смотреть ей прямо в глаза. И сама мне смотрит в глаза. Тут меня и осенило — она в меня влюбилась.

— Миша, что ты, у окулиста так зрение проверяют,— возражает ему сестра.

— Да что ты, Лида, точно влюбилась!

Историю эту услышал его брат Коляня, большой шутник и тоже любитель выпить. Заходит он к Шуране и говорит:

— Передай брату, что его окулист на прием вызывает.

Это он так хотел Мишу на выпивку из дома выманить. А Миша-пистолетик, все

слышал, но не сообразил, зачем брат пришел, и огородами побежал в райцентр на прием к окулисту.

Возвращается очень расстроенный, к сестре заходит:

— Лида, не пойму я этого врача: вроде, Коля приходил и сказал Шуране, что она меня вызывает, вроде, влюбилась она в меня, а пришел на прием — из кабинета выгнала.

Промолчала сестра, знала она, что это Колянины проделки. На какие только выходки Коляня не шел, чтобы на выпивку денег добыть. Пришел в местную «Сельхозтехнику» к директору, где раньше Миша-пистолетик шофером работал, и говорит:

— Брат Миша умер, дайте деньги на похороны.

Собрали, сколько смогли, и Коляне вручили. Весть быстро по райцентру разнеслась. Стоит Шураня в очереди в магазине у винного прилавка — муж без водки и домой не пустит, а к ней знакомая с печальным видом прислоняется:

— Соболезную, Александра Ивановна, муж у Вас умер.

Испугалась Шураня, зарыдала:

— Как же так, я ведь утром уходила, Мишаня живой был, веселый, на гармошке играл.

Плохо стало Шуране, уж побежали скорую вызывать, да тут другая знакомая в магазин заходит, услышала разговор и кричит с порога:

— Что за чушь, да жив твой Миша, сейчас у пивного киоска с мужиками стоит, минуту назад его видела!

А брата Коляню за проделку милиция оштрафовала и деньги «похоронные» заставила в организацию вернуть до копеечки. Только к мужниному брату Шураня претензий не предъявила. А все потому, что один раз решила Шураня мужу изменить, можно сказать, отомстить. Стал ее последнее время домовой одолевать. Пойдет на двор корову доить, только за вымя буренки потянет, а уж домовой ее сам рыжими руками облапает и давай сиськи мять. Какие уж тут удои? Одни убытки от такой напасти. Теща Маня на картах дочке гадала и все время бубновый король выпадал. Тут и догадалась теща Маня, всю правду карты открыли, и говорит дочке:

— Это не к добру, тебя в облике домового Мишанин брат домогает.

Купила Шураня четыре бутылки портвейна «три топора» и пошла к Коляне. Для храбрости еще по дороге вино выпила, оно и понятно, ведь любимому мужу никогда не изменяла, стало быть, большие нравственные муки испытывала. Так с недопитой бутылкой до сарая с сеном добралась. Как доползла — не помнит.

Рано утром проснулась обнаженной на свежескошенном сене, вокруг выпитые бутылки валялись. Пришел утром Коляня в сарай молодому бычку сена зацепить, да граблями голую Шураню и вытащил. Домой пришла Шураня, тут и почувствовала, что зубной протез потеряла.

Возвращается к Коляне и шамкает:

— Отдай, Коляня, мои зубы.

— Да на фиг мне твои зубы нужны,— возмутился Коляня,— где потеряла, там и ищи.

— На сеновале они у тебя, я больше нигде не была. Почесал затылок Коляня и говорит:

— Дашь сто рублей, может твои зубы и найду.— И ведь нашел за сто рублей, все сено в сарае переворошил, а зубной протез нашел!

А к своим похоронам Миша-пистолетик с большим юмором отнесся. Любит эту историю теще и жене вспоминать. Дескать, хорошая это примета — живого похоронить.

МАМКА ДА НЮНЬКА

Был в деревне мужик, который всю жизнь собственного мнения не имел, и принимать решения самостоятельно боялся. Звали его Миша Кудрявцев. Что бы у него ни спросили, помощи какой, например, прибежит сосед топор попросить, а Миша всегда отвечает:

— Да я не против, спрошу только, как мамка да Нюнька.

Нюнька — жена Миши, тетка Нюра Балда. Работала она на ферме дояркой, рыжая, конопатая. Характера очень мягкого, покладистого нрава была и мать Миши, бабка Катя. Почему же Миша так их слушался, никто понять не мог. Работал Миша продавцом в магазине, размещенном в бывшей часовне. Так и стоял сельмаг с куполом и крестом. Торговали бочковой селедкой, керосином, маргарином, папиросами, вином и водкой. Хлебом и крупами в послевоенное время еще не торговали, хлеб бабы пекли сами. Денег тоже не было, бабы копили яйца и меняли их на другие продукты. За десяток яиц могли дать две селедки. За двадцать яиц давали бутылку водки. Еще в магазине у Миши была соль. Ее привозили рассыпной на телеге и грузили лопатой в угол магазина. Часто подвыпившие мужики справляли малую нужду прямо в эту соль. Увидит баба, как муж в соль журчит, и стыдит:

— Да что ты, Егор, делаешь?

— Молчи, она все равно соленая.

А продавец Миша Кудрявцев на такие мелочи жизни вообще внимания не обращал. Другой соли в деревне все равно не было.

Придет баба домой, спохватится, что керосина в лампе нет, а магазин давно закрыт. Идет она к Мишиной избе и просит:

— Миша, открой магазин, керосина в доме нет, не хотим в потемках сидеть.

— Да я не против,— тихо отвечает Миша,— спрошу только, как мамка да Нюнька.

А потом Миша работу продавца потерял и еще прозвище получил — Копченый. Решил он проверить, сколько керосина в бочке осталось. Зажег спичку и в дырочку заглянул. Рвануло так, что Миша чудом спасся, сильно обгорел. В снегу горящий Миша катался и в райцентр на два месяца в больницу угодил. Мишу спасли, но лицо на всю жизнь коричневым осталось, будто прокопченым.

Пошел Миша в пастухи. А тут в колхозах зарплаты платить стали и пастухи в почет вошли. Купил Миша себе мотоцикл «Ковровец», стал в райцентр за покупками ездить. Просят бабы:

— Привези, Миша, баранки, пряники, соды.

— Да я не против,— смущается Миша,— спрошу только, как мамка да Нюнька.

Однако баранки привозил. Заказов было много, баранки висели у Миши на шее огромными связками. Пылит по проселку Миша на мотоцикле, весь увешан баранками. Только ругается, дескать, чуть шею баранками не сломал. А если мотоцикл не заводился, вокруг собиралась ребятня посмотреть, как Миша с техникой обращается. Миша в порыве гнева хватал кол и бежал к мотоциклу. А из дома выбегали мамка и жена Мишу уговаривать:

— Да не бей ты мотоцикл, Миша!

— Ладно, мамка да Нюнька.

Ходит задумчиво Миша вокруг мотоцикла:

— Мамка да Нюнька, можно я педали почищу?

— Да почисти, Миша.

Но один раз в жизни Миша мамку и Нюньку ослушался. Поехал в соседнюю деревню пиво варить, пивовар он был отменный. Уже смеркалось, и Миша на мотоцикле упал с моста в реку, прямо в глубокий Леший омут. Вот как бывает, если мамку да Нюньку мужику не слушать.

ХОРЬ

Новогоднее настроение у Дмитрия Ивановича было безнадежно испорчено. Утром 31 января он вышел из избы на двор и, стоя на мостках, дыша крепким морозным воздухом, увидел, что вся выгородка, в которой находились семнадцать кур и петух, завалена тушками мертвых птиц. Дмитрий Иванович сразу понял, что на его дворе ночью разбойничал хорек. Он неожиданно равнодушно смотрел на разбросанные, испачканные кровью перья среди соломы и комков глины. Дмитрий Иванович нервно закурил, расстегнул воротник телогрейки, но сделав всего пару затяжек, смачно плюнул на ладонь, погасил папиросу, отправив ее обратно в пачку, и не спеша вернулся в избу. Жене Любе он ничего не сказал. Она пекла пироги, тушила мясо, резала овощи для салата «Оливье», словом готовила Новогодний стол. На праздник из города приехала дочь с внучкой, но они еще спали на теплой русской печке. В комнате, как показалось Дмитрию Ивановичу, стояла какая-то обвинительная тишина, жена Люба суетилась, не обращая на него внимание.

Пенсия у него была маленькая — едва на еду хватало. Потому куры были хорошим подспорьем, десяток яиц он приносил жене практически каждое утро. Каждую весну они закупали по сорок цыплят, подросших петушков рубили, как рубили плохо несущихся кур. Суп из домашней курицы разве с птицей их магазина сравнишь! Бульон прозрачный, золотистый, мясо сладкое! Молодых петушков и надо было рубить. Старый петух им все равно жизни не давал. Дмитрий Иванович как-то раз выпивал у сарая с племянником Вовкой принесенный самогон. На их глазах молодой петушок резво запрыгнул на курочку, но тут же был с позором согнан внимательным старым петухом.

— Гляди, дядя Митя, натурально прямо с бабы снял, вот западло! — гоготал племянник, опорожнив граненую стопку с мутной жидкостью, и захрустел огурцом.

Деревенская кличка у Вовки была «Мухомор». Дмитрий Иванович тоже засмеялся, но не над неудачной попыткой молодого петуха потоптать курочку, а над племянником. Вечно красное, с белыми пятнами, лицо Вовки, действительно, напоминало шляпку мухомора.

Днем пропажу кур обнаружила жена Люба, она сразу все поняла:

— Хорь?

— Он самый,— утвердительно кивнул головой Дмитрий Иванович.

— Что делать будем, старый?

— Ловить,— пожал плечами муж, хотя и не знал, удастся ли поймать пронырливого зверька.

Хозяйство у Дмитрия Ивановича было самое обыкновенное: потемневшая бревенчатая изба в три окна, построенная еще его родителями. Она была покрыта поверх старой дранки волнистым, замшелым шифером. Двор с житницей давно просели. В доме была беленая печь, стоял старый буфет, трехстворчатый платяной шкаф, пара железных, кованных деревенскими кузнецами кроватей, и скрипучий диван с неудобно выпирающими пружинами, дубовый, обитый клеенкой стол, советский цветной телевизор «Садко», завешанный пыльной салфеткой, но исправно работавший уже двадцать два года, засиженное мухами зеркало в темной деревянной раме, набор чешской хрустальной посуды, которую когда-то привезла в подарок дочь, побывав от профсоюза на курорте в Карловых Варах. На чешских хрустальных пузатых бокалах были почему-то русскими буквами вырезаны надписи «виски», «водка». Видимо, в те времена русские туристы были основными покупателями чешских хрустальных изделий. Дмитрий Ильич долго копался в кладовке, пока не нашел два старых капкана. Капканы чуть проржавели, но строжки исправно работали, остались чувствительны-

ми. Капканы он выварил в чугунке, в еловой хвое. Легко обнаружив на дворе звериный подкоп, поставил ловушки рядом с ним, предварительно вымазав капканы свежим навозом, чтобы напрочь отбить человеческий запах. В капканы он положил тушки убитых кур.

Удивительно, но обнаглевший хорек попался в капкан уже на следующую ночь. Во двор утром он вышел по малой нужде, но уже с мостков, в солнечном проеме, идущем от меленького оконца, увидел большого, размером со среднего кота, хорька — он блестел и переливался на солнце черным мехом, как норка! Хорька зажало в капкан поперек тела. Дмитрий Иванович понял, что зверек еще жив — его пасть розовая постоянно двигалась в безысходном оскале. Дмитрий Иванович, не веря такой удаче, деловито двинулся к животному и смело наступил на хорька литой калошей, пытаясь задушить хищника. Его удивило, когда калоша буквально расплющила животное, но его сердце яростно прыгало вокруг всей резиновой подошвы, словно самостоятельно боролось за жизнь и пыталось вырваться наружу.

— Какой живучий,— вслух поразился Дмитрий Иванович, но хорек умер под его подошвой также внезапно, как и боролся за жизнь. Он вынул хорька из капкана, сдернул с гвоздя сыромятный ремень и, выйдя со двора, деловито повесил животное за шею на бельевой перекладине напротив кухонного окна.

Когда он вернулся в избу, оказалось, что жена Люба уже все видела:

— Зачем ты, старый, эту гадину на сыромятине у меня под окном повесил? Какое в этом удовольствие?

Дмитрий Иванович только самодовольно хмыкнул в ответ и полез в буфет, где стояла четверть с первачом:

— Имею права,— гордо сказал он, тяжело опустившись с банкой на стул.

— Заслужил,— смягчилась Люба и стала накладывать мужу на закуску квашеную капусту.

Хорек болтался на сыромятине под окном неделю, покрылся инеем. Соседи приходили посмотреть на добычу Дмитрия Ивановича, одобрительно кивали головами, дескать, как ловко старик поймал куриного убийцу. Но победа над хорьком вскоре Дмитрию Ивановичу надоела и он выбросил зверька в помойную кучу.

Однако после этого происшествия жизнь старика перестала ладиться. Обострилась катаракта, и Дмитрий Иванович ощутил, что теряет зрение каждый день. Деньги на операцию он планировал накопить, лечь в областную больницу и оперировать хотя бы один глаз, а через некоторое время второй. Но деньги с нищенской пенсии никак не удавалось отложить. Он съездил в областной центр, но в больнице ему недвусмысленно дали понять, что лечить будут только платно. Грустный Дмитрий Иванович вернулся из большого города. Все пошло наперекосяк. Ближе к весне талая вода залила подпол, хотя такого за всю его долгую жизнь раньше не было. Возможно, от подтопления покосилась изба, просел двор, треснула печка и расшаталось крыльцо. Старик латал все полуслепыми глазами и тихо ругался про себя: «Прямо напасть какая!»

Несколько раз он бросал в сердцах своей жене:

— Если не сделаю операцию, ослепну, то повешусь сам на сыромятине, буду висеть под окном не хуже хорька!

Люба на эти жесткие слова только тихо перекрестилась, помочь мужу она ничем не могла, ее пенсия была еще меньше, чем у мужа.

Ночью была сильная буря, упала от ветра старая рябина, разбив окно. Дмитрий Иванович с трудом вставил новое стекло, он чувствовал себя неважно, ощущая в голове странную пустоту. Ему привиделось, будто он лежит на неудобном диване; рука его свесилась до холодного пола, и его беспомощные пальцы грызет наглый хорек.

Старик чмокнул губами и очнулся. Он лежал у незакрытого окна, а на улице светало. С дворов неслась петушиная перекличка. У колодца звенели ведра, принимая студеную воду; глухо гремела колодезная цепь, и отрывисто взвизгивал несмазанный ворот. Но в этот тяжелый день Дмитрию Ильичу неожиданно принес на операцию деньги племянник. Вовка устроился на работу вахтовым методом от районной дорожной конторы на строительство федеральной трассы в далеком южном городе. Работали дорожники с утра до ночи целый месяц, месяц отдыхали дома. Вовка привез сумасшедшие по деревенским меркам деньги — 70 тысяч рублей. О дороге на юг он рассказывал старику смачно:

— Дядя Митя, тридцать восемь часов автобус ехал, не знаю, как вылез из него, жопа стала натурально квадратная!

— Когда тебе деньги отдать нужно будет? — перебил племянника Дмитрий Иванович, и, тяжело вздохнув, добавил,— я не знаю, как тебе их соберу...

— Забудь, дядя Митя,— махнул рукой Вовка,— тебе главное — зрение вернуть, с кем я еще на рыбалку поеду?

Племянник широким жестом вытер со лба пот и враскачку вышел за калитку.

Пребывание в больнице заняло три дня, а сама операция не больше двадцати минут. Дмитрию Ивановичу было удивительно, что все прошло без боли, необычными были ощущения, когда врач расковыривает тебе собственный хрусталик. Удивительно, но зрение вернулось уже на следующий день, причем, видел мир вокруг себя Дмитрий Иванович словно младенец.

Приехав домой, старик долго сидел у окна и с удивлением смотрел в холмистую даль. Так далеко и ясно он давно уже не видел. Скользнул его взгляд и на сыромятину, на которой висел убитый хорь. Дмитрий Иванович, вспомнив о зверьке и о том, что сам хотел свести счеты с жизнью из-за зрения, только ухмыльнулся. Мир казался ему открытым, свежим, ясным и простым.

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

СКОМКАННОЕ ПИСЬМО

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, член Союза писателей России.

Ровно 100 лет назад — летом 1919 года — белоказаки под командованием генерала Мамонтова прорвали Южный фронт и совершили дерзкий рейд по тылам Красной армии, в ходе которого, захватили железнодорожную станцию Бабарыкино бывшего Ефремовского уезда Тульской губернии, а ныне Становлянского района Липецкой области. Об этой, одной из многих страниц Гражданской войны, я и попытался рассказать читателям в своем повествовании...

Бывшие помещицы Ефремовского уезда мать и дочь Рязановы — пятидесятилетняя Екатерина Михайловна и семнадцатилетняя Софья — из Ельца уезжали в субботу 30 августа 1919 года. Они взяли билет до Ефремова, где намеревались нанять извозчика до Птани.

Побывать в родных птанских местах, взглянуть на развалины своего дома и посетить могилку мужа на Никольском кладбище захотелось Екатерине Михайловне. Весной, в аккурат после Пасхи, она занедужила, стала быстро терять силы и к лету заметно похудела.

«Сонечка, я очень больна и мне, видимо, уже недолго осталось жить на этом свете, но прежде чем умереть, я хочу побывать на месте нашей усадьбы, постоять на том месте, где был наш дом, где мы с твоим отцом прожили счастливую жизнь, и где родились вы с Володей. И еще мне очень хочется побывать на могилке вашего отца. Прошу тебя, свози меня туда, одна я теперь уже не доеду — очень слаба. Прошу тебя ради Христа, Сонечка, не откажи мне»,— обратилась Екатерина Михайловна к дочери, при этом часто и хрипло дыша то ли от болезни, то ли от внезапно нахлынувших на нее чувств.

Софья, как могла, отговаривала мать от этой поездки, но та в своем решении оставалась непреклонной. И Софья согласилась.

В дорогу Екатерина Михайловна надела траурную одежду, ту самую, в которой она была одета во время похорон мужа,— черное длинное по щиколотку платье, черные с острыми носами туфли и черную легкую шляпку. Только теперь ее поблеклые и высохшие глаза, худое и бледное, к тому же испещренное мелкими морщинами лицо, были сокрыты под спадавшей со шляпки черной вуалью. Из-под шляпки выбивались пряди седых волос. На руках у Екатерины Михайловны были одеты в мелкую сеточку легкие черные перчатки, а на безымянном пальце левой руки поверх перчатки блестел серебряный с изумрудным камнем их фамильный перстень.

Софья была одета в коричневое ниже колен платье с белым узорчатым и стоячим под горло воротничком и такими же белыми узорчатыми манжетами на длинных рукавах. Платье гармонировало с коричневыми чулками, обута она была в цвета спелой вишни туфли на низком каблучке. Светлая соломенная шляпка ее была сдвинута на затылок и держалась на желтых ленточках, обвязанных вокруг шеи, под шляпкой длинные ниже плеч темно-русые волосы были собраны и заколоты заколкой.

Набрав с трудом денег на билеты, мать и дочь отправились в путь.

Невысокого роста худощавый средних лет кондуктор пассажирского вагона второго класса ефремовец Федор Ложкин, увидев болезненный вид Екатерины Михайловны, усадил ее у окна, Софья села рядом. Напротив Екатерины Михайловны сидел толстый мужчина, на вид которому было около сорока лет. Он был одет в темно-серый костюм, такого же цвета жакет. Под жакетом поверх кипельной белой рубашки был повязан узкий галстук темного цвета. Напротив Софьи сидел небольшого роста, худощавый с аккуратной седой бородкой-клинышком, одетый в светлый легкий костюм, светлую рубашку и светлую шляпу старик лет шестидесяти. В руках он держал небольшой дорожный саквояж. Рядом с ним — мужчина лет тридцати пяти, одетый в темный поношенный пиджак, такие же темные брюки и ботинки. Под пиджаком была рубашка синего цвета с расстегнутой верхней пуговицей. Он был лохмат. Его черные, как смоль, волосы спадали на лоб. Иронично улыбаясь в густую бороду и усы, он часто и с каким-то вожделением поглядывал на Софью цыганистыми глазами, отчего та смущалась, краснела и начинала растерянно моргать и переводить взгляд с одного предмета в вагоне на другой.

Отстукивая металлическими колесами версты на стыках рельс, поезд шел по расписанию, но на станции Становая надолго остановился. Уже прошло больше получаса как его должны были отправить в дальнейший путь, кондуктор Ложкин уже обилетил вошедших в вагон новых пассажиров, среди которых был подросток на вид лет четырнадцати, но поезд не отправляли. Подросток уселся на свободное место рядом с Софьей и начал с любопытством осматриваться вокруг. Его цвета спелой пшеницы волосы спадали на лоб, и он то и дело их закидывал рукой поверх головы. Одет он был в черные брюки, заправленные в большие не по размеру — видимо отцовские — сапоги, и светлую расшитую цветными нитками рубашку-косоворотку. В руках он держал небольшой узелок.

— Никогда еще не ездил по чугунке,— радостно проговорил он, обращаясь сразу ко всем, но на его слова никто не обратил никакого внимания, все с нетерпением ждали отправления поезда.

Тем временем кондуктор уже несколько раз выставлял в открытую дверь руку с флажком, сигнализируя о готовности вагона следовать дальше по маршруту, но стоявший на перроне дежурный по станции состав не отправлял. Он несколько раз уходил в станционное здание, затем возвращался, вновь подходил к колоколу, но не звонил в него. Паровоз продолжал стоять и мирно попыхивать отработанным паром.

— Раньше, при старом-то режиме, такого безобразия не было, поезда ходили по расписанию, а нынче и спросить не с кого,— не выдержав длительной остановки, недовольным тоном проговорил толстый мужчина. Расстегнув пуговицу на пиджаке, он извлек серебряные на цепочке часы и со щелчком открыл крышку.— Однако уже больше получаса стоим. Когда же поедем? — задался он вопросом, обведя взглядом присутствующих.— Однако, однако,— покачал он головой, вновь щелкнул крышкой часов, закрывая их и убирая в карман.

— Ничего удивительного — время перемен. Оно никогда не проходит безболезненно. К тому же — война! — ответил толстяку сидевший рядом с ним старик.

— И когда же все это безобразие закончится?! — вздохнул толстяк и, достав из

кармана брюк белый накрахмаленный платок, снял шляпу и вытер этим платком вспотевшую залысину.

— Ничего, господин хороший, вот разобьем вражескую гадину, тогда наведем порядок. Тогда поезда по чугунке будут ходить без опозданий,— неожиданно для всех вступил в разговор двух взрослых людей вошедший в вагон подросток.

— А что же это вы говорите: разобьем вражескую гадину, а сами не на фронте? Такие же, как и вы, парни уже давно воюют в рядах красной армии, а вы, наверно, собираетесь воевать с гадиной здесь в тылу? — после небольшой паузы, спросил у подростка сидевший напротив него черноволосый лохматый мужчина и засмеялся.

— Почему же это в тылу?! Еду в Ефремов поступать на службу в красную армию. Вот, пожалуйста, глядите,— при этих словах подросток расстегнул ворот рубашки и извлек из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги.— Брат мой, Колька, письмо прислал.— Он разгладил бумажный лист, разложил его у себя на коленях и, водя по нему пальцем, начал медленно и по слогам читать: *Здравствуйте мои дорогие батя, маманя, сестричка Оленька и брат Акимка. С огромным красноармейским приветом к вам ваш сын и брат Николай. Спешу сообщить вам, што я жив и здоров, што и вам желаю. Недавно меня повысили, назначили командиром взвода. Вот такто! Знаю, што вам щас дюже тяжко и жить не на што. Высылаю вам здесь в конверте немножко денег из моего командирского жалования. А штобы вам было немного полегше, хочу предложить вам отправить ко мне Акимку. Посадите его на Становой в поезд, а я его тут встрену. Определю его к себе во взвод, будет он у меня помошником пулеметчика...*— при этих словах Акимка оторвал взгляд от письма и обвел всех присутствующих радостным и гордым взглядом ярко голубых глаз, его покрытое конопушками лицо светилось улыбкой.— Из пулемета буду стрелять! — с гордостью в голосе, произнес он. Затем продолжил читать письмо: ... *будем вместе с Акимкой вражескую гадину до конца добивать. Ну, писать боле нечего. Опосля победы над гадиной возвратимся с Акимкой домою, вот тогда и наговоримся обо всем. С поклоном к вам, ваш сын и брат, красный командир Николай Кондратьев Скворцов.*— Аким вновь аккуратно сложил бумажный лист вчетверо и убрал за пазуху.— Ждет меня Колька. Скоро вместе с ним будем до победного конца гадину бить! — при этих словах он потряс кулаком.

Сидящие рядом с Акимкой пассажиры переглянулись друг с другом и улыбнулись.

— Однако, как долго стоим,— после недолгого молчания вновь заговорил толстый мужчина, всматриваясь в окно.— Нужно бы к кондуктору сходить и узнать, в чем дело?

— Давайте я схожу и узнаю, а то никак не дождусь с братом повидаться,— произнес Акимка и, не дожидаясь ничьего разрешения, вскочил с места и направился к кондуктору.

— Вот из-за таких глупых людей, как этот мальчик, в России никогда не наступит мир... из пулемета он, видите ли, стрелять будет,— тихим голосом проговорил толстяк, после того, как Аким ушел к кондуктору.

— Он, как вы изволили выразиться,— глуп, потому что молод еще. Повзрослеет — поумнеет,— произнес старик.

— Да, у него сейчас в голове — кавардак,— продолжил разговор черноволосый.— Главное не в этом, главное в том, что он настроен на решительную борьбу с ненавистным ему режимом,— улыбнулся он.

— Я полагаю, что он в свои-то годы еще не успел возненавидеть существовавший до семнадцатого года режим. Плохо то, что у него, как вы любезнейший, изволили выразиться, кавардак не в голове, а и в душе. А это гораздо хуже и страшнее. Люди с таким душевным настроем не успокоятся даже после своей победы. Они так

и будут разжигать войны и им без разницы с кем воевать, лишь бы воевать. И будут воевать до тех пор, пока сами где-нибудь не сложат свою голову,— тихим голосом проговорил старик.

— А вы, похоже, знаток человеческих душ. Уж не поп ли вы? — иронично и с ухмылкой спросил у старика черноволосый.

Их разговор прервал возвратившийся Аким, следом подошел кондуктор Ложкин.

— Нету телеграфной связи с Бабарыкино, не могут туда направить депешу о следовании поезда, потому и стоим,— доложил кондуктор.

— Так может, где на линии провод оборвался, что же теперь, так и будем здесь стоять? — возмутился толстяк.

— Нет-нет, сейчас нас отправят без депеши,— сказал кондуктор, и в подтверждение его слов с улицы донесся удар в колокол дежурного по станции.— Вот, слышали? Я же говорю, что сейчас нас отправят,— произнес он, указывая пальцем в сторону окна, после чего поспешно пошел к двери.

Машинист дал длинный свисток, паровоз громко зафыркал и состав, лязгнув вагонными сцепками, двинулся в путь. Вначале шел медленно, но как только закончилась граница станции, стал набирать ход.

— Да нет, любезнейший, я не поп, как вы выразились,— вновь завел прерванный разговор старик.— А вы что же, против попов будете?

— Да, я против попов,— ответил черноволосый.

— Вы, любезнейший, наверное, не нашей веры, не православной? Наверное, вы веры — иудейской? Не так ли?

— Дело не в том, какой я веры. Дело в том, что любая вера, будь то христианская или иудейская, она от власти...

— А вот в Писании сказано, что всякая вера от Бога,— перебил черноволосого старик.

— Это так в Писании сказано. Но ведь наши-то попы, которые в церквях молятся, они-то власть церковную не от Бога получили, а от царя. Значит, они представители не божественной власти, а царской, а потому являются такими же, как и сам царь, угнетателями трудового народа,— сделал вывод черноволосый.— Нет, все-таки вы точно — поп. И в портфеле своем, наверно, везете какие-нибудь золотые кресты или перстни. Потому-то вы всю дорогу от самого Ельца и прижимаете свой портфель к груди, из рук его не выпускаете,— сделал он предположение, указав рукой на саквояж старика, при этом злорадно ухмыльнулся.

— Да нет, любезнейший, к сожалению, я не священник,— вздохнул старик и еще сильнее прижал к себе саквояж.

— Стоит ли сожалеть о том? — не унимался черноволосый.— Церковь не выполнила свою главную функцию; она не смогла внести в умы и, как вы говорите, в души, доброту и любовь! Германская война переросла в войну внутреннюю, пошел брат на брата! И где же та доброта вместе с любовью, о которых молились в церквях?!

— А моя мамка тоже всегда Богу молится,— вновь встрял в разговор взрослых Акимка.— Батька говорит, что Бога нету, раз он допустил войну, а мамка говорит, что это он нас так наказал, но за что наказал, не сказывала.

— Правильно твой батька говорит, что Бога нет,— повернувшись к Акиму, сказал черноволосый.

— А я, представьте себе, сожалею, что в свое время не стал поступать на учебу в духовную семинарию, а поступил учиться на врача,— не обращая внимания на слова черноволосого об отсутствии Бога, вновь заговорил старик.— Сейчас я как врач фактически не практикую, а занимаюсь научной работой по изучению человеческой души.

— Как можно изучать то, чего нет?! — перебил его черноволосый и засмеялся.

— Ну, хорошо, давайте я вам скажу по-другому: я изучаю состояние человека при воздействии на него факторов, способных вызвать душевные волнения различной степени.

— Это как?! — изумился Акимка.

— Да скажите попроще, чтобы всем было понятно,— попросил старика толстяк.

— Ну, чтобы всем было понятно, тогда скажу так: почему один и тот же человек при воздействии на него различных внешних или внутренних факторов становится добрым или злым? Почему, имея даденный ему Богом разум, он совершает не только богоугодные поступки, но и противозаконные, например,— убийство?

— С внешними факторами мне более или менее все понятно, а что вы относите к факторам внутренним? — спросил у старика толстяк.

— Например — настроение. Оно может возникнуть у человека даже от увиденного им сна.

— А что бы изменилось в вашем учении, если бы вы были не врачом, а священником?

— О-о-о! У священника по отношению к врачу в этом вопросе есть большое преимущество.

— Это что же за преимущество такое? — неподдельно удивился толстяк.

— Исповедь! Вот что имеют священники в своем запасе в отличие от нас — психиатров. Исповедь — это нечто иное, нежели врачебная констатация заболеваемости душевнобольного человека. Исповедь — это, если хотите, суд собственной совести над греховностью собственной души. Принимающий исповедь священник получает огромный материал, раскрывающий характер того или иного грешника. Он познает состояние его души при совершении им каких-либо противозаконных или даже низменных проступков.

После сказанного стариком наступила тишина. Поезд тем временем, постукивая колесами на стыках рельс, издавал короткие свистки и приближался к станции Бабарыкино. Вагон слегка покачивало, за окном сквозь паровозный дым, словно в мареве, мелькали поля, овраги и перелески.

— Я, господа, сейчас еду в Москву, там произошел уникальный случай: девка легкого поведения убила своего на много старше себя мужа только за то, что тот на склоне своих лет стал слюняв и соплив. Меня пригласил мой знакомый врач, в прошлом мой ученик, который давал суду врачебное заключение по ее психическому состоянию, и он в ее поведении нашел очень интересные моменты, которые для моей научной работы могут иметь большое значение. Очень жаль, что у исповедовавшего ее священника мне не удастся узнать то, о чем она ему рассказала — тайна исповеди!

— Полноте вам! Она же, видимо, просто сумасшедшая, о чем можно говорить с сумасшедшим человеком,— махнул рукой толстяк.

— Тем и интереснее мне было бы узнать все то, о чем она рассказала священнику,— вздохнул старик. Затем взглянул на Екатерину Михайловну.

— А вы, любезнейшая барыня, как считаете, можно ли изучить человеческую душу, или такое человеку не под силу? — обратился он к ней.

— Насколько я поняла из вашего разговора, вы любите разговаривать с людьми в той или иной степени страдающими душевной болезнью. И, видимо, ко мне вы обратились только лишь потому, что полагаете, что и я тоже страдаю таким же недугом. Не так ли? — неожиданно для старика-доктора вопросом на вопрос ответила Екатерина Михайловна.

— Ну почему же вы так решили? — смутился тот.

— Только лишь потому, что надеть на себя все черное в такую жару может только человек сумасшедший.

— Видите ли, в чем дело...— начал было объяснять старик-доктор, но его перебил кондуктор.

— Станция Бабарыкино! Повторяю — станция Бабарыкино, подъезжаем! — громко объявлял он, неспешно проходя по коридору вагона.— Станция Бабарыкино! Готовьтесь к выходу, не забывайте свои вещи, станция Бабарыкино! — повторял он.

Поезд стал заметно сбавлять скорость и за окном стали проплывать пристанционные постройки, а вскоре справа по ходу поезда появилось и само здание станции.

— Бабарыкино. Осталось еще немного потерпеть эту вагонную духоту, скоро — Ефремов,— вполголоса произнес смотревший в окно изнывающий от жары и вспотевший толстяк. Он снял с себя шляпу и словно веером обмахивался ею. Вдруг он неожиданно вскочил с дивана и начал внимательно что-то рассматривать за окном. Поезд в это время плавно подошел к перрону и остановился.

— Господа, на станции военные! — громко и взволнованно произнес он.

— Чего это вы, любезнейший, так встрепенулись? В том, что на станции военные, нет ничего удивительного, ведь идет же война,— спокойно ответил ему старик-доктор.

— Да нет же, это настоящие военные, в погонах,— уточнил толстяк и с удивлением всех оглядел.— Взгляните сами, вот же они,— он указал рукой за окно.

Все без исключения прильнули к окну. У станции к коновязи было привязано не менее десятка ухоженных и добротных с седлами лошадей. Рядом с лошадьми и на перроне стояло много военных, они вглядывались в окна вагонов. На соседнем запасном пути стоял грузовой состав. Раздвижные двери его вагонов были раскрыты настежь, и в вагонах хозяйничали военные. Они выбрасывали из вагонов грузы. На улицу летела солдатская форменная одежда, лошадиные седла, хомуты, сбруи, винтовки и ящики с патронами. Другая часть военных подбирала выброшенное из вагонов имущество. Некоторые из них, примерив на себе новые сапоги, тут же надевали их, а старые здесь же бросали, другие перевязывали сапоги попарно и закидывали их себе за плечи, винтовки и ящики с патронами складывали отдельно. С улицы доносились отдаленные выкрики и выстрелы.

— Казаки! — воскликнул черноволосый мужчина и, как показалось Софье, в его глазах промелькнули искорки страха.

— Да, действительно, казаки,— подтвердил толстяк. В отличие от черноволосого, он был спокоен.— Откуда же здесь взялись казаки?! Ведь фронт находится в нескольких сотнях верст отсюда?! — удивился он.

Казаки тем временем, переговариваясь друг с другом, собирали выброшенное из вагонов имущество и несли его к станции, где аккуратно укладывали в повозки. Другая группа казаков направилась к подошедшему пассажирскому поезду. Загремели железные дверные засовы, шумно открылись двери вагонов. Сразу стали отчетливо слышны доносившиеся с улицы крики, плачь, ругательства, звон битых стекол, выстрелы. В вагон вошли казаки и медленно двинулись по коридору, внимательно вглядываясь в лица пассажиров. Следом за ними семенил перепуганный кондуктор Ложкин. Пассажиры молчали. Екатерина Михайловна незаметно для всех сняла с пальца перстень, сунула его в перчатку и зажала в кулаке, казаки не заметили этого и прошли дальше по вагону, однако двое из них остановились напротив. Один из казаков был по возрасту около тридцати лет, с черной густой бородой и усами. Другой, около двадцати лет, без бороды, рыжеволосый и с такими же рыжими усами. Фуражки их были заломлены набекрень, оголив чубы.

— Коммунист? Комиссар? — рыжеусый казак в упор взглянул на черноволосого.

— Никак нет, господин офицер, я — рабочий,— заметно побледнев, ответил тот.

— Петро,— обратился рыжеусый к бородатому казаку,— как ты думаешь, этот

комиссар или нет? Какой-то он дюже подозрительный,— спросил он, указывая нагайкой на черноволосого.

— А пес его душу знает — комиссар он али не комиссар.

— Да не комиссар я, господа офицеры, не комиссар,— взмолился черноволосый мужчина.

— А вот мы зараз проверим, комиссар ты али нет?! — ухмыляясь в усы, проговорил рыжий казак.— А ну живо на выход, а то, неровен час, пристрелю! — казак сорвал с плеча винтовку и стал подталкивать ею черноволосого к выходу.

Увидев такое обращение казаков с пассажирами, Софья впала в шоковое состояние. Она прижала руки к груди, добела сцепив пальцы, лицо ее покраснело, дыхание участилось. «Мама»! — тихо вскрикнула она в тот момент, когда казак сорвал с плеча винтовку. Екатерина Михайловна взяла дочь за руку и сжала ее.

— Не бойся, Сонечка, господа военные нас не тронут,— произнесла она, затем взглянула на казаков: — Господа, вы испугали мою дочь!

— А вы, барышня, шибко не пужайтесь. Что до нас, то мы ищем комиссаров и коммунистов. Ежели вы ни к какой такой категории не относитесь, то и пужаться вам нечего,— нахмурив брови, ответил Екатерине Михайловне бородатый казак.

В вагоне в это время было шумно. Казаки ходили по коридору взад и вперед. Слышались крики, женский и детский плач, ругательства. С улицы также доносились голоса; кто-то кому-то отдавал приказания, ржали лошади, в соседних со станцией дворах неистово лаяли собаки, где-то вновь началась стрельба. К стоявшим напротив Екатерины Михайловны казакам подошли еще несколько казаков во главе с офицером.

— Ну что тут у вас, вахмистр? — спросил офицер у бородатого казака.

— Да вот, господин есаул, никак не поймем — ентот комиссар али нет? — ответил тот, указывая на черноволосого.

— С чего вы взяли, Петро, что он комиссар? У него на лбу не написано! — удивился есаул.

— Да вот Семен гутарит, шо он дюже подозрительный какой-то.

— В чем заключается твоя подозрительность, Семен? — есаул взглянул на рыжего казака.

— Что-то он, ваше благородие, шибко глазами зыркает в разные стороны, словно нас испужался, наверняка — комиссар.

Есаул ухмыльнулся.

— Ну, коли он у тебя вызвал подозрительность, то выводи его на улицу, там разберемся. Да смотри, чтобы он с поезда не сиганул да не утек! Головой за него отвечаешь! — приказал есаул и с группой казаков пошел дальше по вагону.

— Господа, это недоразумение! Я рабочий с оружейного завода, возвращаюсь в Тулу из Ельца от родителей, а фамилия моя — Иванов,— черноволосый мужчина, назвавшийся Ивановым, начал объясняться перед казаками, смотря на них и окружающих его пассажиров растерянным взглядом.

— Рабочий с ружейного заводу, гутаришь? — недоверчиво переспросил у него вахмистр.— А ну-ка покаж свои руки,— потребовал он. Иванов выставил перед вахмистром руки, и тот стал их внимательно со всех сторон рассматривать.— Брешешь, собака! — злорадно ухмыльнулся он в бороду.— У ружейных рабочих руки маслом с мазутом перепачканные, а у тебя белые, как у бухгактера. Провести меня захотел?! — грозным голосом спросил он.— А ну-ка, двигай до выхода! — вахмистр и рыжеусый казак стали прикладами подталкивать Иванова в сторону двери.— Ах ты мразь подзаборная, хотел провести нас... рабочий он с ружейного заводу! Знаем мы, какие вы рабочие! Вот погоди, возьмем Ефремов, а там, глядишь, и Тулу с ружейным

заводом у вас, комиссаров краснопузых, отобьем,— произнес вахмистр, продолжая подталкивать прикладом черноволосого мужчину.

Уведя с собой Иванова, казаки ушли. Пережившие минуты страха пассажиры молчали. Екатерина Михайловна продолжала держать Софью за руку, старик еще крепче прижал к себе саквояж, его лицо от волнения покрылось красными пятнами. Толстяк носовым платком вытирал вспотевшее лицо и шею. Затем достал часы, откинул крышку и взглянул на циферблат.

— Однако! — воскликнул он, ни к кому не обращаясь.

В это время по вагонному коридору возвращались казаки во главе с есаулом.

— Господин есаул! — обратился к нему толстяк, убирая часы в карман пиджака, но есаул не услышал его и прошел мимо. Пропустив перед собой шедших следом за есаулом казаков, толстяк направился вслед за ними.

После того, как казаки покинули вагон, все прильнули к окну, наблюдая за тем, что происходило на улице. Софья тоже начала всматриваться сквозь стекло, она уже пришла в себя и высвободила свою руку из материнской руки. На перроне тем временем казаки собрали в одну группу всех снятых с поезда пассажиров. Среди них был и Иванов, он растерянным взглядом смотрел на казаков. В это время Софья увидела, как от поезда по перрону в сторону казаков прошел толстяк. Он подошел к есаулу и стал ему что-то говорить, едва заметно указывая рукой в сторону поезда. Тот внимательно выслушал толстяка, взглянул в указываемую им сторону и с несколькими казаками быстрым шагом вновь направился к вагону, толстяк при этом остался на перроне. Войдя в вагон, казаки прошли по коридору и остановились напротив Акимки.

— А ну-ка, подойди сюда! — приказал ему есаул и поманил пальцем. Акимка подошел и есаул с силой рванул на его груди рубаху, сунул руку за пазуху и вытащил письмо от брата красноармейца, начал бегло читать его, а прочтя, смял письмо и бросил на пол.— Взять! — приказал он казакам, указав на Акима.

Казаки схватили Акима за шиворот и потащили к выходу.

— Дяденьки! Не надо, дяденьки! Я домой поеду, меня там мамка с батькой ждут, дяденьки! Простите меня, я домой поеду! — запричитал тот, с ужасом взирая на казаков.

— Пш-ш-шел! — прикрикнул на Акима один из казаков и поддал ему коленом под зад.

— Дяденьки! Простите меня, Христа ради, дяденьки! Я домой поеду! — со слезами на глазах взмолился Акимка, но казаки не слушали его. Тогда он сначала присел, а затем вовсе упал на спину и начал взбрыкивать ногами, надеясь таким образом отбиться от казаков.

— Ах ты, щенок! Ты еще лягаться вздумал?! — закричал на Акима один из казаков и перепоясал его нагайкой. Тот взвыл от боли и начал, словно уж, извиваться на полу.

— Господин офицер, неужели вы не видите, что это еще ребенок, к тому же он видимо... недоумок! — обратилась Екатерина Михайловна к есаулу.— Прошу вас, отпустите его, не берите грех на душу! — попросила она.

— Ребенок?! Недоумок?! Завтра этот недоумок, этот ребенок, эта рвань краснопузая будет в нас из пулемета палить! — резко со злостью в голосе ответил Екатерине Михайловне есаул и сдвинул брови к переносице.— Увести! — нервно дернув уголком уса, вновь приказал он казакам, остановившимся в нерешительности после просьбы Екатерины Михайловны. Затем повернулся к стоявшему рядом с ним рыжему казаку с усами.— А ну-ка, Семен, посмотри, что там у этого старика в портфеле? — приказал он, указав на доктора.

— А ну сказывай, шо там у тебя в сумке? — спросил Семен и, не дождавшись ответа, выхватил саквояж из рук доктора.— Нету тута никакого золота, все нам набрехал ентот жирный мужик, надоть его, господин есаул, выпороть, чтоб боле нам не брехал,— проговорил он, продолжая рыться в саквояже старика.— Вот, господин есаул, только писанина какая-то,— удивился Семен, доставая из саквояжа исписанные листы бумаги и передавая их есаулу.

Тот взял листы и начал их читать. Затем оторвался от чтения и взглянул на старика.

— Что это у вас за письменность? — спросил он, потрясая листами.

— Это, господин офицер, моя научная работа,— ответил старик-доктор, пытаясь забрать у есаула листы, но тот их не отдал.— Осторожно, прошу вас,— это труд всей моей жизни,— жалобным голосом попросил он есаула.

— Труд всей жизни, гутаришь? Зараз мы поглядим, что это за труд такой? — ухмыльнулся есаул, и вновь начал вчитываться в написанное.

— Неужто он и впрямь в ентих бумагах всю свою жизню расписал? — удивился рыжий казак Семен, переводя взгляд с бумажных листов на старика, а затем на есаула.

— Господин есаул, а может в етих листах написана шифра какая? — к есаулу обратился стоявший до этого молча бородатый казак Петро.— Вот помнится мне, еще до германской, служил я в Петербурге, и довелось нам как-то разгонять уличную демонстрацию. Так вот мы тогда у одного зачинщика ентой самой демонстрации нашли шифру. То же вроде бы как писанина какая, а оказалось — шифра. От етих комиссаров шо хошь можно ожидать.

— А я почем знаю? Может это и шифра, а может старик и вправду ученый какой. Ты вот что, Петро, отведите-ка его до их высокоблагородия, пущай он сам эту письменность поглядит. Да гляди мне, за старика отвечаешь головой,— распорядился есаул.

— Слушаюсь! — ответил казак и повернулся к доктору.— Пошли, старик, с атаманом нашим погутаришь.

Доктор покивал головой, затем закрыл саквояж и со вздохом поднялся с дивана.

— Ну что же, пойдемте, поговорим с вашим атаманом. Только прошу вас, господа, не растеряйте по дороге мои листы,— попросил он и направился с казаками к выходу.

После их ухода Софья увидела на полу среди другого разного мусора скомканное и брошенное есаулом отобранное у Акима письмо. Сама не зная зачем, она наклонилась и быстро подняла его и, чтобы не увидела Екатерина Михайловна, спрятала в манжету рукава платья, затем отвернулась и стала смотреть в окно.

В это время на перрон на вороном коне и в сопровождении нескольких офицеров въехал бородатый казак. В отличие от других казаков, на его погонах были карандашом нарисованы зигзаги, что означало генеральский чин. Это был командующий дивизией Донского корпуса Мамонтова генерал Постовский Владимир Иванович.

К нему подвели старика-доктора и передали бумажные листы. Прежде чем приступить к чтению листов, Постовский внимательно взглянул на старика, а затем начал читать. Прочтя, а больше просто бегло просмотрев листы, он вернул их старику, затем спешился и, передав поводья ординарцу, в сопровождении нескольких казаков направился к поезду. Есаул, увидев его, опрометью выскочил из вагона и, подбежав к нему, взял под козырек.

— Ваше превосходительство, по вашему приказанию станции нанесено максимальное разорение — взорвана водокачка, разбита телефонно-телеграфная и селекторная аппаратура. В селе уже выявлено несколько партийных руководителей, но

рейд по куреням для поиска коммунистов и комсомольцев продолжается. Захвачен шедший в Елец товарный поезд с оружием и обмундированием для красной армии, взяты в плен двое сопровождавших поезд красноармейцев, сейчас их допрашивают в здании станции. С пассажирского поезда снято несколько человек, среди которых, по нашему разумению, есть красноармейцы, коммунисты и комсомольцы.

— Почему с поезда снято только несколько человек?! — возмутился генерал.— С поезда высадить всех пассажиров... всех без исключения... и старых и малых... и построить их в шеренгу вот здесь, вдоль стены,— он указал рукой в сторону здания станции.— Кто будет оказывать сопротивление или попытается сбежать, расстрелять на месте.

Получив приказание, казаки бегом побежали к поезду и под выкрики и ругань начали силой выгонять людей из вагонов, сгоняя их к станционному зданию. Екатерина Михайловна медленно поднялась с места и, придерживаемая Софьей, с трудом направилась к выходу. Еще труднее она спустилась по порожкам из вагона на перрон. Вскоре люди плечом к плечу выстроились в шеренгу у стены станционного здания. Перепуганная Софья с трудом удерживала под руку обессилившую мать, и стоявший рядом с ними кондуктор Ложкин подхватил Екатерину Михайловну под другую руку, также стал удерживать ее. Генерал Постовский постоял немного, выждал, пока в шеренге смолкли голоса, и медленной походкой направился вдоль людей, внимательно вглядываясь в их лица. За ним последовали казаки.

— Коммунистам, комиссарам и комсомольцам выйти из строя,— приказал он, но никто не вышел. Генерал остановился, вновь, словно нехотя, обвел всех взглядом и продолжил: — Если кому-то известно, что среди находящихся здесь людей есть красноармейцы, комиссары, коммунисты и комсомольцы, прошу указать на них.

Кондуктор Федор Ложкин уже больше года состоял в ефремовской партийной ячейке и, услышав требование генерала о выдаче коммунистов, не на шутку перепугался, так как в шеренге стояли знавшие его ефремовцы, но его никто не выдал.— Ну что же, тогда поступим так,— генерал вновь медленно побрел вдоль шеренги.— Ты, выходи,— указал он на среднего возраста плотного телосложения мужчину.— Ты, тоже выходи,— приказал он следующему мужчине, высокорослому и широкоплечему.— Ты... ты... и ты,— последним он указал на кондуктора Ложкина. Они вышли.— Вам приказываю оборвать телеграфные провода на столбах, а сами столбы повалить на землю.— Затем повернулся к есаулу.— Машинистов ко мне, с обоих поездов, и стрелочника,— распорядился он. Вскоре к нему подвели двух машинистов и станционного стрелочника. Постовский довольно-таки долго и пристально вглядывался в перепачканные лица машинистов, а затем произнес: — Разогнать паровозы навстречу друг другу и врезаться ими друг другу в лоб, да чтобы паровозы были с вагонами и на полном ходу, узнаю, что ход замедлили, расстреляю.— Затем повернулся и взглянул на стрелочника.— Как только паровозы разъедутся, немедленно перевести стрелки на один путь и дать сигнал машинистам для начала движения.

— Слушаюсь! — перепуганный стрелочник вытянулся перед Постовским навытяжку.

— А вы, есаул,— генерал повернулся к есаулу,— выделите казаков для догляда, чтобы ни машинисты, ни стрелочник не сбежали и в точности выполнили мое приказание. Подозреваемых в причастности к советской власти отвести в сторону и взять под караул, всех остальных отпустить,— приказал генерал и направился в сторону станционного здания.

— Снятых с поезда коммунистов, комиссаров и комсомольцев отвести в сторону посадки и окарауливать,— продублировал есаул приказание генерала, указывая нагайкой в сторону росших вдоль железнодорожного полотна деревьев,— а осталь-

ные — свободны! — громко и торжественно объявил он, но люди продолжали стоять.— Свободны, свободны! — вновь повторил есаул, и только после этого стоявшая шеренга людей зашевелилась, загудела, заговорила сначала тихо, а потом все громче и громче, и начала расходиться в разные стороны, натыкаясь друг на друга и мешая друг другу. Многие стали выкликивать имена потерявшихся родных, друзей или просто знакомых.

Софья и Екатерина Михайловна в числе многих других людей направились от станции в сторону дороги, ведущей на Ефремов. Екатерина Михайловна хотя и с трудом, но шла сама, изредка придерживаемая дочерью. Что им нужно было делать дальше и как поступить, они не знали. Пройдя несколько метров, Софья увидела, как от мужиков, рвавших со столбов телеграфные провода и валивших на землю столбы, отделился кондуктор Ложкин и незаметно вышел на дорогу, где смешался с людьми. Пошел быстро по дороге, обгоняя основную массу людей, и вскоре побежал во всю прыть в сторону Ефремова. Пройдя несколько метров, Екатерина Михайловна тяжело задышала и остановилась.

— Погоди, Сонечка, давай постоим немножко, дай отдышусь,— произнесла она.

Осмотревшись по сторонам, Софья недалеко от себя увидела лежавшее вдоль дороги бревно, и, осторожно придерживая Екатерину Михайловну под локоть, препроводила ее к этому бревну и обе присели на него. Екатерина Михайловна тяжело перевела дух, склонила голову и стала смотреть на землю, обе молчали, говорить ни о чем не хотелось.

Мимо них в сторону Ефремова, поднимая ногами пыль, шли снятые с поезда люди, им не было никакого дела до сидевших на бревне двух женщин. Тем временем день уже перевалил на вторую половину, и было жарко. В придорожных травах пели кузнечики, гудели и не давали покоя шмели и осы. Со стороны железнодорожного полотна слышались звуки грохотавших вагонов, поезда на большой скорости неслись навстречу друг другу. Софья смотрела на них, и в этот момент вдруг увидела, как из дверей станционного здания казаки вывели ее знакомых Сашку Тихонова и Никиту Платонова. Они были босы, лица их были избиты в кровь, гимнастерки испачканы и разорваны, руки их были связаны за спиной. Казаки периодически подстегивали их нагайками и, наезжая лошадьми, повели в сторону группы снятых с поезда пассажиров.

— Мама, там Сашка и Никита! — воскликнула Софья.

Екатерина Михайловна подняла голову, и в этот момент со стороны станции раздался оглушительный силы грохот. Поезда на полном ходу врезались друг в друга, послышался лязг и скрежет металла, треск наезжавших друг на друга и разваливающихся на ходу вагонов, возгласы остановившихся и устремивших свои взгляды на происходящее людей. В ту же минуту все отчетливо увидели, как стоявший вместе с другими задержанными людьми Акимка, воспользовавшись замешательством охранявших его казаков, рванул с места и стал убегать от них по полю. Один из казаков что-то стал кричать ему вслед, второй, пришпорив коня, погнался за ним, и в ту же секунду третий казак привстал на стременах, вскинул ружье и выстрелил в Акима. Тот словно споткнулся обо что-то, как-то неестественно взмахнул руками и упал, уткнувшись лицом в землю. Подскакавший к нему гнавшийся за ним казак мельком взглянул на лежавшего Акимку, затем потянул на себя поводья, задрав лошади голову и, развернувшись, поскакал обратно. Подскакав к стрелявшему казаку, он махнул рукой. Увидев это, Софья закричала каким-то чужим диким голосом, затем закатила под лоб глаза и, потеряв сознание, начала валиться на землю.

— Сонечка! Доченька! — вскрикнула Екатерина Михайловна и бросилась к дочери, пытаясь удержать ее от падения. Софья упала навзничь и затихла.— Доченька,

что с тобой?! — Екатерина Михайловна от растерянности, не зная, что нужно делать в такой ситуации, начала тормошить Софью.— Помогите! На помощь! — кричала она.— Господи, помоги, спаси и сохрани! — взмолилась она.

Шедшие по дороге люди остановились, стали смотреть на лежавшую на земле Софью и кричавшую Екатерину Михайловну, но никто не оказывал им никакой помощи. Вдруг сквозь стоявших на дороге людей протиснулся доктор-старик. Он сунул в руки Екатерины Михайловны свой саквояж и бросился к Софье. Стал ладонями хлестать ее по щекам, массажировать ей мочки ушей, мять мизинец на левой руке. Наконец она пришла в себя и, открыв глаза, стала обводить всех удивленным, ничего не понимающим взглядом.

— Все, пришла в себя,— тихо проговорил доктор.— Скажите, милая барышня, как вас зовут? — спросил он громким голосом, обращаясь к Софье.

— Софья.

— А где вы сейчас находитесь? — вновь задал вопрос доктор.

— На дороге рядом со станцией.

— А вы знаете, кто это? — доктор указал на перепуганную Екатерину Михайловну.— Как ее зовут?

— Да, знаю. Это моя мама, а зовут ее Екатерина Михайловна,— ответила Софья.

— Ну, слава богу! С вашей дочерью все в порядке, просто у нее был сильный испуг и нервный стресс, спровоцировавший временную потерю сознания,— произнес доктор, обращаясь к Екатерине Михайловне.— А вы сами-то, барыня, как себя чувствуете? — спросил у нее доктор.

— Спасибо, я в порядке,— тяжело дыша, ответила Екатерина Михайловна.— Сонечка, милая, скажи, как ты себя чувствуешь? — обратилась она к дочери.

— Хорошо, мама,— тихим голосом ответила Софья.

Стоявшие вокруг них люди подняли Софью с земли и усадили на бревно, Екатерина Михайловна села рядом. Она прижала Софью к себе и начала качать ее словно маленького ребенка.

— Доченька, миленькая моя, я так сильно за тебя испугалась,— зашептала она Софье на ухо.— Идет война, и возможно такие страшные моменты тебе в жизни еще придется увидеть не раз, будь к этому готова.

— Мама, как можно быть готовым видеть, как одни люди убивают других?!

— Я тебя понимаю,— согласилась с дочерью Екатерина Михайловна.— Как ты себя чувствуешь? Ты в порядке? — вновь поинтересовалась она состоянием дочери, забеспокоившись ее долгим молчанием.

— Я в порядке, со мной все хорошо. Мама, за что они убили Акимку? — спросила она, всматриваясь в ту сторону, где лежал на земле Аким, и где рядом с ним собрались казаки и какие-то люди, одетые в гражданскую одежду.

— Наверное, за то, что он стал убегать от них,— вздохнув глубоко, неопределенно ответила Екатерина Михайловна и с испугом взглянула на доктора.— Можно ли разговаривать с нею на эту тему?

— Все хорошо, не переживайте, разговаривайте с ней обо всем и, пожалуйста, пойдемте отсюда поскорее,— сказал доктор.

Пережив страх из-за потери Софьей сознания, Екатерина Михайловна, несмотря на плохое самочувствие, пошла быстрым и уверенным шагом, обняв Софью за спину, она начала подталкивать ее, надеясь, таким образом, быстрее покинуть это страшное место. Доктор последовал за ними.

— Спасибо вам огромное, если бы не вы, я даже не знаю, что могло бы случиться! — поблагодарила его Екатерина Михайловна. Доктор кивнул головой.— Кстати, вам вернули вашу научную работу? — спросила она.

— Да полноте вам, барыня, все это пустое,— махнул тот рукой.

Какое-то время шли молча. Отойдя от станции некоторое расстояние, Софья вновь заговорила.

— Там среди них Сашка Тихонов и Никита Платонов, я их узнала,— произнесла Софья.— Неужели их тоже убьют? — тихо спросила она.

— Кто они такие? Откуда ты их знаешь? — спросила у Софьи Екатерина Михайловна.

— Они из деревни Ордынка, часто приходили к нам в наше имение, и мы вместе играли в мяч, а старший брат Никиты служил у нас конюхом.

— Это какой брат? Прохор, что ли?

— Да, по-моему, его звали — Прохор.

— Погоди-ка. А не тот ли это Сашка Тихонов, которого по приказу нашего папеньки этот самый Прохор кнутом высек за то, что он тебя поцеловал?

— Да, тот,— ответила Софья и покрылась румянцем то ли от волнения, то ли от напоминания матери о ее первом в жизни детском, а потому самым дорогим и запомнившимся на всю жизнь поцелуе.

— Погоди, Софья, так значит, это они сожгли наш дом?! Так значит, это они виновны в смерти твоего отца?! — тихим голосом, перешедшим в зловещий шепот, спросила Екатерина Михайловна. Она даже остановилась и вновь тяжело задышала.— Не жалей их! Не жалей их! — дважды, словно заклинание, повторила она.— Бог их наказал,— подытожила она сказанное и, нахмурив брови, замолчала.

— Мама, Сашка Тихонов не сжигал наш дом, его не было среди тех людей. Это он предупредил нас о погроме и советовал нам убегать, разве ты не помнишь этого? — спросила у матери Софья.

Екатерина Михайловна промолчала. Она решила прекратить этот разговор и, отвернувшись от Софьи, медленно побрела по дороге. Невольно ей вспомнилась произошедшая с их семьей трагедия...

* * *

...В сентябре 1917 года проходивший в Ефремове съезд крестьянских депутатов выдвинул требование: всем без исключения помещикам свои частновладельческие хозяйства передать местным земельным комитетам, состоявшим из крестьянских сообществ. Однако помещики отказались выполнить волю крестьян и уже в конце месяца начались крестьянские выступления против помещиков, сопровождавшиеся погромами и поджогами их имений.

Помещики Рязановы каждый вечер с ужасом и тревогой наблюдали, как где-то там, за горизонтом, в тех местах, где находились помещичьи усадьбы, небо периодически покрывалось багряным заревом пожарищ. А в одну из темных октябрьских ночей в их доме раздался громкий стук в окно. Стучали очень настойчиво, а потому хозяин поместья Серафим Аркадьевич вышел в одном нижнем белье. Чуть позже, одев на себя теплые одежды, вслед за ним вышли Екатерина Михайловна и Софья. На улице верхом на лошади сидел Сашка Тихонов.

— Собирайтесь живо! Берите с собой все самое необходимое и ценное и бегите отсюда! Мужики наши с дубинами, вилами, а кто и с ружьями сюда собираются идти, вас громить. Бадьи с керосином на телеги составили, ваш дом жечь будут! Пьяные они, бегите, пока не поздно! — тяжело дыша, проговорил Сашка, искоса взглянув на Софью.

— Спасибо тебе, братец, что предупредил нас, спасибо! — придя в себя через некоторое время после услышанного, сглотнув от волнения слюну, произнес Серафим Аркадьевич.— Век не забуду, в церкви за тебя свечку поставлю и в поминальной записке напишу о здравии. Как звать-то тебя, братец? — спросил он.

— А мне от вас, барин, ничего не надобно,— со злостью в голосе перебил его Сашка.— Ни свечек ваших, ни заздравных записок. Вы мне уже оставили свою расписку, следы от нее у меня на спине на всю жизню сохранились, после того, как конюх ваш Прохор-хромой по вашему приказанию на конюшне с меня кнутом кожу сдирал. Вспомнили меня? Да и не о вас я пекуся, а о дочке вашей — Софье. Кабы не она, сам бы лично ваш дом спалил! — неожиданно для всех проговорил Сашка и исподлобья взглянул на Софью. Екатерина Михайловна перехватила его взгляд и взглянула на дочь. Скорее не увидела, а материнским чутьем угадала, как Софья залилась румянцем.

— Сонечка, уйди в дом и быстро собери для себя все самое необходимое на дорогу, мы уходим,— распорядилась она, легонько подталкивая дочь в дом и закрывая за ней дверь.

Войдя в дом, Софья прижала холодные ладони к пылающему лицу, спиной прижалась к двери и прикрыла глаза. Увидев на улице Тихонова Сашку, она внезапно испытала нахлынувшее на нее чувство сильного душевного волнения и теперь никак не могла справиться с ним. Она почувствовала, как бешено заколотилось ее сердце, молоточками застучала в висках кровь, поднимая грудь, участилось дыхание. Софья давно испытывала к Сашке теплые и нежные чувства. Испытывала с того самого момента, когда они в детстве, убежав под овраг к пруду за укатившимся туда мячом, неумело и по-детски поцеловались. На их беду это увидел поивший в пруду лошадей хромой конюх Прохор Платонов. Притаившись за кустами, он стал наблюдать за ними. Злорадно улыбаясь, увидел, как после поцелуя Софья покраснела от стыда и отстранилась от Сашки, а затем вдруг сама прильнула к нему, обняла его и они еще несколько раз поцеловались. Это были их первые в жизни поцелуи. Затем Софья оттолкнула от себя Сашку и, смеясь, побежала к дому. Проводив Софью взглядом, тяжело дышавший от нежных чувств Сашка закатал до колен штанины, зашел в пруд, взял мяч и направился следом за убежавшей Софьей. Прохор напоил лошадей, а затем, припадая на хромую ногу, пришел к Серафиму Аркадьевичу и рассказал ему об увиденном. Взбешенный этим известием Серафим Аркадьевич велел выпороть Сашку, после чего запретил ему появляться в их имении, а дочь запер в доме и несколько дней не выпускал на улицу.

После этого Софья долго не виделась с Сашкой. Увиделись они спустя год случайно на станции Птань, откуда Софья вместе с матерью уезжала в город Елец погостить у дяди. Сашка в это время с отцом грузил на телегу мешки с мукой. Увидев его, обсыпанного с головы до ног белой мучной пылью, Софья прыснула от смеха, а Сашка бросил работать, уселся на эти мешки и стал смотреть на нее, боясь оторвать от нее взгляда, боясь подойти к ней и боясь заговорить с ней. Лишь смотрел на нее и улыбался, и прежде чем Софья вошла в вагон, незаметно для Екатерины Михайловны помахал ей рукой. Тогда Софья, как и сейчас, при виде Сашки тоже испытала сильное волнение, больше они не виделись. И вот теперь Сашка ночью прискакал на лошади, чтобы предупредить о надвигающейся опасности — ее предупредить.

А Сашка, тем временем, еще раз смерив Серафима Аркадьевича и Екатерину Михайловну недобрым взглядом, стеганул лошадь и скрылся в ночной темноте.

— Однако, Серафимушка, нам нужно поторапливаться. С минуту на минуту могут появиться погромщики, нужно уходить,— сказала Екатерина Михайловна, обращаясь к мужу, но тот, постояв какое-то время в раздумье, возразил ей.

— Нет, милая, не нужно никуда уходить, я думаю, они не посмеют нас тронуть.

— Почему ты так уверен в этом? Других-то трогают, а нас они почему должны пожалеть? Я не верю этому, нужно уходить,— возразила мужу Екатерина Михайловна.

— Нет, нет. Не надо никуда уходить, давайте останемся дома. Я никому из крестьян никогда не делал ничего плохого, всегда старался им в чем-то помочь, к тому же все требования съезда крестьянских депутатов я выполнил,— произнес Серафим Аркадьевич, и Екатерина Михайловна, несмотря на дурные предчувствия, согласилась с мнением мужа.

Вошли в дом, на всякий случай собрали необходимые для дороги вещи, спрятали в одежды документы, деньги и драгоценности, а затем, словно перед дальней дорогой, присели на стулья и стали ждать погромщиков.

Через полчаса с улицы донесся конский топот, тележные дребезжания, и на территорию усадьбы въехало несколько крестьянских подвод. Стали раздаваться приглушенные голоса людей, тихое ржание лошадей. Почуяв недоброе, во дворе завыла помещичья собака. Вскоре громко и настойчиво забарабанили в дверь. Серафим Аркадьевич поднялся со стула и, подойдя к двери, открыл ее. Запустив свежий осенний воздух, в дом вошли несколько крестьян.

— Ну, здравствуйте вам, барин Серафим Ркадич,— поздоровался с Серафимом Аркадьевичем небольшого роста бородатый старик и по привычке снял шапку, но тут же замешкался, не зная, куда ее деть, наконец, засунул за подпоясину старого поношенного тулупа. Серафим Аркадьевич как ни старался вспомнить этого старика, так и не смог этого сделать; ни имени его не вспомнил, ни фамилии, ни из какой он деревни.— Вот, стало быть, дела нынче такие, Серафим Ркадич... вот, стало быть, приехали мы к вам... стало быть...— от волнения старик никак не мог сформулировать свою речь и объясниться с Серафимом Аркадьевичем.

На помощь старику пришел стоявший рядом с ним средних лет мужик, одетый в солдатскую шинель, но без погон. На солдатской фуражке темным овальным пятном с дыркой выделялся след, оставшийся от солдатской кокарды.

— Значит так, барин,— дыхнул он на Серафима Аркадьевича из-под усов водочными парами,— я, как председатель комитета бедноты, заявляю вам, что вы не подчинились съезду крестьянских депутатов и не отдали свои земли земельному комитету, а потому мы созвали сельский сход, на котором постановили следующее,— он замолчал на некоторое время, достал из кармана шинели потертый лист бумаги, развернул его и, прокашлявшись в кулак, начал читать: — Все ваши земли передать в земельный комитет, с предоставлением права земельному комитету самим определять порядок обработки, обсеменения, уборки полей и укоса трав. Так же реквизировать все ваши запасы, скотину и другое имущество. Самих же вас, как враждебный класс трудовому крестьянству, изгнать с нашей земли, а дом — спалить. Вот такое будет вам наше сельское решение,— мужик взглянул на стоявших и словно онемевших Серафима Аркадьевича и Екатерину Михайловну, затем перевел взгляд на перепуганную Софью.— А вы, барышня, ушли бы куда с глаз долой, спрятались бы где от греха подальше, а то, неровен час, кабы вас тут кто не обидел,— сказал он, косо глядя на нее, но Софья продолжала стоять рядом с родителями. Екатерина Михайловна взяла Софью за руку и прижала к себе. Председатель комитета бедноты покряхтел, вновь кашлянул в кулак и разгладил рукой усы.— Ну, дело ваше — барское. Попрошу покинуть дом,— распорядился он, указывая рукой в сторону двери. Рязановы подчинились и вышли на улицу, стали во дворе, не зная, что им делать, как поступить в сложившейся ситуации и куда идти. Следом вышел и председатель комитета бедноты.— А вы чего стоите? Берите все, что вам нужно, сбивайте замки на амбарах, забирайте зерно и выводите скот,— приказал он, обращаясь к стоявшим крестьянам, и сам одним из первых направился к амбару. Вслед за ним, с шумом и возгласами, ринулись мужики и бабы.

Серафим Аркадьевич узнал председателя комитета бедноты — это был дезерти-

ровавший с германской войны средний сын Платонова Василия Захар из деревни Ордынка.

К Серафиму Аркадьевичу вновь подошел небольшого роста бородатый старик, тот самый, что не смог с ним объясниться в доме.

— Помнитца, барин, вы как-то сказывали нам: ежели кому будет худо, ежели кому будет чаво не хватать, то приходите ко мне и возьмите, я вам все дам. Вот, стало быть, теперча и пришли. Так что, не обессудьте. А мне бы, Серафим Ркадич, чаво из скотинки, стало быть, телка там какова, али свинку, а боле ничаво и не надоть, только из скотинки чаво,— сказал он, улыбаясь в бороду.— Дык я, стало быть, пойду в хлев-то, возьму там свинку-то? А, Серафим Ркадич, возьму, стало быть? — спросил он разрешения у Серафима Аркадьевича и, не дождавшись ответа, надел на голову шапку и направился в хлев.— Нюрка! Чаво сидишь? Вылазь из телеги, пошли, можа какую скотинку себе возьмем,— позвал он за собой жену.

— Братцы! Не губите, братцы! — наконец-то пришел в себя Серафим Аркадьевич.— Я же выполнил все требования съезда, всю землю вам отдал, себе немного оставил, чтобы с голоду не помереть, а остальное все вам отдал! Вспомните, братцы, я же еще до съезда и цену за земельную аренду снизил, и продажу земли отменил, и большую часть урожая в этом году вам отдал. Братцы, помилуйте! — запричитал он, но неуправляемая толпа мужиков и баб уже не слышала и не слушала слов помещика. Они бесцеремонно отодвинули в сторону хозяев. Со всех сторон стали доноситься выкрики, споры, ругань, рев скотины, звуки разбиваемой в доме мебели. Разграбление продолжалось около часа и все это время Рязановы, прижавшись друг к дружке, стояли на улице.

— Все из дома вынесли или еще что-то осталось? — громко спросил у погромщиков Захар Платонов — Если вынесли все, то обливайте комнаты керосином и запаливайте! — приказал он.

— Братцы! Не сжигайте дом, братцы! Заберите все, только не сжигайте дом! Прошу вас, ради Христа, помилуйте! Захар Васильевич, не губи, помилуй! — вскричал Серафим Аркадьевич и упал перед Захаром на колени, обхватил руками полы шинели, сполз еще ниже к грязным солдатским сапогам. Вмиг осунувшийся, с растрепанными волосами и со слезами на глазах, взирал на Захара снизу вверх.— Помилуй, Захар Васильевич! Не губи, ради господа бога прошу, помилуй! — кричал он, хватая руками политую осенними дождями и истоптанную крестьянскими сапогами грязную землю. Увидев это, Екатерина Михайловна и Софья зашлись в громком плаче.

— Палите дом, чего ждете? — высвобождаясь от рук Серафима Аркадьевича, злобно крикнул Захар застывшим в нерешительности крестьянам, державшим в руках бадьи с керосином, и почти в тот же миг заполыхал дом. Пламя с треском пожирало пол, стены, потолок, разбросанные вещи и разбитую мебель, охватило чердачное перекрытие. Оно пожирало все нажитое годами богатство, пожирало прошлую, некогда счастливую и беззаботную, помещичью жизнь.

А погромщики, погрузив в подводы награбленное имущество и привязав к ним барскую скотину, отправились по домам. Серафим Аркадьевич от бессилия что-либо сделать смотрел на горящий дом, плакал, хватал горстями землю и в ярости бил по ней кулаками. Вдруг он резко схватился руками за грудь и, захрипев, повалился на землю, уткнувшись лицом в грязь. Екатерина Михайловна с Софьей бросились к нему, перевернули на спину, начали вытирать от грязи лицо.

— Серафим! Серафим! Что с тобой?! — кричала Екатерина Михайловна, тряся мужа за плечи.

— Папа! — вскричала перепуганная Софья и прижала руки к груди.

— Серафим, дорогой, любимый, ну скажи что-нибудь! Не молчи, Серафим! — кричала Екатерина Михайловна, продолжая тормошить мужа за плечи, расстегивая пальто, костюм, разрывая рубаху. Затем припала ухом к его груди и замолчала на некоторое время. Не услышав биения сердца, медленно оторвала голову от мужниной груди и взглянула на его неподвижное лицо. В ту же секунду закричала душераздирающе и упала на мертвое тело.

— За что, Господи?! За что так наказал нас, Господи?! За что?! Серафим, любимый, зачем же ты так поступил?! На кого ты нас оставил?! Как же мы теперь без тебя будем жить, Серафим?! — крича в голос, запричитала она.

Поняв, что произошло страшное горе, Софья тоже закричала, опустилась на колени и тоже припала к телу отца. От их рыданий тело Серафима Аркадьевича сотрясалось, согнутые в локтях руки с налипшей на ладонях грязью под такт тела подрагивали, приоткрытый рот перекосился, отчего казалось, что Серафим Аркадьевич, лежа на спине, смеется, но открытые глаза с неподвижными зрачками мертвенно отражали пламя адского пожарища. Пытаясь убежать от огня, извивалась на цепи и громко выла собака.

От мертвого тела Серафима Аркадьевича Екатерину Михайловну и Софью оторвали управляющий их имением птанский крестьянин Гордей Никифорович Фролов и его жена Марфа Антоновна. Они от погромщиков прятались в близлежащем лесу, и вот теперь вышли из своего укрытия. Подошли к Екатерине Михайловне и Софье, взглянули на мертвого Серафима Аркадьевича, перекрестились.

— Будя вам, барыня, будя,— тихо произнес Гордей Никифорович, чуть ли не волоком оттаскивая кричащую Екатерину Михайловну от мертвого мужниного тела.— Девку, девку уведи отсюдова, что стоишь-то, как укопанная?! — прикрикнул он на жену, увидев, что та словно онемевшая стоит рядом с барынями. Придя в себя от окрика мужа, Марфа Антоновна подошла к Софье, помогла ей подняться с земли и увела ее в ночную темень.

Затем Гордей Никифорович, оставив на попечение жены плачущих барынь, вернулся обратно и с трудом перетащил тело Серафима Аркадьевича в хлев — единственное строение, оставшееся нетронутое огнем. Закрыл ему глаза, подвязал нижнюю челюсть, сложил на груди руки и прикрыл лицо найденной здесь же тряпкой, которой Марфа насухо вытирала после помывки и перед дойкой коровам вымя. Закрыв хлев, Гордей вернулся к ожидавшим его жене и барыням и увел оглушенных горем мать и дочь Рязановых к себе домой. После похорон Серафима Аркадьевича Екатерина Михайловна с Софьей уехали в Елец, где жили в доме брата Екатерины Михайловны, отставного штабс-капитана Сергея Михайловича Богданова...

(Продолжение следует)

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ГОВОРУХА

Наш постоянный автор.

Десятки, сотни, а может, и тысячи лет в дали дальние торопится речка Говоруха. Словно по крутой лестнице стекает. Полотно — перекаты, полотно — ступени, и снова ровное полотно, потом опять зашумела на перекатах, а тут попала в тесные берега и взревела, заторопилась, стараясь вырваться из каменного плена. Вырвалась и постепенно успокаивается, чтобы потом опять взбунтоваться. Характер своенравный у реки. Пройдут дожди в верховьях — она вздувается, вскипает, а вырвется на равнину, успокаивается и несет воды в дали неизвестные. Серьезная речка, кто с ней незнаком. Но для Семеныча она говорливая, своя. И будет речка бормотать и нашептывать, пока он ловит пескаришек да плотвичек. А бывает, путники с ночевьем останавливаются, тогда всю ночь речка шепчет и убаюкивает всех, кто оказался на берегу.

Уже много лет прошло с тех пор, когда Владимир Семеныч впервые приехал сюда. По нраву пришлись ему эти места. Каждый раз, когда выпадало свободное время, он торопился на берег. Приезжал, чтобы посидеть, поговорить с речкой. И она разговаривала с ним, рассказывала о том, что произошло в деревне, пока его не было. Обо всем нашептывала, кто и чем занимался, кто в деревню перебрался жить, а кто махнул рукой и укатил в город. У каждого человека своя тропка. Одни ищут легкий путь, а другие живут и не гонятся за призрачным счастьем, потому что они уже счастливы на своей земле, возле своей речки.

Много лет Семеныч ездил к реке, а потом решил перебраться из города в деревню. Надоела суетная жизнь, ничего не держало его в городе: ни семьи, ни детей. Один, как перст, не сложилась личная жизнь. Сторговал небольшой, но добротный домик в деревушке, что была разбросана по склонам холмов вдоль реки. Правда, бывал наездами, все не решался окончательно перебраться. Понимал, что жизнь придется заново начинать, с чистого листа, как говорят. И тянул с переездом. Прикатит в деревню, посидит в доме, а потом подхватится и уходит к реке. Там ему было лучше. Он привык к одиночеству...

В один из дней, когда Семеныч приехал в деревню, к нему в гости зашли соседи: Анисим и Фаина Алешкины. Лето в разгаре. Анисим зашел, скинул глубокие галоши возле порога. Ноги грязные, разводья от края галош. Он пошевелил пальцами, дрыгнул, сгоняя ползущую по ноге муху, поправил кургузый пиджак с разодранным боковым карманом. Поддернул штаны неопределенного цвета. Наверное, сам давно забыл, какими они были. Снял шапку (в жару-то!), лицо коричневое, а лысина белая и пушочек кудрявится. Шагнул, мотнул головой и протянул кирзовую, ороговевшую, по-другому не скажешь, ладонь.

— Это...— он почесал седую небритую щеку и ткнул себя в грудь.— Я Анисим, твой сосед, а это моя жинка Файка.

— Здрасьте вам! — она поклонилась.— Я Фаина, баба его. Вот зашли познакомиться. А то приезжаешь и живешь отшельником, так сказать.

Улыбнулась, прикрыв широкой ладонью рот, где отсутствовали передние зубы. Застеснялась.

Фаина ростом была под стать мужу. Высокая. Правда, фигура какая-то грушевидная, с большим оплывшим животом, плоское лицо в россыпи не рыжих, а огненно-коричневых веснушках, которые сплошь покрывали лицо, остренький носик спрятался между щеками, маленькие глазки под выбившимися рыжими волосами. Даже пальцы были усыпаны веснушками. На округлых плечах съехавшая косынка. Откинет волосы, в ухе заметна простенькая сережка с зелененьким камушком. Сарафан с коротким рукавом, а под ним шерстяная кофта с продранными локтями.

— Здрасьте,— сказал Владимир и обвел рукой горницу.— А я Владимир Семеныч. Вот, домик купил. Правда, наездами бываю.

— И правильно сделал, что купил, Семеныч! — замотала головой Фаина и, оттолкнув мужика, заглянула в горницу.— Хорошая изба, а уж люди какие хорошие живут в деревне, таких больше нигде не встретишь. Душевные — страсть! — и запнулась.— Ничего, что по-простому, так сказать?

Владимир пожал плечами.

— Зовите, как хотите.

— А, это хорошо,— опять закивала Файка.— А мы с разведкой зашли, узнать, что за человек поселился. Услышали, что избу бабки Маньки сторговали, вот и решили заглянуть на огонек, пока опять на речку не сбежал, так сказать. Бабка Манька в город подалась к младшей дочери. А что тебя из города занесло в нашу глухомань, а?

— Речка позвала к себе,— сказал Владимир Семеныч и заметил, как заухмылялся сосед, поглаживая белую лысину.— Говорливая она. Понравилась. И природа красивая. Вот и приезжаю к ней, разговариваю. Если соберусь с духом, в деревню переберусь насовсем.

— Так у нашей речки и название подходящее — Говоруха,— захекал Анисим, поглаживая лысину, и подтолкнул жену.— Вот и я когда-то в молодости уговорил Файку на бережку. Правда, давно это было, но до сей поры живем. Можно сказать, многие там уговариваются, на бережку-то, а потом свадьбы играют.

— Эть, язык без костей! — всплеснула руками Файка и звонко шлепнула по крутым бедрам.— Уговорил... Еще неизвестно, кто кого заломал на том бережку, так сказать.

И засмеялась тоненько, весело, и заколыхалась, сморщившись, и без того маленькие глазки спрятались где-то между щеками среди коричневых веснушек.

— Ага, скажи еще, на себе женила,— заворчал сосед, а потом не выдержал и вслед за женой засмеялся.— Может и правда, что женила. Вон какая рыжая! А рыжие — бесстыжие, как мой батя говорил, хотя сам такой же был, да у нас почти вся деревня — рыжие да конопатые. Все словно под одну гребенку деланы...

Сказал, хохотнул и затоптался, поглядывая на соседа.

Владимир смотрел на неожиданных соседей и, к своему удивлению, радовался, что к нему пришли гости, но в то же время растерялся, не зная, что делать. Привык за долгие годы к одиночеству. Посмотрел, нахмурился, морщинки пробежали по крутому шишкастому лбу, и заторопился на кухоньку.

— Проходите, не стойте возле порога. Давайте по стопке выпьем за мой приезд,— сказал он и стал греметь в сумках посудой, разыскивая стопки.— Присаживайтесь.

Анисим громыхнул расшатанной табуреткой и уселся в уголок возле стола, шапку положил на колени. Увидев бутылку, причмокнул в предвкушении.

— О, глянь, Файка, какая прозрачная,— Анисим выхватил налитую стопку и поднял, рассматривая на свет.— Редко такую употребляем, больше к нашенской привыкли, а она — ух, вонючая да крепкая! Глянь, от этой даже запаха никакого,— он

шумно втянул воздух, пригубил и снова почмокал толстыми губищами.— Как вода, даже не обжигает.

Едва дождавшись, когда Семеныч поднял рюмку, опрокинул одним глотком, замер, прислушиваясь, что внутри творилось, а потом выдохнул и заулыбался таким же беззубым, как и у Файки, ртом.

— Ох, мягко пошла, словно елеем по сердцу мазнули,— он почмокал и погладил по груди.— Все на пользу, если в меру. А для мужика мера — это ведро.

И засмеялся.

Файка пригубила. Сморщилась. Ладонью помахала перед ртом. Двумя пальцами подхватила кружочек колбасы. Посидела, дождалась, когда Владимир выпьет, а потом выпила свою рюмку, сунула кусочек колбасы в рот и замычала, закатывая маленькие глазки. Понравилось.

— Сладкая,— сказала Файка, правда, было непонятно, что сладкая — колбаса или водка. Потом взглянула на мужика и погрозила пальцем.— Симка, не балуй! Ишь, мера ведро. Опять придется тебя тащить,— и виновато посмотрела на соседа.— Слабый он, Симка-то. С виду крепкий мужик, а две-три рюмахи пропустит и, как куль, валится. Организма такая. Не принимает градусы, так сказать.

Владимир опять наполнил рюмки. Колбасу потолще накромсал. Хлеб нарезал. И кивнул.

— Давайте еще по одной опрокинем,— сказал он, поднимая рюмку.— За то, чтобы жилось хорошо...

— О, за это давай,— закивал Анисим и потер белую лысину.— Хорошо жить — это хорошо!

Он подхватил рюмку, медленно выпил, сразу глаза заблестели, похорошело на душе, занюхал кусочком хлеба, вытащил из пиджачка мятую пачку, достал папироску.

— Куришь, сосед? — он взглянул на Семеныча.— Пошли, подымим...

— Отстань от человека,— заворчала Файка и широкой ладонью беззлобно влепила затрещину.— Может, он не курит. Иди и дыми на крыльце, а в избе не смей, так сказать.

Анисим послушно поднялся, потирая лысину, и протопал к двери, оглянулся, хотел что-то сказать, но махнул рукой и вышел.

Поправляя платок, Файка, словно невзначай, окинула взглядом кухоньку, где, кроме стола, табуреток и кастрюль, ничего не было. Поднялась, колыхнув большим животом, похлопала ладонью по обшарпанной печи. Открыла кран, вода была проведена в дом, удовлетворенно покачала головой. Заглянула в горницу: на полу несколько узлов, в углу кровать с тонким матрасом, в другом углу стол, на котором стоял небольшой телевизор, а рядом старое радио и несколько книжек вперемежку с пожелтевшими газетами.

— Печку подмажем, побелим, так сказать, порядочек наведем, а вот мебелишки негусто,— она наморщила лоб, светлые бровки удивленно поднялись.— Что-то добра маловато, Семеныч. Видать, не нажил...

— Мне хватит,— пожимая плечами, сказал Владимир.— Кровать есть, радио тоже, печка с кастрюлями есть, а что еще нужно?

— Ну...— Файка задумалась, подняла голову, поглядывая на щелястый потолок.— Ну, это... Цыпляток заведи, свинку, так сказать...

— А чем кормить? — пожал плечами Владимир.— У меня за душой ничего нет, живность-то передохнет. Молочка, картошку да яйца могу в деревне купить. А остальное...

— Пора бы определиться в жизни, на одном месте осесть, а не мотаться. Вот приехал и обживайся. У нас люди хорошие, душевные. Помогут...— и, прислушавшись, она замолчала и оглянулась.

С грохотом распахнулась дверь. В избу ввалился Анисим. Шатаясь, подошел к столу. Долго смотрел на бутылку. Словно соглашаясь, кивнул головой. Налил в рюмку. Выпил. Повернулся к ним. Хотел что-то сказать, поднял руку, покачался, пытаясь удержаться за дверной косяк, и, как стоял с поднятой рукой, так и грохнулся на пол. Шапка отлетела в сторону. Заелозил на полу, а потом захрапел — густо, протяжно, громко.

— Ну не зараза ли,— всплеснула руками Файка, шагнула к мужу, пнула в бок грязной ногой.— Пробку нюхнул и все — расписался. От зараза такая! — потом взглянула на соседа.— Ладно, пусть Анисим валяется. Ничего с ним не случится. Проснется, не похмеляй его, сразу выгоняй. Ладно, Семеныч? А я побегу, хозяйство, так сказать.

Вихляя из стороны в сторону своим необъятным животом, она поправила сбившийся платок и затопала к выходу.

Так Владимир познакомился с соседями и впервые остался ночевать в своем доме...

Прежде он редко бывал в деревне. Наткнулся на нее, когда бродил по реке. И про речку-то узнал случайно. А когда узнал, решил на нее взглянуть. Приехал, побродил по берегу, посидел, послушал, как бормочут перекаты и рыба плавится на поверхности. Взглянул и остался. А потом на деревню набрел. Маленькая деревушка, если не сказать крошечная. Всего десятка три дворов, которые разбросаны по заросшим холмам, словно рассыпавшиеся кубики, а несколько домов у самой речки. Деревенские жили своим хозяйством. Правда, коров осталось не более пяти на всю деревню, но свиней да всякую птицу держали многие. А еще возле каждого дома были огороды. И каждую весну и осень соседи помогали друг другу: сажали, окучивали, выкапывали и закладывали на зиму. Речка рядом, рыбы много, а рыбаков маловато — раз-два и обчелся. Ловили помногу, но всю раздавали, едва возвращались домой. Да еще заготавливали рыбу на зиму. В бочках солили и держали на ледниках, а когда нужно было, доставали, споласкивали под водой, чтобы лишняя соль ушла и готовили.

Семеныч, бывая в деревне, заходил за продуктами, которые привозили на машине раз в неделю, если была дорога, а потом отправлялся на речку. Старался подальше уйти от людей, от жилья. Ставил палатку или шалаш, притаскивал охапку душистого сена или травы, неподалеку забивал рогатульки для котелка, приволакивал побольше дров, и несколько дней был в одиночестве, если это можно так назвать. Бывало, наловит пескариков или плотвичек, сварганит ушицу, похлебает, а потом уляжется в шалаше или в палатке и лежит, слушает бормотание Говорухи. Смотрел на воду и думал, что жизнь человека и его характер похожи на речку. Вся жизнь состоит из порогов да перекатов, из стремнины и спокойной воды, и пока идут годы, река человека тоже меняется. Ближе к порогу, что свыше отпущено, становится спокойной и широкой, словно устье речное. И характер человека такой же, как сама речка. Так оно и есть...

Иной раз, бывало, забредал пастух. Присаживался возле костра, что-нибудь спрашивал, а больше молчал. И тоже все смотрел на воду. Может речку слушал, может о жизни думал: люди, характеры, судьбы — это реки...

Когда Семеныч появлялся в деревне, его часто останавливали местные жители и начинали разговор — вроде издалека, с мелочей. Владимир присядет на лавку, они рядышком пристроятся и начинают расспрашивать про городскую жизнь и работу с зарплатой, про себя и соседей рассказывали, но чаще семьей Семеныча интересовались. А что говорить-то про семью? Дважды женился, но не получилось притереться друг к другу. Первый раз женился после техникума. Оба из детдома. Казалось бы, родственные души. Такая любовь закрутилась, хоть романы пиши. Но исчезла эта любовь, когда столкнулись с семейными проблемами. Квартиру обещали, а потом забыли. Года два-три по съемным квартирам мыкались. Он, как молодой специалист, с работы не вылезал, а когда возвращался, бывало, что за столом засыпал — так вы-

матывался. Жене не нравилось. Правильно, какой бабе понравится, если замуж вышла, а мужа не видит? Маленькие ссоры и обиды, большие ссоры и скандалы, которые все чаще и чаще возникали, казалось бы, на пустом месте. Потом у жены появились подруги. Все с ними гуляла, в кино ходила или на концерты, а потом к одной подружке на дачу поехала, к другой... Не успел Владимир оглянуться, как она уже и замену нашла ему. Собрала вещички и укатила с новым мужем. Вот и вся любовь...

Он очень сильно расстраивался, когда жена сбежала. И с бабами крутил, и водку пил, чтобы эту боль заглушить. Советовали, будто от водки полегче станет. Нет, не стало. Но в бутылку все чаще стал заглядывать. Может, так бы и скатился на самое дно, но случайно оказался на берегу речки. Пьяный уснул. А проснулся, почти весь день просидел на берегу. На воду смотрел, слушал ее, как журчит, как шепчет, бормочет и показалось ему, что она живая, эта речка. И мог он ей все рассказать: про работу, про себя, жену и эту самую любовь, которая вспыхнула быстро, а погасла еще быстрее.

Потом собрался и уехал в дальние края. Всю страну исколесил. На многих великих реках побывал. Много разных людей встречал. И вторую жену там нашел — на набережной стояла, на реку смотрела. Познакомились. Гуляли. Казалось, понимала его с полуслова. Долго не решался жениться и все же женился. Хотел, чтобы семья крепкая была, чтобы жена любила и детей семеро по лавкам. Добрая девка, красивая. С работы ждала. А потом тащила его на концерты, на выставки, где знакомила с нужными людьми, которые в жизни пригодятся, как она говорила. Потом ехали в ресторан, и мужики заглядывались на нее, на ее фигуру. Действительно, хороша она была: идет по улице, и не захочешь, а оглянешься. Несколько лет прожили, а детишек не было. Она не хотела. Говорила, что не готова стать матерью, не хотела фигуру портить. И тыкала пальцем в соседок, смеялась, что, если родит, станет такой же толстой и неухоженной. Владимир предлагал съездить в детдом, усыновить ребенка, знал, как ребятишки ждут отцов и матерей. Но она отказывалась: мол, не нужна эта обуза. И Владимир не выдержал. Уехал. И опять стал колесить по стране — может, счастье искал, а может себя хотел найти. Не успел оглянуться, уже полжизни как не бывало. Работа, общага, снова работа, переезды в другие города и опять работа: и так каждый день, месяцы, годы... Мотался, пока не наткнулся на деревню, где, как ни удивительно, его всегда ждали. Радовались, когда он приезжал. И он радовался. Здесь и речку нашел, о которой мечтал. Понял Семеныч: это и есть место, какое искал долгие годы, где всегда ему рады, где душа отдыхает...

— О, Семеныч прикатил! — всплескивая руками, говорила Файка, хлопая по необъятным бокам, и тут же толкала мужика.— Я же говорила, Симка, что сегодня появится, а ты — брешешь да брешешь... Здорово, Семеныч!

Поднималась. Колыхаясь животом, протягивала широкую крепкую ладонь. Здоровалась.

— Здорово, Семеныч! — вслед за ней вторил Анисим, поднимаясь, и тоже совал свою кирзовую ладонь.— Опять приехал к своей Говорухе? Хе-х! — и мелко закатывался, снимал шапку и вытирал мокрую лысину.— К бабам нужно ездить, а не к речке. Речка холодная, а баба теплая и мягкая, вот, как моя Файка, к примеру.

И хватал Файку за необъятный бок.

Утробно рявкнув, Файка разворачивалась и звонко шлепала по его лысине.

А Семеныч смотрел на них, смеялся и радовался, что его ждали и всегда ждут — души родственные.

— Что сидите? — Семеныч кивал.— Как дела в деревне?

— Говорю же, тебя ждем. Утром поднялась и толкаю своего, что ты приедешь, а он отбрыкивается — не может быть, не может быть... А у меня вот тут свербит,— она похлопала по большой груди.— Вот чую, должен появиться — и все тут! Что говоришь, Семеныч? А-аа, да какие дела в деревне? Работаем, так сказать. Ага... Утром

поднимешься и не знаешь, когда до постели доберешься, а улягешься, думки одолевают: что сделали, что не сделали, что нужно сделать. И так каждый день...— потом встрепенулась.— Да, Семеныч, мы твой огород вспахали, картоху посадили для тебя. Ага... Вон несколько грядок лука, морковки... Да еще всякую мелочь... Зимой пригодится, все уйдет, так сказать.

— Зачем? — удивленно посмотрел Владимир.— Я бы купил два-три мешка, и мне на всю зиму хватит.

— Купило — притупило,— опять затрясла ладонью Файка.— Нечего деньгами сорить, ежли свое есть. И свое — вкуснее. Да, Анисим?

И толкнула мужика, который курил папироску и о чем-то перекрикивался с соседом на противоположной стороне улицы.

— Что говоришь? — Анисим, не дослушав, кивнул.— А, твоя правда! Из магазинного может быть вкусной водка, а остальное — дрянь. Кстати, Семеныч, а ты привез пузырек, а? Посевную обмыли бы. Это наши бабы с мужиками постарались. Глянь, как твоя картоха всходит. Загляденье!

Он лукаво взглянул на соседа.

— Как же, обязательно обмоем посевную,— засмеялся Владимир и кивнул.— Заходите. Посидим за столом, поговорим...

Владимир всегда удивлялся, как они успевают все переделать по хозяйству. А ведь еще работа! Анисим, к примеру, мотается за десять километров в лесхоз, там на станках что-то делает. А Файка с Валькой Леоновой затемно перебираются на другую сторону речки и топают в любую погоду три километра по лесной просеке к свинарнику, где возятся до самого вечера. Вернутся и опять впрягаются в работу. И так почти вся деревня. Пять стариков да три старухи никуда не торопятся, но и то, едва начинает светать, они кружатся по хозяйству: козы, куры, гуси, огороды. А как же без хозяйства в деревне? Пропадешь!

Файка вроде бы нескладная, но сноровистая баба, шустрая. Не успели мужики вылезти из-за стола, а она уже разыскала ведро, тряпку и принялась сметать паутину из углов, со стен, окна помыла, мебель протерла, а потом выгнала мужиков, подоткнула свой неизменный сарафан, завернула рукава кофты и, несмотря на необъятную фигуру, ловко принялась мыть полы. Это в городе развозят грязь швабрами, а в деревне принято мыть руками. И Файка, вихляясь из стороны в сторону, ловко шваркала мокрой тряпкой по широким половицам. Потом согнала мужиков с крыльца, отправила на скамеечку возле двора, а сама разыскала косырь, отскоблила полы, промыла, насухо протерла. Спустилась к лужайке, нарвала травы, связала пучками и разложила по углам. Вкусно, духмяно.

Потом вышла на улицу, уселась на крыльцо, расставив толстенные ноги, вытерла вспотевший лоб и стала обмахиваться косынкой. Устала.

— Умаялась, Файка? — выглянув из-за забора, участливо сказал Анисим.— Аж пот в три ручья льется.

— Это же не рюмку поднимать,— не удержалась, съязвила Файка, а потом хохотнула и веснушки побежали по лицу.

К мужикам подошел дед Нестор.

— Дед Нестор, здоров был! Помогать пришел, да? Показать, где банка с перваком стоит?

Дед Нестор — маленький, высохший старичок, лицо с кулачок, в пиджаке с подвернутыми рукавами, на котором блестел какой-то значок, из-под застегнутого пиджака видна рубаха навыпуск, штаны заправлены в шерстяные носки и в галошах, а на голове военная фуражка с козырьком. Старик приложил ладонь к уху, прислушиваясь, взглянул на Файку, потом на мужиков.

— Слышь, Анисим, когда свою бабу образумишь? — нахмурив кустистые брови

громко сказал он и погрозил пальцем.— Ишь, совсем распустилась! Вот уж, гляди у меня, ежели родной мужик не может приструнить, тогда я возьму кнут и задам тебе перца!

Владимир посмотрел на них, словно спрашивал, что произошло.

— Ай,— Файка хохотнула и махнула рукой.— Осенью, когда убирали картоху, дед Нестор пришел помогать, так сказать. Покрутился возле нас, потоптался, а помощник-то плохой: ни лопату взять, ни ведро принести... Когда сели передохнуть, говорю ему: мол, принеси банку с перваком, я приготовила, да на столе забыла. Отправила. Ждем-пождем, а деда нет и нет. Захожу, а дед Нестор лежит на полу в обнимку с банкой и храпит, аж стены трясутся. Зараза, отпил и тут же упал! А первак у меня — ух, какой, быка свалит! Видать, лишку хлебнул. И свалился. Ладно, хорошо хоть банку не разбил. Обхватил ее, как клещ вцепился, едва смогла забрать. Сам падай, а банку спасай, так сказать.

И засмеялась тоненько, визгливо, протяжно.

— Вот, говорю же, не баба, а язва первостатейная! — дед Нестор ткнул пальцем.— Никакого покоя от нее. Как повстречает, так и тычет, так и напоминает. Да я выпил-то глоточек, решил пробу снять, так сказать, даже вкуса не успел почуять, как ноги ослабли и я свалился. Видать, организма слабая стала, а раньше, бывало, ух как принимал на грудь, а сейчас...— он махнул рукой, а потом ткнул в Файку.— А она до сей поры житья не дает. Совсем загрызла из-за одного глоточка. Все бабы такие, все! Ты, Володька, правильно сделал, что не женился. Это не бабы... Это чудища заморские с клыками! Я и бабку свою так называю — чудо-юдо. Ага, вот...

И запыхтел, рассердившись.

А Файка еще громче закатилась, зашлепала по толстым ляжкам.

— Ладно, дедка, не серчай,— махнула рукой Файка.— Я ж не со зла, а так просто, чтобы настроение поднялось, так сказать. Вон Семеныч приехал — это же хорошо. Посидим, поговорим, и душа радуется. Да, Анисим?

— Что говоришь? — Анисим вытянул шею.— А, да, правда твоя! Слышь, Семеныч, а что не переезжаешь-то, а? Домик взял, а сам туда-сюда катаешься, только деньги зазря переводишь. Ты же говорил, что один живешь. Ни семьи, ни детей... Болтаешься по жизни, как коровья лепешка в проруби...

— Ну, сказанул! — повысила голос Файка и звонко, привычно влепила затрещину.— Дед Нестор, что говорю-то, вон Семеныча уговариваем в деревню перебраться. Дом купил, а сам в городе пропадает. Определился бы, так сказать...

— Что? — морщинистое лицо старика еще сильнее сморщилось, он приложил ладонь к уху и опять взглянул на Файку.— Что болтаешь, а?

— Что-что... глухая тетеря,— буркнула Файка и повторила громко: — Семеныча уговариваем, чтобы к нам переехал.

— Так у вас же изба маленькая,— ткнул пальцем старик.— И семеро по лавкам. Пусть ко мне перебирается. Я же вдвоем с бабкой живу. Всем места хватит. И веселее будет...

— Эть, глухарь,— отмахнулась Файка и повернулась к соседу.— Что скажешь, Семеныч?

Владимир оглянулся, посмотрел на деревню. Красивая она. Небольшая. Домики на холмах словно игрушечные. Возле каждого огороды — ровные, зеленые, ухоженные. И лес. На другом берегу сосны — огромные, толстенные, красивые. Стоят, вытянувшись, речку стерегут. А здесь разрослись дубы да березки. Дубы кряжистые, будто мужики заматерелые. Раскинули свои кроны. Ни солнце, ни дождь не пробивается сквозь листву. Всегда прохладно, всегда полумрак, лишь ветер шумит в кронах. А березки светлые, чистые, прозрачные. Растут, словно девчонки хороводы водят. Одна за другую цепляется и ведут, уводят по склонам холмов и ярко в них, зелено и про-

зрачно. И речка-говорунья. Сама чистая да стремительная. С весны, едва лед сойдет, и до осени, до ледостава бормочет, звенит на стремнине да перекатах и ласково нашептывает в заводях и на плесах. Там и сям кустятся заросли по берегам, есть мелководье, где каждый камушек заметен под спокойной и чистой водой, где мальки-сеголетки греются под солнцем и тут же скрываются, если сюда забредет щука-хищница.

Но есть и темные бездонные омута, где до дна не достанешь, и живут в них преогромные рыбины, и даже, как говорят, видели русалку. По вечерам, когда солнце скроется за Егорьевскими холмами, там лучше не купаться, а то русалка может утащить в глубину. Опутает она, закружит и пропадешь. А пониже деревни начинаются перекаты. Вода бурлит, бормочет, но за дальними поворотами успокаивается, вширь раздается, затопляя низкие места, и становится медлительной, степенной и неторопливо журчит, а если ветер потянет, белые барашки гуляют по реке. Дальше берега вновь сужаются, становятся обрывистыми и снова речка, словно с цепи срывается, показывая путнику свой нрав...

И люди в деревне живут не такие, как в городе, а проще и чище, и души у них светлые, грязью не запятнаны. Они привыкли жить для других, а не для себя. Они поделятся всем, что у них есть, придут на помощь всегда, когда нужно, и помогают легко, словно так и должно быть. А может и правда, человек так и должен жить? Жить и творить добро прежде не для себя, а для других, как принято здесь, в этой деревне. Принято не ими, а предками, теми, кого уж давно нет и имена забыты, а внутри, в душе заложено сочувствие к близкому.

Семеныч вздохнул. Посмотрел на соседей. По пригорку протарахтел мотоцикл. Это Андрейка Демушкин помчался в соседнее село. Видать, мать отправила. Вон, рюкзак за плечами. Наверное, в магазин... К скамейке подошел старик. Это Иван Мелентьев. Жену похоронили, так и живет один. Дети звали к себе, отказался. Негоже покидать места, где родился и вырос, где отцы и матери похоронены. И старик остался, чтобы докуковать свой век. Дед Иван стоял и тоже смотрел на Семеныча. Наверное, соседи рассказали, а может, уже давно разговор был в деревне, чтобы Семеныч сюда перебрался. Кто его знает...

— Думаю, пора переезжать,— после долгого молчания подытожил Владимир.— Пора новую жизнь начинать. Правду говорите, меня ничего в городе не держит. И никто. Сюда приезжаю, и душа отдыхает, радуется. Договорюсь с шофером, и вещи перевезу. Правда, пока не знаю, чем буду заниматься.

И посмотрел на соседей.

— Был бы человек, а дело всегда найдется,— сказал старик Мелентьев.— Вон будешь рыбу ловить, к зиме дрова готовить. Зимы суровые, долгие. Дров много нужно. Рыбу умеешь солить, как мы заметили. Вот и станешь помогать, а остальным делам научим. Бабы с огородом помогут. Ну, там, прополоть, окучить... Осенью на помощь придем, выкопаем, да в погреб уложим. А захочешь работать, можешь в лесхоз пойти. Будешь вместе с Анисимом доски тягать да за станками стоять. Без работы не останешься. Она сама тебя найдет.

— Ай молодец, Семеныч! — всплеснула руками Файка.— Вот уж наши обрадуются! Ты, Семеныч, не беспокойся, мы всегда рядышком, всегда поможем. В любое время покричи, позови, и мы придем, так сказать. Да, Анисим?

И толкнула мужика.

— Что говоришь? — встрепенулся Анисим и стащил с головы потертую шапку — сразу бросилось в глаза его темное лицо и белая, даже какая-то голубоватая лысина.— А, правда, Файка, истинная правда! Танька Ерохина намедни тобой интересовалась. К чему бы, а? По деревне слух прошел, будто вас видели на бережку. Что там делали, а? Таньку уговаривал, да? — посмеиваясь, он покосился на Семеныча.— И Серовы с Нилиными спрашивают, и бабка Матрена. А дед Кислота вообще прохо-

ду не дает. Как встретит, так начинает про тебя расспрашивать. Видать, по нраву пришелся. Все нам рассказывает, как его от смерти спас, всю свою кровушку до последней капельки отдал и последнюю рубаху с себя снял. А мы, будто растерялись, заохали-заахали и палец о палец не ударили, чтобы деда Кислоту спасти. Ну, ему трудно угодить, не зря же прозвали так: Кислота, он и есть — Кислота...

Деда Митрича в деревне все называли Кислотой за его неспокойный, вредный и ехидный характер, за то, что влезал везде, где не нужно, что чихвостил любого, кто под руку попадется и все с ехидцей. Все норовил носом ткнуть да посильнее и поглубже, а если вставишь слово поперек, жизни не даст, днем и ночью покоя не будет. Наверное, таких, как дед Кислота, в каждой деревне можно встретить. Семеныч познакомился с ним на речке, когда сидел в шалаше, а дед Митрич неподалеку траву косил. Видать умаялся на жаре, солнце башку напекло. Ну и того, крутнулась коса в руках, и располосовал ногу почти до колена. Заблажил на весь берег, заматерился. Такие этажи выстраивал! Откуда слова находил! А Семеныч сидел в шалаше и не мог понять, что произошло. Думал, старик косу поломал, ну, в крайнем случае, ногу подвернул или руку потянул, махая косой-то. Но потом почудилось, что дед Митрич голосом ослабел. Семеныч подошел. Глядит, старик на траве валяется. Вокруг кровищи — ужас! Ну, Семеныч выдернул ремень, потуже перетянул ногу ему, рубаху разорвал, перемотал, а потом на спину взгромоздил старика и пустился в деревню. Пока добрался, тот уже в беспамятстве был. Машину подогнали, старика загрузили, и Семеныч стал подгонять шофера, чтобы быстрее мчался. Добрались до больницы, дед совсем заплохел, еле дышал. И опять его подхватил на руки и быстрее к врачам. Да еще пришлось кровь сдавать. Семеныч вышел из больницы и не удержался, прямо возле дверей в бессилии на землю так и сел. Голова закружилась. Потом врачи сказали: еще бы чуточку позже приехали — и все, старика бы не спасли.

С той поры дед Кислота называл Семеныча своим спасителем. Всем говорил, как тот его на горбе аж до самой больницы тащил, и отрезанную ногу в руках держал, и не отходил от него ни на шаг, дневал и ночевал на половичке возле кровати. И кормил его всякими фруктами заморскими, и даже заморское винцо приносил, чтобы кровь быстрее по жилам побегала. Семеныч хмыкал, слушая историю старика, обросшую небывалыми подробностями. Ладно, пусть говорит, что хочет, главное — успели спасти...

С той поры дед зачастил к нему. Так, словно случайно мимо проходил, заглянет, покурит на крылечке, невзначай забудет десяток яиц, баночку сметанки, а то шматок сала принесет, а однажды приволок живого гуся, чтобы Семеныч его в город забрал, а там уж оприходовал. Хороший старик, душевный, только с виду ершистый.

— И бабу тебе найдем,— тоненько засмеялась Файка, шлепая по своим бедрам. Потом посерьезнела.— Вон Танька Ерохина по тебе сохнет. Ага, так и стреляет глазками, когда приезжаешь. Хорошая баба, душевная, а живет без мужика — это не годится. У каждой бабы должен быть мужик. Ага... Не боись, Семеныч, сосватаем! Ты же еще не старый, так сказать. Вон, какой здоровущий! Не дело, когда без семьи. Детишки нужны. Состряпаете. Состаришься, будет кому стакан воды подать, а то живешь непонятно для чего. Слышь, Семеныч, а почему детей не народил? Здесь все свои люди,— так, словно невзначай, спросила Файка.— Признайся, может у тебя того...— она кивнула на него и неопределенно махнула.— Ну, бывает же всякое в жизни, так сказать...

— Дура, что болтаешь-то! — рявкнул Анисим.— Постыдилась бы...

— А что тут такого? — Файка округлила маленькие глазки.— Это жизнь. Вспомни, как с тобой в бане мылись,— она хохотнула, толкнула мужа, а потом взглянула на Семеныча.— В баню пошли с ним. Попарились, уже мыться стали да ополаскиваться, Анисим протягивает ковшик и говорит: «Плесни!» А мне почудилось — сполосни. Я посмотрела на него. Удивилась: сам что ли не может ополоснуться. Лодырь! Ну и того... Взяла ковш, а воду не потрогала и плеснула, а там кипяток оказался. Не

целила, а попала туда... Куда-куда... Прямо туда! Анисим рявкнул, а потом сиганул из баньки, аж дверь с петель снес. И, как был голышом, так и помчался к речке. А там наши бабы постирушки устроили. Он мимо них пролетел, блажит дурным голосом. Сиганул в речку, только задница мелькнула. Все бабы в лежку лежали, а бабка Дарья клялась-божилась, что успела его хозяйство на лету разглядеть, когда через нее прыгнул. Говорит, хороший мужик, крепкий,— и Файка закатилась, хлопая по толстым ляжкам.— Не жалуюсь, мужик-то хороший, а там, куда кипятком попала, все пузырями покрылось. Думала, отвалится. Долго лечила. Всякими мазями мазала да примочки ставила, да его жалела, обнимала да голубила. Видать, понравилось. Едва болячки прошли, Симкино хозяйство заработало. Да так, словно молодость вернулась! Ну и того... На старости лет последышка, младшенькую доченьку выстругали, так сказать. Хорошая девчонка растет, смышленая. В нас пошла. Видишь, как в жизни-то бывает. Может, Семеныч, и тебе плеснули? Поэтому и ребятишек не народил. Ты уж скажи...

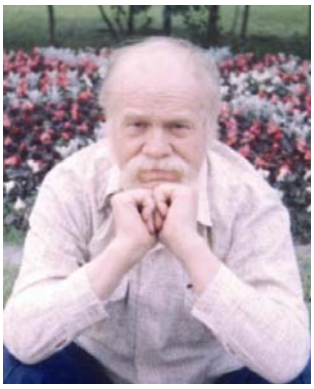
И Файка заколыхалась, тоненько засмеялась.

— Не баба, а настоящая язва! — рявкнул Анисим, потом взглянул на мужиков.— А я думаю, дома нужно с бабами спать, а не шляться по белу свету. Мотался по жизни — ни себе, ни людям,— ткнув корявым пальцем вверх, громко сказал Анисим.— Вон, глянь по деревне, в каждой семье пять, семь ребятенков, а у некоторых еще больше. И знаешь, почему? Да потому, что бабу от себя ни на шаг не отпускаем. Вон сколько настрогали. И все живут! Никто с голоду не помер, наоборот, одна польза для семьи. Вот вырастишь детишек, они уедут куда-нибудь, а потом прикатят в гости, и такую гулянку устраиваешь — дым коромыслом!

— Да уж, правду говоришь,— вступил в разговор дед Митрич.— Вон к Петряйкиным сынок приезжал, так гуляли, так кутили целую неделю, аж всю живность, какая у них была, всю сожрали. Даже косточек не осталось. А соленья-варенье — это без счета. Все припасы под метелку. Ага... А сколько выпили — ужас, я подсчитал: можно было целых два года каждый день по стаканчику опрокидывать и еще бы осталось. А они угощали всех, кто в избу заходил или мимо проходил. Хорошие люди, душевные... Вот это гуляли, мы понимаем! А сынок укатил, Петряйкины зубы на полку. Всей деревней помогали до нового урожая дожить. Зато как встретили, на всю жизнюшку память останется. Что говоришь, Семеныч? Нет, ты ошибаешься, в нашей деревне не пьют. У нас гулять любят.

— Что ни говори, мужики, а у нас хорошие люди живут в деревне, душевные. И жизнь хорошая была и есть,— сказал старик Мелентьев.— Если взять меня, я никогда не жаловался на свою жизнь. Войну прошел, голод и холод, все повидал, все испытал. Всякое в жизни бывало, а не жаловался. И вот дожил до старости, смотрю на всех, и душа радуется, что вокруг меня люди хорошие. Ага... Вот взять тебя, Файку с Анисимом, даже взглянуть на нашего деда Кислоту — он ведь только с виду вредный. Вот подумайте, сколько всего у вас было в жизни, через какие препятствия прошли, что видели, с чем столкнулись, а сейчас сидите и радуетесь жизни. А почему? Да потому что вокруг люди хорошие, которые всегда на помощь придут. Ага...— он махнул рукой, обводя деревню, а потом ткнул пальцем вверх.— Придет наше время, порог переступим и уйдем туда, где нас ждут мамки с папками и дедки с бабками. И такая дорога у всех. Ага... Жизнь похожа на нашу речку Говоруху: вода течет, и наши годы идут,— старик Мелентьев посмотрел на Семеныча, словно в душу заглянул.— От истока до устья вода прошла и состарилась, а на ее месте уже новая течет. Так было всегда. Каждый день, каждую неделю, месяцы, годы — без конца.

Старик Мелентьев замолчал. Смотрел куда-то вдаль. И все сидели и молчали. Наверное, думали о своем, сокровенном, о судьбах, сплетающихся в один жизненный круг. И о речке Говорухе, которая пережила многих. И скольких еще переживет...



Анатолий Санжаровский
(г. Москва)

В БАТУМ К ОТЦУ
(главы из романа)

Московский писатель Анатолий Никифорович Санжаровский родился в селе Ковда на Кольском полуострове; окончил факультет журналистики Ростовского университета. В газетах и журналах проработал четверть века. Из них три года был редактором в центральном аппарате Телеграфного агентства Советского Союза (ТАСС).

Автор тетралогии «Наши в ТАССе» (в десяти книгах) и нескольких романов. Роман «Оренбургский платок», высоко оцененный Виктором Астафьевым, вышел в Дели и в Софии отдельными книгами в переводе на хинди и на болгарский. Член Союза писателей Москвы.

Погибшие за нас не уходят от нас.
Отец славен сыновьями.

Русская пословица

1

Кто как хочет, а я по-своему.
Стреми свой ум к добру.

Русская пословица

А мне и самому в полное удивление теперь, ну как это мы вот так, с ничего, совсем с ничего, совсем вдруг попали т о г д а в Батум, хотя прямо и не скажи того,— не так-то вовсе вдруг, это только на первые глаза так оно кажется...

На твоих глазах — а надо сказать, прескверная у меня мода говорить с самим собой, как с кем другим,— на твоих ведь видах я все клянчил ма отпустить меня в мореходку. Да ты ж знаешь! «А кто кукурузу станет сеять? А кто будет пособлять деньжонки Митьке на техникум зарабатывать? Ты ж старший в доме мужчина, первейшина, хозяин!» Оно видишь, под что клинья бьются? Понимаешь, к чему все ладится? Кому раз, кому два, а кому и нет ничего. Все я куда-то, все я кому-то, а когда же мне? Лета молодые уйдут, потом мне не надо. Потом поздно уже, как в старость въедешь.

Всякое ученье призваньем хорошо — у меня его нету.

В дневнике в моем все великомученицы-тройки, редко когда-никогда шалой какой волной прибьет к берегу к моему четверку, так этой птахе, и то сказать, так одиноко и вчуже все тут, что другим разом она и во весь месяц не случится снова.

Зато физик через неделю да во всякую неделю с немецкой аккуратностью под-

пускал мне лебедей. Бывало, нарисует невспех в пол-листа своего лебедя, полюбуется с ухмылочкой, протянет назад дневник:

— Два!

Под венец четверти весь урок тебя до смерти гоняет, а наскребет-таки на изумленье мне со всех моих закоулков под шапкой сору на троечку, да и не отдаст с миром, а непременно попрекнет, мол, не за знания — за усердие жалую. А обиды что! Я ж ночами, как есть полными ночами, от света до света, долбил ту физику, только проку ни на ноготь срезанный. Таких в классе и на завод нету, если меня мимо счета пустить, один я такой пустоколосый.

Отчего? Или у нас дома, в Насакирали, в кринице вода такая?

Что ж тут напридумаешь? Что ж тут его поделаешь? Раз тупо сковано — не наточишь.

Одним бычьим упрямством справного аттестата не взять. Тогда уж лучше в мореходку, покуда не вышли роскошные года мои.

А и там, конечно, не мед ложкой, так зато там у меня козырь вон какой: я при месте, при главном при месте своем.

На мореходку меня хватит. Подналягу, упрусь, никуда не денусь. Кончу!

И где? В самом Батуме!

В этом для меня было все.

2

Ретивое сердце живет без покоя.

С Вязанкой, с этим припаянным Николкой, мы жили тогда в соседях в безымянном поселушке в одну улочку.

К нам на пятый район чайного совхоза Вязанки приехали из Одессы года так за три до описываемых событий.

От Николы (мы ходили в один класс) я узнал, что его отец, старый матрос, нажил какую-то страшную морскую болезнь. Отца списали на берег. Отец возненавидел и море, и Одессу, отчего и затерся по вербовке к нам в глушь, в горы.

Перед отъездом отец велел матери отнести в букинистический магазин всю свою морскую библиотеку. Но мать... тайком упаковала ее в багаж.

Держали книжки на новом месте подальше от отцовских глаз, на чердаке в картонных ящиках.

Всякий раз после уроков, когда не было дома отца, мы с Николой забирались читать «запрещенную литературу», пьяняще-сладкая власть которой день ото дня росла над нами.

Каждое утро мы вышагивали по восемь километров в сам Махарадзе, по-кавказски веселый районный городишко, весь какой-то всегда празднично нарядный и ликующий.

В том местечке на взгорке у болтливого притока речонки Бжужи сиротливо печалилась наша барачная русская школушка.

В девятом мы за одной партой сидели с Николой.

Никола выделялся, пожалуй, даже блистал какой-то диковинной усидчивостью и основательностью, в благодарность чему он в классах трех, мало — в двух чистосердечно канителился по два года сполна.

А возьми так, по-за школой, парень вовсе и непромах. У этого в зубах не застрянет!

Ну пускай звезд с неба не брал, ну опять же пороху не выдумывал, а вместе с тем

был невесть какой верткий, ходовой, хваткий, да вдобавку — по мне, это уже и ни к чему совсем — да вдобавку был еще на руку под случай мелкий плут.

Когда Вязанку-старшего спрашивали, почему за такое мало отделывал сынка, спроста отвечал:

«А! Больше не сто́ит».

Так вот, заикнулся я было Николе про море...

Чудо я гороховое! Да он мне сам еще прошлым летом, как восьминарию закончили, смехом говорил про мореходку, а я взаправду и не прими. Ну какое же серьезное дело замешивается под хаханьки?

А то была всего лишь маска. Мол, не примет намека — со смеха взятки гладки. Теперь же, на поверку, вижу, у него та же хворь, только он молчал все, знай не терял, не шелушил понапрасну досужих толков про свое, про заветное.

Глянул на мои слова Вязанка этаким орлом раз, глянул два, а там махом сгреби с парты все причиндалы наши в сумку к себе и толк, толк это меня локтиной в бок, шлет глазами к двери.

— Хватит тут этих клопов дразнить! — Самый длинный в классе Вязанка не без яда навеличивал мальчишек всех не иначе как клопами, за что те поглядывали на него искоса, и мудрено было понять, чего в тех взорах плескалось больше, злого попрека или зависти.— Трогай!

— Вот так и сразу?

С удивления вытаращил я глаза; рот, похоже, распахнул до неприличия широко, раз Никола сказал:

— Закрой свой супохлеб, а то горло простудишь. Ну, чего ложки вывалил? Не видал, что ли? Тро-о-гай, крендель!

— Ты что? В самом деле срываешься с физики да с химии? С целых двух!

— С целых,— рассудительно подтвердил Вязанка и в нетерпении выдавил сквозь зубы: — Или у тебя фляга свистит? Да глохни ты, чумородина, с этими уроками. Глохни!

— Так сразу? За этот французский отпуск* нас по головке не погладят. Дело ж к концу четверти... Может... физик спросит. Может, щупленькую двойку исправишь на кол потверже!

— Не-е. На колу меня не проведешь,— держу я свой интерес.— Я сплю и тройбанчик вижу... А ну-ка мне бы его еще да и наяву в дневничок заполучить, самую ма-а-ахонькую, са-мую сла-а-аабенькую, а только удочку и никаких твердых твоих заменителей не надо. Троюшка все-таки тоже уважаемая международная отметка.

— Эхе-хе-хе-хе-е, ну и так далее. Слушаю я тебя, шурик, и вот про что думаю... Тебе да мне к концу четверти уж честней куда будет — пристраивайся под дверью у серпентария** и как вывернулся кто из преподавательского генералитета, вались на колени, ладошку ковшиком, да рыдай: «Троечку... Подайте Христа ради троечку... Пожалейте, люди добрые, несчастного... Да подайте же троечку!» Со стороны так глянуть, думаешь, ответы наши у доски не жалобней этого романса побирошки? Не тошно ли вымогать призрачные трояки? А? Не пора ли взрослеть, вьюноша?

3

Кто не рискует, тот не выигрывает.

Со звонком на физику мы с достоинством дипломатов отбыли из школы.

Ласково-торжественно взглядывая на хорошо уже гревшее майское солнце, на

---

* *Французский отпуск* — прогул занятий.

** *Серпентарий* — учительская.

долго не пропадавшую из вида поднебесно высокую заводскую трубу с сизой гривой из дыма, мы в совершенном, каком-то просветленном молчании дошли до речки, что неожиданно радостно блеснула широкой полосой из-за поворота крутого.

— Завтра в ноль часов ноль минут ноль секунд по времени столицы нашей Родины Москвы начинаем новую, самую расправильную жизнь! — театрально-дурашливо прокричал с низких перил грабовых мостков Никола, и мы, без сговора обнявшись за плечи крепче некуда, в чем были и что с нами было, шатнулись стоймя в реку.

Воды в Натанеби по грудки.

Вязанка нырнул раз, нырнул и два, а выцарапал из дна таки камень в два сложенных кулака, впихнул в полотняную сумку с книжками-тетрадками.

— Смотри у меня, без штучек чтоб! — погрозил пальцем камню.— Ну на фига матросу фантик? Держи от нас эти премудрости на дне!

Вязанка поднял над головой сумку и, подпрыгнув, в брезгливости швырнул ее.

Сильное течение сердито было подхватило сумку, пронесло всего с аршин какой, после чего едва не отвесно пошла полотняночка книзу.

Солнце насквозь просвечивало воду, было помилуй как хорошо видно: достигнув плоского твердого дна, самого низа воды, сумка покатилась, повинуясь власти течения, покатилась медленно, как в замедленной съемке.

Дорога выпала ей короткая, всего-то до поперечной расщелины, откуда уже никакая сила воды не могла вызволить полотнянушку.

Я не заметил, как из нее вырвались, вылетели три белые птицы, три лощеных чистых тетрадочных листа, что лежали в сумке поверх учебников.

Листы поднялись на верх воды и, то теряясь за беляками, пенистыми гребешками, то снова появляясь, суматошно понеслись прочь.

К морю.

4

Не испытав, не узнаешь.

Читал, да и в кино видал, не переваривает море кисляев.

— А давай на пробу,— говорю Николе,— посмотрим, насколько по нраву мы морю, посмотрим, какие мы морячки́.

— Смотрим!

Выплыли вразмашечку на середину, на самую в гневе ревущую быстрину. Бегучей, скорой воды мы не боимся. Черти-то вьют гнезда в тихой!

Вязанка — взгляд дерзкий, самоуверенный — диктует условия:

— Засовываем руки в карманы... Стоп, стоп, стоп! Слу-шай-ка, коржик... А что это у тебя там на подбородке чернеет?

— Может, свежая родинка на счастье?

— Ну-ка, ну-ка, что за штука! — Вязанка ловит меня за скулы и щепочкой, проносимой мимо водой, что-то сковыривает с подбородка (по крайней мере, мне так кажется). И с омерзением бросает щепочку себе за спину.

— Что там?

— Всего лишь автограф мухи. Хоть отмоешься теперь.

— Не сочиняй... Авто-о-ограф!

— Разговорчики в струю! Ну-ка, живо мне руки в карманы! Плывем по течению. Работать одними ножками. Вытащил кто до поры руки — операция «Море» отменяется. Да какой же ты моряк, раз станешь пускать пузыри в Натанеби? Тут пану воробью по лодыжку!

Мы поплыли на спинках.

А и с норовом эта Натанебка!

Камешки что тебе стоячие айсберги! Несет тебя и только хлобысь, хлобысь об те горы то головой, то плечом, то спиной. Благо одно: примочек не надо.

Удары с у д ь б ы мы сносили без ропота.

5

Мир вам, и мы к вам!

Ровно в полночь, под бой кремлевских курантов, что благословлял из уличного репродуктора притихлый поселушек на покой до молодого солнца, мы, никому из домашних не скажи и слова, тайком подались в Махарадзе, на вокзал.

А на дворе темнешенько, как под землей. Ничуть не светлей, чем у негра в желудке.

Хоть глаз и не камушек, а совсем не видать даже того Вязанку. Прямо нарочно подгадал: вырядился во все черное. За ним иду, иду да и пощупаю, тут ли мой Николашенька.

Вот тебе и Махарадзе. Вот тебе и вокзалик.

Прочесали состав — ни одного проводника, чтоб хоть шевельнулось желание напроситься в зайцы. Кругом все огромного роста полусонные, угрюмые дядьки. Кто только и подбирал этот букетик? Кулачищи с твою голову, в глазах ненависть к нашему брату-безбилетнику, метелочные усы топорщатся грозно, как у сомов.

Подлетаем к концевому вагону — бабка на курьих лапках!

— Здрасьте, пожалста!

На всякий случай кланяемся и с бегу хоп на подножку.

Авось, шевелим прямыми извилинами, наскоком чисто возьмем на пушку этот божий обдуванчик.

Ан нетушки. Не выгорело.

— Этак в рифму не входят, птенчики милые. Ваше здрасьте еще не билет! — Старая ехидна ловит меня — я мчался первым — за рукав, и мы деликатненько так откатываемся на нулевые исходные позиции.

— Бабуня,— говорю не то чтобы совсем уязвленно, но вместе с тем и учтиво, обходительно,— мы ж на учебу. За светом! Вы хоть подумали, кого дернули? Может, самого Ломоносова!

— А коли ты Ломоносов, так подмазывай пятки салом да пехом!

— За кем? Между прочим, у Ломоносова был стимул. Ломоносов шел за рыбным обозом. Дадите — и мы пойдем,— предъявил ультиматум Николайка.

Насколько мы поняли, рыбный обоз у старушки не находился. Старушка махнула рукой вдоль зеленой скобки поезда.

— С Богом!

— Лучше с вами!! – быстро сориентировался Вязанка.

— Вы выше Бога! — сказал я у как решительно: припомнил к случаю присказку про то, что «женское сердце признает одну верительную грамоту — лесть».

— И мы рады вам служить,— набивался в работнички Колоколя.

Я шел дальше.

— Мы согласны на любую египетскую работу...

— Мы не в Египет... Мы в Бату-ум едем.— Старинушка посмотрела на меня значительно хмурыми глазами.— Ловкий молотить языком. Такое сплел, что ну! Лучше застегни роток на все пуговки.

С благодарным лицом выслушал я в благоговейном молчании старушку, опять это веду мосток к своим прерванным посулам.

— Мы,— говорю,— не будем пускать к вам зайцев. Разнесем чай... А в самом Батуме в блеск вымоем вагон!

— Никак работящий народ? – пристально, серьезно и вроде как уважительно глянула на нас старунька.

— Угу, работящий,— сиротски подтвердил Николя.

— Ну, коли так, милости прошу к нашему шалашу,— и шлет ласковыми глазами к приступочкам, и улыбается так хорошо.

Поклонились мы обстоятельно и степенно, не спеша, даже с какой-то важной медлительностью поднялись в тамбур.

— Забивайтесь в какую щель поглуше, чая не выглядывайте,— предупредила бабунюшка.

Торопливо-небрежно взгромоздились мы на верховку, на полки под потолком.

Я в головы кулак — высоковато. На палец сбавил — нормально. Колюня тоже под головы кулак, а под бока и так. Посмеивается:

— А на что мягко стелить? Вредная блажь... Да! — спохватывается.— Не спать. Совсем не спать! А то в поездах, слыхал, всегда что да угонят. На голях останемся еще.

— А что ж, интересно, воровать?.. В карманах пустота, в одном смеркается, в другом заря занимается: денежек ни на показ, бумаг в цене никаких...

— Не беспокойся, мазурики найдут что спионерить.

— Пускай им повезет!

— Потери ни к чему. У нас и так ничего нету. Соображай!

— Соображаю. От ничего взять ничего будет ничего. Ничего страшного!

В полусвете, что падал из окна от вагонного ночника, слева по ходу темнел прямой, гладкий скальный срез, темнел дивно так близко, что, казалось, протяни только вот руку,— достанешь. Каменная стена еще и так высока, сколько мы ни задирай головы в приспущенное, присаженное окно, а увидать-таки верха стены и не увидали.

На стрелках вагон вздрагивал, как-то по-особенному тяжело и угрожающе стучали колеса; порываясь, мы прилипали лицами к стеклу — ужас застилал глаза: казалось, именно вот сейчас наступает именно та минута, которую выжидали горы, чтоб внезапно ухнуться на сонный поезд наш.

А справа предсветный час не спеша расстилал тяжелую синеву моря. Безоглядное, неохватное, кроткое, оно улыбалось со сна и где-то там, внизу, не под нами ли, вздыхая, глухо целовало холодные и желтые ноги скалам.

Море нам в радость, в радость вот такое, некиношное, заправдашнее.

— Гля,— тычу пальцем в низ окна,— чайки ловят рыбу!

— А во, гля. Нырок!

— А во парочка купается!.. Мостик сделал!

— А во-о теплоходина!

— У-у! Здоровый какой!

Тихо море, пока сам на берегу. С берега хорошо оно. Что ему? По рыбе не тужит, а по нас и подавно.

Уже совсем развиднелось, когда это гляжу — глазенки у моего у Вязанки соловеют, соловеют и все. Спит!

Сон, что богатство. Больше спишь — больше хочется.

Похоже, нам столького всхотелось, что ух да ну! Пожалуй, и пушечной пальбы не услыхали бы, точно говорю. На какой же манер тогда обелить то, что мы не слы-

шали — вот и здравствуйте, что приключилось! — не слышали, как поезд пришел на конечную станцию, в Батум, не слышали, как выходил-высыпался горохом из вагона народ, не слышали, как уже в тупике убиралась проводница, доброта — душа наша.

Прокинулся я, тормошу Вязанку.

Колчак сразу поднялся на локти. Вроде и не спал вовсе, а так лежал, травил перекур с дремотой.

— Ты чего, лучик света в трупном царстве?

— Коко, подхвались, что видел.

Колюта с глубокомысленной озабоченностью перекрестил зевающий до хруста в челюстях рот, лыбится себе на уме.

— А ты?

— Щи по-флотски. Толстые щи. В таких ложка будет стоять... Жаль, ложки не было...

— Ложился бы с ложкой.

— А где ты раньше был?

Вязанка не нашелся, что ответить.

Разговор сам собой скомкался.

Легла мертвая тишина.

С недобрым предчувствием глянул я на Вязанку.

Коляй по привычке приставил ладонь к уху, и чем сосредоточенней вслушивался он в тишину, тем заметней все угасала веселость на его лице, все отчетливей проступало выражение тревожного любопытства, смешанного с недоумением.

— А слышь,— совсем почти без голоса заговорил Кольчик,— слышь, а чего это так тихо, как у меня под мышкой? А чего это мы стоим? Пришвартовались? Уже?

Вязанка уронил спрашивающий взгляд на луговину, что поднялась перед окном богатой золотой шапкой из одуванчиков в цвету.

— Да побей меня боцман, не может того быть! Вот что, долговязик,— по росту тебе и сан,— спустись в народ, подразведай, где мы, что там и как. Да живо мне! Не тяни резину! Порвешь!

— Одной ногой я уже на приеме у проводницы в купе.

— Скажешь, как и другой будешь там.

И снова пала тишина.

Неизъяснимое предчувствие беды ветром сняло меня с полки. Я сюда зырк, я туда зырк — ни души! Не на ком и глазу споткнуться.

Кинулся я даже в рундуки заглядывать. А ну, люди, туда попрятались? А ну сговорились так пасквильно подшутить над нами?

А то как же!..

Рванул я по пустому вагону к двери. Дерг, дерг за ручку. Заперта!

Бегом назад.

— Колич! — ору с перепугу.— Да мы одни на весь вагонище!

— Ну-у-у! Ложились, в кармане ни хрусталика, а к утру — собственный вагонишко!

Вязанка слез с полки, припал щекой к оконному стеклу; увидал перед головой изогнутого дугой поезда круто заломленные кверху рельсы со шпалой поперек и красными фонариками по бокам, отчаянно присвистнул:

— Глухо дело, пан Грициан... Ситуация, я тебе скажу...— Вязанка замолчал, подбирая нужное слово, но, так и не подобрав, махнул рукой, заговорил врастяжку: — Со своим не-движимым в данный момент имуществом мы изволим пребывать в классическом тупике.— Подумал. Улыбнулся.— А хорошо, что дальше Батума не ходят поезда.

— Хорошо-то хорошо...

Вязанка перебил меня:

— А Колик желает к одуванчикам.

Вязанка — он был в темной рубашке с закатанными до самых плеч рукавами — осторожно, как бы примериваясь, положил ладони на ребро чуть приспущенного стекла и с такой силой давнул, что мускулы задышали, и стекло, повинуясь, подалось вниз скрипя, будто дразнясь и на всякий случай прячась в свое укрытие.

Наконец все стекло ушло.

Вязанка вывалился по пояс из окна.

Глянул влево, глянул вправо.

— Ба! Солнце на самой макушке,— сказал он.— Ну и задали мы храповицкого! Ну да ладно. Что было, то сплыло. А теперь, мальчик, ногу в стремя! Пока нами не увлеклась с пристрастием любознательная милиция, давай-ка лапки в охапки да и ходу отсюда. Вот так! — И он, пружиня на крепких руках, изящно скользнул в пустой квадрат окна.

Я за ним. Куда коза, туда и козленок.

— У нас ничего не увели? – охлопал себя Коляй.

— У меня ничего.

— А ты хорошо посмотрел?

— Сказал же.

— Странно даже...

Яков Шафран
(г. Тула)

НА СЛУЖБЕ У ОЛИГАРХА

Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

Переходя утром улицу, он заметил, что собаки, прижившиеся у автосалона, сегодня почему-то не лают, как обычно, а, подбежав, виляют хвостами и делают вид, будто ищут что-то на земле. «Как это понимать?» И тут вспомнил — три дня назад, реагируя на злобный лай, подумал грешным делом: «А не позвонить ли в службу, чтобы их забрали?» Однако через несколько мгновений спохватился, представив, что будет с этими бедными тварями, и сжалился над ними, решив тогда ничего подобного не предпринимать. «Ишь ты, почувствовали, значит...»

...Днем дежурство прошло без происшествий. Наступил летний вечер, и небо на юго-западе, не скрытое за городскими зданиями, пылало всем великолепием заката, в котором низко над линией горизонта плыла яркая красавица Венера. К северо-востоку небесные краски уже плавно переходили в пурпурные и далее к горизонту в темно-голубые. Легкий ветерок, которого совсем не чувствовалось в течение жаркого дня, давал небольшую прохладу и чуть шевелил листву высоких ив, готовившихся к ночной дреме по обочинам проходившей невдалеке дороги. С возвышенности почти весь город был виден, как на ладони. Сразу же внимание Кости привлекла недавно возведенная высокая, с золотым шпилем и крестом, колокольня Успенского собора в Кремле. От нее на юг шла линия проспекта Ленина. Хорошо были видны основные храмы, а стоявшие тут и там высотки делали городской пейзаж современным. Работавшие во многих местах огромные башенные краны говорили о вновь возводящихся высотных зданиях. Хорошо просматривался громадный зеленый остров Центрального парка, дальние районы города, а близлежащие кварталы живописной панорамой раскинулись перед взором Константина. Уже начали зажигаться огни освещения и реклам на городских улицах и площадях. Красиво — глаз не оторвать!

Здесь же, в черте уже ставшего большим — после присоединения, как это сейчас водится, земель окрестного района — города строится огромное здание торгово-развлекательного комплекса «Гипергалактика» с большущей прилегающей к нему территорией. И Константин с недавнего времени работает охранником в строительном городке, где располагалась администрация стройки, все подрядчики, разные службы, склады и вагончики рабочих. Его функции заключаются в открытии и закрытии ворот, чтобы посторонняя машина и человек без пропуска не проникли на территорию, а также в досмотре выезжающего транспорта, не принадлежащего работникам стройгородка. Следует сказать, что работу такую, как говорится, «непыльную», он выбрал, чтобы писать...

А писательская жилка, она ведь такая: бьется, бьется, «как ключ подо льдом», и

ничем ее не уймешь, хотя бы на время, кроме как написанным рассказом или главой повести, а то и романа. Правда, Константин еще ни на что серьезное пока не замахивался, да и не догадывался о долгом и упорном труде для рождения чего-либо серьезного... Но, наглядевшись на жизнь строительных рабочих, вдохновился он написать о них и о их жизни. Ведь, кроме этой самой жилки, имел в душе — хорошо это или плохо, еще не понял,— обостренное чувство справедливости, неприятие явлений, не имеющих, как он ощущал, права существовать.

И писать было о чем. Достаточно увидеть толпы людей, которых привозили из общежития, находящегося порой за десятки километров от стройки, ранним утром понуро бредущих в вагончики, больше напоминающие сараи, где они переодеваются и где некоторые из рабочих, не получившие пока регистрацию или которым не хватило места в общежитии, даже живут. Потом люди так же уныло бредут на стройку. А отчего их настроение должно быть хорошим, если трудовой день начинается в семь утра и заканчивается в двадцать вечера, то есть, длится тринадцать часов кряду? И это все, до возведения корпуса,— под солнцем, дождем и ветром, а зимой и на морозе, и за двадцать — двадцать пять тысяч рублей, то есть, примерно за шестьдесят пять рублей в час. А тут еще охрана на нервы действует: по несколько раз в день проверяет пропуска. Перерыв на обед есть, но разве можно назвать обедом еду всухомятку? В лучшем случае есть возможность вскипятить воду на чай. А бытовые условия? — Уличные, редко моющиеся биотуалеты, отсутствие душевой и, зачастую, умывальников и возможности высушить промокшую рабочую одежду, которую в течение всего строительства не стирают. Да и когда этим и всеми другими бытовыми вопросами заниматься, если рабочая неделя длится шесть дней, а к концу каждого цикла и всего строительства они и в единственный выходной, и на ночь остаются. Приедет «домой» такой работник, умоется под умывальником, ибо в общий душ на этаже очередь, поужинает, полчаса посмотрит «зомбоящик» и под воздействием одолевающего от усталости сна беспробудно заснет до пяти утра. А далее все снова по заведенному порядку…

А тут еще недавно по причине нарушения правил техники безопасности со стороны подрядчика один рабочий упал с лесов и разбился насмерть... Ведь риска для жизни и здоровья на стройке предостаточно, ибо подрядчики зачастую не видят или просто не хотят видеть недостатков в обеспечении безопасности работы гастарбайтеров.

Добрая же и совестливая душа Константина не могла без содрогания и сострадания видеть положение таких людей. И начал он писать рассказ. Нужно заметить, что писал Костя урывками: между поглядыванием на ворота и на номера машин, проверкой пропусков и досмотром автомобилей, выдачей и приемом ключей и после обхода территории. Да и прятать листы приходилось от чужих глаз и от проверяющих со стороны ЧОП-а — частного охранного предприятия,— ибо не одобряется таковая деятельность на посту. Но так или иначе, а рассказ был написан, и его опубликовали в журнале...

Как всегда, после окончания работы над произведением, наступала в творчестве пауза. И случилось так, что в это время, глядя на строящийся гипермаркет, задумался Константин о том, сколько же таких заведений в городе, а ведь еще в разных его районах новые все строятся и строятся... Подсчитывал в уме, на сколько же душ населения будет приходиться один супер- или гипермаркет с учетом их всех... А еще задавался он вопросом: сколько же покупателей в день будет в одном таком крупном магазине? Выбрал такой объект и даже в тройку своих выходных время нашел — часок утром, часок днем и часок вечером, — чтобы посчитать. Сидя на лавочке, в тенечке...

Получалось, что много этих заведений на душу, а покупателей в день немного... Вот и появились у него мысли — зачем это нужно? Долго они не оставляли его в покое. И вдруг... как пробило: «Не для "отмывки" ли — через якобы продажу товара и

затем якобы поставку "нового-старого" товара — все это делается?.. А также — еще на уровне строительства,— когда деньги криминальных "общаков" инвестируются через покупку стройматериалов за "нал", и далее — перепродажа объекта другим "собственникам"... Ведь не для сдачи в аренду они строятся?» Видимо, не только писательская, но и прокурорская жилка «билась» в Константине. Но, как говорится, на всякого мудреца довольно простоты...

Вот надо же было такому случиться, взял да поделился он своими догадками с коллегой по работе с другого поста, от скуки зашедшему после сдачи смены,— мол, по пути ехать домой... И в один из вечеров услышал Костя разговор по рации между хозяином и главным механиком. «Что это за информация ходит, Володя? Нельзя ли поподробнее узнать?..» — «А как?» — «Да надавить!..» — «Не... Я так не могу...» — «Мг... А зря! Ну, значит, придется другим путем...». Интересный разговор, но Косте и невдомек, что это про его озвученные догадки... Только потом, после всего случившегося, Константин понял, что коллега, видимо, донес кому следует из хозяев сети «Галактика»... Без лицензии работал, там что-то с законами у него не в порядке было... Потому метил, наверное, каким-то боком остаться в супермаркете после его сдачи...

На следующее дежурство Кости раздался звонок его начальника охраны: «Там из Москвы, из «Галактики», приехал какой-то проверяющий. Будь наготове, не подкачай!..»

Ночью проверяющий — мужчина лет сорока пяти, среднего роста, с залысинами — вывел из корпуса возводящегося здания строителей-гастарбайтеров и выстроил их на площадке у городка. До сдачи объекта оставалось немного времени, и работы велись круглые сутки. Огни реклам издалека переливались разными цветами в ночном городе, кое-кто в это время развлекался в барах, встречался с друзьями или наслаждался дома новой серией любимого фильма, а тут только началась «вторая» смена. Да наши строители и думать, наверное, забыли о развлечениях от такой жизни роботов. Вот и сейчас они, молча и послушно, выполняли все требования «начальника», как-то: построиться по росту, выровняться по прямой линии, «руки по швам!», «отвечать только на мои вопросы!» и так далее. И тут начался интересный диалог, который и диалогом-то назвать было нельзя. На первый вопрос: «Довольны ли вы бытовыми условиями в стройгородке?» — раздалось недружное мычание. «Так довольны или нет?!» — «Да, да»,— ответили двое. «А не тяжело работать с семи до двадцати?» — «Нет»,— понуро отвечали те же голоса, скорее всего, принадлежавшие знающим русский язык. «Зарплатой довольны?» ...Проверяющий ходил перед строем, и вопросы следовали один за другим. После вопроса он останавливался, немного, чуть пошатываясь, прогибался, словно прислушиваясь, вперед и, получив однозначный ответ «да» или «нет», в зависимости от смысла спрашиваемого, продолжал свое движение, которое, к слову сказать, было не совсем по прямой.

Когда опрос, за исчерпанием тем, был окончен, он велел гастарбайтерам вернуться в здание и продолжить работы, а Косте — связаться по рации с охранником из здания и поменяться с ним местами, после чего повел его в корпус... Стояла ясная ночь, небо завораживало своей притягательной глубиной, казалось, у него нет ни конца и ни начала, и если бы никого не было рядом, то на него можно было просто смотреть и не думать ни о каких делах, отрешившись ото всего. Между стройгородком и зданием, где они шли, не было освещения, и звезд в небе виднелось очень много, непривычно много для глаза городского жителя, так как мегаполис своими огнями делает незримой их вечную красоту. Как эта звездная ночь вдохновляет Константина! Эх, если бы не этот проверяющий...

В корпусе было пыльно, так как, кроме монтажных работ, чернорабочие занимались уборкой мусора, накопившегося за день. Вот один из них подошел к воротам с большой тачкой, полной отходов от строительных работ.

— Ты залез в карман к олигарху!.. — закричал проверяющий Константину (сеть таких гипермаркетов работала по всей стране), и окриком: — А ну стой! — остановил рабочего.

Лицо «начальника» было злым — глаза его сузились, губы сжались в узкую полоску, кончик носа заострился и стал похож на небольшой клюв, этому образу способствовало то, что он полусогнулся и вытянул голову на тонкой шее вперед. Быстрым шагом он подошел к гастарбайтеру, вырвал тачку из рук, и, опрокинув, высыпал содержимое на пол.

— Вот так стой и проверяй весь мусор! — приказал он Константину.

Рабочий уныло стал собирать мусор обратно в тачку. «Ну, конечно, кто же еще может залезть в карман к олигарху, если не бедные гастарбайтеры? — подумал Костя.— Вопрос о том, кому олигарх залез в карман, понятно, не стоит...» Он уже понял, что проверяющий пьян и, видимо, ищет повода для скандала, который нельзя было допустить, ибо он был бы квалифицирован как конфликт между службой безопасности «Галактики» и ЧОП-ом. Хотя конфликты существуют ровно столько, сколько существует человек, так как возникают они только в процессе общения людей, но ЧОП при этом максимально уязвим, так как генеральный подрядчик стройки просто может отказаться от его услуг. Ведь таковых в любом городе с десяток наберется. А так как — он сообразил — проверяющий приехал по его, Костину, душу, причиной чему опубликованный рассказ и его озвученные догадки насчет отмывки, то в случае скандала участь его в ЧОП-е будет плачевной. И скандальная характеристика затруднит его дальнейшее устройство на работу. А Косте нужно писать, и материального обеспечения у него нет. Потому он молчал и делал вид, что готов досконально выполнять все распоряжения...

Всю ночь «начальник» бегал по корпусу и придирался ко всему, что попадалось на глаза. Время от времени он все же отъезжал, судя по запаху спиртного, в ресторан — есть тут недалеко круглосуточный, в самом начале улицы Новомосковской,— но возвращался, и все снова повторялось...

В конце концов, проверяющий подошел к Косте, воззрился на его личную карточку охранника, прикрепленную к нагрудному карману куртки, и, ударив его довольно ощутимо кулаком в грудь, воскликнул, брызнув слюной:

— Так ты же, Вениаминыч, из нашего табора!..

Константин устоял на ногах и промолчал. В открытые ворота корпуса был виден ночной город, а над ним зарево от огней, окрашивающее небо в желто-красные цвета.

— Меня зовут Виктор Анатольевич. Ты же наш, Константин!

Костя стоял как вкопанный, никуда не отходил, лишь немного пошатывался от «тычков» проверяющего и... молчал. Все это повторялось по кругу несколько раз. «Выдержать! Выдержать!» — пульсировало в его голове. И так как охранник не реагировал ни на рукоприкладство, ни на «наш», ни на «табор», а его напарник, наверное, из любопытства, ибо замена явно затянулась, уже вернулся на свое место, москвич, видимо, изрядно уставший за ночь, вдруг повернулся и, не говоря больше ни слова, ушел.

Константин вернулся на свой пост у стройгородка. На столе лежала очень дорогая, как потом выяснилось, авторучка... Больше проверяющий ночью не приходил, видно, уехал в гостиницу...

На северо-востоке забрезжил рассвет.

А тут скоро и смене пришел конец.

Александр Пономарев
(г. Липецк)

ОХОТА НА ПРИЗРАКА

Пономарев Александр Анатольевич. Писатель, драматург. Родился и проживает в г. Липецке (Россия). Автор шести книг прозы и драматургии: «За нас. За вас. За Северный Кавказ» (2008), «Хризантемы для Эммы» (2012), «Эпоха Водолея» (2015), «Бабкины сказки — Дедкины подсказки» (2015), «Охота на призрака» (2015), «Прозрачное небо Сирии» (2019). Окончил филологический факультет Липецкого государственного педагогического института, Республиканский институт МВД России. Служил в органах внутренних дел РФ. Подполковник милиции в отставке. Ветеран боевых действий на Северном Кавказе. Член Союза писателей России и других писательских организаций. Его произведения публиковались во многих журналах.

Колонна вышла из Моздока рано утром, когда заря только окрасила небо багряными красками. Старшим в дороге был назначен командир отряда. Когда остался позади последний осетинский блок-пост и машины въехали на чеченскую землю, в небе зависла вертушка. Она бороздила облака, то улетая вперед, то появляясь откуда-то сбоку. С ней было спокойнее. Но, несмотря на прикрытие сверху, бойцы, сидящие в кузовах автомобилей и на броне «бэтээров», ощетинились в разные стороны стволами автоматов.

Отары овец паслись на невспаханных полях, иногда лениво поглядывая на растянувшуюся, на несколько километров по дороге и пылящую почем зря гусеницу. Когда подъехали к перевалу, колонна остановилась.

Командир отряда — полковник Макеев, немногословный русоволосый великан, выпрыгнул из кузова. Он внимательно осмотрел окрестности. Впереди притаилось узкое ущелье, справа от которого ниспадал небольшой водопад с пенящимся каскадом. Две горы, поросшие седыми мхами, возвышались по обеим сторонам, как старухи. Макеев кивнул взводному Карташову.

— Валер, назначь в пеший дозор семь человек, пусть прочешут вон ту высоту и ущелье,— он показал Карташову пальцем,— как только взвод перейдет на ту сторону ущелья, доложат по рации, что путь свободен. Вертушка их сверху прикроет, если что,— и он отвернулся с тем, чтобы достать носимую радиостанцию и связаться с летунами.

* * *

Небольшое село Кара-Юрт прилепилось к горному хребту. Несколько десятков домов, две длинных улицы, и бахча. Вот и все село.

— Константин Иваныч,— командир отряда, который меняла команда Макеева, разливал по алюминиевым кружкам горячий крепкий чай,— особенно ничего приме-

чательного в округе нет. Я так понимаю, отряды здесь выставлены лишь для того, чтобы перекрывать горную тропу. По этой артерии караванами доставляют на Кавказ оружие, наркотики и деньги для осуществления терактов. Жить будете в палатках, мы их вам оставляем. Пищу придется готовить самим. Кухня походная тоже есть. Посты выставлены по периметру села, два выносных. Секреты и засады будете выставлять по мере надобности. С электричеством у нас перебоев не было.

— А как местное население? — Макеев прихлебывал пахучий чай вприкуску с кусочком твердого прессованного сахара.

— Местное население вроде бы ничего. С понятием,— майор улыбнулся,— взаимоотношения довольно терпимые, только если твои бойцы косячить не будут. Спиртным здесь не торгуют, да и не принято это у них. С главой администрации сами познакомитесь. Неплохой джигит. Хлеб пекут две женщины: мать и дочь. Цены не загибают. Дочь — красавица, но кадрить ее не советую, ваххабитская вдова. Ну, вот вроде бы и все.

— Ну, тогда счастливого пути, майор,— Макеев крепко пожал коллеге руку.

— Да, совсем забыл, Иваныч,— и майор понизил голос,— завелся у нас тут недавно диверсант.

— В смысле?

— Ну, гадит нам кто-то и по мелкому, и по крупному.

— Из местных?

— Я думаю, что да. Больше некому. Места знает хорошо. То растяжку поставит на тропе, то наши переставит. Подстрелил часового неделю назад, ранение пустяковое, но все-таки. И везде оставляет волчьи следы, иногда клочок шерсти. А в прошлом месяце подорвал машину из комендатуры: один двухсотый, так повесил на ветку волчий зуб, заметили, конечно, не сразу — на черной нитке висел.

— Черная кошка?

— Да, я так думаю, что он об этой кошке и слыхом не слыхивал. А, и записку нам подбросили как-то. На — гляди.

Макеев развернул смятый листок, который ему протягивал майор. На тетрадном листке в клеточку было нацарапано: «Руски ухады, а то тебе месть Кара Борз».

— Ого, и как понимать это? — Макеев смотрел на майора сверху вниз.

— Ну, место называется Кара-Юрт. Что означает черная юрта.

— С этим можно поспорить: Юрт переводится с тюркского и как пастбище, и как место, жилище, и даже как Родина.

— Вот видишь, Иваныч, ты сам мне лекцию об этом прочитать можешь. А Кара Борз — это черный волк. Волк вообще у них священное животное.

— Понятно,— Макеев задумчиво поглаживал подбородок.

— Бывай, товарищ полковник. А с волком этим поосторожнее, береги ребят. Думаю — недельку по горам порыскаете и найдете этого Борза, слишком уж он, и вправду, оборзел,— и майор сам рассмеялся своей шутке.

* * *

Первый звоночек прозвенел ровно через неделю. Старшина первого оперативного взвода рано утром подорвался на противопехотной мине. Парня сильно посекло осколками и его сразу же отправили в госпиталь «Северный» вертушкой.

Макеев срочно собрал офицеров в штабной палатке.

— Кто стоял ночью на первом посту? — Макеев внимательно разглядывал командиров двух взводов.

— Сержант Разов, товарищ полковник,— командир первого взвода лейтенант Дроздов не поднимал глаза на командира, как будто он и был виноват в случившемся.

— Давай его сюда, Дроздов!

Лейтенант молча поднялся и вышел из палатки, махнув брезентовой полой.

— Какие мысли у других будут,— командир достал из кармана пачку сигарет и, чиркнув зажигалкой, закурил.

— Старшина за водой пошел,— на полковника поднял взгляд капитан Старков,— колодец в пятидесяти метрах от расположения отряда...

— Это нам известно,— Макеев перебил капитана,— короче, Склифосовский...

— А тропа только одна,— невозмутимо продолжал Старков,— примерно в тридцати метрах от ПВД, прямо на тропе, стояла МОНка, сработала на движение. Причем поставили ее сегодня ночью — в этом никакого сомнения нет. Вокруг крупные волчьи следы.

— Волчьи? — вступил в разговор врач отряда Корнев,— а почему ты так думаешь? Может собачьи?

— Волчьи, Владимир Андреевич,— продолжал Старков и поднял глаза на доктора,— я их с другими не перепутаю. Дядька у меня в лесничестве работал. Порою лес обходили с ним по нескольку десятков километров. И причем как будто вожак кружил, они так дичь загоняют. Волчьи, это точно.

Разговор прервался, потому что в палатку, подталкиваемый сзади взводным, кряхтя, заходил крепкий черноволосый сержант. Он ошалело огляделся по сторонам, зайдя со света в полумрак. Затем нашел глазами командира и встал по стойке смирно.

— Разов, доложи-ка, мил друг, как службу ночью нес? — Макеев пристально разглядывал сержанта.

— Да вроде бы все как всегда, товарищ полковник,— засопел сержант.

— Ты давай не темни,— подал сзади голос взводный, успевший по дороге расспросить часового,— рассказывай, как мне говорил.

— Да под утро заморочило меня слегка,— неуверенно продолжал Разов.

— Заморочило? Это как же? Закемарил? — Макеев стряхнул пепел с сигареты.

— Может и закемарил, командир. Но только показалось мне, что на тропе, что к колодцу ведет, ну на той самой, призрак появился.

— Прии-и-зрак? — протянул Старков.

— Призрак,— в голосе сержанта появилась уверенность, и он перевел взгляд на капитана,— белый силуэт, как человек вроде, призрак — кто же еще? Мелькнул и пропал. Я совсем уж было собрался дежурному по рации доложить, да подумал — померещилось. Луна спряталась как раз — я и думаю, ветки от платанов в тень попали. И захороводили. И главное — ни звука, ни шороха. Только тени от платана на том месте. Знать бы, что так вот случится.

— Эх, Разов — Разов,— Макеев поморщился,— если бы доложил по команде, как положено, не улетел бы твой боевой товарищ в госпиталь.

— Да я и сам понимаю, товарищ полковник,— Разов сморщился и заморгал глазами,— подумал, померещилось, да и стыдно признаться — побоялся: на смех меня ребята поднимут...

— Да какой уж тут смех, тут плакать надо. Иди, сержант, неси службу,— Макеев бросил сигарету на земляной пол, придавив окурок каблуком армейского берца.

Когда Разов вышел из палатки, Макеев быстро и в деталях передал офицерам рассказ командира предыдущего отряда про Черного Волка и даже записку показал. После чего в палатке повисла тяжелая пауза.

— Может и в правду показалось сержанту? — доктор нарушил молчание.

— А мина? — поднял на него взгляд командир второго взвода Карташов.

— Да стояла она тут может не одну неделю, а старшина наш только сегодня на нее наткнулся.

Старков молча рисовал прутиком на земле узоры, потом бросил ветку через левое плечо и повернулся к врачу.

— Исключено, Владимир Андреевич, мы с саперами каждую пядь вокруг просмотрели. МОНку сегодня ночью поставили.

— Разову простительно, док, он в первый раз на Кавказ приехал,— Макеев тоже смотрел на врача, от чего тот поежился,— а тебе, стреляному воробью, стыдно в призраков верить. Завтра у нас по горам да ущельям белые кони в кроссовках поскачут. Это, Владимир Андреич, тот самый Черный Волк, который нам мстит.

— Неуловимый Джо,— осклабился Карташов, и зло сплюнул под ноги.

— Так тот никому не нужен был, Валера. А этот нам нужен. Ой, как нужен. Это он только начал, вкус крови почувствовал,— продолжал Макеев,— значится так — командиры взводов будут у нас заниматься службой. Ты — док, своими вопросами. А к тебе, Саша,— и тут Макеев просто посмотрел на Старкова,— у меня будет особое задание. Даю тебе две недели, чтобы извести этого призрака. Об этом будем знать только мы пятеро. Попрошу товарищей офицеров об этом никому ни гу-гу. А то вся операция потеряет смысл. Что и как, это мы все вместе прикинем. Докладывать о результатах будешь лично мне, каждый вечер. Понятно?

— Есть,— просто сказал Старков.

— Вот и ладно. На хитрую задницу найдется прибор с винтом. Достанем мы этого Кара-Борза.

* * *

Весь день Саня Старков ходил как потерянный. Он что-то шептал, шевеля губами, размахивал руками, чертил пальцем в воздухе знаки, а иногда, резко развернувшись, шел в другую сторону.

К вечеру он решительно зашел в командирскую палатку.

— Я вот что думаю, Иваныч, если это кто-то из местных — то их от меня отвлечь надо. Чтоб думали, что я «казачок засланный». Может быть, найти ребят, недовольных порядком сегодняшним? То да се — поговорить с ними, что хотел бы в горы уйти, стать настоящим джигитом...

— Не получится,— Макеев снова достал из кармана пачку сигарет и принялся щелчком выбивать одну из них,— времени у нас мало. Горцы народ осторожный. Это тебе тут пару годков пожить надо.

— А что если,— вступил в разговор Корнев,— сделать из нашего Сани пьяницу горького?

И Макеев, и Старков выпучили на доктора глаза и даже не сообразили сперва, о чем это он. Первым в себя, как ему и полагается, пришел командир.

— Вот это ты, Андреич, выдал! Не пойму я — про что ты?

— А вот про что,— и Корнев хитро сощурился,— ты же говорил — местные не пьют, спиртного я имею в виду. Так?

— Ну, так, и чего?

— А если наш офицер постоянно будет пьяным — на улице, в кафе сельском и везде, короче. Они по-любому к нему будут относиться по первости враждебно, а потом рукой махнут. Мол, никчемный человечишко, и бдительность потеряют.

— И чего мне — каждый день горькую пить? — вступил в разговор капитан,— так сопьешься раньше времени.

— Не обязательно,— повернулся к нему доктор,— ты что, пьяного изобразить не сможешь? Не валяться на улице, конечно, а так — вести себя не вполне адекватно.

— Так-так, понимаю,— теперь уже заулыбался Макеев,— но я же говорил, горцы народ внимательный и очень осторожный. Могут не поверить...

— Поверят,— хлопнул себя ладошкой по ляжке Корнев,— я тебе, Саня, такие кап-

ли дам — зрачок будет как у совы — во весь глаз, а под губу нижнюю ватку будешь класть, спиртом смоченную, разить от тебя сивухой будет за три километра. И вот в таком виде садишься ты в чайхану, в руках у тебя фляжка, ну — или бутылек за пазухой, ты знай из нее прихлебывай, да отключайся время от времени. Через эту чайхану, почитай, все местные мужики проходят. Может, что и услышишь, может чего и увидишь...

— Есть одно но, Андреич,— усмехнулся Старков,— языками не владею...

— А вот тут ты не прав,— в свою очередь перебил его командир,— здесь с десяток национальностей живет. Родные языки порою не похожи один на другой в корне. Язык общения для них — русский, а это нас полностью устраивает.

— Ладно,— Старков разминал ноги от неудобной позы, в которой так и застыл с самого начала разговора,— раз совет в Филях постановил, значит превращусь в никчемного и потерянного для общества человека. Только как бы кто из своих не прибил.

— Об этом не беспокойся. По ночам будешь выходить в свободный поиск. Обо всем будешь докладывать по окончании каждой засады, Саша. Примечай все, даже самые, как тебе кажется, мелочи. Одна голова хорошо, а две, или даже больше,— тут он, одобрительно, посмотрел на Корнева,— лучше. Будешь брать с собой только самое необходимое: фонарик, карту, рацию носимую, два боекомплекта,— да чего я тебя учу, не первый год ведь замужем.

— Понял, командир,— Старков, скинув с себя сомнения, мучившие его весь день, потихоньку наполняясь азартом, как собака перед охотой,— все необходимое возьму. Подумаю над этим хорошенько,— только рация не нужна, может заскрипеть в самый неподходящий момент, если услышите звуки боя — подскочите меня прикрыть. Волк этот поблизости всегда, вот и я буду пасти его. Постараюсь быть либо на шаг впереди, либо за его спиной. И боекомплект один. Хватит. Брать буду только калибр 5,45, несколько эфок и один рожок с трассерами. Если возьмут меня в клещи, вдруг этот перец не один работает, трассерами покажу направление при вашем подходе,— и Старков вопросительно посмотрел на Макеева.

— Согласен. Добро,— на секунду задумавшись, сказал тот.

* * *

Солнце потихоньку пряталось за горы. Их вершины, покрытые снежными шапками, сыпали вниз снежную крупу, превращавшуюся в легкую дымку, достигая предгорий.

Из села потянуло запахом сгоревшего кизяка. Саня тенью промелькнул мимо караулов, выставленных по периметру военного лагеря и, сторонясь дороги, свернул в частые посадки из невысоких деревьев.

«Сначала обойду кишлак, посмотрю — кто чем дышит. А потом прочешу близлежащую местность»,— сказал он сам себе и сразу испугался. Ему показалось, что сказал это вслух. Но вокруг царила тишина и умиротворение, природа засыпала на время прохладной южной ночи, лишь со стороны села слышались звуки, характерные для мест, где живут люди: мычание коров, кудахтанье куриц, плач ребенка.

Эти звуки успокаивали Саню, настраивая на спокойный лад — будто и нет никакой войны. Но он, сбросив оцепенение, настроился на рабочее настроение.

Прокравшись вдоль деревьев, прилегающих к окраине Кара-Юрта, он занял удобную наблюдательную позицию. Пролежав минут двадцать, он поднялся повыше и, найдя на горе небольшую площадку, подстелив под себя коврик снайпера, достал ночник и принялся внимательно осматривать село.

Схему села нарисовал ему прапорщик Колесниченко. Серега Колесниченко был давнишним приятелем Сани. На плечах Сереги лежали очень не простые и нужные в

командировке обязанности — кормить личный состав подразделения. И надо заметить, справлялся с этими поручениями прапорщик мастерски.

На какое бы место и в какое бы время года не приехал отряд, Серега на второй день обзаводился нужными знакомствами, так как от природы был веселым и контактным парнем.

Вот и здесь, в Кара-Юрте, через неделю все местные жители уже приветливо здоровались с ним.

Первый час ничего примечательного Саня не заметил, после двух часов ночи, когда село полностью уснуло и луна стала прятаться за перистыми облаками, подмигивая бойцу то левым, то правым глазом, он услышал, как стукнула калитка.

Из дома вышел человек, он огляделся по сторонам и уверенно зашагал по дороге в сторону зеленки.

Саня быстренько скатал коврик, прицепил к ремню, взял автомат на ремень и, крадучись, последовал за неизвестным.

Человек нес в руках вещмешок, шел уверенно и даже непринужденно, по сторонам не смотрел и наверняка знал цель своего похода.

Саня бесшумно крался по обочине дороги, метрах в трех — то пригибаясь к земле, то передвигаясь короткими перебежками.

Дорога поюлила по перелескам и начала карабкаться в гору. Здесь пришлось поубавить пыл, так быстро перемещаться уже не получалось: мешали камни, на которые время от времени натыкались армейские берцы.

Человек бодрой походкой продолжал свой путь, пока не вышел на горную поляну. Вокруг костра сидели чабаны и кипятили чай. В нос Сани сразу ударили запахи крепкого чая и табака. Кавказская овчарка, лежавшая у костра, подняла голову, принюхалась, лениво встала и поплыла в сторону разведчика.

Саня, чертыхаясь, встал на ноги и быстренько ретировался. Встречаться нос к носу с охранником овечьих отар не входило в его планы.

* * *

— Ну, рассказывай, военный, чего ночью видел или слышал,— Макеев расположился на кресле, сделанном из зеленых армейских ящиков из-под гранатометных выстрелов.

— Ничего особенного, Иваныч, чабан сегодня ночью попутешествовал слегка.

— А чего-нибудь необычного не заметил в его путешествии?

— Проводил его до лугов, посмотрел на жизнь простых чабанов, потом, правда, с собачкой в прятки пришлось поиграть, но сыпнул на тропу табаку, она интерес ко мне потеряла. Потом еще с часок понаблюдал и до дому. Через час рассвело.

— Ну, так. Чего сказать тебе, Саня, быстро только кошки родятся. Продолжай наблюдение. С твоим разложением денька три подождем. Можешь отдыхать.

Саня вышел из штабной палатки и отправился к своему другу Сереге Колесниченко.

Пункт временной дислокации жил своей жизнью: взвод Карташова отрабатывал вводную — подъем по тревоге и выдвижение на позиции в случае нападения на ПВД или обстрела.

Дымила походная кухня, бойцы, переговариваясь, шли за водой, часовые вглядывались в окрестности, а около палаток нахально паслась местная корова, иногда кося на людей в камуфляже перепончатым глазом.

— Здоров, Серега,— Старков присел рядом со старшиной.

— И тебе не хворать,— тот невозмутимо чистил картошку, пряча в уголке рта «беломорину».

— Ничего не слыхать в нашем дворе и его окрестностях?

— Пока, вроде, Бог милует,— Колесниченко понизил голос,— насчет задания твоего, Саня — откровенных боевиков в селе нет. Все в горах. Приходили зимовать, да как солнышко пригрело — опять воевать отправились. Мадина, это которая нам хлеб печет, и вправду вдова ваххабитская, но она, на мой взгляд, на такие штуки не способна, жидковата...

— Думаешь?

— Я их знаешь сколько повидал, думаю не она это. Дальше чабаны, отары у них большие, люди в селе по горским меркам не бедные. За ними уход нужен, тут не до баловства. Овцы — продукт стратегический, можно сказать, единственно жизненно-важный. Земля здесь никудышная, в огородах — сам видел — айва, да дыни иногда. Остается наш глава поселения, чайханщик и малый один — он вроде как пришибленный слегка. Во время первой войны еще контузило его прилично, вот крышу у него и сносит время от времени.

— Это как?

— Да, говорят, находит на него: может в горы убежать — его потом с фонарями ищут, то орать начнет — сутками напролет. Для него родные клетку деревянную соорудили. Вот и сажают его под замок иногда — а он орет, как потерпевший, да прутья от клетки грызет.

— Понял, старшина. Спасибо тебе. Присмотрюсь. Может, упустил кого?

— Может и упустил, Сань. Народу, вроде, в селе не так уж и много. Понаблюдаю еще — приходят людишки: кому инструмент напрокат нужен, кто молоко на сахар меняет. Попытаю...

— А народ то к нам как, ну настроен вообще?

— Да по разному: но откровенно никто власть не хает, осторожничают, да и открыто нас приветствовать побаиваются. Хотя в одном все сходятся — при нас порядка и закона побольше. Горцы — народ справедливый.

* * *

Саня Старков второй день «разлагался» в чайхане. Расположившись на циновке, он заказывал себе чай, время от времени подливая в пиалу пойло, доставая бутылку из-за пазухи. Спирта в ней было немного, в основном вода, но разило сивухой за километр.

Чайханщик Ваит в начале только морщился, в чайхану люди в первый день вообще не заходили. Косились недовольно на русского пьяницу и, перекинувшись парой фраз с хозяином, уходили.

На второй день Ваит нашел компромисс, с русскими ссориться было не в его планах, заходили они часто и заказывали много. Чайханщик перенес Санину циновку в дальний угол, была бы его воля — отгородил бы это место частоколом, но и этого хватило. Местные вернулись. Садились за чаепитие, разговаривали, смеялись, но потом перестали обращать на Саню внимание — только морщились от запаха спиртного.

Саня в разговоры не лез, да и разговаривать с ним никто не стал бы. Пользы от его «сидения на Шипке» пока не было никакой. Разговоры были о погоде, о дождях, о заболевшей корове, об урожае айвы — короче, полный порожняк.

— Ваит-джан, налей еще чайку, пожалуйста,— Саня приоткрыл сначала правый, потом левый глаз.

Чайханщик уже нес ему пузатый чайник, затем, ловко убрав со стола пустой, поставил перед ним новый.

— Зачем пьешь, Саня?

— Так жизнь такая Ваит, не мы такие. Что ж еще тут делать, скука.

— Может тебе манты или шашлык? А то не кушаешь совсем, только пьешь водку

свою,— Ваит поморщился.— Одна женщина спрашивала уже — что этот русский тут водку пьет, у него дома, что, не продается?

— Насмешила... конечно, продается. Нет, доттага, есть не хочу совсем.

— Ты хороший воин, Саня, хороший джигит. Зачем пьешь только — не пойму.

— Да я и сам не знаю.

— Ты перестань, Саня. Надо домой вернуться, а пить будешь — горы этого не любят. Останешься здесь. Навсегда останешься.

— Может ты и прав, Ваит. Буду помаленьку прекращать.

— Вот и молодец,— Ваит, довольно улыбнувшись, уже отходил от него.

* * *

Старков, постучавшись о деревянную стойку, стоял на пороге командирской палатки.

— А, заходи, Саня. Похмелить?

— Хоть ты не подкалывай, командир,— Саня, откинув полог, зашел и сел напротив Макеева.

Тот разглядывал карту, иногда делая на ней пометки красным карандашом.

— Ну, рассказывай,— командир отодвинул карту и ловко закинул карандаш в граненый стакан.

— От чайханы пока результатов никаких, правильно ты говорил: местные — народ осторожный и внимательный. Информации больше от Колесниченко, он слово заветное знает, наверное. Ему горцы душу готовы раскрыть.

— А ночные вылазки, как?

— Прошерстил окрестности вдоль и поперек. Результата пока ноль.

— Ну, этого и следовало ожидать. Волк этот осторожный. Он после каждой вылазки затаиться должен. Это мне и предыдущий командир говорил. Хитрый и очень осторожный противник. Ты продолжай поиск, Саня. Не останавливайся, снайпер как работает — знаешь?

— Знаю, командир. Сутками цель высиживает.

— То-то и оно, капитан. А тут цель сложная, неделями вокруг нее ходить надо, а может и месяцами. Но ты тоже не пальцем деланый. Мне про твою службу в Таджикистане кое-что тоже поведали. Занимайся, Саня.

* * *

Ночью Саня устроил лежку под огромным раскидистым дубом. Тот стоял на сопке и окрестности просматривались очень хорошо с трех сторон, с четвертой мешала зеленка.

Пока село еще не уснуло, Старков решил пораскинуть мозгами. Иногда это очень полезно, всем давно известно.

Он опять взял в руки прутик и уселся спиной к стволу дерева.

— Ага, так и запишем: чайханщик Ваит — фигура в селе известная, днем он все время на виду, человек уважаемый. В чайхане ему помогают два сына-подростка и старуха. Свой дом, довольно неплохой, недалеко от рабочего места, значит. Продукты для чайханы привозит ему старик на мотоцикле с коляской, два раза в неделю привозит. А вот ночью, что делает чайханщик ночью? Хотя если весь день как белка в колесе крутишься — какие ночью приключения? Ночью спать надо!

Саня отломил от прута веточку и положил на землю.

— Номер два — сумасшедший Лом-Али. А может он только прикидывается умалишенным? Сделает дело, и орать, как резаный, начинает. Хотя так светиться настоящий волк не стал бы... ну, так или иначе, со счетов его сбрасывать пока не будем...

Он опять обломил веточку и положил рядом с первой.

— Номер три — глава поселения. Скорее нет, чем да — в разъездах все время, опять же на виду. Кто-нибудь, что-нибудь увидел или услышал бы. Да и предыдущая смена хороводила тут по этому призраку, если только сообщник или один из сообщников...

Третья веточка легла на поляну рядом с двумя предыдущими. А прут полетел через левое плечо.

Со стороны села потянуло дымом. Он вначале поднимался вверх, а затем рассеивался от дуновения прохладного ветерка и стелился по траве.

«Кизяком топят»,— Саня шмыгнул носом.

Над горами взошла луна — круглая и желтая, как апельсин, какие бывают только в детстве.

Капитан взялся за цевье автомата, чтобы переложить его поудобнее, и вдруг почувствовал, как по телу побежали мурашки. В воздухе повисло напряжение, и даже звуки на секунду затихли. С той самой, не просматриваемой, стороны зеленки что-то уже происходило, но что — этого Саня пока не понял. Он на долю секунды замер и тут же ему в нос ударил резкий и неприятный запах то ли слежавшейся шерсти, то ли псины. Капитан поднял глаза и оцепенел. Слева — метрах в трех, в лунном свете, стояли два волка, стояли и спокойно рассматривали Саню в упор. Появились они бесшумно, как будто выросли из под земли. Один — крупный, лобастый вожак — черного окраса, и поменьше — серый с подпалинами матерый.

Глаза волков светились в полумраке, как горящие угольки.

— Сколько раз по следам вашим ходил, а увидеть вот так — впервые довелось,— промелькнуло в голове,— вот он, Черный Волк. Да только не два их, минимум с десяток — остальные в засаде, команды ждут.

Саня, не торопясь, перевел руку с цевья автомата на курок, а второй рукой медленно достал из разгрузки армейский нож с костяной ручкой.

— Я для вас трудная добыча, братцы,— шепотом произнес он,— не ровен час троих из ваших положу...

Серый волк поскулил, чуть слышно, ему в ответ. Но черный стоял как изваяние, глядя глаза в глаза. От чего Саня поежился, но взгляда не отвел — нельзя. Видно было, что животным неприятны незнакомые запахи: ружейного масла, стали, прокопченного на кострах камуфляжа. Они переминались с лапы на лапу, видимо думая — нападать или нет.

Волки исчезли так же мгновенно, как и появились. Сане даже вначале подумалось — а не показалось ли все это, а может и меня заморочило, как сержанта Разова тогда. Но сколько он ни таращил глаза в разные стороны, сколько ни смотрел в ночник — волков и след простыл. И следов не отыскал — тропа каменистая.

— Вот и славно, все правильно сделали, парни,— сказал Саня в темноту и сам удивился, насколько чужим показался ему свой голос.

Несколько часов просидел Саня, прислонившись спиной к дубу, отходя от произошедшего. И только прохладный ветер с гор, да еще рассвет привели его в чувство. Спать не хотелось совсем — еще вечером он применил старый армейский метод — ложка растворимого кофе с глотком чистого спирта. Сон отбивает напрочь и глаза — как два фонаря, только под утро голова кружится и тошнит слегка.

Но не зря говорят на Руси: пришла беда — отворяй ворота. Хотя беды никакой не приключилось, но могла. Могла.

На рассвете Саня скатал снайперский коврик, проверил разгрузку, пару раз зевнул и осторожно двинулся в лагерь.

На тропинке, которая была уже на подходе к кишлаку в одном месте, его больно укололо в сердце. Стоп, боец. Саня присел на корточки, отсоединил от «калаша»

шомпол — несколько раз ткнул в землю вокруг, чисто. Затем приподнял траву слева, справа. Всходящее солнце ослепило глаза, и на долю секунды в полуметре впереди на тропе что-то ярко вспыхнуло и пропало. Саня гусиным шагом прополз это расстояние и ножом поддел зеленую проволоку. Натянута у самой земли, припорошена грунтом. По ниточке, по ниточке. Вот она, растяжечка. На меня? А на кого же еще. На меня. Выследил волчара, а может ему те, ночные, шепнули.

Вжжж, вжжж, чпок, чпок. Саня успел только свалиться куда-то вправо. Над ухом прожужжала пуля. Он перекатился с места, в которое упал, схватил автомат и прицелился. Только вот куда стрелять. Саня зорко, очень внимательно огляделся. Вон там, впереди, метрах в десяти, качнулась ветка. Вот ты где, Кара Борз. Обойду-ка я тебя слева. Саня аккуратно выдвинулся по-пластунски. И, рывком поднявшись, кинулся к месту засады. Такой прыти призрак от него не ожидал, на долю секунды показался. Мелькнул впереди и сразу пропал.

Саня преследовал его, пригибаясь к земле, где-то замирая, где-то прячась за деревья и пригорки.

«Невысокого роста, очень подвижный, юркий, можно сказать. В маскхалате зеленого цвета — наш, армейский. Местность знает феноменально, двигается уверенно, где-то семенит. Где-то перепрыгивает препятствия, как кошка. Пацан? Похоже, что подросток или девушка. Та — Мадина, которая хлеб печет, высокая, стройная. А этот — вьюн вьюном. Все, потерял я его. Сейчас отдышусь. Прочешу лес».

Саня дышал и не мог надышаться, как тогда, в Таджикистане. Впереди послышался треск веток. Саня спрятался за кустом и навел автомат на звук. По тропе, еле-еле передвигая ноги, тащилась старуха. На горбе у нее помещалась огромная вязанка хвороста. Бабка шла прямо на Саню. Саня оглядел ее с ног до головы. Черный платок, черное платье с длинным рукавом, юбка в пол, на ногах калоши. Она опиралась на палку, кряхтела и стонала. Тяжеловат груз для тебя, бабушка. Глаза полузакрыты, губы плотно сжаты, орлиный нос, бровей почти нет — да и немудрено, лет-то, наверное, под сто. Слева под глазом небольшой, но заметный шрам. Бабка остановилась в нескольких саженях от Сани, горестно вздохнула, вытерла рукавом соленый пот и поплелась дальше. Она прошла в паре метров от капитана, не заметив его в густом кустарнике.

— Все, охота закончена. Всю масть ты мне перебила, мать. Светиться нельзя, хоть и старая бабка, но горянка внимательная. Запомнить может.

Саня посидел еще минут двадцать и выдвинулся к месту засады.

«Вот здесь я сидел на корточках. Стреляли по мне оттуда. Ага. По ниточке. «Эфка» у корней дерева, грамотно поставлена. Кабы не солнышко-колоколнышко, вовек не заметить. На колечке гранаты клочок шерсти, даже в косичку заплетен — не поленился диверсант, так хотелось марку поддержать. Саня снял косичку, понюхал, в нос ударил слабый запах слежалой псины. Волчья.

Теперь вернемся назад. Пули, стало быть, полетели в ту сторону. Поищем, вдруг как повезет?».

Саня обходил местность, внимательно разглядывая каждое дерево, каждую ветку. Есть. Вот они девять граммов в сердце.

У одного из платанов пуля зацепила самый краешек, да и застряла в коре, прямо сбоку. Саня выковырнул пулю ножом. Подержал на ладошке, разглядывая, подкинул вверх, поймал, улыбнулся и двинулся в лагерь.

* * *

— Выследил волка, молодец капитан,— командир отряда Макеев рассматривал пулю со всех сторон.

— Нет, Константин Иваныч, он меня выследил. Засаду на меня устроил.

— Ты ее на зуб еще попробуй, командир,— врач отряда Корнев тоже внимательно рассматривал пулю.

— Калибр 9 на 39. ВСК — войсковой снайперский комплекс. Наше оружие — спецназовское,— Старков доставал сигарету из пачки.

— Думаешь? — поднял на него глаза Макеев.

— Не думаю, знаю, командир. Стрелял бесшумно, с глушителем.

— Дневальный! — командир откинул полог палатки,— ну-ка бери журнал ориентировок и ко мне.

В палатку вбежал боец с видавшей виды конторской книгой.

— Здесь я, товарищ полковник.

— Молодец. Ищи сводки за апрель этого года. Давай-давай, шевелись. Десятого или четырнадцатого числа. Нашел? Читай.

Дневальный встал по стойке смирно и нараспев, как стихотворение, прочитал:

— Четырнадцатого апреля в 10.02 у села Кара-Юрт было совершено нападение на машину УАЗ военной комендатуры...

— Дальше, вон там, на третьей строке,— нетерпеливо перебил его Макеев.

— Где? А-а-а, здесь. Похищены два автомата АК-47 и одна винтовка ВСК. Прокуратурой заведено уголовное дело по статье терроризм номер...

— Все. Хорош. Свободен.

— Есть,— козырнул дневальный и вразвалку вышел из штабной палатки.

— Наш Черный Волк. ВСК у комендачей повзаимствовал...

— Я ж и говорю,— затянулся сигаретой Старков.

— Каков из себя?

— Маленький, юркий. Бегает быстро — не угнаться. Не мужчина — либо подросток, либо девчонка. Местный — это точно. В зеленом маскхалате.

— Бегает хорошо, стреляет плохо,— задумчиво протянул врач, вертя в руках пулю.

— Выходит так, Андреич!

— Лица не заметил? — командир поднял глаза на Старкова.

— Нет. Все время со спины его видел. На голове капюшон.

— Да-а-а. Задал ты, капитан, задачку. Девчо-о-о-нка. Ну ладно мы тут по-своему поищем. А ты, Колесниченко, еще задачу поставь — пусть поспрошает местных и в поиск каждую ночь. Давай, Саня, время выходит.

— Есть, командир,— Саня затушил сигарету о каблук берца и вышел на воздух.

* * *

Серега Колесниченко как всегда занимался своим любимым делом — чистил картошку и покуривал. Это — по его словам — как-то успокаивало нервную систему.

— Ого, какие люди, салам, Саня,— старшина приветливо улыбался,— сидай рядышком.

— Здорово, братское сердце,— Старков присел,— давай сигаретку.

Колесниченко вытащил из кармана смятую пачку сигарет.

— Это последние, Сань,— не привезли. В горах камнепад сошел, дорогу к нам отрезало. В МЧС сказали — только через пару недель расчистят.

— Эге, и чего же делать нашему курящему брату?

— Табаку тебе отсыплю. Козью ножку умеешь крутить или научить тебя?

— Умею, а бумагой где разжиться?

— Вон, смотри — рядом с полевой кухней стопка газет — местные принесли. Бери, сколько хочешь, закончатся — приходи еще. У меня этого старья навалом.

— Спасибо, Серега,— Саня засовывал в карман разгрузки пакет с махоркой,— я задачку поставить тебе хотел — поспрошай местных насчет пацаненка или девчонки

бойкой. Видел я сегодня утром призрака этого. На черного волка никак не тянет, скорее, волчонок. Но бегает по лесу — лося обгоняет.

— Хорошо. Не вопрос.

Саня поднялся, чтобы уйти, но почувствовал — не договаривает чего-то старшина.

— Что-то случилось, Серый?

— Да я тебя, Саня, уже неделю спросить хочу, да все недосуг как-то,— Колесниченко смотрел в сторону.

Старков снова сел рядом.

— Ну, спрашивай, коли хочешь.

— Говорят, ты за два месяца перед командировкой развелся...

— А, вон ты о чем. И что еще говорят?

— Да видел я твою бывшую пару раз — ничего, вроде, баба...

— В том то и дело, что ничего — пустое место, фальшивка...

— Не жалко тебе? Все ж столько лет вместе...

— Серег, самый короткий путь — это путь правды. Как можно жалеть о человеке, который льет лживые слезы при расставании, пишет лживые письма, составляет лживые дневники, радуется, поет тебе песни под гитару — и все это оказывается блефом? Все нормально, ни о чем не жалею...

— Как-то невесело ты это говоришь...

— Старшина, ты о сроке давности что-нибудь слыхал?

— Ну, мы же с тобой в милиции служим, юристы какие-никакие, конечно, слыхал. Знаю что это такое...

— У каждого преступления, Серый, есть срок давности. У каждого, даже у убийства. Одного только люди никогда не могут простить. Предательства. Видимо, считается, что предать человека или людей, которые тебе доверяют — самое страшное и подлое. У предательства срока давности нет...

— Все правильно, Саня,— старшина поморщился,— да я что, Полина Ивановна моя письмо мне прислала из дома, две недели назад еще. Пишет: видела Санину бывшую, переживает, мол, баба, ты там поспрошай его, может, поостыл малый. А теперь вижу, все правильно: предателей надо вычеркивать из памяти, из сердца, из жизни — безжалостно. Все закрыли тему. А насчет пацаненка я поспрошаю, эт ты не волнуйся. Сделаю в лучшем виде.

* * *

Этой ночью было совсем темно. Луна спряталась за черные тучи. Саня посмотрел на небо — тучи, походу, беременные, поутру дождичек брызнет. Хотя как в горах может «брызнуть» дождик, он знал не понаслышке.

«Ну и хорошо, что луны нет,— подумал капитан,— в ночник наблюдать удобнее». И он достал из разгрузки старый добрый «Ворон».

Правда, понаблюдать за селом и обходными тропами не пришлось. Совсем рядом, метрах в пятидесяти, он услышал: сначала рык, потом волчий вой, а затем и вовсе леденящий душу крик.

Саня, быстро собрав боеприпасы, взяв наизготовку оружие, тихо двинулся на звук.

Осторожно приблизившись, он посмотрел в прореху забора из старых деревянных слег. В глубине двора стояла большая деревянная клетка, усиленная стальными прутьями. В клетке метался человек. Он то садился на ноги, то подпрыгивал, ударяя головой в потолок, то вертелся волчком. Саня посмотрел на него через ночник: человек сел на корточки, поднял голову вверх и завыл по-волчьи. И столько боли и муки было в этом вое, что у Сани невольно пробежали мурашки по спине. А через прибор ночного видения глаза человека сверкнули как тогда у волка — раскаленными угольками.

«Да, в таком состоянии не до диверсий. Вдруг в самый ненужный момент клеммы перемкнет. И ведь он меня не видел. Спектакль играть не перед кем — зритель отсутствует. Скорее всего, и как на сообщника призрака на него положиться невозможно. Разве я бы взял такого в напарники? Никогда».

В горах откликнулось несколько голосов. Волки выли, приветствуя друг друга. В селе залаяли собаки, заскрипели, открываясь и закрываясь, двери. Пора было сворачиваться, что Саня и сделал. При таком шухере засаду не сделать.

* * *

Саня сидел у буржуйки, скручивая козью ножку. Да, без курева трудно приходится. Первое время чуть легкие не выплевывал. Крепким оказался табачок. Рядом лежала стопка старых пожелтевших газет. Их безжалостно кромсала и рвала уверенная «омоновская» рука. Дровишки попались сырые да сучковатые. Благо бумаги на растопку хоть отбавляй. Со вчерашнего утра шел мелкий моросящий дождь. Теперь может на неделю зарядить — это как повезет.

«Спортивный вестник Кавказа». Ну что же, почитаем. Таблицы союзного еще чемпионата по футболу. Ого, «Заря» (Ворошиловград) — и такая команда тогда была. И вверху таблицы — хорошо играли, наверное. «Динамо» Тбилиси, ереванский «Арарат». Саня перебирал стопки газет, иногда прочитывая передовицы, иногда просто бросая газеты в топку.

И вдруг тревога пробежала по его телу, пробежала и занозой засела в мозгах. Как будто только что он пропустил что-то очень важное. Саня лихорадочно стал пересматривать прочитанные уже газеты, искал глазами старые таблицы и статьи.

С одной из страниц на него смотрела молодая, красивая горянка. «Гордость республики — Аминат Адиева. Мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, призер молодежного чемпионата Советского Союза». Ну и что? Саня перевернул газету — 21 мая 1971 года. Так это же было при царе Горохе, когда людей было крохи.

Нет, где-то он уже видел это лицо. Миндалевидные глаза, черные брови дугой, орлиный нос, плотно сжатые губы. Слева под глазом небольшой, но заметный шрам.

— Серега,— Саня быстро зашел в палатку взвода обеспечения.

Колесниченко резко вскочил на деревянных нарах, больно ударившись головой о деревянную слегу.

— Блин, ты, Саня, чего стряслось то? Пожар что ли?

— Вспоминай: бабка старая — глаза серые, нос орлиный, рост примерно метр шестьдесят. Зовут Аминат. Знаешь такую?

— Ну, знаю. Приходила пару раз, козу искала. Живет в крайнем доме на окраине аула, одинокая, неразговорчивая. Да ты куда?

Но Саня быстро выбежал из палатки.

— Малахольный, далась ему эта старуха,— старшина потирал рукой ушибленную голову.

* * *

Капитан Старков положил газету на стол перед командиром.

— Это она.

Полковник Макеев отложил в сторону карту и недоуменно смотрел на Старкова.

— Она, призрак.

— Понял. Быстро и по делу.

— Тогда утром в лесу я за призраком гонялся. А встретил ее. Она и есть — Кара Борз. Притворилась, правда, старой и дряхлой, но с ней наперегонки побегать — ушатает вусмерть.

Макеев глазами пробежал статью.

— Дневальный! — в палатку ввалился старшина Разов,— а, это ты, боец. Командуй — в ружье. Сейчас поквитаемся мы с твоим призраком. Только это, Разов, без шума, толкотни и суеты. Понял?

— Есть, товарищ полковник,— и сержант исчез, взмахнув палаточной полой.

* * *

Отделение омоновцев взяло дом на окраине села в плотное кольцо.

— Товарищ полковник, можно я ее сам возьму? Две с половиной недели по ее следам ходил,— Старков с надеждой смотрел на командира.

— Ладно, давай, Саня, как учили. На рожон не лезь, если бабка отстреливаться начнет — сразу назад. Мы ее дом гранатами закидаем. А то мороки потом — вези ее в комендатуру, в прокуратуру. Да еще в доме ничего как не найдем — доказывай потом. Вдруг она всю приблуду в лесу прячет! Понятно, капитан?

— Понятно, Константин Иваныч. Она хоть и осторожная, да только я ей как снег на голову свалюсь. Неожиданно.

— Ну, давай-давай, действуй, много текста,— и полковник нервно улыбнулся.

К дому Саня подполз по-пластунски. Краешком глаза глянул в окно. Занавески плотно зашторены, но в глубине виден свет. Старков аккуратно продвинулся к двери, ни замка, ни засовов на ней не было.

Дверь открылась без скрипа. Саня перенес через порог сначала одну, потом другую ногу. Посидел в сенях, отдышался, постарался успокоить колотящееся, как овечий хвост, сердце. И аккуратно открыв вторую дверь, сделал кувырок внутрь. В доме было тихо, только тикали на стене старые ходики. На столе стояла керосиновая лампа, лежала газета, на ней очки и связка волчьих зубов на нитке. Саня перевел взгляд направо. Рядом с тахтой лежали на полу две противотанковые мины, на них стояла монка-сотка и подмигивала ему красным глазком.

«На движуху сработает. Не успею»,— пронеслось в голове у Сани.

Последнее, что он увидел,— это то, что мины были старыми и ржавыми, и еще мамины глаза. А потом сверкнула молния, и тишина.

* * *

Взрыв внизу в селе ухнул неожиданно. Гордость республики Аминат Адиева — мастер спорта СССР по спортивному ориентированию, повернув голову, посмотрела с горы вниз. Над селом клубились черные разводы дыма. Лицо ее, прочерченное сединами, не выражало ничего: ни радости, ни сожаления, ни печали.

Она поправила лямки армейского рюкзака и уверенной походкой зашагала вверх по горной узкой тропе.

Надежда Вафф
(г. Кимовск)

ЧУЖОЙ ЧЕЛОВЕК

Окончила Тульское училище искусства по специальности режиссура театра. Призер конкурсов на портале «Самарские судьбы», вошла в десятку призеров (3 место) шестого литературного конкурса «Плавская осень». В 2015 году стала финалистом литературного конкурса «Автор года — 2015», организованного компанией «Ваше издательство».

«Ну, вот и все, Фроловна, пойду я!» — с этими словами Сергей поднялся со скамейки, дотронулся кончиками пальцев до плоского черного памятника, и, не оборачиваясь, пошел по прямой кладбищенской «улице». На выходе с нее завернул к маленькому домику, из которого навстречу ему вышел сгорбленный старик и поздоровался:

— Здравия желаю!

— И вам не хворать,— с улыбкой, еле тронувшей губы, ответил Сергей.

— Навестили покойницу свою? — спросил сторож и сам же ответил.— И хорошо, что навестили. К ней окромя вас никто не захаживает. Вот, поди ж ты, как бывает: живет человек среди людей, а как помирает, так остается наедине с собой и такими же упокоенными, как и он. А ведь это неправильно. Память же должна оставаться, чтобы людей на кладбища приводить.

— Я вам деньги оставлю. Вы их Валентине Ивановне передайте, пожалуйста,— Сергей перебил размышления сторожа.— Тут как всегда. И поблагодарите ее от моего имени.

— Передам, поблагодарю,— кивнул старик.— А вам покойница кем приходилась-то?

— Так...— Сергей пожал плечами,— по определению — чужой человек. Это длинная история.

— А я и не спешу. Да и тебе торопиться некуда. Смекаю, что ты не на колесах нынче, а автобус прибудет только через пару часов. Так что есть время языком почесать. Пойдем в сторожку, я чайку согрею. Погода нынче сопливая, дождь с утра брызгает.

Сторож направился к домику. Сергей, не задумываясь, пошел за ним: «Его правда, зябко сегодня на улице, да и автобус будет не скоро!». Сторожка была маленькая, но по-домашнему уютная. Дед проворно поставил на электрическую плитку чайник и проговорил:

— Меня Николай Анисимыч зовут, но ежели тебе удобнее будет, так ты меня можешь просто дядей Колей называть. Я в обидках не буду. Тебя-то как величать?

— Сергей.

— Ты уж прости мне, Сереженька, любопытство мое. Вышло так, что я тут сторожем давно работаю. Кладбище мне подведомственное — небольшое, сам видишь. Вот и получается, что с каждым «местным жителем» я как бы знаком лично,— Анисимыч улыбнулся в усы,— а вот про твою Анну Фроловну ничегошеньки не слыхал. Только тебя лицезрю каждый год в одно и то же время, да еще Валюша моя на могилке ее прибирается. И непонятно мне — кто она, откуда, каким ветром занесло ее в наши края? Она же ведь не из местных?

— Нет, не из местных,— покачал головой Сергей,— она из той деревни, что за озером. Зачем сюда попала? Я расскажу сейчас тебе, Анисимыч, по порядку. Ты сам все поймешь и рассудишь.

* * *

От нас с матерью отец ушел, когда мне пятнадцать было. Проснулись мы утром после встречи Нового года, а его нет. И вещей его нет. Отец у меня детдомовский был, так что мы его даже искать не знали где. Да мать особо и не рвалась на поиски. Видимо было ей известно что-то, чего от меня в секрете держали. Вот только переживала она очень, плакала ночами.

Летом того же года мы с ней в деревню, в ту, что за озерком, поехали. Там у нас дом от бабки остался. Как только у меня каникулы начались, мать отпуск на работе взяла. Мне в деревню ехать совсем не хотелось, у меня все друзья в городе были, но матери тогда я перечить не стал.

Не успели вещи разобрать, как за мной местные мальчишки пришли, купаться позвали. Я согласился. Там, на озере, стал меня Мякиш — Колька Мякишев — «на слабо» брать. Это у них так новеньких в компанию «прописывали». Только и слышали от него — «а слабо?». Мне, понятно, слабаком показаться в их глазах вовсе не хотелось, да еще и понимал я, что мне со здешней публикой целое лето коротать. Повелся на их «конкурсы». Вот тогда и предложил заводила местный Молоток пойти бабке Нюте напакостить:

— Измажем ей забор дегтем,— изрек он со знанием дела.— Заодно ты, Серый (это они меня так сходу окрестили), себя покажешь.

— Нет,— я хотел отказаться,— день белый на дворе. Нас сразу засекут.

— Трусишь? — сплюнул Мякиш.— Да ты не дрейфь! Бабка Нюта на самом отшибе живет. Возле нее только дача столичных, вроде вас. Так что никто нас не увидит. А подстилке немецкой кровушку попортим.

— Почему ты ее так называешь? — поинтересовался я.

— Она в войну фашистам продалась. Ее даже с концлагеря выпустили за сотрудничество. Не веришь? Попробуй с ней поговори. Знаешь, как она по-ихнему шпарит! Противно! — Мякиш снова сплюнул в траву.

Что мне оставалось делать? Пошли всей честной компанией к околице. По дороге завернули в заброшенные мастерские, взяли там банку с дегтем. Остановились в кустах, напротив дома бабки Нюты. Юрец взял на себя роль разведчика, он по-деловому поглядел в бинокль, болтавшийся на голой шее, и произнес:

— Никого.

— Ступай,— Мякиш сунул мне в руки деготь и самодельный валик,— мажь возле калитки, и посмачнее.

Пригнувшись, на полусогнутых ногах я пересек тропинку и оказался рядом с калиткой. Трепеща от страха, стал густо мазать зеленый облупленный забор тягучим дегтем. И не заметил, как рядом со мной выросла дородная бабка и схватила меня за руку.

— Зря стараешься,— громко проговорила она. Я глядел на нее не моргая, не в силах даже пошевелиться. Она же, воспользовавшись моим молчанием, продолжи-

ла: — Я тут намедни голубую краску с райцентра привезла. В сенцах она у меня стоит. Давно забор покрасить хотела. У самой-то руки не доходят, а раз ты помочь хочешь...

Она ослабила свою мертвую хватку, и я уже хотел было дать стрекача. Но вдруг мой взгляд переместился на террасу соседнего дома. Там в яблоневой тени с книгой сидела девчонка. Она делала вид, что читала, а сама искоса поглядывала в нашу сторону.

— Голубой, так голубой...— пробормотал я.

Бабка перехватила мой взгляд, усмехнулась так, что еле заметная улыбка чуть тронула ее морщины под глазами и кивнула в знак согласия:

— Ну-ну... Пойдем в сенцы за краской и кистями.

Ух, и старался я в тот день. Красил забор медленно, равномерно нанося краску на высокий штакетник. Время от времени поглядывал на соседскую девчонку. Она хотела казаться совершенно равнодушной, но тоже с долей периодичности поглядывала в мою сторону. Потом, когда ей видимо надоело это унылое сидение на террасе, она поднялась, громко захлопнула книгу и скрылась за легкой тюлевой занавеской.

В это время до меня долетел голос бабки Нюты:

— Ох, ладно как у тебя получается! Уважил старушку. Но сегодня пора заканчивать. Краску я заберу, а ты кисточку в сенцы неси. Там бутыль с керосином стоит, рядом с ней банка пустая. Надо керосин в эту банку плеснуть и кисть в нем замочить, чтобы не засохла.

Я, отдуваясь, молча направился к ее дому. Сделал все, как она сказала. Остановился, ища глазами, где можно помыть руки. Так и не увидев нигде воды, хотел уже уйти, но передо мной снова внезапно выросла баба Нюта. Я даже вздрогнул от неожиданности ее появления. Она все поняла и рассмеялась:

— Прости, что пугаю. Полы в том году колхозный плотник добрые сделал, не скрипучие. И тапчонки,— она выпятила чуть вперед ногу в пушистом меховом тапке,— мягонькие в райцентре на распродаже прикупила. Вот и двигаюсь теперь бесшумно, как кошка. Тише разве только привидения перемещаются. Я вот маслица принесла и тряпицу чистую. Прежде чем руки помыть, их надо от краски очистить. Ты на пятна масло мажь пожирнее, а потом тряпицей снимай. Вмиг чистый будешь.

Не обманула. Через пару минут ни пятна краски на мне не было.

— Ну, я пойду, пожалуй,— как-то неуверенно проговорил я.

— Э, нет! — не согласилась она.— Я уже все к чаю собрала. Долг платежом красен. Так что не отказывайся.

В доме посредине стола стоял медный самовар. Рядом с ним две чашки на резных ножках. Меня очень поразила вся эта кухонная утварь. Живя в городе, я ни разу не видел воочию самовара, разве что на картинках.

— А самовар что, самый настоящий? — я не сдержал любопытства.

— А как же? Конечно, настоящий,— заулыбалась она.— Мне его прямо из Тулы привезли.

— И как он работает?

— Он? А он сам не работает. На него природа и люди работают. Я как задумала тебя чайком угостить, так самовар на пенек отнесла. Водицы в него залила колодезной чистенькой. Потом в топку углей забросила, разожгла. А поверх углей все в ход пошло: щепки, шишки. Как почувствовала, что вот-вот водица закипит, веточки вишни с листочками и травы пахучей добавила. Чай славный получился. Что я тебе рассказываю-то, пробовать пора, пока он горячий. Чай ведь горячим пить надо и неспешно. Слыхал, поди, пословицу: «Тот, кто знает жизнь, тот медленно пьет чай».

Она стала разливать по чашкам неимоверно пахучий чай «с дымком». Суетилась,

хлопотала так, как будто я был очень желанным и долгожданным гостем для нее. Все это вызывало у меня удивление.

— Ты сдобу бери, не стесняйся. И варенье погуще мажь, а хочешь вприкуску. Варенье малиновое, оно усталость снимает,— она взяла в руку булочку и уже хотела намазать ее для меня вареньем, но я нашел в себе силы отказаться.

— Нет, я сдобу не буду.

— Почему? — удивилась она.— Ты только попробуй. Она нынешняя. Это меня Танечка почтальонша угостила.

— Нельзя мне,— меня вдруг начала раздражать ее суета. Я произнес слово «нельзя» наверно слишком резко и громко, потому что заметил, что она как-то сжалась вся.

— Ну, раз нельзя, значит нельзя.

Мне в тот момент стало ее необъяснимо жалко. И эта жалость побудила меня признаться ей в том, в чем я не признавался никому и никогда.

— Больной я, ущербный,— она промолчала оттого, что не знала, что ответить на мое признание. Меня же словно прорвало.— Непереносимость у меня на яйцепродукты. Мне половину из того, что нормальные люди едят, есть нельзя. Чуть что — удушье наступает. Только мамка знает, что делать в таких случаях. И пухну я, если при мне, например, яйцо разбить. Глаза гноем заплывают. Больно... Такая вот у меня беда.

— Ну что ты милый,— бабка Нюта вздохнула,— это разве беда? Это так, неприятность. И молодец, что ты мне рассказал. Когда заглянешь ко мне в следующий раз, то я уже ученая буду. Но и сегодня я тебя с одним чаем не отпущу. Заначка у меня есть для такого случая.

Фроловна подошла к комоду, вытащила из верхнего ящика шоколадку «Аленка» и протянула ее мне.

— К чаю самое то.

Домой я вернулся в тот день, когда уже вечерело. Шкварчали на плите котлеты, а мать напевала что-то себе под нос. Услышав скрип половиц, обернулась, и я увидел ее раскрасневшееся лицо.

— Голодный, небось? Сейчас я тебя покормлю.

— Не суетись так мам, есть пока не хочется,— я помолчал немного, не зная, как ей рассказать о том, где я пропадал весь день, потом решился.— Ты прости меня, мам, что я на целый день тебя одну оставил. Знаю, что нехорошо получилось. Сказал тебе, что на озеро с пацанами пойду, а сам явился только к вечеру.

— Я знаю, где ты был и чем занимался, поэтому вовсе не сержусь на тебя. Запомни сынок: хорошими делами гордиться надо, а не оправдываться за них.

— А откуда ты знаешь? — удивился я.

— Ты когда из дома ушел, я в церковь пошла. А на обратном пути мимо дома Анны Фроловны проходила. Смотрю, ты забор красишь. Полюбовалась тобой, как у тебя хорошо получается, окликать не стала. Когда мужик делом занимается, ему мешать нельзя,— улыбнулась мать.

— А зачем ты в церковь ходила?

— Как зачем? Зачем люди вообще в церковь ходят? — она задумалась, потом продолжила.— Свечку поставить, за родных помолиться, колокольным звоном исцелиться... Ты когда-нибудь слышал, как звонят колокола? Это же чудо! Динь — первый подает голос робко так, несмело. Второй подхватывает — динь-дилинь. Третий вливается в их пение — динь-дон! А душа твоя, истерзанная злобой иль заботой, в это время замолкает, говор их впитывает. Обида, которая птицей пугливой мечется,

бьется, ни тебе, ни себе покоя не дает, покидает тебя. А колокола звонят и звонят. Они как наркоз для души, понимаешь? Я вот сегодня все плохое от себя отпустила, свечку за здравие отца твоего поставила. Пусть и у него все будет хорошо!

— А в городе ты никогда в церковь не ходила, мам?

— Ну, в городе я много чего не делала,— вздохнула мать.— А то, что ты Фроловне помогаешь — это ты молодец. Фроловна баба хорошая, рукастая, крепкая одним словом. Только жизнь ее лупит наотмашь, не дает продохнуть. Она хорохорится, болезни от себя гонит.

— А правда, что она в войну с немцами сотрудничала? Мне мальчишки рассказали.

— Да что ты,— рассмеялась мать,— кому такая ересь в голову пришла. Эх, злые стали люди, про других сочиняют небылицы и еще детей своих в них верить заставляют. Ты не верь, чушь все это. Фроловна от немцев пострадала больше, чем кто-либо другой. В концлагере она была, чудом, говорят, из него вырвалась, а вот сыночка своего сберечь не смогла. Так и живет с чувством огромной потери. Детей же терять больнее всего.

— Я завтра снова к бабе Нюте пойду,— сказал я,— надо забор докрасить.

— Конечно,— улыбнулась мать и потрепала меня по голове.

На следующий день я с утра отправился к Фроловне. Она меня естественно не ждала, поэтому с трудом скрыла свое удивление.

— А друзья-то твои над тобой не шибко смеяться будут? — поинтересовалась она.

— Может и позубоскалят,— пожал я плечами,— только какая разница? Забор-то надо докрасить.

— Так ведь я и сама в могах,— улыбнулась она.

— Я и не сомневаюсь в вашей работоспособности, баба Нюта, только мама говорит, что вам перетруждаться нельзя.

— Ой,— она всплеснула руками,— велика напруга — забор красить. Я вот три года назад антенну на крышу сама устанавливала. Вот когда намучилась. Я же высоты с детства боюсь, а тут крыша. Дом у меня, сам видишь, какой высоченный. Только делать мне ничего не оставалось. Глаза сощурила и пошла... пошла... Закрепить-то закрепила, так ведь эту рогатулину еще настроить надобно было, усики на ней покрутить. Вот наскакалась: на землю — в небеса.

— А почему сами-то?

— Дык, кому же я нужна-то? Председателя просила: «Дай человечка на пару часов, уважь старуху!». Пообещал. День ждала, второй, третий... Сколько же еще-то? А соседа просить, так он не просыхает. Еще чего доброго свалится с крыши, убьется. Зачем грех такой на себя брать? Так что, как ни крути, а самой проще было...

К полудню забор был покрашен. Фроловна снова заварила терпкого пахучего чая «с дымком». За столом уже не молчали, как накануне. Даже перешли на «ты». Я, наконец-то, осмелился спросить ее о самом сокровенном:

— Баба Нюта, а мальчишки говорят, что ты немецкий язык хорошо знаешь. Правда?

— Правда,— кивнула она,— а как же мне его не знать, я же до войны в институте на переводчицу училась. Знание немецкого — это моя основная специальность была. Раньше-то все больше к немецкому языку склонялись, это сейчас английский в моду вошел.

— А вот и неправда. Я тоже в пятом классе перед выбором стоял, выбрал немецкий язык. Уж больно мне нравилась фраза, которую отец любил вставлять к месту и не к месту — «майне кляйне поросенок ин дер штрассе побежал». Мне очень хотелось все это по-настоящему произнести, со знанием и пониманием,— я замолчал, и поинтересовался снова: — А потом что?

— У меня-то? — задумалась она.— Потом война началась. Муж на фронт ушел в самые первые дни. Никитка тогда еще махонький был. Потом мы с ним в концлагерь попали. Там меня этот самый «немецкий» и выручил. Я потихоньку разговоры охранников подслушивала, план побега вынашивала. Все у нас получилось тогда, вот только... Никитку своего я потеряла.

Мне было очень интересно слушать ее, но, видя, что она меняется в лице, я решил перевести разговор в другое русло:

— Ой, баба Нюта, я чего вспомнил-то, видел вчера у тебя в сенцах странные запчасти, и будто парус. Это что такое?

— Какой ты глазастый, Сережка,— рассмеялась она.— Это буер сынок мой хотел мастерить. Все мечтал его на озере опробовать. Да только потом забросил это занятие, невестке не нравилось.

— Так у тебя сын есть?

— Приемыш мой, Славик. После войны прибился ко мне сиротинушка, и я к нему прикипела. Хороший он, мамой меня всегда звал и зовет. А вот к слову, я тебе и приглашение сделаю.

— Какое приглашение? — поинтересовался я.

— Приходи в гости послезавтра. Ко мне Сонечка приедет, внучка моя. Я тебя с ней познакомлю. Сонечка у меня красавица, умница, глядишь, подружитесь. Я к ее приезду пшенничков напеку. Тебе понравится, поди такой вкуснотищи никогда в городе не пробовал. Я их по бабушкиному рецепту, в печи делаю.— Перемены в моем лице от упоминания про пшенники не ускользнули от Фроловны, и она подмигнула мне заговорщицки.— Я все помню про твою болячку, поэтому ничего не бойся. Придешь?

— Приду,— пообещал я.

Накануне знакомства с Сонечкой весь вечер пребывал в возбужденном состоянии. Ночью долго не мог заснуть. Воспоминания из далекого детства проплывали перед глазами.

...Бабушка ждет в гости мою двоюродную сестру, хлопочет на кухне и приговаривает:

— Вот скоро Любушка к нам доберется. Соскучилась, поди, по настоящей деревенской еде. Сейчас мы с тобой, Сереженька, картошечку потомим со шкварками, да пшенничков налепим. Пусть порадуется, душенька моя. Ты-то ждешь сестренку, Сережечка?

Киваю, соглашаюсь. А как не ждать? Любка, когда приезжает, то привозит с собой много подарков и, как говорит бабушка, «кузовок веселья». Я люблю Любку, а Любка любит меня, поэтому играет со мной часами.

— Ты иди в комнату пока, пострел. Не крутись под ногами.

Я иду в комнату, что находится за занавеской, наглухо прибитой гвоздями к притолоке. Достаю из картонной коробки свои игрушки, раскладываю их на полу. И тут все помещение начинает наполняться сладковатым запахом. Мое лицо начинает чесаться. Я неистово тру глаза, от этого становится еще хуже. Плачу. Размазываю слезы по щекам. Мне кажется, что еще мгновение, и я раздуюсь, превращусь в шарик. Я почти ничего не вижу, потому что глаза мои заплыли. И вдруг, сквозь собственный плач, я слышу голос мамы:

— Мама (это она бабушке), ну зачем ты так? Ты же знаешь, что в присутствии Сережки нельзя яичный дух пускать. Неужели тебе его не жалко? — она сует мне в рот горькую таблетку.

— Жалко, конечно,— оправдывается бабушка.— Я Сережку очень люблю. Но ведь и Любушку надо покормить. А мальцу рано или поздно все одно придется привыкать к непростой жизни. Его ведь специально никто жалеть не будет.

Таблетка начинает действовать, и я проваливаюсь в темноту...

Заснул только ближе к утру, когда удалось, наконец-таки, перебороть все страхи, связанные со словом «пшенники».

Дообеденная половина дня пролетела незаметно: помогал матери в огороде. Носил воду и все время удивлялся: как ей удалось за такой короткий срок так все преобразить? После обеда, ополоснувшись под самодельным душем, отправился в гости к Фроловне. Еще на улице услышал громкий девчачий щебет, доносившийся из открытого окна. «Сонечка уже приехала»,— отметил я про себя и почувствовал, что волнуюсь очень. Только успел переступить порог дома, как услышал возбужденный голос бабы Нюты:

— А вот Сережка пришел. Проходи скорее, а то мы тебя с Сонечкой заждались уже.

— Здрасти,— пробормотал я еле слышно, краснея под Сонечкиным пристальным взглядом.

Соня была очень симпатичная девочка: модная, ухоженная, городская — одним словом. Я хоть тоже был далеко не деревенским парнем, но выглядел иначе. Да и все девчонки из нашей компании в городе были Соньке не чета. Видимо, не обнаружив во мне ничего интересного, она вздохнула и принялась вилкой отколупывать золотистую корочку с шарика, лежащего на ее тарелке.

— А вот эти «желторотики» для тебя,— Фроловна поставила передо мной тарелку с пшенниками.— Я очень старалась!

— Спасибо, баба Нюта,— поблагодарил я.

Пили чай, ели пшенники. Скажу честно, что тогда вкуснее этих пшенников я вряд ли что-то пробовал еще. А может, мне просто так казалось. Ведь всегда пшенники были для меня чем-то очень страшным, больным и запретным. И вдруг... В общем, я был наверху блаженства. Разговор за столом, тем не менее, совсем не клеился. Тогда Фроловна предложила:

— Дорогие мои ребятушки, что-то устала ваша бабка. Может, я малеху полежу, а вы пока во дворе поболтаете. Да и без меня старой, вам молодым легче будет договориться. А я чуток покемарю. Послеобеденный сон старикам необходим.

И тут только я понял, почему Фроловна захотела прилечь. Всю ночь работала она, ожидая приезда внучки. В доме чистота идеальная: самовар начищен до блеска, на полах ни пылинки, занавески постираны. А главное — воздух. Он был настолько чист и пропитан ароматом сирени, что мне вдруг стало неимоверно стыдно за себя. Это ведь из-за меня, из-за моей треклятой болезни, Фроловна так тщательно выветривала и маскировала яичный дух. А потом еще для меня лепила эти вкуснючие пшенники по «специальному» рецепту.

— Конечно, отдыхай, баба Нюта! Ты за нас не беспокойся, мы сами себя развлечем! Правда, Сонь? — я первый раз обратился к ней напрямую.

— Да, бабулечка, ложись,— закивала она.

Вышли во двор, спрятались от солнца в беседке, увитой диким плющом. Пока я напряженно думал с чего начать разговор, Сонька заговорила первая.

— Чего к бабке моей прицепился, как клещ?

— Да не цеплялся я к ней.

— Ой ли? То-то я гляжу, она мне все уши прожужжала: Сереженька ей и заборчик покрасил, и чего-то там еще. И весь Сереженька такой разъэдакий... Сколько она тебе за эти твои «добрые дела» платит? Что молчишь, тимуровец?

— Не платит она мне вовсе. Да я и не думал о деньгах.

— А ты и не думай,— я видел, что она злится,— нет у нее денег. Она мне с каждой пенсии отстегивает, а остальные на рубашки своему покойничку спускает.

— Какому покойнику? — не понял я.

— Сыночку своему, Никитушке. Вину она свою перед ним чувствует, вот и ждет его до сих пор. А ты хочешь сказать, что не знал ничего? Или придуриваешься? В шкаф к ней загляни, там этих рубашек — пруд пруди. Только Никитушка ее уже сгнил давно. Лучше бы она эти деньги отцу с матерью отдала. А то они скоро горло другу перегрызут: одна хочет мебель новую, а другого на машине переклинило.

— Злая ты, Сонька. Зачем к бабке Нюте приехала?

— А ты не понял до сих пор? За деньгами своими приехала. Старуха же вчера пенсион получила.

— Уезжай,— тихо, но твердо сказал я.

— Ха, нашел дуру! — рассмеялась она, обнажив свои ровные белые зубы в некоем оскале.— Я только за порог, а ты побежишь бабке глаза раскрывать на то, какая у нее внученька плохая?

— Нет. Ничего не скажу. Совру что-нибудь.

— Клянешься?

— Клянусь,— пообещал я.

— Черт с тобой! Тем более что меня сегодня тут больше ничего не держит. Да и не поверит тебе моя сердобольная бабка. Я ей родная, а ты кто? Так, приблудный.

Она ушла, даже не сказав мне «пока» на прощанье. Я долго сидел в беседке, пока проснувшаяся Фроловна ни вышла на крыльцо.

— Сереженька, а где Сонечка?

— На остановку пошла, баба Нюта. Боялась, что на автобус опоздает.

— Аль обиделась на что?

— Нет, не придумывай. Просто сегодня у ее подружки день рождения. А Соня ей еще подарок не купила. Вот и поспешила в город. Я тоже, пожалуй, пойду. Матери помочь надо на огороде.

— Ступай, конечно, Сереженька. Ты ко мне заходи в любое время, я тебе всегда рада.

Я повернулся и пошел по тропинке, ведущей к калитке. Она стояла на пороге, глядела мне вслед. Не смог далеко уйти, вернулся с половины пути, подошел к ней, обнял за плечи и прошептал в ухо:

— Я про пшенники тебе ничего не сказал. Ты даже не представляешь, баба Нюта, какие они у тебя замечательные.

Оторвался от нее и убежал, не останавливаясь.

Так и прожили это лето. Трудились, отдыхали. Ходили кто в церковь, кто на речку. Я рассказал пацанам про настоящую бабу Нюту. Они сначала не верили мне, но потом отошли, отмякли. Они хоть и «суровые деревенские парни», но все же есть в них чувство справедливости. Мякиш даже новый фундамент помог бабе Нюте залить, когда обнаружили, что ее старый дал трещину.

По осени уехали в город, чтобы перезимовать в городской квартире и снова вернуться в деревню.

Следующим летом, как только слез с автобуса, занес в дом наши с матерью нехитрые пожитки, сразу же побежал поздороваться с Фроловной. Только вместо приветливой ее улыбки обнаружил дом с забитыми крест-накрест окнами. Потом мне рассказали местные, как сразу после нашего отъезда слегла баба Нюта, а по зиме померла. Я искал ее могилу долго. Почему Славик похоронил ее здесь, до сих пор для всех остается загадкой.

* * *

— Да,— вздохнул сторож,— вот тебе и «чужой человек». А относилась она к тебе, как к своему. А может, она в тебе сына своего покойного увидела.

— Так сын ее, Никитушка, живым оказался. Жил все это время в соседнем городе, пил да гулял. Про мать знал, но возвращаться к ней не собирался. Думал, что будет она его жизни учить, работать заставит. А ему нравилось шабашить время от времени, да разгульный образ жизни вести. Он объявился через полгода после смерти Фроловны. Дом они, говорят, делили с Сонькиной матерью так, что вся деревня слышала.

— Поделили?

— Нет. За Фроловной, когда она не вставала с постели, Татьяна почтальонка ходила. Прибирала у нее, кормила. Фроловна ей дом и подписала. Наследники на Татьяну в суд подали, мол, обжулила бабку. Только судья их иск отклонил. А сама Татьяна вскоре из деревни в город перебралась, замуж вышла. Так теперь оба дома с забитыми окнами и стоят: Танин и бабы Нюты.

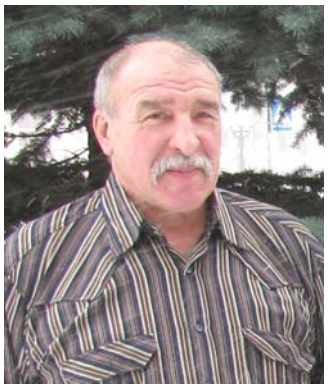
— Вот она — жизнь,— снова вздохнул сторож.

— Пойду я, Николай Анисимыч, а то на автобус опоздаю. Вы с Валентиной Ивановной Фроловну мою помяните,— Сергей достал из пакета сверток и положил его на стол.

— Помянем, сынок. Обязательно помянем.

Дождь набирал обороты. Сергей развернул над головой пустой пакет и припустил к остановке. Анисимыч вернулся в сторожку. Раскрыл сверток, извлек из него пахучий золотистый пшенник и зашептал: «Помяни, Господи, Боже наш, в вере и надежди живота вечнаго преставившуюся рабу Твою Анну...».

Василий Федосеев
(г. Саранск, Мордовия)



ПОЭМА ПРЕДГРОЗЬЯ*

Автор нескольких поэтических сборников: «Я еще буду в жизни», «Нас называли «камикадзе», «Русь зоревая», «Хлебозары», книга поэм «Земля за шеломенем». Произведения также публиковались в периодике, коллективных сборниках. Редактор-составитель антологии «Русская поэзия Мордовии» (2012 г.). Редактор-составитель альманахов писателей Мордовии «Ради жизни» (2005 г.), «Отчий дом» (2006 г.), «Корни» (2007, 2008 г.), «Память сильнее времени» (2015 г.).

7

Володимир вышел в блестящей кольчуге, опоясанный мечом. Он был сверстником Морго Тумо. С ними увязался и толмач, Лабордыця, полностью оправдывавший свое имя.

— Ты откуда наш язык знаешь, ялгай? — спросил Морго Тумо.

— Мил человек, жизнь всему научит. Бежал я из плена хазарского. Пристал к вашему племени на Рав. Долго жил, речи вашей выучился. После пристал к Киевскому князю. Который ходил на хазар да раскинул стан в междуречье Оки-реки да Волги. На стрелке. А после уж мимо шли Рязани. Устал, да к рязанцам пристал. Вот служу рязанскому князю Глебу. Это ты с ним разговаривал на крыльце у сына его Игоря. У того вотчина здесь. Большой здесь город?

— Большой,— подтвердил Морго Тумо.

— А в Рязани стены втрое, вчетверо больше. Стены неприступны.

— Ты не умолкнешь ли? — не вытерпел Володимир.— Дай-ка мне словцо вставить. Он оказался любопытным и смешливым. Его прямо потешали и речь, и одежда гостей.— Э, на твоей невесте кика какова! — Он показал на головной убор Звездочки.— Прямо великая княгиня владимирская!

— Она дочь инязора и невеста сына инязора! — гордо ответил Дубовый Сук.

— Как, ты говоришь, прозывают народ твой? Мордэ и ава? Мордава, значит? Мордава? — все потешался и потешался он.— Не сердись. Я не со зла.

Он их провел мимо храма.

— Здесь мы, русские, своему богу молимся... Зайдем?

Вошли внутрь. Темные стены, лики на стенах. Свечи перед ликами. Да... Богу русскому живется лучше, чем Нишке-пазу на дубе. Но зато на дубе вольготно. Там не эти темные стены.

Колокол ударил в вышине. Раз, другой, третий. Мелодичные звоны и внутреннее

---

* Окончание; начало в № 2, 2019 «Приокских зорь».

убранство храма все более и более очаровывали. А стены и особенно купол над головой уже не давили, а, казалось, тянули ввысь, приподнимали. Окрыляли будто. Не поддаваясь, Морго Тумо поспешил вон из храма.

— Что, у вас нет таких храмов? — спросил на выходе Володимир, осеняя себя каким-то своим знаком. Крестом, похоже.

— Нет пока. Нишке-паз на огромном дереве Мастор-авы живет посреди земли. Мой покровитель, дуб, возрос от того дерева.

— Вот как! — опять засмеялся Володимир.— Интересно! А мой покровитель и пращур — Владимирский князь Всеволод, а его предок — варяг Рюрик. А наш общий покровитель — Иисус Христос. Самый сильный бог. Бог над всеми. И над вашим Нишке-пазом тоже.

«Может ли такое быть? — недоверчиво прислушивался к нему Морго Тумо.— Надо к дубу священному идти, там спросить и ждать ответа...».

Они прошли все вместе затухающим майданом. Задержались у лоточника с бусами.

Морго Тумо осенило.

— Как добыть такое ожерелье?

— Купи, мил человек,— поспешил с советами Лабордыца.— Белка или монетка.

У тебя есть монетка, которую тебе князь дал.

Морго Тумо показал монетку.

— Он за эту монетку тебе весь лоток отдаст,— засмеялся Володимир.— Выбирай своей княгине.

Звездочка сама выбрала себе монисто. Среди ее украшений стекляшки бусинок засветились, словно звездочки на темном небе. И сама Звездочка светилась.

Много ли надо женщине, чтобы она засветилась? Этих стекляшек?! Володимир и Морго Тумо переглянулись, поняли друг друга, засмеялись.

Морго Тумо купил еще бусы — матери, Ветке, и тоже был доволен. Глядя на него, и Володимир добро улыбался.

— Ну вот, и человек стал счастливее,— прочитал его мысли Лабордыця.

— Счастливее? Счастье — это что?

Счастье. Действительно. Что есть счастье? Доброе расположение духа? Может быть. А мужское счастье — в чем оно?

На оставшееся Морго Тумо две горсти соли купил. Пополнил мешочек свой.

— Хочешь мы с тобой будем друзьями? — предложил Володимир.

— Да. Хочу.

— А хочешь побратимами? Чтоб все общее. И беда, и горе. И радость. Чтоб твои враги стали моими врагами, а мои твоими? Чтобы всегда спешили на помощь друг другу, как отцы наши?..

— Да, хочу.

Вытянули навстречу друг другу руки, проткнули княжеским ножом большие пальцы себе, прижались кровью друг ко другу. Побратимы отныне и до века.

Что-то вам судьба приготовила, побратимы?

8

Перестал Нишке-паз покровительствовать народу Морго Тумо. Перестал помогать, советы давать. Или просто люди перестали его понимать после гибели Дубового Кряжа? Дубовый Кряж понимал. Забирался на священный дуб, молящиеся у подножья передавали просьбы к великому божеству, просили совета и пророчеств. Дубо-

вый Кряж передавал это Нишке-пазу. Нишке-паз отвечал. Это взаимопроникновение, общение с Богом требовало особого состояния человека-проводника, требовало огромных сил. Дубовый Кряж спускался с дерева похудевшим и обессиленным, не стоял на ногах, падал. Дерево как будто вбирало в себя его силы, высасывало соки из человека. Люди понимали это и беспрекословно шли за Дубовым Кряжем, избранником Нишке-паза.

Но когда никого не было рядом, священное дерево ли, или дух Нишке-паза отдавали свои силы и соки человеку, находящемуся в кроне. Люди это тоже знали, и, когда Дубовый Кряж шел к дереву один и просил, чтобы его не сопровождали и не беспокоили, его не беспокоили. Знали, полученное от дерева Дубовый Кряж вернет народу своему.

Но после гибели инязора некому стало общаться со священным деревом. Никто не мог разобрать советов Нишке-паза. Дождя не было давно. Дождь нужен. Как упросить Нишке-паза, чтобы дождя дал? Молились, просили, но кто мог сказать: понял Нишке-паз, не понял? Поможет, нет ли?

Свирепый Бык недавно влез с помощью своих прихлебателей на дуб священный. Пытался пророчествовать с дерева. Ссылался на благосклонность Нишке-паза. Но обещанный им дождь так и не выпал.

Среди жителей Ошпанды все упорнее ходили слухи, что Свирепый Бык не в чести у Нишке-паза, зато сын Дубового Кряжа, юный Морго Тумо, беседует со священным дубом, с теми, кто прячется в его кроне.

Пришли люди к Морго Тумо.

— Вай, Морго Тумо, не передашь ли Нишке-пазу, что он забыл дочку свою Ведьаву послать с водой на землю, чтобы помогла Мода-аве* полить землю. Засуха сушит посевы, мы останемся без хлеба.

— Вай, Морго Тумо, иди. Если тебя послушает Нишке-паз и будет говорить с тобой, быть тебе инязором заместо Быка Свирепого.

Просили и пришедшие когда-то с Быком, и свои, старожители Ошпанды. Все равно теперь и без хлеба смерть, и от Быка смерть. К тому же булгары ушли, а недавно исчез из городища и Свирепый Бык. Может, ушел дань собирать со своими дружинниками, может, за булгарами в Булгарию, может, отсиживается в дальнем веле** у одной из своих алуж***. Может, и у алуж. Ибо семью свою оставил Свирепый Бык в Ошпанде.

Появились в городище, пользуясь случаем, Кривой Глаз с Сипатым Прончатом.

— Айда к Священному дереву, Морго Тумо. Ты с ним часто разговариваешь, мы знаем. Поговори с ним о нас. Передай поклоны наши, наши просьбы. Забыл Нишке-паз про нас, напомни.

И пошел Морго Тумо к дубу священному. И пошли за ним, неся с собой подарки для Нишке-паза, жители Ошпанды, и свои, и пришлые. И мужчины, и женщины. Чачома Тешкс и Баяга выделялись. Какие стали! Словно две яблони весной зацвели.

И при всех взлетел Морго Тумо по стволу до первой ветви, даже слеги не понадобилось. Люди ахнули. И сказал сверху им:

— Замолчите внизу. Чтобы не слышал вас прежде времени Нишке-паз.

Прижался наверху к самому толстому суку. Шумели сурово листья, как звенья кольчуги, терлись друг о друга ветви, как плечи воинов, идущих на битву.

— Война будет скоро.

— Как скоро? — простонали внизу.

---

* *Мода-ава* — богиня поля.

** *Веле* — село.

*** *Алуж* — возлюбленная, любовница.

— Осенью, как урожай уберем.

Вздох-стон послышался снизу.

— Хороший ли урожай будет? — снизу...

— Хороший урожай будет,— сверху, словно эхо...

— Дождь будет завтра? Послезавтра? — снизу...

— Завтра-послезавтра... — сверху.

Морго Тумо не помнил, как спустился с дуба. Внизу его поймали, поддержали, не дали упасть на корневища.

— С кем война, какая война?

Морго Тумо лишь головой потряхивал и тревожно улыбался.

— Э, парень, что-то ты пугаешь нас.

— Война как дождь,— качали головой другие.— Нет утром, нет днем, а тут в ночь и пролился...

— Значит, будет дождь, если он сказал, что сначала мы уберем урожай. Значит, будет урожай, а там уж война...

— Ничего больше не скажу,— Морго Тумо сам не свой был.— Устал...

На коня сел, впереди Родинка перед ним села. От Солнечной Звездочки или от дубовых веток, что касались и охаживали Морго Тумо по дороге, усталость прошла. Усталость прошла, тревога осталась. Весь другой день сам не свой был.

— Где дождь? Морго Тумо! — казалось, кричали ему все: и люди, и поля.

На третий день не выдержал, взял дубинку от волка Верьгиза, кинжал княжеский от медведя Овто и рано-рано перелез через дубовый частокол Ошпанды. Даже Родинке ничего не сказал. Родинке, которая, пока не было отца, не отходила от Морго Тумо ни днем, ни ночью... Нынче шептала жарко:

— Неужто Рузонь-паз не велит иметь двух жен? Тогда хочу русскую веру,— как вроде в шутку.

9

Нынешним утром не пала роса на травы, как в прежние засушливые дни. Лесное разнотравье оставалось колючим, как иголки, и вместе с сосновыми иголками хрустело, шелестело под босыми ногами. Даже в бору всегда вкусный и свежий хвойный запах глушился удушливо сухим воздухом зноя и недалекого пала. Значит, быть дождю. Это одновременно и радовало, и тревожило душу Дубового Сука. Так и бывает перед грозой. Тревожно и радостно.

Не зря два дни назад всем родом-племенем упрашивали могучего и строгого Чам-паза, чтобы его дочь Анге-патяй, вечно юная покровительница плодородия, помогла взрастить богатую пшеницу.

Упрашивали доброго и справедливого Нишке-паза, чтобы его брат Пурьгине-инязор, князь грома, разразился грозой. Чтобы Ведь-ава не пожалела воды для дождя... Не зря вечером хлебозары-зарницы вспыхивали в той стороне, откуда дождь приходит. И начинался порывистый ветер... Нагонит-нагонит дождь.

У молодого ноги подкованы ветром. Не успел оглянуться, ноги принесли Морго Тумо к огромному, в пять человеческих жизней по возрасту, а может, больше — кто считал? — развесистому дубу. В кроне этого великана вершину не увидишь. Там Нишке-паз. Или, может, дух его. Ведь не может Нишке-паз быть только в одном месте. У соседей тоже есть огромный дуб. И тоже уверяют, что там Нишке-паз. Старики даже спорили: как так? Нишке-паз один во многих местах? Не иначе, как работники его замещают. Чам-паз, например. Или он вместо себя дух свой посылает. Сколько дубов, столько духов. Разделился. Разве так можно? Но на то он и Нишке-паз. Он и землю сотворил, значит, он все может.

Но что такое? Вокруг священного дуба стена из воинов. Стена из русских дружинников. А возле самого дуба кто-то собирает дары, рвет с веток рушники холстинные и бросает в костер.

В черном. В таком одеянии Дубовый Сук видел человека в храме рузонь. Это служитель Рузонь-паз — русского бога. Тот самый поп-батюшка, как его называют русские. В черной, длинной до пят рубахе, на груди крест... Крест — это что-то незнамо-страшное. Это как тоже частичка их бога. С этим крестом, говорят, они не боятся Нишке-паза и его свиты. Но что же он делает? Зачем срывает с дуба и топчет, и бросает в костер дары и холстинные рушники, пожертвованные народом Дубового Сука Нишке-пазу. Зачем?! Так вот он, враг! Вот кого надо убить! За осквернение священного дуба. Дубовый Сук чуть не задохнулся от ярости. Не его ли Нишке-паз избрал орудием мести? Не он ли должен защитить от поругания свой священный дуб?!. Ведь и он — ветвь дуба.

Вот она — пора возмужания. Морго Тумо и не раздумывал больше. Он растолкал стену из крепких плеч воинов и бросился на осквернителя со своей дубинкой проучить нечестивца, защитить святое. Вот он взмахнул дубинкой своей, которую приготовил для волка, ударил. Вот ножом еще ткнул, но тут же от мощнейшего удара в голову и сам скувырнулся рядом с попом-батюшкой. Ни боли, ни света...

Очнулся. Кто-то плеснул ему в лицо водой из ковша.

— Чего с ним вожжаться? Приколоть да закинуть в овраг.

Дубовый Сук узнал русский говор, хотя мало чего понимал.

— Ты кто такой? — подошел к Суку плечистый, с курчавой бородкой воин в светлой кольчуге.— Ну, встань, встань. Сможешь стоять-то? Парень уж.

Дубовый Сук встал, поежился, качнулся.

— Будет ответ держать. Ты по-русски разумеешь ли?

— Здорово были,— вспомнилось Морго Тумо.

— Здоровее видали, да оплеух надавали,— усмехнулся в светлой кольчуге.— Эй, кто знает по-ихнему? Где давешний бортник?

Из-за спин воинов протиснулся Кривой Глаз.

— Этот из каких? Из ваших? — грозно продолжал вопрошать в светлой кольчуге. Инязор, видно, русский.

— Морденс мон* и сонь**,— с достоинством поклонился Кривой Глаз.

— Ты не мон-сонь, а говори по-русски. Из чьих вы с ним? Люди кто?

— Люди? Ломань.

— Ну вот, ломани. Пошто хотели отца Нестора убить? Отвечайте по чести, ибо суд мой, а на кону ваши жизни. Особливо этого молодца.

— За что ты хотел убить ихнего молебщика? — тихо спросил Кривой Глаз Морго Тумо.

— Громче! — возвысил голос русский инязор.

— Он разорял наш дуб священный,— хмуро промычал Морго Тумо.— Он враг, а ты врагу служишь?

Кривой Глаз переводил все.

— Он не враг. Он идет походом на булгар, что убили отца твоего.— И князю: — У него булгары отца убили. Отомстить хочет.

— Не с того начал. Пошто же на батюшку нашего напал?

— Так святыню же хотел тот порушить!

— Все ваши идолы — нехристи, нечистая сила. У нас тоже полно таких. Лешие да водяные, ведьмы да домовые. Небось, креста они христианского побоятся. Им

---

* *Мон* — я.

** *Сонь* — он.

всем дано несколько дней побеситься: на святки да на Ивана-купалу. А так все в преисподней.

Кривой Глаз переводил по своему разумению.

— Говорит, наши боги — слуги шайтана и все под землей. А на небе их бог Христос, а на земле, выходит, никого нет,— и руками развел.

— А Ведь-паз, что Родинку хотел утащить, и я еле-еле отбил? А Нишке-паз, который обещал дождь? — По листьям дуба зашумели первые капли дождя.— Видишь этот дождь? Нишке-паз обещал, слово держит.

10

Дождь уже хлестал по листьям и по лицам, костер погас. Из глазных впадин служителя русского бога вылетали светлые брызги.

В князе боролись два чувства: наказать, не раздумывая, убийцу и, не уронив достоинства княжеского, соблюсти закон. Что там по закону? Убить или взыскать виру. Кабы виру взыскать... А найдут ли они виру? Выкуп за убитого? Все же обратился к дружинникам:

— Убить или взыскать?

— Убить! — взревели окружающие воины.

Дождь вдруг смолк. Лишь звонко капли падали.

— Князь, князюшко! — послышалось вдруг с земли, где лежал поверженный священник.

Как бы ни было шумно и громогласно вокруг Морго Тумо, однако голос пастыря божьего был слышен, как и падение капель. Думали: все уже, мертв. Ан жив пока.

— Ну-ка, тихо все! — В светлой кольчуге опустился на колени перед лежащим, наклонился ниже.

— Отпусти его... — послышалось опять слабое.— Дитя неразумное, языческое. Не разумеет, что творит. Да я и сам виновен... — прерывисто, из последних сил говорил лежащий.— Надо с божьим словом, а я с гневом... Прости его... — и глаза смежил. Дух испустил.

Князь смутился. Окружавшие его воины так же смутились.

— По закону — убить! — Он обвел глазами своих воинов.— Или заставить выплатить выкуп. Виру. Кто поручится за человека, убившего нашего священнослужителя? Нет такого?

Дождь снова начался. Не такой сильный, а словно из сита: мелкий и затяжной, в самый раз для хлебов.

— Я, рузонь инязор! Я поручусь за своего инязора! — вышел вперед и поклонился Кривой Глаз.

— Поручишься, что он выплатит виру?

— Выплатит, рузонь инязор. Видишь, дождь какой? Мы соберем и выплатим виру. Коли дождь пошел, значит, люди поверят Морго Тумо и виру за него любую внесут.

— Не знаю, поверю ли я ему и тебе... Откуда у тебя этот нож? — обратился к Морго Тумо русский инязор. Он вертел в руках отнятый у Морго Тумо нож.

— Это нож моего отца.

— Нет, это нож моего отца. Видишь клеймо?

— Моему отцу давно дал русский инязор.

— Какой русский князь? Как его звали?

— Инязор Глеб.

— Мой отец,— раздельно произнес человек в светлой кольчуге,— дал твоему нож? За что?

— Они были друзья.

— Верно. У него был друг из ваших... Большой Дуб, что ли?.. Стой-стой... Покатум, что ли...

— Покш Тумо*,— помог Кривой Глаз.

— Мой отец — Дубовый Кряж! — гордо произнес Морго Тумо.

— Ну да, да! А зачем же ты набросился на русского попа? За это дерево? Это что, ваш оберег? Дуб? Родовое дерево?

— Да, заступник народа моего.

Рядом с допросчиком появился, словно из воздуха родился, еще один воин, похожий на первого, лишь борода только пробиваться стала. Он был в такой же светлой кольчуге, в шлем-шишаке, закрывающем забралом переносицу.

— Князь Роман! — возбужденно-радостно обратился он к допросчику.— На семь верст — никого. А за этой рощей — проселок. Там крепостные стены виднеются. Это то самое городище, о котором отец говорил.

Морго Тумо узнал побратима своего:

— Володимир! — И потянулся к нему.

— Ну-ну! Не дергайся! — сторожившийМорго Тумо русский воин наставил на него копье, кровяня подбородок.

— Городище? Это твое селение, молодчик? Он отца Нестора на тот свет отправил.— Князь протянул нож.— Узнаешь нож? Наше княжеское клеймо на нем. Говорит, батюшка наш ему подарил.

Володимир глянул на нож и глянул на пленника.

— Да это ж сын убитого побратима отцовского и мой побратим, Сук Дуба,— на русский лад назвал он Морго Тумо.— Ну-ка, отпусти его,— приказал он воину.

Тот вопросительно посмотрел на старшего.

— Ты не должен приказывать моим воинам,— осерчал вдруг князь Роман и начал при всех выговаривать младшему: — У моих воинов должен быть один воевода. Это я. Наш батюшка да набольший воевода владимирский, лишь те могут приказать моему воину. А тебе и твоим воинам я могу приказать, потому как я набольший над тобой. А ты моим воинам не указчик.

Володимир стушевался.

— Прости, брат.— Он смиренно склонил обнаженную голову.

— Так вот.— Старший брат был отходчив. Полуобнял младшего.— Начался поход. Чти чин.— Он глянул на пленника.— А этому или смерть, или пусть платит виру. Ты поручишься за него? Пока он виру раздобудет.

— Мы побратимы,— оживился вновь Володимир.— Он тоже сын княжеский, и я за него ручаюсь.

— Ну, добро. Оставляю тебе его, пленником. Заверни с воинами в мордаванское городище, взыщи виру. Заодно узнаешь, что и как там. Пригодится,— глаза его на миг подобрели, голос помягчел.— Стригунок!..

Он посмотрел на лежащего под дубом.

— А батюшку мы здесь и похороним, под сим дубом. Пусть две веры рядом будут.

Помирятся. Как мы сами часто с иноверцами миримся против иных ворогов.

Володимир дал Морго Тумо своего запасного коня. Нашелся конь и для Кривого Глаза. Никаких седел. И без седел крепко могли мужи Ошпанды обратать коня.

— Кстати подоспели вы, русские. Пришло время коней наших забрать из конюшен Свирепого Быка,— поделился с Володимиром Дубовый Сук мыслями своими.— От коней Дубового Кряжа у Свирепого Быка целый табун только одного приплода. Чей приплод?

---

* *Покш* — большой, *тумо* — дуб.

— Разберешься,— смеялся Володимир.— Ты князь. По закону своего народа.

— Князь,— стиснул зубы Морго Тумо.— Ни земли, ни коней. Все у Свирепого Быка.

— У меня тоже нет ни надела, ни вотчины. Победим булгар — будут и вотчины, и наделы.

Подъехали к стенам городища. Сторожа, узнав Морго Тумо, отомкнули ворота.

— Созовите всех к дому инязора Морго Тумо!

11

Три раза прозвучал давно забытый сигнал торамы*. Первый раз, услыхав тораму, жители не поняли, что это за звуки такие. Второй раз прозвучала торама. Вспомнили: сбор у крыльца инязора Дубового Кряжа. Третий раз пропела торама. Оставили домашние дела люди. Бросились к крыльцу нового инязора Морго Тумо. Знать, крепкая нужда пришла инязору, коль разбудил тораму и заставил ее звучать.

— Сородичи,— начал Морго Тумо,— я ваш инязор! Мне помогают русские люди, которые идут походом в Булгарию. Они отомстят и за нас булгарам. За наших павших. Я иду с ними. Молодые воины, товарищи мои! Я вас зову с собой. Отомстим за павших отцов! Кто хочет поквитаться с булгарами, я вас зову с собой. Отомстим за павших братьев наших! Айда на булгар!

— Айда! — откликнулись парни, товарищи инязора.— Мы с тобой, инязор!

— Айда! — откликнулись другие мужчины.— Мы с тобой, инязор!

— Мы с тобой, инязор! — откликнулись парни из другой ватаги, из ватаги Айгара.

— Мы с тобой! — Айгар и сам сказал.

— Сородичи! — продолжил Морго Тумо.— Возле нашего священного дуба я, обезумев от ярости, убил служителя русской веры. Я защищал нашу веру. Убийство человека, по законам предков, карается смертью убийцы. Если он не защищал свою жизнь. По законам рузонь, за убитого тобой человека можно заплатить выкуп. Виру.

Морго Тумо быстро освоился в новой своей ипостаси. Видно, сильно ему помогают живущие на священном дубе, здорово помогают ему его покровители.

— Сородичи! Я еще не ведаю своего табуна и своих полей, отнятых Свирепым Быком. Поэтому я прошу вас помочь мне, своему инязору. Вы вручаете мне свои жизни, идя со мной на бранное поле. Так не пожалейте мне частицы вашего добра, чтобы выплатить виру.— Он прерывисто вздохнул.— Если вы стоите за мной, если вы идете за мной, если вы думаете связать со мной жизнь нашего народа...

— Бери, инязор! Бери у нас, сколько надо! — загудела толпа.

— Бери бель** и ярмакт***!

— У кого нет ничего, бери самого!

— Бери наши жизни!

Люди побежали по домам, тут же начали возвращаться.

— На, считай, Кривой Глаз!

Кривой Глаз монеты собирал в шапку, беличьи шкурки в торок у седла рузонь князя.

— Хватит, хватит! — дивился происходящему русский княжеский сын Володимир.

— Бери на оружие Морго Тумо! Бери на седла! — неслось отовсюду.— У меня возьми!

---

* *Торама* — сигнальная труба древней мордвы.

** *Бель* (древн.-рус.) — белки, пушнина.

*** *Ярмакт* — деньги.

— Почему у меня не берешь? — обижались.

Родинка подошла. Сняла с груди недавно купленные ей на русском майдане бусы.

— Возьми, возлюбленный, возьми для своего похода.

Баяга подошла к сбираемой вире. Протянула монетку.

— Отец перед походом, где он погиб, оставил на нужду нам. Настала нужда. Возьми, инязор.

К вечеру дождь прекратился. К вечеру накрыли жители Ошпанды и ближайшей округи столы в честь богини дождя и воды Ведь-авы.

— Она тебя любит. И ты ее любишь? — недоверчиво и ревниво спрашивала у Морго Тумо Родинка.— Не променяешь меня на нее?

Морго Тумо лишь отрешенно улыбался.

Сидели за столами. Русский князь около Морго Тумо во главе столов. Рядом Айгар, предводитель второй ватаги. Рядом Кривой Глаз и Сиплый Прончат. Ветка рядом и Лисичуха. Родинка рядом и Баяга неподалеку. Понравилась очень Баяга русскому князю.

— Иди ко мне, красавица! Я буду любить тебя.

Обожгла Морго Тумо искрами глаз своих Баяга. Больше ни на кого не взглянула. Убежала. Попытался русский князь за ней погнаться, да после пуре* ноги не держат! Голова светлая, любить хочется всех, а ноги не держат.

Объявил Морго Тумо тут о том, что он берет в жены Родинку.

— Будешь ли ты, Родинка, верна своему мужу? Будешь ли любить его, рожать ему детей? — спрашивали старейшины.

— Буду,— светло отвечала Солнечная Звездочка. Любить буду, верной буду.— И шепнула своему возлюбленному: — Ребенок у меня бьется под сердцем. Твой ребенок.

— Возьми нож. Не вернусь, отдашь сыну,— протянул Родинке Морго Тумо нож русского инязора.

Поздно ночью уже, когда русского князя уложили в горнице, а Морго Тумо остался с Родинкой, та ему опять заявила:

— Хочу русскую веру. По русской вере, мужчина берет жену только один раз. Хочу, чтобы я у тебя была одна.

Утром в поход. Собрали коней бывших Дубового Кряжа, а после — Свирепого Быка, а теперь — коней нового инязора.

Все раздал Морго Тумо своим воинам. Кому-то не понравилось. Айгар нахмурился, промолчал...

С утра новая многотрудная жизнь.

Вместо послесловия

По дороге на Булгарию отстал Айгар со своей ватагою и братьями своими. Многих коней увели. Встретились сыновья с отцом. Пронеслись по земле Морго Тумо. Забирали ценное, топтали хлеба, колосившиеся стеной после дождей. Постояли возле закрытых Веткой и старейшинами ворот Ошпанды. Погрозились. Из-за Оки спешили на помощь мордавам предупрежденные накануне русские. Ушли люди Свирепого Быка туда, откуда пришли.

После того как объединенные русские князья и с ними Морго Тумо разбили булгар и взяли с них дань великую, пошли каждые по своим землям. Морго Тумо уговорил рязанцев помочь ему против Свирепого Быка. Отмечает после русский летописец: «...И поворотиша коней на мордву...».

---

* *Пуре* — хмельной медовый напиток.

Рязанские князья за помощь стребовали с Морго Тумо часть его земель вместе с городищем, прилегающих к Оке. Морго Тумо и его соплеменникам пришлось отступить в междуречье Суры и Мокши. Земля досталась побратиму Володимиру Глебовичу Рязанскому.

Всякое приходилось Морго Тумо: заключать союз с одним русским князем против другого. Ибо не прекращались на Руси междоусобицы. Заключал инязор союзы с хазарами против русских, с половцами против хазар.

И привез Морго Тумо из половецкой земли себе жену, княгиню кипчакскую. Для скрепления союза взял за себя дочь половецкого хана. Черноглазку. И привез Черноглазку в Ошпанду.

И нашли утром Черноглазку с ножом в груди, с ножом, подаренным когда-то русским князем отцу Морго Тумо, Дубовому Кряжу.

— За что ты убила Черноглазку? — горестно спросил Морго Тумо свою Родинку, свою Солнечную Звездочку, свою Чачома Тешкс.

— Я одна хочу тебя любить, я ни с кем не хочу делить тебя,— отвечала Родинка.— Мы с тобой повенчаемся в русском храме, и ты будешь любить лишь одну меня!

— Нет, горе мое ты, а не радость! Не звездочка уж, а ночная темнота. По закону русскому, за беспричинное убийство — или смерть, или большой выкуп, вира. По закону наших предков, убийство беспричинное карается смертью.

— Так ты не думаешь выкупить меня?! — изумилась Родинка.

Ушел Морго Тумо в лес. К дубу — покровителю народа своего. Прижался в кроне к стволу. Стал думать Морго Тумо: можно ли закон подмять под себя? Скажут друзья-соседи: у них закона нет. Как с ними договариваться? Как с ними заключать союз, если у них порыв страсти сильнее закона?

Стал думать Морго Тумо: если не накажу свою жену, что скажут чужие? Кому-то можно преступить закон, а кому-то нет? Значит, и всем можно будет жить беззаконно.

— Я не нарушу закон моего народа,— сипло произнес Морго Тумо.— И не позволю,— возвысил он голос,— чтоб кто-то перечил моей воле.— И снова тихо: — Смерть за смерть.— И отдал свою Звездочку палачу. Осиротинил детей своих. Чиркнул палач ножом по горлу Родинки. Там, где у нее была солнечная звездочка. Опрокинулась Родинка. Упал на кровавую грудь Родинки Морго Тумо.

— Что я натворил?! — воскликнул в горе непомерном.

...Похоронил он ее в священной роще под священным дубом, рядом с могилой русского божьего служителя. Она мечтала о русской вере.

— Пургазь верь алуж,— стал называть своего инязора народ его.— Обрызганный кровью возлюбленной...

А скромная Баяга дождалась своего праздника. Она была хорошей матерью для всех детей Пургаса.

«Пургаз», «Пургасова волость», «Пургасова Русь» — осталось об этом времени в русских летописях. Во время татаро-монгольского нашествия, во время грозы великой Пургаз выступил на стороне рязанских князей.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Анатолий Аврутин
(г. Минск, Белоруссия)

НОВЫЕ СТИХИ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

* * *

Эти мутные стены,
Эта прозелень вен...
Ты так любишь катрены —
Боль упрячу в катрен.

Это я своевольно
Надломил твою стать.
Как шагается больно,
Как же больно дышать!

Бьются звонкие блюдца
Среди хмурого дня...
Но руки не коснуться —
Это выше меня.

Нет, родная... Не надо
Бесконечной тоски!
От напрасного взгляда
Цепенеют виски.

Пусть проносится лето,
Август — благословен.
Если спросят: «Что это?..»,
Ты ответишь: «Катрен...»

* * *

Холодает... Простуда... Нет на тропке следа...
Я пришел ниоткуда и уйду в никуда.

Эти черные клены... Эта ржавая рожь...
Голос, в мгле растворенный: «А когда ты уйдешь?..»

Будут сыпаться листья с обнищавших рябин,
Будет слышаться лисье: «Уходи не один...»

Все расписаны роли... Отражаясь от стен,
Будет музыкой боли задыхаться Шопен.

Хватит горького взгляда... Пустота впереди.
Нет, родная, не надо — близко не подходи.

В честь Бориса и Глеба развернется Псалтирь,
Затуманит полнеба осиянная ширь.

Да юродивый некий разболтает вдали,
Что на мертвые веки пятаков не нашли.

* * *

Нет, не старейте, русские поэты,
Не оставляйте нас средь суеты.
Иначе как окажутся воспеты
Больной Отчизны смутные черты?

Иначе как несчастный человечек
Без вас поймет — где истина, где ложь?
Сегодня столько стало Черных речек —
На каждую поэта не найдешь...

В больной стране больные интересы,
Прошел поэт — все целятся в него.
Доселе многим жаждется в Дантесы,
Спасать же словом — нету никого.

Так не старейте... Мучайтесь... Живите,
Пока вам мудрость высшая видна.
Вы нас еще прозреньем удивите,
А следом — вдруг! — прозреет и страна.

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Русский поэт. Наш постоянный автор. Член Союза писателей России с 1994 года. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова

АПРЕЛЬ — 2019 г.

Порок возлюбя, позабыли
Господнее к нам: «Аз воздам».
Пылает церквушка в глубинке,
В Париже горит Нотр-Дам.
Библейским спасенные Ноем,
Грешно, как и прежде, живем.
Вчера затопило водою,
А завтра — накроет огнем...

МОСКВА — 2019 г.

Жаль, что не сестры,
Жаль, что не братья
В столице — со всех сторон.
Хорошую книгу
Куплю на Арбате.
Слегка потолкаюсь в метро.
Можно жить
и без высшей идеи.
Но чужая
нам эта стезя.
Ведь в Советском Союзе светлее
У Москвы
были наши глаза...

* * *

Раньше или позже
Волны Леты
Их уносят,
Словно лес сплавной.

К славе пробиваются поэты —
Кто поэмой,
Кто строкой одной.
Остается песней недопетой
Их судьба,
 где времени в обрез,
Нет больших
 и маленьких поэтов —
Есть поэты с небом
 или без...

* * *

Россия — не бык, не Юпитер.
Святынь православных венец
Ей нужен не просто лидер,
Ей нужен лидер-отец.
На здешних врагов и внешних
Поднимет меч-кладенец
Не менеджер многоуспешный,
А верный стране отец.
И будет достоин присяги,
Если его потом
Министры и работяги
В душе назовут отцом.

Николай Еремин
(г. Красноярск)

ЦИКЛ СТИХОТВОРЕНИЙ

Николай Николаевич Еремин родился в городе Свободном Амурской области. Окончил медицинский институт в Красноярске и Литературный институт им. А. М. Горького. Член СП СССР с 1981 г., Союза российских писателей с 1991 г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека».

* * *

Читатель мой!
Ни пуле, ни игле
Не позволяй войти в тебя случайно...
Ни скальпелю...
Ни Ведьме на метле...
Ни Черту в камуфляже — специально...
Нет!
Только лишь — Божественному зову,
Душевному
Спасительному слову...

СОНЕТ

Младенец и старик,
Вникал я понемногу,
И понял в некий миг,
Что в прозе мало проку...
На Севере — хорей
Царит... На Юге — ямб...
То гений, то злодей,
То господин, то раб...
На Западе — верлибр...
А на Востоке — хокку...
Язык равновелик
И Дьяволу, и Богу...
Поэзия — повсюду,
С ней мир подобен чуду...

СОНЕТ-РЕМИНИСЦЕНЦИЯ

Помню, здесь весенним садом,
В сердце — счастье до краев —
Мы всю ночь под звездопадом
Шли на пенье соловьев...

Нынче — звездам господин —
Я, увы, иду один...
По желанию судьбы
Хоть одна упала бы!

И над морем, и в горах —
Соловьиный Лунный свет...
Но тебя со мною — ах —
Нет... Семь бед — один ответ...

Полнолунье — вот те на!
А на сердце — тишина...

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ

«...не отдавай последнюю рубаху...»
Вера Чижевская

Я отдал ей последнюю рубаху —
И сочинил влюбленно-нежный стих...
И голову на грудь к ней,
Как на плаху,
Склонил — мечта плюс память,
Старый псих...

Настало утро вешнее,
Увы...
Она — в рубашке...
Я — без головы...

Олег Пантюхин
(г. Щекино)

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЭХО ВСЕЛЕННОЙ

Зажглись на небосводе звезды,
И спят уставшие планеты.
Как долгожданны стали весны,
Как стали трепетны рассветы.

И в тишине ночной звенящей
Так тонко, так неуловимо
Звучит мелодией манящей
Вселенной эхо, эхо мира...

* * *

Холодная весна,
Снега, дожди, ветра.
В зеркальных лужах лед,
Свинцовый небосвод.

Холодною весной
Согреемся с тобой
Теплом сердец своих,
Любовью на двоих.

Надежда Лисогорская
(г.Москва)

ЗЕМНОЕ БОГАТСТВО

Родилась и живет в городе Москве. В 1972 году окончила Московский институт нефтехимической и газовой промышленности им. Губкина. Более двадцати лет проработала геофизиком в Экспедиции № 1 Центрального геофизического треста. После ее ликвидации перешла на преподавательскую работу в Современную гуманитарную академию. Стихи пишет с детства. Печаталась в «Коломенском альманахе», журналах «Молодая гвардия», «Арина», «Белая скала». В 2018 году выпустила первый сборник стихов «Переживай, волнуйся и твори...». Член Союза писателей России.

* * *

Земля распахнулась навстречу весне,
Сиреневый май на пороге.
Березовой нежностью танец в окне —
Посмотришь — и сложатся строки.

В ложбинках снежок затаился... Но вот
Туманные дали ожили.
Под снегом незримая сила живет —
Зеленые травы России...

Весенняя ясень, небесная синь,
Прозрачность апрельского света...
Наш край оберегов, наш край берегинь
Так ждет многоцветного лета!

* * *

Да ты, конечно, все поймешь:
И этот дол... И этот дождь...
И эта мокрая скамья
Тебе расскажут — за меня...

Тепло — туманом за лесок,
Веселый желтенький цветок,
Осенних паутинок сеть,
И в дождь — желание согреть...

Но мокнут травы и кусты,
Грустят старинные мосты,
И лишь мелькает белизна
Статуйно — гипсового сна...

А там, среди пустых аллей,
Как будто в радуге дождей
Все чудится твой силуэт...
Бегу, бегу, бегу на свет...

ЗЕМНОЕ БОГАТСТВО

Совсем недавно провожали лето,
Грустили, что прощаемся с теплом.
И отгорали листьев самоцветы
В осеннем дне за городским окном.

И падал снег, стеной росли сугробы,
Не виделось конца пунктиру зим,
Но вновь апрель прокладывает тропы,
И ветер мая следует за ним.

И вот уже деревья, как атлеты —
Зеленым флагом машут на ветрах.
А взгляд мой ловит чудо первоцветов
С теплом опушки в нежных лепестках.

И листья, и цветы — «лазастый» праздник —
Светло и чисто поглядеть на мир!
А свежий воздух и дорога дразнят,
Зовут на волю выйти из квартир.

А там поля, пролески, косогоры...
Вдохнуть всей грудью запахи земли!
И вдруг застыть, увидев, что на взгорье
Сады невестой белой расцвели...

Открылись вдруг такие горизонты!
Ну кто сказал, что наша жизнь бедна?
Когда на свете есть...портрет Джоконды...
И каждый год приходит к нам весна...

* * *

Тепло приносит бабье лето.
Прозрачна неба синева.
С прощальным ласковым приветом
Зеленая спешит трава.

Чирикнет птица, каркнет ворон —
Откликнется осенний день,

И свежестью, и грустью полон,
Встречая солнечную звень.

И обнимать пойдет березы —
Их белоствольную красу,
Златую нить вплетая в косы
И солнца блик ловя в лесу.

И встрепенется на опушке
Последней бабочки крыло...
А по земле листы — полушки
Рассыплет дерева чело...

* * *

В безветрии танцует легкий снег,
Деревья наряжая к зимней сказке.
И хочется в зиме услышать смех,
И улыбнуться снежной синеглазке.

Как быстро санки катятся с горы,
Лыжня зовет: «Вставай скорей на лыжи!»
И полон склон окрестной детворы,
И мчится вниз бесстрашный горнолыжник.

А вечером — мерцают фонари,
Преображая зимние чертоги,
И в синий снег закутались дворы,
И выросли сугробы у дороги...

Увидишь свечи в дивном хрустале,
Ветвей застывших кружевную песню,
Костер снегов в морозном феврале,
И голубые блестки в поднебесье.

Теплеют окна, зажигая свет,
И сердце согревает чувство крова,
Где будет чай, и ужин, и обед,
И теплый взгляд, чтобы обнять родного...

Марина Ножнина
(г. Ангарск Иркутской области)

Родилась в Нижнеудинском районе в поселке Камышет Иркутской области. Окончила Иркутский педагогический государственный университет, Тулунский педагогический колледж. Сейчас работает в г. Ангарске в ДХШ 2 преподавателем живописи, рисунка, композиции.

* * *

Здравствуй, Апрель — конопатое счастье!
Солнечный день, озорная капель,
Полная чаша безудержной страсти,
Что ж ты так долго?
Здравствуй, Апрель!
Вечер напудрил румяные щеки,
Брови нахмурил ночной синевой,
Катится месяц желто — двурогий,
Шлейфом из звезд будоража покой.
Здравствуй, Апрель, я тебя не забыла —
Талый твой снег с ледяной бахромой,
Знаешь, Апрель, я тебя полюбила,
За долгожданную встречу с судьбой.
Тише, Апрель, и не молви ни слова,
Так и оставим с тобой все как есть,
Слышишь, Апрель, приходи ко мне снова,
Вспомним с тобою весеннюю лесть.
Только смотри, не заигрывай больше,
Я уж не та, что когда-то была,
Что же ты щуришься, губы наморщив,
Холод набросив на плечи тепла?
Здравствуй, Апрель — хулиган и задира,
Прячешь глаза за туманом небес,
Милый Апрель, я тебя не забыла,
Здравствуй, Апрель!
Я же знала — ты здесь!!

* * *

А в детстве потолки выше,
И стулья выше,
И окна больше,
И тянется кот на крыше,

Выгибая спину
И лапы делая тоньше.
Дорога дальше,
И хлеб вкуснее,
Когда на нем сахар посыпан,
И плакать еще умею,
И чаще болею гриппом
И мама старая —
Ей тридцать четыре,
А я ж такой никогда не буду,
Живу в своем придуманном мире,
В гномах и эльфах,
И верю в чудо.
И никогда замуж не выйду,
Певицей стану,
Или актрисой,
И долго держу обиду
На родителей, с мордой кислой.
А сейчас — работа,
Дом — работа,
Работа — дом,
Снова работа,
И день перегружен,
Дохну в кровати,
Как в шахте гном,
И обед готовлю,
И жду мужа.
Усталая...
И счастье переполняет,
Когда знаю, что нужна кому-то,
И сына во сне укрываю,
И снова, как в детстве,
Верю в чудо.

* * *

Рассыпал ветер запах полыни
По теплым лужам, словно зазря,
И снова разбухло небесное вымя,
И струями цедит дожди сентября.

Опять и опять, колею размывая,
Бросает в грязь листьев корявую медь,
Над долом холодным туман разметая,
Восходом зари просит землю согреть.

Струится река голубою дорожкой
В оранжево-желтых накрапах листвы,
И где-то на небе невидимой ложкой
Хлебает луна тишину синевы.

Бодрящего воздуха ветряный шепот
В лесу будоражит осиновый лист,

И снова по лужам разносится топот —
То дождь отбивает неистовый твист.

Опять и опять барабанит по крыше,
Смывая следы сентября на траву,
И запах полыни все глуше и тише
И день холоднее, и осень все ближе
Крадется так тихо, сродни колдовству.

«СНЕГ»

Плюет фонарь,
Зернистый снег в ноч*и*,
По переулку бродит сумрак сонный,
И на ветру то воет, то молчит
Тень проводов
В дрожании монотонном.

И я спешу на остановку дня,
Перебирают сапогами ноги,
Пушистый снег
Круж*и*т вокруг меня,
И падает неслышно вдоль дороги.

Съедает ночь у горизонта даль,
И выпускает месяц
Из-под шапки,
Холодный и взъерошенный февраль
Бросает снег в фонарные охапки.

Ну, а фонарь плюет его, плюет,
И растворяет в желтом отражении,
А снег идет,
А снег себе идет
И на земле томится без движения.

* * *

Конструкции предметов, линий тон
От света к тени плавно переходит,
Ложатся мои сны за горизонт,
И снова в голову заходят.

Я тело брошу в мятую постель,
Карандаши оставив у мольберта,
Не спит мой сон,
И снега канитель
Ночь сыплет из воздушного конверта.

И только томно бдят мои глаза,
Я сон и явь, вновь, призрачно тасую,
И воскресает утра полоса,
А я — рисую.

Светлана Супрунова
(г. Калининград)

Родилась в городе Львове Украинской ССР. Окончила Ленинградское медицинское училище, Калининградский госуниверситет, Литературный институт им. А. М. Горького. Работала медсестрой в районной больнице, в медсанбате в Афганистане, проходила воинскую службу в Таджикистане. В настоящее время возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета. Публиковалась во многих центральных, региональных и зарубежных изданиях. Автор пяти поэтических сборников. Член Союза писателей России. Живет в Калининграде.

ИСЧЕЗАЮЩИЕ ДЕРЕВНИ

Мы сегодня с тобой неуклюжи,
Под ногами сухая листва,
На пути то ухабы, то лужи,
До калитки по пояс трава.

И, пробравшись, калитку открою,
И поглажу сухие стволы...
Окна старые вровень с землею
И обшитые тесом углы.

С ощущеньем какой-то утраты
Я коснусь потемневшей резьбы,
Снеговик из бумаги и ваты
Встретит нас за порогом избы.

Над кроватью, такой старомодной,
В рамке простенькой чей-то портрет.
Три ступеньки к лежанке холодной
И пустой, нараспашку, буфет.

Люди добрые, дом умирает!
Мы, продрогшие, ищем ночлег.
...В тишине, где так рано светает,
Пять старух доживают свой век.

* * *

Справа речка, а слева опушка,
А грибов-то — под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка
Под холодным осенним дождем.

Скрипнет дверь, запоют половицы,
И ни певчих, ни благостных лиц,
На стенах из журнала страницы,
И святые глядят со страниц.

Я таких не видала окраин,
Позолота нигде не блеснет,
И в поношенной рясе хозяин
В одиночестве службу ведет.

Спозаранку молебен читает
За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а все отпевает
Поколенье глухих деревень.

Все едино — дожди, завируха
Эту древнюю дверь отопрет,
Приблудится, бывает, старуха,
И свечу, как на память, зажжет.

Столько света в приюте убогом,
Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом
Непутевая чья-то душа.

ШЕСТЬ СОТОК

Как будто отпустили беды,
В полях и небе мирный гул.
Он рано встал и в День Победы
Друзей ушедших помянул.

Летели годы, шли парады,
Опять то ливни, то пурга.
В шкафу солдатские награды,
В чужой земле — его нога.

И в доме не было излишка,
Но радость все-таки была:
Шесть соток — грядки и домишко,
И все дела, дела, дела...

Хозяйка рядом, помогала,
Потом Господь ее прибрал.

Земля цвела, земля дышала,
А он мотыжил и копал.

В рубахе белой, без пилотки
Ходил к колодцу в суховей.
Оборонял он эти сотки —
Кусочек Родины своей.

* * *

Я как будто в глубоком тылу,
Где ни брани, ни горя, ни грусти,
Здесь кадушка в прохладном углу,
И в кадушке соленые грузди.

Тихо так от росы до росы.
Вишня тонкая смотрит в окошко.
А за дверью с кукушкой часы
И до них половик, как дорожка.

Лишь трава да какой-то сорняк,
Не растет в огороде капуста,
Поглядеть — ни людей, ни собак,
На единственной улице пусто.

Разрослись на погосте кусты,
Пожелтевшие холмики низки.
О разлуке напомнят кресты
И о правде земной — обелиски.

То ли я забрела не туда,
То ли родина где-то за краем.
Крест упал и ржавеет звезда.
Неужели себя забываем?

* * *

Все где-то там, в какой-то стороне
Картавый шум и Спасские ворота.
Живые звезды в маленьком окне
Хранят меня от злобного кого-то.

А мне бы этот час приколдовать,
Когда душа не просится на паперть,
И нет обид, и некого прощать,
И под тарелкой праздничная скатерть.

Цветы сегодня ярче за окном,
Мой тихий дом как будто ближе к бору,
И шлепаю, укутавшись платком,
По длинному, как память, коридору.

Как много мне надарено с утра
И запахов и света за порогом,
Душа чиста — все вымели ветра,
И я осталась с Родиной и Богом.

* * *

Никому не скажу и уеду,
Ни друзей, ни любви не найдя,
И пойду с чемоданом по следу
Полоснувшего поле дождя.

Васильки не оставят в покое,
И ромашки надарят тепла.
Все живое, такое родное,
Так бы шла потихоньку и шла.

Будут рядом закаты, восходы,
Так душевно — один на один.
Приживусь на недели, на годы
Среди ягод и тонких осин.

Забредет сюда кто-то, возможно,
Помолчит, на места поглядит.
«Как там мир?» — расспрошу осторожно.
«Да куда ему деться, стоит!».

Так ответит — легко, равнодушно,
Потому и поверю ему.
Что желать? — ничего и не нужно,
Если сытно и тихо в дому.

Олег Мошников
(г. Петрозаводск, Карелия)

СТУПАЯ НАУГАД

Олег Эдуардович Мошников, родился в г. Петрозаводске. В 1988 г. закончил Свердловское высшее военное политическое танко-артиллерийское училище. Служил заместителем командира военно-строительной роты, в государственной противопожарной службе МВД и МЧС России по Республике Карелия. Работает в одной из пожарных организаций Карелии. Автор четырех сборников стихов и трех книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Петрозаводске.

* * *

Белый свет полыхнул на крыльях
Белых птиц! —
Серебром волна —
Клики зыбкие без усилья
Пьет озерная сторона.

Оттого
В чем сумел признаться —
Жил гордыней?
Жалел людей? —
Будет края судьбы держаться
Клик серебряных лебедей.

* * *

Пройдусь знакомыми местами:
Дворами, парками, мостами.
Три перекрестка. Две реки.
На горке — старенькая школа.
Сирень роняет лепестки
На маленький озерный город —
Петрозаводск...
Столичный лоск
Лишен здесь всяческих присутствий:
Ну, разве ж улицей французской
Да заводскою слободой
Пройтись — вдоль зарослей певучих,
Загубин с медленной водой...
Фасады зданий время лущит,
Стареет город — се ля ви...
Тем возмутельней, тем пуще —
Весна, сирени, соловьи!

КУРОЧКА, ПЕТУХ...

внучке Иларии

Дождалось привета
Курочкино лето!
Вдоль проселка — травы,
Наугад — шершавы,
А со слов ребенка:
Шелкова гребенка...

Прозеваешь вряд ли
Лебеду да мятлик.
Потянуть былинку
Крохе — не в новинку,
Показать воочию
Петушка да квочку.

Тычет в бок ребенок:
У меня — цыпленок...

ДВУОЗЕРО

Задержалось — в протоке узенькой —
Небо синею лентой за руку.
Дождь июльский прошелся музыкой,
Собирая из капель радугу.

С тростником сплелась лента-оберег,
Правит лодочкой зорька летняя:
Меж двойных озер — с неба на берег —
Льется музыка семицветная.

ВОСПИТАННИК ОРКЕСТРА

Робко ранние пташечки
Взяли ноты зари.
В кительке и фуражечке,
Распугав мартобри,

Паренек лет двенадцати
Поднимает трубу...
И зубами не клацайте,
Не кляните судьбу —

Рота только готовится —
В сновиденье своем —
Просыпаться и строиться
По сигналу «Подъем»,

А мальчишка аукает
Предрассветный оркестр —
Полон певчими звуками
За казармою лес —

Звонко трели сигнальные
Подпевают ему!
Всех поднимут дневальные...
И труба тут к чему?

А трубач не сдается,
И старается медь —
Встретить зябкое солнце
До подъема успеть.

УБОРКА СНЕГА

Сугроб навалив,
Заблажил с недосыпа:
Да, ну ее к черту!
Хошь завтра — расчет!

А ветер опять
Кубатуру рассыпал,
И пух херувимский
Витает, сечет...

На снежных вершинах
Качаются ветры.
Луна — на излете...
На варежках — лед.

Поэт настоящий,
Как физик секретный,
Отбросив лопату, —
К потомкам придет.

ЗАРУБКИ И ЛИНИИ

Моченые грузди поставив под гнет,
До сумерек сели чаевничать с батей,
А тот — исподволь — свою линию гнет:
«Дровишек, вестимо, на осень не хватит...»

Я тяпаю прямо, а батенька вкось —
По щелке невидимой — ладно и ясно:
Любую еловую чурку подбрось —
Топор сердцевину размажет, как масло!

Назавтра — мозоли горят у меня,
Забыты «тревоги», учения, стрельбы...
На линии рваной судьбы и огня
Подумать о главном, как батя, успеть бы,

Отцовский, простой вспоминая пример:
«Заходишь в светелку, вояка, пригнись-ка...
Вон — твой на дверном косяке ростомер!
А дальше расти невозможно без риска...»

Особых секретов отец не раскрыл.
Ушел... Как уходит вода из колодца.
Но я ту зарубку в дверях не забыл:
Подался — из армии — в часть, к огнеборцам.

Глаза застилала мне слезная муть
От лестничной гари, от печки угарной —
И был мой пожарный единственный путь —
От смерти — по линии жизни рукавной!
. . . . . .

Соленые грузди и хлеба ломоть:
В саду поработать по осени — вкусно! —
С запасом — поленницу дров наколоть...
Но прежде найти свою линию нужно.

ИЗВЕЧНЫЙ СПОР

Сдвинул строчкой глагол неделимый,
Слово к слову пришпилил хитро...
Осень, небо и путь журавлиный —
Все банально, бездарно, старо!

Написалось: вдоль космосоштрассе —
Пролетел над землей утюжок!
Натворил, заблажил, размечтался
И — костюмные брюки прожог...

И когда уже некуда деться —
Запрокинута ввысь голова:
Обрывается — с выстрелом в сердце —
Журавлиная тетива.

* * *

Первоснежные картинки...
По дороге к роднику
Поперечные тропинки
Зачернели на снегу.
Вязнут детские галошки.
Мокнут бурки стариков.
Жмутся робкие сапожки
К борту крепких башмаков.
След попутный, след обратный.
Круг, оставленный ведром.
Жизни промысел понятный,
И божественный притом.
. . . . . .

Тропку торную находим,
И, ступая наугад,
Мы приходим, мы уходим...
Как осенний снегопад.

София Максимычева
(г. Ярославль)

София Максимычева родилась и живет в Ярославле. Публикации на интернет-порталах, в альманахах и журналах. Дипломант литературного конкурса им. М. М. Пришвина «Хранители Природы». Финалист Всероссийского литературного конкурса к 200-летию И. С. Тургенева «Родине поклонитесь», финалист международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира»

ВЕРБНОЕ

Вербы да ивы, и прочие пальмы,
Господи Отче, чего же ты ждешь?
В путь собираешься — долгий и дальний,
только до сердца никак не дойдешь.

Или за каменной кладкой не слышно:
горлица бьется, поранив крыло!
Небо пунцовое, морок гречишный —
стало быть, горькое время пришло.

Тихо вздохнешь и по-птичьи акафист
скороговоркой прочтешь на бегу...
Нет, я не верю, что ты нас оставил,
словно чужих на весеннем снегу.

ВОТ И МНЕ

Вот и мне обижаться нет смысла
за огонь, за цыганство в крови.
Изгибается мост коромыслом
над рекой... Та хохочет:
«Плыви!»
Под чугунной оградой, быками,
под копытами строгих опор
волны в берег толкаются лбами,
расширяя воды кругозор.
Я смотрю на движение молча,
на упорный и тягостный труд.

С аппетитом отчаянно-волчьим
белогрудые чайки орут.
Тихий ход бесконечной рутины,
мельтешение ряби... Сейчас
все — от святости до чертовщины —
от души перемешано в нас.
Отрицание правды — мятежно,
а река все течет да течет...
Белый дым, голубая скворешня
и черемушный крупчатый мед.

ИСКАЖЕНИЕ ВРЕМЕНИ, ПОЛДЕНЬ

Искажение времени, полдень
в перспективе проспектов и луж.
Разухабистый скрежет щеколды,
чей массивный хребет груб и чужд
для изящного контура дверцы,
торопливого выхода в свет.
Выдыхается кольцами скерцо,
словно дым голубых сигарет.
А сейчас, через мост перегнувшись,
посмотри в отражение вод —
сонный карп в череде погремушек
в золотистых чешуйках плывет.
За подол белоснежного платья
ухватился молящийся шмель...
знаешь, мало назвать благодатью
цветоносный ядреный апрель!

ТАК ХОЧЕТСЯ

Распутывать нити не сложно,
труднее — связать на века.
Проверит подметки сапожник
и скажет: «Обувка крепка!»

Так хочется легкого в жизни:
походки, задач, ветерка.
Макушки зеленые сбрызнет
янтарный сироп.
Коротка
цепочка событий, ведущих
к словам, означающим боль.

Хвост рыжего солнца опущен
в озерный стакан.
Канифоль
на пальцах скрипачки застынет,
а мне бы послушать еще —

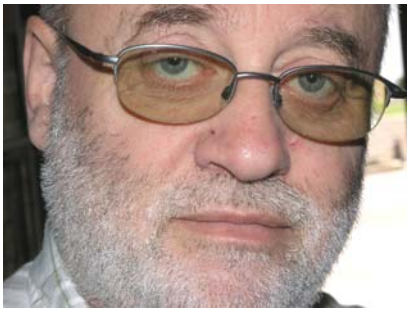
как шмель копошится в жасмине,
как голос небес превращен
в поющую птицу и дождик,
и в детский заливистый смех.

Так хочется вешать на гвоздик
твой плащ, не скрываясь от всех.

ЭТЮД

Совсем немного и создашь:
не мысль, но веру — лето вечно!
Штрихами полнился пейзаж;
замысловата оконечность,
где между делом запах плел
свои кофейные интриги.
Колени упирались в стол,
томились в очереди книги:
когда же их перелистав,
страничный угол замусолят...
Прекрасен осенью ландшафт
и кофе по-турецки с солью.

Дул ветер с юга на плечо,
дышал октябрь почти не ровно;
был день осенний заключен
в подрамник тихий подмосковный.
Фонарь кренился без нужды
на дальнем кряже остановок...
Но близко-близко от воды
кружило пясть листвы кленовой.



Марк Полыковский
(г. Ашдод, Израиль)

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

Поэт, переводчик. Окончил физико-математический факультет Петрозаводского университета, затем — институт патентоведения в Москве. Заведовал патентным отделом в Карельском филиале Академии наук. В 1991 году репатриировался в Израиль. Живет в городе Ашдоде. В 2009 году выпустил первый сборник стихов «Ашдодский дневник». Вслед за ним вышли в свет несколько сборников стихов и переводов с английского. Печатается в журналах Израиля и за границей. Литературный редактор издаваемого в Ашдоде журнала «Начало». Постоянный автор «Приокских зорь».

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СТАРИК
Анонимный автор

Жил да был один старик,
Жил, как все и каждый,
Кто от женщины рожден
Был на свет однажды.
Был когда-то, вам скажу,
Он совсем ребенок,
Но со временем подрос,
Повзрослел с пеленок.

Мяса требовал, когда
Голоден бывал он,
И проглатывал все то,
Что в рот попадало.
Если пить хотел, то жбан
Хоть какого пойла
Мигом весь в себя вливал
Прямо через горло.

Редко видел он во тьме
Непроглядной ночи,
Слух же даже в темноте
У него был волчий.
Говорят, что днем не спал,
Бодр был будьте-нате,
Но тотчас же засыпал
У себя в кровати.

Шевелил он языком,
Говоря словами,
Ноги двигал, если шел,
В такт махал руками.
Надорвете животы —
Если он шагает,
То одна нога вперед,
То — вперед другая.

Говорят, его лицо
Было очень странным,
Если он его не мыл,
То бывало грязным.
Усмехался — ряд зубов
Рисовался четко,
Рот — межою отделял
Нос от подбородка.

Надо речку перейти,
Но, не зная броду,
Этот малый никогда
Не совался в воду.
Ни за что не рисковал,
Не оставил сушу,
Не тонул, цепляясь за
Гибнующую душу.

Но однажды, говорят,
Вдруг почуял слабость
И, как хроники гласят,
Стала жизнь не в радость.
Несмотря на то, что слаб,
Тверд был в убежденье
И коварным докторам
Не платил ни пенни.

Смерть в конце концов пришла,
Если верить слухам,
От того, что, верь-не верь,
Испустил свой дух он.
Пусть покоится в земле
Тлен его угасший.
Жил бы на день дольше он,
Был бы на день старше.

ПУТИ И ЗАМЫСЛЫ
Льюис Кэрролл (1832 — 1898)

Я расскажу тебе сейчас,
Хоть я и не пиит,—
Ворота вижу как-то раз,

Старик на них сидит.
«Ты кто,— спросил я. — Кто ты есть?
Тебе ведь лет под сто?!»
Ответ его пролился весь
Водой сквозь решето.

Сказал он: «Видишь, там в лугах
Порхают мотыльки,
Их запекаю в пирогах,
Как средство от тоски.
Продам их тем, кого корабль
Уносит в океан,
И хватит мне — и то едва ль —
На хлеб и эля жбан».

Но размышлял я в те часы,
Как, опахало взяв,
Раскрашу зеленью усы
Кому-то из раззяв.
Почти забыв о мужике,
Я устремил взор ввысь,
Дал старцу палкой по башке
И крикнул: «Эй! Как жизнь?!»

Он, продолжая сказ, изрек:
«Я шел своим путем
И, встретив горный ручеек,
Записывал о том.
Крем для волос с тех давних лет
И стар и млад берут,
Я ж получил лишь горсть монет
За свой тяжелый труд.

Но я обдумывал с тоской,
Как выжить без еды,
И так, слоняясь день деньской,
Тучнел, как с лебеды.
И я поддал ему опять,
Наставя синяков.
«Как жизнь?! — пришлось мне вновь кричать.—
И кто ты есть таков?!»

И молвил он: «Брожу с ружьем,
Где вереск и где топь,
Где рыбий глаз горит огнем,
Презрев тоску и скорбь.
Я навожу последний штрих,
Украсив им камзол,
И тем кормлю девятерых,
Забывших разносол.

То отловлю в реке конфет,
То рачью западню,
А то среди холмов чуть свет
Хомут — я все ценю.
За это можно получить
Пять пенсов или шесть —
Мне хватит, чтобы день прожить
И выпить в вашу честь».

Я, деда слушая, решал
Задачу по плечу:
Чтоб ржавый мост как новый стал —
В вине прокипячу.
«Спасибо, дед,— сказал ему,—
Что ты на свете есть,
Что выпил, вопреки всему,
Жбан эля в мою честь».

И если приключится вдруг,
Что суну пальцы в клей,
И вместо брюк надев сюртук,
Стою, как дуралей,
А утром встал не с той ноги,
И мука душу жмет,—
Бегут, как по воде круги,
Воспоминаний огоньки,
Как дед, законам вопреки,
Вещал и прочищал мозги,
А я, не видевший ни зги,
Лишь различал его шаги,
И речи ровные стежки
Сшивали образов лубки,
И вновь, очнувшись от тоски,
Я видел, как он клал мазки,
Утюжа жизнь, как утюги,
И с дедом тем мы — не враги,
Хоть он не слез с ворот.

ПЕСНЯ БЕЗУМНОГО САДОВНИКА
(из романа «Сильви и Бруно»)
Льюис Кэрролл (1832 — 1898)

Он думал, это в дудку слон
Дудит из полутьмы;
Вновь пригляделся — и узрел
Посланье от жены.
Тут горечь жизни он познал
До самой глубины.

Он думал, бык с кольцом в носу
Уселся на камин;

Вновь пригляделся — и узрел:
Снохи внебрачный сын.
«Прочь! — он вскричал.— Не то примчит
К нам полицейский чин!»

Он думал, что гремучий змей
Вещает, будто грек;
Вновь пригляделся — и узрел
Лишь будущий четверг.
«Как сожалею, что он нем!» —
Задумчиво изрек.

Он думал, с омнибуса клерк
Слезает у ворот;
Вновь пригляделся — и узрел,
Что это бегемот.
«Вдруг у него сейчас обед —
Нам не перепадет!»

Он думал, кенгуру сидит
В кафе среди кастрюль;
Вновь пригляделся — и узрел
Там пригоршню пилюль.
«Когда б я съел их,— он сказал.—
Хворал бы весь июль!»

Он думал, видит экипаж,
Коней, отделки медь;
Вновь пригляделся — и узрел:
Без головы медведь.
«Бедняга,— он сказал.— Ему
Нужна скорее снедь!»

Он думал, это альбатрос
Над лампой бьет крылом;
Вновь пригляделся — и узрел
Конверт — видать, с письмом.
«Пора тебе домой,— сказал.—
Туманно за окном!»

Он думал, видит дверь с ключом,
За ней — цветов газон;
Вновь пригляделся — и узрел
Пропорции закон.
«Двойных пропорций тайный смысл
Мне ясен»,— молвил он.

Он думал, найден аргумент,
Что Папа Римский — он.
Вновь пригляделся — и узрел
Обмылочек с пятном.
«Надежды,— тихо прошептал, —
Растаяли, как сон».

ОДА НА СМЕРТЬ ЛЮБИМОЙ КОШЕЧКИ, УТОНУВШЕЙ В БАССЕЙНЕ С ЗОЛОТЫМИ РЫБКАМИ

Томас Грей (1716 — 1771)

Бассейна борт собой покрыли,
Раскрашены в китайском стиле,
Цветы — лазурью, как во сне.
Селима — шерсть тигровой масти —
Там прилегла умерить страсти.
Вода плескалась в глубине.

Дрожит от счастья умный хвостик;
Мордашка, снег усов, животик,
Нежнейших лап ее вельвет,
Смарагд блестит в зеленых глазках,
Смоль чутких ушек — даже в сказках
Мурлык таких не видел свет.

Вдруг чует — к ним прикован взгляд —
Две рыбки в толще вод скользят,
Два ангельских порфирных тела,
Омыты влажною струей,
Сверкают красной чешуей.—
При виде их оцепенела

Несчастная, усы торчком,
На лапах коготки крючком,
Желанья, страсти в ней пылают,
От напряжения дрожит.
Как дамам золото претит,
Так кошки рыбку отвергают.

Ах, Кошка! Нет бы ей покой!
Но выгнула хребет дугой —
(Злой рок готовил ей кончину,
Отметив запредельный срок) —
Вдруг поскользнулась, кувырок,
И — головой вперед в пучину.

Семь раз всплывая из глубин,
Спасти молила — ни один
Морской божок не отозвался,
Ни нереида, ни дельфин
И никакой простолюдин
Спешить на крики не пытался.

Красавицы! Неверный шаг
Вам может подсказать лешак —

Обратных нет дорог.
Не только золото блестит,
И искушение манит,
Лишь выйди за порог.

В ПАМЯТЬ О МАЙКЕ,
МУЗЕЙНОМ КОТЕ*,
умершем 15 января 1929 года
двадцати лет отроду
Фредерик Чарльз Уильям Хили*

Музей, где вечно свет неяркий,—
Там миновал порталы, арки,
Там ты вверял часы науке,
На травке — отдавался скуке.
Готов отдать я что угодно,
Чтоб ты бродил здесь принародно,
Но жребий положил предел —
Оплакиваю твой удел.
Да, ты безвременно почил,
Кот из котов — Мафусаил,
Ты завершал двадцатый год,
Когда прервался жизни ход.
Здесь, где царит ученый дух,
Майкл не был к знанью слеп и глух,
Он помнил: Аргус, вечный страж,
Все выстоял, как древний кряж.
Сумев хозяина дождаться
(Коту почти минуло двадцать!),
Вильнул хвостом, затих — и в смерти
Был всех достойнее на свете,
Ни разу псом не покалечен —
Почил, сим подвигом увенчан.
Сидит на солнце он и дремлет —
Величествен, как Сфинкс иль Сехмет,
И взор его не заискрится,
Мелькнет ли зверь, порхнет ли птица,
И даже голубь-езуит
Ни разу не был им убит,—
Лишь отгонял дурную птицу,
Блюдя незримую границу.
Чиновники ли, населенье —
Он всем выказывал презренье,
И если вдруг погладить шерсть

* Майк, один из самых знаменитых котов Британского музея, на протяжении 20 лет, с 1909-го по 1929-й дежурил у входа в музей. За это время он стал настоящей достопримечательностью и обзавелся массой поклонников. Известие о его смерти опечалило многих, в газетах были опубликованы некрологи, а один из хранителей музея даже написал стихотворение, посвященное «старому Майку», лучшему из котов.

** Ф.Ч.У. (Фредерик Чарльз Уильям) Хили — помощник хранителя в отделе печатных книг Британского Музея.

Решится Сфинксу кто ни есть,—
След острых Майковых когтей
Угомонит таких гостей.
И я рискнул лишь только раз
Его коснуться — и тотчас
Он укусил.— «Не будь ослом! —
Мне все твердили. — Поделом!»
Из всей людской толпы двоих
Он выделял — и лишь для них
Мог и мурлыкать, и урчать,
Лишь им давал себя ласкать:
Речь о хозяине, а также
Известном Сэре Эрнсте Бадже*.
Сэр Бадж, скажу вам, без сомнений,
Знаток египетских учений;
Кошачьих мумий пеленанья,
Их амулеты, заклинанья
Магически открыли дверцу
К свирепому котову сердцу.
И каждый день, почтя за честь,
Брал на руки кота Сэр Эрнст,
И в горечи последних дней
Кот друга не знавал верней.
Майк, ты ушел. Прощай! Скорбим.
Хоть был ты дик и нелюдим,
От всех котов — тебе почет.
Покойся в мире, лучший кот!

МАРШЕВАЯ ПЕСНЯ СКОТЧЕРОВ

Томас Стернс Элиот
(1888 — 1965)

Кого только нет средь собачьих племен:
Ирландцы, Валлийцы, Датчане,
Китайцы — носители странных имен,
Голландцы и даже Турчане;
Есть Шпицы с окрасом, как спелый лимон,
Свирепых пород Англичане.
Всем тем, кто проказливо вертит хвостом,
Скажу — даже Хинам отпетым:
Я — Скотчер-малютка, зовут меня Том,
И лучше вам помнить об этом.

Собаки изящно-изысканных форм,
Чванливые, тихого нрава,

* Сэр Эрнест Альфред Уоллис Бадж, английский востоковед и археолог, по окончании Кембриджского университета в 1883 году стал работать в Британском музее, в 1894 году был назначен главным хранителем отдела египетских и ассирийских древностей и занимал эту должность вплоть до 1924 года. В 1920 году за свои многочисленные заслуги Уоллис Бадж был удостоен рыцарского звания. Умер в Лондоне 23 ноября 1934.

Ленивые, слепо жующие корм,
Снующие слева и справа,
Крушители всех поведенческих норм —
Нагрянет вся эта орава;
Скандальным буянам, творящим содом,
Скажу — даже Хинам отпетым:
Я — Скотчер-малютка, зовут меня Том,
И лучше вам помнить об этом.

Немало неряшливых, грязных собак,
Капризных, болезненных, нежных,
Сердитых, ворчливых, тупых, как чурбак,
Медлительных и безмятежных.
Но знайте: зачинщиков драк, фордыбак,
При встречах со мною небрежных,
Запомню. Да будь вы последним котом! —
Скажу всем — и Хинам отпетым:
Я — Скотчер-малютка, зовут меня Том,
И лучше вам помнить об этом.

Нам Рим завещал свой девиз cave canem*,
С ним Скотчеры жили и живы.
Мы все разъясним, если в вечность не канем,
Что эти два слова не лживы.
Мы лаем и рыком внушать не устанем —
Всем, будь ты хоть дьявол паршивый!
Будь ты человек, пес, будь даже фантом,
Хоть чертом рогатым красуйся! —
Знай: Скотчер-малютка я, звать меня Том,
И ты В ЭТО ДЕЛО НЕ СУЙСЯ!

КОРОВЫ

Томас Стернс Элиот
(1888 — 1965)

Из тварей, расселенных Богом
В пределах Англии родной,
Я не терплю коров — в убогом
Непониманье. Ни одной!
Стою пред ней, как ангел чистый,
С трудом выдерживаю взгляд,
Скорее льдистый, чем лучистый,
Ее глазища — сущий ад.
Я галстук не ношу багровый,
С автобусом совсем несхож;
За что же пялить взор суровый —
Я бледен, а не краснорож.

* Cave canem (бойся собаки — лат.) — мозаичная надпись в Помпеях. Употребляется и как предостережение вообще.

С презреньем можете заметить:
В корове углядеть врага
Позорно. Я ж готов ответить,
Что слаб, а у нее — рога.
Всего же больше опасаюсь
Бродить с селянками в лугах
И слушать их рассказы, каюсь,
Из жизни телок, о быках.
С селянами коровы кротки,
Бегут, едва завидят кол,
Я ж вырос в городе, я робкий,
Не верю в этот ореол.
Не испугаюсь злого рога,
Когда один хожу в полях,
Напрасно телка смотрит строго —
Все помыслы потерпят крах.
Корова лучше — за забором,
Ну пусть хотя бы за плетнем;
Я не готов стать матадором,
Дам деру — все гори огнем!
А то укроюсь где повыше:
На дубе или же на крыше.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Николай Макаров
(г. Тула)

О МЕДИЦИНЕ... И НЕ ТОЛЬКО

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

В воздушно-десантных войсках врачи не только прыгают с парашютом, но и занимаются своими профессиональными обязанностями.

...Тесницкие лагеря. Полигон. Лето. Одна тысяча девятьсот семьдесят третий год. Только год моего офицерского и врачебного стажа. Теплые, июльские сумерки около медицинского пункта вдруг нарушаются — откуда? — цыганским гвалтом.

Выхожу. Стоит «копейка», рядом с ней, как саранча, вылезшие цыгане. Восемь человек. Из «копейки». Восемь мужиков, более чем средней упитанности. Девятый, пожилой цыган, полулежит, закатив глаза, на переднем пассажирском сидении.

Увидев меня в белом халате, гвалт разом обрывается и ко мне подходит один из них. Объясняет ситуацию. Едут они, дескать, из гостей домой, в Тулу. И отцу стало плохо. Умирает, мол, он.

В это время санинструктор Леша Филатов, старший сержант, под метр девяносто, с дневальным, уложив на носилки болезного, направляются в медпункт. Табор — за ними.

Естественно, не пускаю их. Ставлю диагноз. Оказываю первую помощь. Элементы реанимации. Другие профессиональные процедуры, необходимые при острой сердечной недостаточности. На все про все — несколько минут.

Цыганский вожачок (а может и барон?) жив-здоров. Лепечет что-то по-своему. Отходит от болевого шока. Постепенно «врубается» в обстановку. Делает телодвижения, пытаясь встать с носилок. Успокаиваю его. Предлагаю отвезти на своей «санитарке» в больницу.

— Нет! Нет! Все хорошо! Гуд! Камрад, спасибо! Дальше — мы сами.

Цыгане бережно поднимают его с носилок, усаживают в «копейку» на прежнее место. Сами (семь человек) внедряются (точнее не скажешь) на заднее сидение. Водитель подходит к нам, доставая огромный кошелек из крокодиловой кожи.

Я скромно отказываюсь от протянутых денег. Простите. Что вы? Клятва Гиппократа!.. И вообще, у нас медицина бесплатная... Лучшая в мире...

— Нет, доктор! Ты возьми деньги. Если не возьмешь — значит, плохо лечил нашего отца. Значит, не вылечил. За свой труд (во, философ — не за работу, а — за труд) каждый должен получать по заслугам.

Цыган, цыган, а развел... Слушай только.

Протягивает мне сторублевую купюру (мое денежное лейтенантское довольствие в ту пору равнялось ста двадцати рублям) и Алеше Филатову — пятьдесят рублей...

За добросовестно проделанный труд...

...Зимние квартиры. Место постоянной дислокации. Около Комсомольского парка. Июльская воскресная духота. Мое суточное дежурство по медицинскому пункту полка. Не отдыхает только ленивый. Тишина даже на территории воинской части.

Эту идиллию вскоре нарушает тарабарщина мужского и женского голосов на незнакомом языке. В медпункт врывается Васька Синицын, майор, начальник штаба батальона, стопроцентный цыган (за 25 лет службы я больше ни разу не встречал цыгана-офицера) с окровавленной девчушкой на руках. Врывается и его жена, цыганка. Окровавленная девчушка (почему-то тоже цыганка?) на руках — их семилетняя дочь.

Бледная. Ни кровиночки на смуглом личике. Кровь на руках и белом ситцевом платье. И ни одного слова, ни одного всхлипывания от нее. Абсолютно сухие глаза. Это не болевой шок. Это не потеря сознания. Это сознательно стиснутые зубы, чтобы не закричать, не заплакать от боли.

Пострадавшую (раненую?) — в перевязочную. (Родители, куда прете? Стойте за дверью). На перевязочный стол. Что там — у нее? Левая рука. Предплечье. От кисти вверх по внутренней стороне по направлению локтевой ямки четыре пятисантиметровые борозды распоротой кожи. Лоскуты кожи. Кровище.

Сухожилия. Мышцы. Вены. Артерии пульсируют. Слава Богу — ничего не задето. Кожа только порвана. Противостолбнячная сыворотка. Обработка раны. Тугая повязка. Зашивать раны не стал — ребенок. А я не детский хирург, не косметолог.

Так и объяснил отцу и матери, когда повезли их дочь на «санитарке» в больницу «Семашко». Там, во время наложения швов на эти раны (жуткие, страшные для ее семилетнего возраста) она опять не проронила ни словечка. Ни одна слезинка не упала из ее по-цыгански очаровательных, прекрасных глаз.

Только возвращаясь из больницы домой, она попросила отца:

— Не наказывай Мурзика!

Оказывается, в ее ранах был виноват домашний любимец, сиамский кот Мурзик, которого она вынесла на улицу поиграть с другими кошками. Когда собралась уносить его обратно домой, Мурзик всего один раз махнул лапой с острыми, как лезвие бритвы, когтями...

Через пару недель на Маринке все зажило, как... на цыганке. Маленькой, симпатичной цыганке...

...Это же душно-томное лето. Опять мое дежурство (Везет мне!). На этот раз субботний вечер. Время после солдатского ужина. Очумевшие от ужаса глаза полуголого солдата.

— Там... Девочка... Утонула...

Сумка неотложной помощи через плечо. С места, как на стометровку с низкого старта. Сзади — Лешка Филатов, санинструктор, мой земляк. Тоже «тамбовский волк», из соседнего села.

До озерца, прямо за территорией части,— рукой подать. Вон, белеет на берегу, комочек бесформенного тельца в окружении растерянной детворы и полдюжины солдат.

Не отдышавшись, с места «в карьер», кладу этот «комочек» (возможно еще живого тельца) животом себе на колено. Нажимаю на ее хрупкую спинку.

Ух! Пошла вода изо рта и носа. Жму еще. Еще пошла вода. Переворачиваю ее на спину. Кладу на кем-то подстеленную гимнастерку. Делаю искусственное дыхание. Изо рта в рот. Леша синхронно производит непрямой массаж сердца.

Минута. Другая. Без изменений. Включается «автопилот» — протягиваю руку. Санинструктор уже приготовил адреналин и шприц с длинной иглой.

Готово? Ну, с Богом! Делаю внутрисердечную инъекцию адреналина (до этого случая изучал эту манипуляцию только по учебникам). Филатов вместо меня продолжает делать искусственное дыхание.

Неужели — все? Неужели?..

Ура!!! Пульс есть. Маленький, нитевидный, еле заметный! Но есть! Сердце вновь забилось в грудной клетке. В ее маленькой клеточке. Она закашляла. Задышала самостоятельно. Процесс пошел...

В подъехавшую машину «Скорой помощи» мы передали живую девочку. Живую!.. К сожалению... не узнал ни ее адреса, ни как ее зовут...

...Без году неделя как перевелся служить в медсанбат. Бактериологом в СПЭВ (СПЭВ — санитарно-противоэпидемио — логический взвод, за время службы в котором название менялось раза три-четыре. Но не в этом суть).

Первое мое врачебное дежурство в медсанбате (сейчас имеет гордое название: «Аэромобильный госпиталь»). Пятница. Окончание рабочего дня. У офицеров и прапорщиков — физическая подготовка. Волейбол. Я сижу в приемном отделении (вначале этот случай хотел описать без кое-каких подробностей, но... истина дороже).

Итак.

Привозят больного солдата из саперного батальона. Болит живот (В моей голове сразу что-то щелкнуло: «прободная язва»). Укладываю на кушетку. Пальпирую живот. Больной орет. Сам живот — твердая «доска». Точно. Мысль, неизвестно откуда влетевшая в мою голову еще до осмотра солдата, оказалась пророческой. Прободная язва!

Иду в спортзал. Говорю хирургу — Валерке Пыхтунову — хирургу от Бога! (мой однокашник по Томску).

— Хорош играть! В приемной — «прободная»!

Игра в разгаре. Мяч мечется над сеткой. Азарт. Как бросить игру? Некогда!

— Смотри сам! Чему тебя учили?

Через десяток минут иду снова в спортзал. Теперь силой уволакиваю его из игры. С неохотой идет за мной. Мнет, щупает живот. Опять мнет. Больной в полудреме. Что странно — не орет. И живот, вроде, мягкий.

— Не сс..! Не паникуй! Ничего страшного. Простая кишечная колика. Под наблюдение дежурного врача. Под твое наблюдение. Больного — в палату.

После волейбола — баня. Пивцо. Винцо. Продолжение банкета. Если что — вызывай. Телефоны. Домашний. Еще — один. Еще — другой. Адрес. Еще — адрес. Еще — другой адрес. Водила знает. Если что, присылай машину.

Все уехали. Остался один. С дежурными медсестрами, с дежурным по части (прапорщик Цьока), с личным составом эвакороты (было такое подразделение в медсанбате — эвакуационная рота), с более полусотней больных (в хирургическом и терапевтическом отделениях). Так что, выходит, остался не один.

Делаю вечерний обход. Захожу в палату, где лежит мой «крестник». Он стонет.

Ощупываю живот. «Доска»! твердая, жесткая «доска»! А не мягкие мышцы живота. Консилиум (?) с дежурной медсестрой: надо срочно оперировать.

Двенадцатый час ночи. Посылаю дежурные машины. Одну — за Пыхтуневым. Другую — за операционной сестрой: Любой Дерябиной.

На первой машине приезжают двое: мой друг-приятель (с Валеркой еще в Томске забирал его сына с женой из роддома) и Володька Агапов, хирург-анестезиолог.

Идем к больному. Мой диагноз: «прободная язва». Их диагноз: «аппендицит». Кишечной колики, однозначно, нет. Все равно: на стол!

Агапов оперирует. Макаров ассистирует. Пыхтунов осуществляет общее руководство из ординаторской. С дивана, устав от «продолжения банкета» (это мое первое участие в подобной операции, не считая институтских тренировок на собачках. Хирургия — не моя стихия. Ничего тут не поделаешь. Но если Родина прикажет. Не зря же шесть лет учился чему-то в медицинском).

Мы в масках. Больной на столе. Операция началась. Новокаин. Разрезается кожа. Новокаин. Вновь разрез. Новокаин. Вскрывается брюшина. И... фонтан жидкости. Из этого разреза.

Перитонит!!! От прободной язвы!

Санитарка — за Пыхтуневым. Мы с Агаповыми и Дерябиной в напряжении, не зная, что предпринимать дальше.

Возвращается санитарка. Появляется Пыхтунов. Помятый. Небритый. Глаза мутные, красные. Маску держит рукой. Мельком глянув на больного, Агапову:

— К аппарату! — И вышел.

У меня на языке вертится вопрос: «Как он будет в таком состоянии оперировать?»

Через десяток минут он опять появляется в операционной. Он или не он? Собранный, напористый, жестокий, в любую секунду готовый броситься и разорвать в клочья, хищник.

Пахтунов оперирует. Макаров ассистирует. Агапов — общий наркоз. Операция началась. По поводу прободной язвы желудка.

Я никогда не видел, как настоящие Художники пишут свои картины. Создают Шедевры. Наверное, так же, как оперировал (надеюсь, и сейчас оперирует) Валерка Пыхтунов. Из восьмого десантного взвода Томского военмедфака.

Операция закончилась благополучно. Основные действующие лица: больной — в наркозном сне в послеоперационной палате; хирург с анестезиологом — в ординаторской пишут «оперу»; дежурный врач готовится к встрече командира батальона Белого Валерия Ивановича и начальника медицинской службы дивизии Щербина Владимира Ивановича.

Начинается новый рабочий день.

Приемный покой. Я докладываю о случившемся ночью Щербину (он самый большой медицинский начальник в дивизии). Белый стоит рядом. Рассказываю о ходе операции (только деловая часть, никаких лирических отступлений). И... не понимаю реакции начмеда.

— Как ты смел? Кто приказал? На каком основании? Почему? Бактериолог и оперировать? Его что ли нельзя было вызвать?

Я молча смотрю на Белого: что, дескать, за беспредельщина такая?

— С тобой еще разберемся! И накажем! По всей строгости! Чтобы неповадно! Другим! А где — эти? Негодяи!

Пытаюсь влезть в гневный монолог Щербина.

— Отдыхают после операции. Заслуженно.

Командир батальона, подполковник медицинской службы Белый Валерий Иванович, мой непосредственный начальник, командирским резким четким голосом подводит резюме:

— За проявленную смелость и решительность во время несения дежурства объявляю гвардии капитану медицинской службы Макарову Николаю Алексеевичу благодарность в приказе с награждением денежной премией!..

— Служу Советскому Союзу!..

...Очередные показные занятия. Прохождение штурмовой десантной полосы ротой разведки. На глазах у генералитета из Министерства обороны. На глазах у Рауля Кастро.

Все в огне. Все в дыму. Все стреляет. Все взрывается. Кусочки самбо. Кусочки каратэ. Кусочки рукопашного боя. Мельканье кулаков. Мелькание подкованных сапог. Мелькание штык-ножей. Мелькание саперных лопаток.

На последнем рубеже, около горящего полуразрушенного здания, перед глазами высокопоставленной публики (дым вдруг рассеялся), вместо того, чтобы откатиться влево (как на тренировках) один солдат откатывается вправо (забыл, наверное, в этом огненном азарте). Откатывается вправо и получает, со всего размаха, удар штык-ножом. В область сердца...

Крики?.. Нет, криков не было. Западло русскому десантнику кричать от боли, от какого-то там удара штык-ножичка. Тем более, на глазах у нашего лучшего братана-министра обороны Кубы.

Опять дым повалил в сторону зрителей, которые так и ничего не поняли. Мне в этой огненно-дымовой свистопляске приходится делать бойцу обезболивающее, накладывать тугую повязку на грудную клетку. На носилки пострадавшего и — в медсанбат.

Какие-то доли миллиметра отделяли сердце (был слегка задет перикард — оболочка сердца) от лезвия штык-ножа. Через месяц десантник поехал в отпуск...

...Похожий случай. Почти похожий.

Слякотная мартовская ночь. Ротные стрельбы из всего штатного оружия. Автоматы, ручные пулеметы, ручные гранатометы, противопехотные наступательные гранаты, пулеметы и пушки всех ротных БМД (БМД — боевая машина десанта): шквал огня в кромешной темноте. Свет только от трассеров; горящие фонарики на спинах командиров, да подсветка мишеней, габариты боевых машин.

Цепь солдат и БДМ растягивается по фронту почти на километр. Кто-то на пяток метров впереди, кто-то на эти же метры отстает. Днем-то трудно держать более-менее равнение при ротных стрельбах (хотя, идеальное равнение, в принципе, и не нужно), а что тогда говорить о ночных стрельбах. Когда практически не видно ни соседа слева, ни соседа справа. Какие-то только огоньки. То ли мишенная подсветка, то ли фонарик у кого на спине. Вальпургиева ночь, одним словом. Шабаш на Лысой горе. Так, ненароком, можно и попасть вместо мишени в кого-нибудь. Тьфу, тьфу, чур меня, нечистая.

Я еду сзади на «санитарке» (УАЗ-452-А), рядом с БТРД (БТРД — бронетранспортер десанта, похожий на БМД, только без башни и пушки). На котором находятся, кроме механика-водителя, руководитель стрельб и посредник из штаба дивизии. Мой первый комбат, подполковник Нестеров Виктор Васильевич (для ближайшего окружения и друзей — «Нестор Петрович»).

В какой-то момент, неуловимый миг (а можно ли этот миг уловить?) меня «накрывает» какая-то вязкая чернота весеннего уплотненного (можно даже потрогать) воздуха. В тревоге бьется сердце. Время останавливается.

Сейчас что-то произойдет. Что-то случится непоправимое. Нужно остановить эту огненную ночную свистопляску. Срочно прекратить стрельбу. Иначе — быть беде.

Перебираюсь на БТРД. Прошу Нестерова прекратить стрельбу. Он, естественно, посылает меня с моими ощущениями к батьке Махно. И...

Прямо перед нами в каких-то пяти шагах вправо от машины раздается вскрик... Звуки замирают. Все замирает. Мертвая тишина. И скулеж, невесть как появившийся в этом шквале огня, собаки.

С сумкой неотложной помощи бегу (перепрыгиваю эти метры с брони) на крик.

Не подводит меня, к сожалению, предчувствие. На прошлогодней мокрой жухлой траве лежит солдат. Лицом в землю. Освещаю фонариком. Да БТРД направляет фары. На спине еле заметная дырочка. Сходу ставлю диагноз.

Сквозное пулевое ранение в правую половину грудной клетки. Задето правое легкое. Пневмоторакс. Делаю обезболивающее. Тугую повязку на спину и грудь. Носилки. Матерю вокруг столпившихся. В том числе руководителя стрельбы — комбата Васю Поповича, и посредника со штаба дивизии — Нестерова, и командира полка — Сердечного.

Быстро в «санитарку». Медсанбат. Бригада хирургов на месте. Операция. Все обошлось благополучно. Несмотря на то, что пуля была от «Калаша-5,45», со смещенным центром тяжести.

Раненому повезло. Выстрел был произведен почти в упор (случайно, конечно же) и особых бед своим крутящимся-вертящимся моментом пуля не принесла. Как впоследствии выяснилось на следственном эксперименте: один солдат чуть-чуть опередил цепь «наступающих», другой солдат на чуть-чуть отстал от этой цепи. И никакой мистики... Или мистика?..

...Еще о невероятном ранении. И о невероятном везении. Случай анекдотичный: нарочно не придумаешь.

Лето 1982 года. Тесницкие лагеря. Железнодорожная станция «Тесницкое». Погрузка в эшелон тыловой группы Тульского десантного полка, отправляющейся в Гороховицкие лагеря. В район предстоящих учений. В район десантирования. У меня почетная миссия: назначен старшим медиком на эти полковые учения (всего год назад, как перешел служить в медсанбат — вышестоящую организацию) и также отбываю с этим эшелоном с другими офицерами дивизии.

Личный состав, не задействованный на погрузке, отдыхает, кто как может. Спят. Гоняют футбол. Курят. Слоняются туда-сюда без дела. Повара с ПХД (ПХД — пункт хозяйственного довольствия) кормят сухарями местного привязанного к дереву небольшого бычка. С острыми рогами.

Один дотошный повар дает этому бычку покурить. Зажженную сигарету. И то ли повар растерялся, то ли бычок не знал с какого конца надо брать сигарету, но получилось точно по чеховскому «Хамелеону». Горящий уголек «бычка» (здесь: «бычок» — остаток сигареты) попадает в ноздрю настоящему бычку.

Рев раненого на корриде зверя. Оборванная веревка. Резкое движение головой. С острыми рогами...

Рев раненого на корриде тореодора. Потоки крови. Руками зажатая мошонка.

В медсанбате, на операционном столе констатировали: повреждена только исключительно (!!!) кожа, кожный покров мошонки. Остальные очень и очень жизненно-важные органы под этой кожей не повреждены. И даже — не задеты.

Мистика?..

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

Наш постоянный автор. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«КАПКАНЫ» НА ЛИТЕРАТУРНОЙ ДОРОГЕ

Большинство современных писательских союзов в своих программных и уставных документах позиционируют себя как «профессиональные». Складывается впечатление, что они живут в какой-то виртуальной реальности. Профессии «писатель» в России уже давно нет, так же, как и профессии «кучер». Технический прогресс, знаете ли...

Прошли те времена, когда называться писателем было престижно. Но вот какой парадокс: сегодня в нашей стране насчитывается 27 писательских союзов, в которых состоит 120 тыс. членов, то есть в 12 раз больше, чем в Союзе писателей СССР.

К ним можно приплюсовать еще миллион поэтов и прозаиков, выкладывающих свои творения на порталах «Стихи.ру» и «Проза.ру». Хорошо это или плохо? Лев Аннинский считает, что плохо: «Через Интернет литература размывается в графомании, пропадает ощущение отбора и качества, пропадает ощущение литературного процесса. Интернет — как гигантский забор, на котором каждый пишет, что хочет, и все идут мимо, не вникая».

Что же заставило членов писательских союзов и интернетовских литераторов взяться за перо? И какие «капканы» ждут их на литературной дороге? Полагаю, что необходимо остановиться на этих немаловажных обстоятельствах.

Самовыражение личности проявляется по-разному. Значительная часть пишущих стремится сделать это в том числе и с помощью Художественного Слова. Они считают, что способны рассказать читателям интересные истории, что их мысли и чувства заслуживают самого пристального внимания. Однако для решения этой задачи требуется масса условий, начиная от наличия жизненного опыта и кончая уже сформировавшимся писательским мастерством. «Сеять разумное, доброе, вечное», используя литературные штампы и клише, и получить высокую «урожайность» не получится. Даже у известных современных писателей просматриваются элементы убогости в их текстах: сюжетная вторичность, «невнятность» литературных героев, ущербность стиля, неудачная конструкция изложения, неистребимая тяга к псевдоноваторству, невнимание к деталям или переизбыток их и т. д. Про эти «капканы» и начинающий, и состоявшийся писатель никогда не должны забывать.

У литераторов процветает ложное убеждение, что, находясь в «стае», легче взлететь на литературный Олимп. Но так было во времена Союза советских писателей, когда государство предоставляло поэтам, прозаикам, драматургам, критикам громад-

ные возможности не только для творчества и реализации их книг, но и для отдыха участников творческих организаций. И еще не надо забывать, что наши классики 19 века не состояли в писательских союзах, однако это не помешало им создать литературные шедевры.

Формирование писательских организаций нередко носит коммерческий характер. Бизнес — этот хребет буржуазного государства — подхватил под уздцы и Пегаса. Вот лишь одна иллюстрация. Дмитрий Кравчук в 2013 году создал Российский союз писателей, руководителем которого он и стал. На официальном сайте этой структуры не сообщается, какие книги написал Кравчук, да и написал ли что-либо вообще. Понятное дело, новая общественная организация тоже обозначила себя как «профессиональный творческий союз». В настоящее время в этом союзе более пяти тысяч членов. Как можно было прочитать за пять лет и проанализировать книги такой громадной толпы и принять авторов в союз? А «ларчик просто открывался»: заплати вступительный взнос 5 тыс. рублей и ежемесячно 200 рублей за «присутствие в рядах» — и ты человек с писательским удостоверением. (А название союза, видимо, выбрано не случайно: оно созвучно другой достаточно известной общественной организации — Союзу российских писателей). Ну а Кравчук таким незатейливым образом собрал примерно 45 миллионов рублей, потратив на удостоверения для членов и другую литературную «бижутерию» 5—10 % от полученной прибыли. Одним словом, бизнес — и ничего личного.

Безусловно, писательские союзы необходимы, но те, которыми руководят действительно талантливые и порядочные литераторы.

И еще любому писателю надо знать (чтобы не попасть в очередные «капканы») тезисы, которые, пожалуй, лучше других высказал Николай Дорошенко в статье «Литература в век индустрии слов»: «Как предостерегал нас полвека назад выдающийся философ Михаил Лифшиц, либерализм гораздо опаснее гитлеровского фашизма прежде всего потому, что он не столь же груб и прямолинеен, и, значит, его «ласковая» ненависть к человеку не провоцирует его жертву на сопротивление... В современном монополярном мире писатель, не обслуживающий интересы мирового финансового гегемона, остается предоставленным самому себе».

Редкая птица долетит до середины Днепра, редкий писатель так бескомпромиссно отстаивает свои политические убеждения, как это делает Николай Дорошенко: «Литература и культура — это и есть все человеческое в человеке. Заменили какую-то часть литературы и культуры информационные фабрики на свой модифицированный продукт, и в нашу жизнь вошли гей-парады, сексуальное рабство и скотство, работорговля, детская беспризорность при живых родителях, педофилия, наркомания, подростковый садизм. Дальше уступим — появится каннибализм, ритуальное, как у ацтеков и карфагенян, принесение в жертву младенцев, либо, как сказал бы Гоголь, какая-то иная чертовщина».

У нас появляется все больше таких литераторов, которые, образно говоря, попали в «капкан» беспартийности в искусстве. Они отрицают любую политику в литературе, не понимая, что «даже мнение, что искусство не должно иметь ничего общего с политикой, уже является политической позицией» (Джордж Оруэлл). Таким образом, даже Оруэлл, люто ненавидевший большевиков и СССР, полностью соглашается с мнением В.И.Ленина, которое вождь мирового пролетариата высказал в статье «Партийная организация и партийная литература».

У писателей-фантастов живет жгучая потребность высказаться, как они видят Будущее. На их литературном пути тоже есть «капканы», но кто из них и в какую космическую ловушку попал, увидят, скорее всего, только наши потомки.

Подавляющее число поэтов, прозаиков и драматургов хотят лучше рассмотреть нашу жизнь, найти в ней «героев нашего времени», изобразить события такими, ка-

ковы они есть, отыскать правдивые факты и сохранить их для потомков. Но и тут их подстерегают разнообразные «капканы», ибо далеко не все литераторы обладают объективным «зрением». Кто-то страдает политической близорукостью, кто-то увлекается «полировкой действительности»; кто-то концентрирует свое внимание только на негативных сторонах жизни страны, человека, не способен увидеть светлые тона нашего бытия и создать литературные образы, которые поднимают дух читателя и подталкивают его к совершенству. Одним словом, все не так просто. Еще Сомерсет Моэм отмечал: «Многие хотят стать писателями... Им не следует забывать, что это чертовски трудная работа. Это творчество, а творчество не может быть легким».

Есть и такие литераторы, которые ухватились за перо в надежде получить славу. Они испытывают чувство торжества при виде собственного текста, напечатанного в газете, журнале или книге. У них присутствует «жажда выглядеть умнее, чтобы о тебе говорили, помнили после смерти» (Джордж Оруэлл). Такие авторы рвутся в писательские союзы, участвуют в платных публикациях, активно занимаются рекламой своего имени всеми мыслимыми и немыслимыми способами. И здесь доходит до смешного. Один литератор (не будем называть его фамилии, так как его стихи имеют хотя бы средний уровень) написал письмо президенту страны, в котором заявил, что в истории России есть всего три гениальных поэта: Пушкин, Есенин и он. И пожаловался на местную администрацию, что чиновники этого ведомства отказываются выделить деньги на издание его книг.

Подобные литераторы не осознают, что Художественное Слово — это всегда новые знания о человеке, обществе, окружающем мире. И не просто поток информации, а знания, обрамленные многоцветным эстетическим освещением.

Часть современных писателей во главу угла ставят вполне прозаическую задачу — заработать деньги. И они вынуждены писать для обывателя, художественный вкус которого уже деформирован и литературная планка потребляемого им продукта довольно низкая. Для подобного рода писателей «капкан» обозначил еще Викентий Вересаев: «...на глазах свежий росточек таланта желтеет и сохнет».

Литературные аналитики утверждают, что не все рукописи доживают до публикации, а всего лишь около 1 %. Это обстоятельство порождает ситуацию, когда писатель попадает в «капкан» отчаяния. Душевные бури безжалостно разрывают паруса надежд. Известно немало случаев, когда литераторы не могут пережить подобное состояние и добровольно уходят из жизни. Состояние апатии бывает у каждого творца. И в этом случае писатель должен взять на вооружение лозунг Эпикура: «Проживи незаметно». Но при этом не забывать и другой тезис этого философа: «Редко судьба препятствует мудрому».

Ряд наших поэтов, прозаиков, драматургов, критиков и литературоведов утверждает, что современная русская литература переживает новый расцвет. Заблуждающимся можно только посочувствовать: путеводная звезда светит и тем, кто сбился с пути. А тем, кто умышленно вводит в заблуждение общественность, необходимо напомнить, что любую ложь подстерегает капкан правды.

Почему мы перечитываем помногу раз произведения наших классиков, но нет желания хотя бы второй раз встретиться с литературными героями современных русских писателей? Для того, чтобы ответить на этот вопрос самому себе, пришлось написать эти заметки.

КОГДА ПОЭЗИЯ ЗВУЧИТ КАК КОЛОКОЛ

В России всегда находятся талантливые поэты, которые тесно связаны со своим народом. Выражая свою любовь и преданность Родине, они призывают бороться со злом в обществе и высказывают личные переживания за судьбу своего Отечества.

Лучшие образцы гражданской лирики становятся песнями, которые помогают Человеку Труда преодолевать жизненные испытания, и музыка усиливает восприятие текстов.

На одном из сайтов, где обсуждалась поэзия, один из пользователей написал: «Жизнь без гражданской лирики бледна и уныла, как без пения птиц, весенней капели и осеннего багрянца, благоухания цветов, без любви и красоты. Стихи, разумеется, не нужны всегда как хлеб, воздух, вода. Это пища, только особого рода — не для желудка, а для души. Ведь в настоящей поэзии аккумулировано добро, красота, правда». Лучше и не скажешь.

Все мы наследники Прошлого и заложники Будущего. Гражданский поэт — это глашатай общественных настроений и чувств; причем он не только заявляет о требованиях Времени, но и призывает к действию.

Литературоведы утверждают, что гражданская лирика имеет существенное влияние в свое время и переживает сравнительно быструю утрату своего значения впоследствии. Этот вывод справедлив, если рассматривать поэзию усредненного уровня, в которой преобладает публицистическая нота. Речь сильна, когда слова весомы. Мы видим немало и таких строк гражданской лирики, которые живут десятилетия. Вспомним слова из монолога Чацкого:

Где, укажите нам, отечества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве...

Разве не актуальны сегодня эти грибоедовские строки, написанные двести лет назад? Ответ на этот вопрос очевиден: достаточно взглянуть, как живут абрамовичи, сечины, шуваловы...

Наши поэты-классики остро чувствовали свою ответственность перед обществом, что и отразилось в их гражданской лирике. Именно поэтому набатный голос Пушкина, Лермонтова, Некрасова слышен нам и сегодня. Не будем цитировать их стихи — они общеизвестны. Лучше обратимся к нашему времени.

Стоит посмотреть на холеных вожаков «Молодой гвардии Единой России», — и сразу же вспоминаются строки из стихотворения Евгения Евтушенко «Памяти Есенина», написанные полвека назад:

Когда румяный комсомольский вождь
На нас,
поэтов,
кулаком грохочет
и хочет наши души мять, как воск,
и вылепить свое подобье хочет,
его слова, Есенин, не страшны,
но тяжко быть от этого веселым,
и мне не хочется,
поверь,
задрав штаны,
бежать вослед за этим комсомолом.

Разве эти строки поэта-шестидесятника устарели?

Та катастрофа, которую пережили народы России за последнюю четверть века, рано или поздно будет отражена в романах на художественном уровне наших клас-

сиков; пока таких произведений у современных прозаиков мы не встретили. А вот поэты уже оставили блистательные по своей художественной выразительности и эмоциональному накалу пронзительные стихотворения.

Хорошие стихи гражданского звучания можно прочитать у Валентина Сорокина, Владимира Шемшученко, Валерия Хатюшина, Надежды Мирошниченко, Светланы Сырневой, Анатолия Аврутина и у немногих других известных поэтов.

Но вот какая штука: наиболее талантливую гражданскую лирику мы находим у поэтов, чьи произведения, к сожалению, не заполняют страницы литературных изданий. Одним из таких поэтов, не оцененных при жизни, является Михаил Всеволодович Анищенко.

В полной мере ощутив «прелести» жизни в новой России, Анищенко в стихотворении «Отчаяние» пишет:

Тянет гниющей травою из лога,
Дождик косой, как сапожник, идет.
Родина горькая, словно изжога,
Мучит ночами и спать не дает.

Проходили десятилетия, но для основной массы населения России мало что менялось. Не изменилась к лучшему и жизнь поэтов, даже выдающихся. Вот, например, отрывок из стихотворения того же Анищенко «Вот и ты живи...»:

Не сдавайся, брат, не кисни,
Не стреляйся на плацу.
Я и сам бежал по жизни,
Словно слезы по лицу.

Я и сам плутал в тумане,
По вокзалам стыл и дрог;
И меня твои дворяне
Не пускали за порог.

Эта же тема звучит и в его стихотворении «Круги»:

Двадцать лет темнота над родимой землею,
Я, как дым из трубы, еще пробую высь...
Но кремнистый мой путь затянулся петлею,
И звезда со звездою навек разошлись.

Истощилось в писаньях духовное брашно,
Я устал и остыл. Я лежу на печи.
Умирать на земле мне почти и не страшно,
И весь ужас скрывается в этом «почти»...

А поэт Леонид Григорьян перед смертью, характеризуя новую эпоху, написал такие строки:

Я сызмальства чужд твоему правежу,
Мне до смерти мерзко лицо твое волчье.
Но ты остаешься. А я — ухожу.
Без тени надежды. Печально и молча.

Гражданская поэзия обладает способностью вызывать отклик не только в сердце, но и в сознании любого человека, задумывающегося о настоящем и будущем своей Родины. Это происходит потому, что творцы своей правдой бросают власти вызов и «глаголом жгут сердца людей». Не потому ли жизнь многих русских поэтов обрывается трагически?

А вот строки из стихотворения Станислава Золотцева «К 20-летию начала смуты»:

На что ушло двадцатилетье это? —
На стыд, на бред, на бойню, на развал.
Хозяева страны пред целым светом
устроили кровавый карнавал.

И мы стоим теперь среди обломков...
И надо нам собрать остаток сил...
Не то — позором станем для потомков.
И предки проклянут нас из могил...

В стихотворении «Как смола ядовитая тянется» Золотцев высказывает веру в свой народ, в будущность России и тем самым пытается добавить нам душевных сил:

...Что, душа моя, вечная странница,
Тяжко в стуже звенеть соловьем?
Все пройдет... А Россия — останется!
Ради этого мы и живем.

В последние годы я прочитал немало откровенно слабых стихотворений Валерия Дударева. Но это обстоятельство нисколько не снижает его авторитет как поэта в моих глазах, потому что ранее он написал вот это стихотворение:

Сгорают звезды, люди, царства...
Испепеляющий конец! —
И нет на свете государства,
В котором умер мой отец.
И словно он в сороковые
И не выигрывал войну —
Так быстро справили живые
Себе отдельную страну.
И словно не было державы,
Свалившей гордого врага.
И там, где город русской славы,
Теперь чужие берега.
И там, где время сохранило,
Могилы русских казаков,
Теперь степная правит сила
Чужих очей, чужих подков.
И там теперь чужие страны,
Где гибли русские полки,
А горстку русских ветеранов
Добьют латышские стрелки...

Это стихотворение достойно занесения в хрестоматию «Поэзия новой России», так как в нем множество смыслов, оформленных рукой мастера.

Есть поэты, которые способны на должном уровне переосмысливать трагические парадоксы эпохи, наступившей после крушения Советского Союза. И одна из них, вне всякого сомнения, Марина Струкова, которая страстно и очень точно иллюстрирует жизнь обычных россиян:

Пуста казна, пусты карманы,
Не отобрали лишь души...

А люди смотрят на экраны
И верят в оправданье лжи.

Особое место в гражданской лирике поэтессы занимают строки, которые сразу запомнились любителям поэзии:

В час восстания грозный, дикий,
по колено в крови гуляй,
но запомни закон великий:
Русский, в Русского не стреляй.

Есть у нас и Николай Зиновьев, который пишет гражданскую лирику в своей, только ему присущей манере. Его пронзительные строки уже заслуженно стали широко цитируемыми. В стихотворении «В степи, покрытой пылью бренной...» говорится о том, что в степи сидел и плакал человек, а мимо проходил Бог, который обратился к этому человеку:

«...Я знаю много слов заветных.
Я есмь твой Бог. Я все могу.
Меня печалит вид твой грустный,
Какой бедою ты тесним?»
И человек сказал: «Я — Русский»,
И Бог заплакал вместе с ним.

Когда знакомишься с цифрами «Росстата» и узнаешь, что численность русских за последние восемнадцать лет сократилась на семь миллионов человек, то это стихотворение приобретает и дополнительный смысл: всем нам надо не плакать, а что-то делать с этой властью. Тем более что количество долларовых миллиардеров за последние восемнадцать лет увеличилось в 15 раз!

События в последние годы на Украине всколыхнули наше общество. Иначе и не могло быть: братский народ оказался в беде. И, естественно, наши поэты откликнулись на потрясения, выпавшие на долю украинского народа. Пустые надежды наполняются вздором. Когда стихотворение Анастасии Дмитрук «Никогда мы не будем братьями...» стало гимном последнего украинского майдана, российские поэты ответили ей немалым количеством гражданской лирики. Лучшими строками было, бесспорно, стихотворение Леонида Корнилова «Ответ украинке», которое имеет такое окончание:

И за счастье твое, украинка,
Я пойду на твою войну.
Ты нашла во мне виноватого.
Я желаю тебе добра.
Никогда ты не станешь братом мне,
Потому что ты мне — сестра.

Таким образом, мы видим, как русская поэзия изо дня в день бьет в набат, собирая народ в годы потрясений и испытаний под знамена Правды и Справедливости.

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

ЕВГЕНИЙ ДМИТРИЕВИЧ ДОГА:
«Я очень дорожу мнением людей обо мне»

В нашей литературной гостиной новый гость. Он специально для журнала «Приокские зори», ответил на вопросы, которые ему задал член Союза журналистов России Николай Тимохин.

Это молдавский советский композитор, педагог, общественный деятель, автор музыки в общей сложности более чем к двум ста фильмам, автор произведения, которое называют самым известным в мире романтическим киновальсом из мелодрамы «Мой ласковый и нежный зверь», народный артист СССР — ***Евгений Дмитриевич Дога****.*

Николай Тимохин:

Евгений Дмитриевич! Можно смело утверждать, что Вы человек-легенда. Какие у Вас остались самые яркие воспоминания о Вашем детстве, о родителях?

Евгений Дмитриевич Дога:

Это, скорее всего, осознание того, что я не знал, что был ребенком. Я знал, что я маленький и должен слушаться старших. Родителей в первую очередь. А остальные если даже старше чуть-чуть, тоже имели право, и маленькие должны их слушаться, делать замечания, а то и наказывать шлепком за непослушание. Мне шлепки не пришлось принимать, так как четко знал, что виноват буду я и, таким образом, не нарушал порядок. А родители меня очень любили. Думаю, это не новость. Тем более, что я у них был первым долгожданным ребенком.

Они поженились в самый разгар жесточайшего голода в начале тридцатых годов прошлого столетия, когда вряд ли кто-то думал еще и о детях, когда люди умирали, как мухи. К тому же еще пошла коллективизация и сопутствующие ей репрессии, которые коснулись и семьи моей будущей мамы. Особенно гордился мной отец. Он был бригадиром в колхозе и ездил в поле на вороном коне. Иногда приезжал в обед домой и старался посадить меня впереди себя на коня и немного прокатать, что доставляло не столько радости мне, так как я боялся малость, сколько отцу, который хвастался своим мальчиком перед встречными. Даже когда я пошел в школу, он меня подвез на своем вороном коне до самих ступеней здания под оживленные возгласы собравшихся детей и их родителей. А школа-то была всего в каких-то там нескольких сот метров от нашего дома!

Мама была со мной все время где-то до шести лет. Потом ее подолгу не было дома и я оставался с бабушкой Надей, маминой мамой, а мама уезжала за сотни километров куда глаза глядели в поисках продуктов питания, которые выменивала на свои скромные домашние вещи, чтобы прокормить нас и благодаря чему выжили. А когда приезжала с несколькими горсточками кукурузы или кусочками макухи от выжимки семян подсолнуха, вся исхудавшая, долго рассказывала бабушке о своих рискованных приключениях и тихо плакала. И, тем не менее, я всегда был чисто одет в сшитые ею коротенькие штанишки из конопляной ткани, такую же рубашку, все выглаженное, опрятное. Иногда мама брала меня с собой в сельский клуб и гордо держала меня за ручку, как со взрослым, и говорила, что это ее кавалер. А «кавалер»

этот был совсем маленький, не по годам, так как недоедание и нищета не способствовали росту.

И даже когда я поступил учиться музыке в Кишинев, я был самым маленьким среди своих сверстников. Отцу досталось радости от меня мало, потому что пошла война и он погиб почти в конце этой страшной войны. На чужбине. В Венгрии. Конечно, доставались моим родителям не только радости. Я любил что-то «мастерить», пиликать на «скрипочке» из кукурузных стеблей, стучать по сиденью венского стула, который надевал на шею и вместе со своими соседями под его звуки маршировать в ритме марша, пока не выбивал днище от этого стула, поджечь солому во дворе дома или забраться вместе мальчишками в соседский сад за яблоками или вишнями. Правда, родители никогда меня не наказывали физически, что случалось с другими мальчишками. Отец даже пальцем меня не тронул, как говорят. Мама же только прикладывала указательный палец к своей щеке и говорила: «Как тебе не стыдно, ай-ай-ай!». Не знаю я, было ли мне стыдно, но точно помню, что мне было жаль маму. Особенно когда она говорила: «А что скажут люди?!». Вот это «что скажут люди» осталась в моем сознании на всю жизнь. Я очень дорожу мнением людей обо мне, стараюсь это мнение удержать положительным и эту положительную энергию, чем могу, передавать им.

Николай Тимохин:

На протяжении всей своей творческой деятельности Вы пишете музыку в самых различных жанрах и стилях. Кроме того, Вы написали музыку в общей сложности более чем к 200 фильмам. Что Вам более всего дорого и интересно из всех жанров и почему?

Евгений Дмитриевич Дога:

Я думаю, что не жанры определяют любовь или нелюбовь к музыке, ее качество, в конечном итоге. Собственно, как и количество аккордов или супер-изощренные технологические приемы в ней. Я испробовал почти все существующие жанры в музыке, как Вы уже упоминали, и в каждом находил что-то интересное, что давало не только хорошие результаты, но и расширяло палитру моих возможностей. Временами эти различные жанры переплетались настолько, что бывало трудно их разделить. Да и вряд ли нужно раскладывать творчество по полочкам. Это делают в аптеках.

Продукт подлинного творчества уникален. Конечно, во многом я обязан работе в кино. Там надо обладать знаниями всех жанров. Это я почувствовал уже при работе над музыкой к первому фильму «Нужен привратник» на «Молдова фильм». Там мне пришлось писать музыку в классическом жанре, эстрадную, церковную, хоровую, использовать фольклор, классику... И в то же время надо было соблюсти единый творческий почерк, не уподобляться «лоскутному одеялу». Странно мне приходится общаться с некоторыми «композиторами», которые интересуются тем, как писать музыку к фильмам. Более чем странно, потому что к фильмам, к спектаклям или к чему угодно нужно писать не только талантливо, что дается от природы, но и со знанием композиции, обладать огромным потенциалом информации по музыке, и не только, которую можно приобрести только обучаясь в консерватории. И то, это не гарантия. Надо еще и самому себя испытывать и укреплять профессиональные «тылы».

Или спрашивают, где обучают писать для кино? Телевидение представило нашу очень не простую профессию в таком виде, что кажется забавой это занятие. Пришло в голову», «написал», не зная даже нот, и абсолютно далекий от творчества продюсер берет такого подельщика в качестве «композитора» и получаем то, что довольно часто приходится слышать в современном кино. Особенно в сериалах. Это и дешевле обходится продюсеру, это нравится, как утверждает он, массам, да и хлопот меньше. Иногда уже и музыкальным дизайном не назовешь, а просто включают шумовой ге-

нератор и на протяжении целой длинной сцены он зудит. Этот грех часто присутствует на телевидении в информационных передачах, что мешает воспринимать информацию. Не говоря уже о возбужденном нервозном состоянии.

В жанре песни «Мой белый город» был удостоен звания лауреата в свое время, в жанре симфонической музыки — балет Luceafarul получил Государственную премию СССР, музыка к фильму «Мария Мирабела» — международную премию, как и множество других моих работ в самых различных жанрах. Качество и эмоциональная сила музыки зависит от той энергетической массы, которую вкладывает в нее ее автор, композитор. И не «три аккорда», как говорят некоторые критики, определяют силу воздействия того или иного на слушателя. Скорее всего, это та энергия, которая была заложена природой и с которой творец научился профессионально управлять. Интуиция, или «вдохновение», как многие говорят, лишь повод для творчества, который можно использовать сполна лишь высокому профессионалу.

Николай Тимохин:

В 1970 году Вы начинаете творческое сотрудничество с кинорежиссером Э. Лотяну с работы над фильмом «Лаутары». Расскажите об этом режиссере и о Ваших с ним отношениях.

Евгений Дмитриевич Дога:

Эмиль Лотяну является «отцом» многих ныне известных артистов. Это был удивительно одаренный человек. Начинал он свой творческий путь с поэзии. У него прекрасные стихи, издано множество поэтических сборников. Я вспоминаю его стихийные собрания на улицах Кишинева, где он с огромным запалом читал свои стихи, размышлял о творчестве, наставлял начинающих молодых поэтов. Хотя и сам-то был их ровесником. Он вошел в интеллектуальный мир мгновенно, ярко и мощно. Придя из Бухареста, где он жил с семьей, поразил мгновенно широтой своих знаний, особенно в области языка, манерой подачи, тематикой своих сочинений, широкой жестикуляцией, интонацией голоса. Да и обликом своим, необычным для Кишинева 50-х. Но через какое-то время после обучения во ВГИК-е, где он получил профессию кинорежиссера, Лотяну возвращается в Кишинев и очень успешно работает в области документального кино, которое временами и не назовешь документальным, на столько это неординарно и интересно было сделано. Его поэтический дар перешел и в кино.

Кадры из его документальных фильмов, особенно картина «Красные поляны», сотканы из поэтических образов. Я все время наблюдал за его работами и мысленно завидовал возможности работать с таким режиссером. Особенно, когда он стал снимать художественные фильмы. Правда, темы, на мой взгляд, были для меня не очень привлекательны. И вот лишь в конце 1970-го года Эмиль сообщил мне, что приступает к новой работе и предлагает писать музыку к ней. Это был проект фильма «Лаутары». Я, конечно, с радостью воспринял это предложение и началась работа. Я впервые окунулся в огромный мир народного творчества: музыка, исполнители, костюмы, танцы, различные регионы и различные исторические эпохи. В общем, целая академия. Вместе собирали материал, народных музыкантов-самородков, профессиональных исполнителей, больших знатоков народной музыки, инструменты, относящиеся к эпохе событий в фильме, профессиональные академические оркестры. Случалось, что приходилось делать заново некоторые классические партитуры, которые считались утерянными. Временами трудно уследить, где начинается фольклор и где продолжение авторской академической музыки. Для записи в Москве мы брали с собой исполнителей на народных инструментах вместе с цимбалами, наем, народной скрипкой, присоединяя к ним академический смешанный хор и симфонический оркестр. Это придало музыке особый колорит и особую притягательность.

Почти все игровые кадры в фильме сняты под записанную заранее музыку. Это придало большую органику и достоверность снятым эпизодам, а фильму дополнительную энергетическую силу. Работа шла очень напряженно не только из-за сложности сюжета картины, но и из-за особого характера режиссера, который ничего особенного не требовал: он хотел максимальной отдачи своей творческой энергии от каждого актера, художника, осветителя, декоратора, от всех, кто мало-мальски причастен был к съемкам. Особенно напряженные отношения у Эмиля Лотяну складывались с руководством студии и комитета по кинематографии, которые измеряли качество будущей картины не по ее художественным качествам, а по деньгам. Этим своим творческим параметрам Эмиль Лотяну остался верен всю жизнь, что вызвало много недовольства и нареканий со стороны руководства, да и его коллег по ремеслу. В конце концов он вынужден был почти 20 лет простаивать и не снимать. Его шедевры, картины «ЛАУТАРЫ», «ТАБОР УХОДИТ В НЕБО», «МОЙ ЛАСКОВЫЙ И НЕЖНЫЙ ЗВЕРЬ», «АННА ПАВЛОВА» — были сняты за шесть лет, а за последние двадцать лет — ни одной! С его уходом не стало великого романтика кино, большого моего творческого друга, который унес с собой в другой мир массу неосуществленных сценариев, фильмов, спектаклей, вдохновенной поэзии, нерастраченную данную природой творческую энергию.

Николай Тимохин:

Как известно, всемирную популярность получил Ваш романтический вальс из мелодрамы «Мой ласковый и нежный зверь», поставленной в 1978 году Э. Лотяну по мотивам повести А. П. Чехова «Драма на охоте». Это произведение называют самым известным в мире киновальсом. Расскажите о работе над ним. Считаете ли Вы его лучшим в Вашем творческом багаже?

Евгений Дмитриевич Дога:

Приступил я к работе не сразу. После огромного успеха и большого резонанса фильма «Табор уходит в небо» на студии «Мосфильм» упорно сопротивлялись над утверждением моей кандидатуры в качестве композитора будущей картины «Мой ласковый и нежный зверь». Да, говорили в редакции студии, особенно в парторганизации, «Табор...» — это картина о цыганах, а молдаване, что цыгане, там ему было просто писать, а это ведь ЧЕХОВ! Русская классика! И лишь благодаря настойчивости Эмиля Лотяну, которую он всегда проявлял в защиту своих кандидатур, меня, наконец, утвердили.

В начале 1976 года мы с Эмилем детально обсуждали сценарий и роль музыки в будущей картине. И первую сцену, которую предстояло снимать надо было снимать под музыку. Я предложил Эмилю подыскать чего-нибудь относящееся к эпохе действия в картине в фонотеке радио. Стал интересоваться у своих друзей на радио. Ничего не предложили. Пошел в музей им. М. Глинки. Там-то же ничего не нашел. У меломанов спрашивал — и то же безрезультатно. Тогда я предложил Лотяну написать ВАЛЬС. Он легко согласился и на этом расстались. Почти на полгода. В начале лета после полуночи в мой гостиничный номер врывается Лотяну и уже с порога громко, требовательно и претенциозно произносит: Вальс! Я быстро спрятал то, что было у меня на пульте фортепиано и в растерянности стал соображать, о чем идет речь. Я даже забыл об обещанном Вальсе. А Эмиль почти прижал меня к фортепиано и ждал исполнения нужного ему Вальса. Я стал что-то тренькать, то одно, то другое, что, в конечном счете, привело в ярость режиссера и он сообщает, что на завтра заказана смена записи с оркестром, хором и послезавтра предстоит первая съемка будущей картины. Я в ужасе сыграл буквально три-четыре ноты, подобранные на маленьком клочке нотной бумаги, когда-то записанные мной, от чего Лотяну загорелся, оживился и не отстал от меня пока я не сымпровизировал ВАЛЬС до конца. Режиссер, не

говоря ничего, вышел шумно из комнаты и лишь напомнил, что утром партитуру надо сдать в оркестр для переписки к вечерней записи.

Для раздумий времени не оставалось. Партитура получилась очень скромная, без громких медных инструментов, без больного давления ударных, почти камерная. Ноты были сданы вовремя, а вечером, когда оркестр сыграл музыку, стал стучать смычками по пюпитрам в знак одобрения. В начале, я думал, что это розыгрыш, но редактор фильма и многие участники съемочной группы, которые присутствовали при записи, стали говорить очень похвальные слова в адрес этой музыки, даже о ее, якобы, большом будущем.

И действительно, вспоминаю длинную очередь у музыкального магазина на Садовом Кольце в Москве за виниловыми пластинками с музыкой из фильма «Мой ласковый и нежный зверь», где звучала эта музыка сцены свадьбы юной Оленьки Скворцовой и старого барина Урбенина.

Этой музыке, как и многим людям, привалило счастье и уже редко какая-нибудь свадьба обходится без этого вальса, будь-то в России или далеко за ее пределами. Она звучит и на школьных праздниках, и на спортивных аренах, да и просто где-нибудь в подземном переходе. Как-то спросили одного такого музыканта, почему он играет эту музыку, а тот сказал, что за нее больше платят.

Николай Тимохин:

Начиная с 1972 года, Вы выступали с концертами и творческими вечерами во многих городах бывшего СССР, а также в Польше, Чехии, Болгарии, Китае, Никарагуа, Кубе, Таиланде, Румынии, Сербии, Швейцарии, Португалии, Аргентине. Как Вас встречали за рубежом? Какая поездка из всех Вам, может быть, особенно запомнилась и почему?

Евгений Дмитриевич Дога:

Больше всего мне запомнилась поездка на тракторе в один небольшой хуторок из пяти домиков в заболоченной тайге. Была глубокая осень, дожди, непроходимые болота. Мои коллеги из группы композиторов остались в областном центре, а я решил со своими исполнителями поехать «в глубинку». Мне, говорили, что туда и птицы не залетают, не то чтобы поехать. Тогда я попросил трактор, прицеп и пианино. Все погрузили, певицы устроились с трактористом в кабине, а я с баритоном в кузове рядом с инструментом. Целый день мы ковыляли по, казалось, непроходимым так называемым дорогам и, наконец, оказались в руках каких-то мужиков в резиновых, выше колен, сапогах, которые нас занесли в хорошо натопленную избу. А там, на лавках вдоль деревянных стен, уже сидели и ждали нас неполный десяток местных обитателей этого хуторка. «Как в Кремле,— говорю я своим артистам.— Быть при полном параде, в концертных костюмах».

Люди затаенно слушали, а когда программа закончилась, ко мне подошла с натруженными мозолистыми руками женщина, опустилась на колени, целовала мои руки и причитала: «Я всю жизнь прожила в труде и даже не предполагала, что такое есть».

Я выступал в лучших концертных залах России и за ее рубежами. Мало помню детали, тем более лица слушателей, а вот эти девять человек на лавочках вдоль стен таежной избушки, как будто вижу до сих пор. За рубежом принимают не столько меня, сколько мою музыку. Я лишь ее приложение. Принимают очень хорошо. Уже стало нормой, что зал встает и аплодирует. Так было и в ШОН БРЮНЕ в Вене, и в зале консерватории в Брюсселе, и в Анкаре в Турции или в Клуже, или Бухаресте в Румынии. Ну а в Кремлевском концертном зале уже и не говорю. Это уже свои, тоже стоя аплодируют. Думаю, что публика везде умеет чувствовать хорошую и плохую музыку. Я рад, что эта публика еще не разочаровалась в ней, поэтому я стараюсь как можно уважительнее относиться к своим почитателям.

Николай Тимохин:

Вы написали много полюбившихся песен, которые исполняли известные певцы советского времени. Но я до сих пор помню мною любимую песню «Мой белый город» в исполнении С. Ротару. А какому городу посвящена эта песня? И какой город у Вас самый любимый?

Евгений Дмитриевич Дога:

Эта песня была написана по настоянию ЦК Партии Молдавии. Снимался фильм о Кишиневе. На сдаче фильма присутствовал, как всегда в то время, и представитель партии. Вот тогда и была подсказана мысль, чтобы не только музыка сопровождала фильм, но была бы и песня об этом городе, столице Кишиневе. Хотя слова в сценарии были напечатаны, я песню не написал, а написал много другой сопровождающей фильм музыки. И все-таки администрация ТЕЛЕРАДИО настояла и обязала меня такую песню написать. Я, чтобы оправдаться, стал ссылаться на плохие стихи, на которые писать музыку невозможно. К тому же, я должен был улететь в Москву для записи музыки к очередному фильму.

Ан нет, режиссер Г. Водэ узнал о моем внезапном отъезде и на утро, когда я еще спал, ткнул мне под нос машинописным листом с новыми стихами. Я в полусне повернулся к пианино, которое было рядом с моей кроватью, и стал играть песню по этим стихам, как будто я ее всю жизнь играл. Малость даже испугался, не прихватил ли я чего-то чужое. Сидящие за мной режиссер и либреттист запрыгали от радости, думаю, что не столько из-за песни, сколько из-за того, что им не придется получать санкции от руководства студии.

А когда песня была готова, настала проблема исполнителя. Тому же Г. Водэ вспомнилась девушка из Черновиц, которая прекрасно поет румынские романсы. Мы с трудом ее нашли, еще труднее убедили спеть, и записали. Помню, как поздно вечером мы пришли после записи ко мне домой и София Ротару, тогда еще так звучала ее фамилия, сидя на кушетке, плакала от нахлынувших ее эмоций. А дальше пошли ТВ передачи, радио, печать, международный конкурс «Золотой Орфей» в Болгарии, и благодаря прекрасному сочетанию мелодии и великолепного голоса никому не известной певицы, песня пришлась к сердцу миллионам слушателей в то время. Да и сегодня она является гимном Кишинева, хотя слова «Кишинев» в ней нет и не могло быть по моему сопротивлению от нажима ЦК.

Это белый город, который есть в памяти каждого из нас, где бы он не находился и в каком городе не родился. Это город-мечта. Белый, как белая птица. Поэтому его воспринимают все, как песня об их городе, песня для них.

А городами, любимыми для меня, становятся те, в которых я нахожу себя, в которых живут близкие мне люди, в которых звучит моя музыка или в которых я работаю.

Николай Тимохин:

Кроме того, что Вы автор произведений для детей, Вы также писали музыку для открытия и церемонии закрытия Олимпиады 1980 года в Москве, церемонии открытия Олимпиады 2014 года в Сочи. А как Вы относитесь к спорту вообще? Есть ли любимые виды? Любите ли Вы футбол?

Евгений Дмитриевич Дога:

В свое время, будучи студентом, я увлекался пулевой стрельбой. Готовили меня даже в мастера спорта. Но музыка поглотила мои занятия стрельбой. Потом долгое время я ездил на мотоцикле, мотороллере, на машине. Терпеть не мог, когда передо мной был какой-нибудь автомобиль. Я обязательно его обгонял. Однажды я опаздывал на встречу в Тирасполь, что в 70 км. от Кишинева. Милиция так и не догнала меня за превышение скорости. Не знаю, насколько это можно назвать спортом, но это пружинило мою волю, характер своего рода.

Заниматься однообразными упражнениями каждый день мне не нравится. Мне хочется каждый раз чего-то нового. Любил ходить на стадион, что был рядом с нашим общежитием, смотреть тренировки футболистов или даже на их матчи. Но это тоже скоро мне надоело. Хотя элементарные физические упражнения я стараюсь делать по утрам. Особенно в первый период после посещения врачей. Я рад тому, что с моей музыкой связана карьера многих спортсменов во всем мире. И те две Олимпиады, которые проводились в России, открывались и закрывались под мою музыку.

Я уже более 20-ти лет являюсь председателем жюри музыкального конкурса «Одаренные дети России», более 10-ти лет — движения «Ветераны войн и труда и их потомки в Москве», участвовал во многих творческих состязаниях в России и за ее рубежами в качестве председателя или простого члена творческого жюри в музыкальных и кинематографических конкурсах и фестивалях. Это дает мне возможность знакомиться с современной эстрадой, быть свидетелем обретения радости старыми ветеранами и их потомками, внуками при выходе на сцену. Это придает им силу и новую энергию, продлевает им активную жизнь, а юным их внукам радость творчества и приобретения собственного достоинства.

Я всю жизнь выступаю с концертами. Особенно мне нравятся концерты на открытом воздухе, куда приходят все, которые желают, а не те которые могут. Их собираются тысячами, и ты их частица. Это великое счастье. В дальнейшем у меня еще много не охваченных точек, которые я должен посетить с концертами, с творческими встречами. Это, в основном, другие открывающиеся для меня континенты. Конечно, я уношу туда свою музыку, частицу себя, частицу своей Родины, куда я всегда с радостью возвращаюсь и по которой каждый раз скучаю. Ведь она меня породила, и чему я ей благодарен и бесконечно обязан. Как перед матерью.

Николай Тимохин:

Евгений Дмитриевич! Спасибо Вам за интересное интервью. Удачи Вам и новых творческих побед!

Семипалатинск — Москва — Брюссель, осень, 2018

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

ОКИ-ДОКИ:
МУРМАНСК — СЕВЕРОМОРСК — АМДЕРМА

Ефим Гаммер — член редколлегии журналов «Литературный Иерусалим» и «Приокские зори», автор 25 книг, лауреат Бунинской и других премий, печатается в журналах России, Израиля, США, Франции, Канады, Германии, Австрии.

1

Амдерма... Амдерма...

Что за городок такой расчудесный? Для тех, кто, собираясь в Израиль, подпольно изучает иврит, в его названии таится приманка для лингвистического ума. Явственно чувствуется: оно ветхозаветных корней, в особенности при разделении на слоги. Отсюда и мысль богатая: Амдерма заложена древними евреями, теми, кто исчез со страниц Библии после Вавилонского пленения. А сколько их было? О-го-го! Сотни тысяч, по доисторической переписи населения.

И впрямь, десять пропавших колен Израилевых — не шутка. Не на летающих тарелках ведь их утащили на небо — к лучшей жизни. Расселились где-то по матушке-Земле. Живут и размножаются, плодят себе подобных. На разных участках суши и моря. Тут и вопрос наклевывается: почему бы им на заре цивилизации, тем более, что она называется иудео-христианской, не вырулить к Северному сиянию? Согласитесь, мастерить себе подобных гораздо вольготнее здесь. За Полярным кругом ночь долгая, протяженностью в полгода ночь, что способствует столь полезному и приятному занятию.

Не верится в эти догадки? Не наукообразны? А все же попробуем открыть рот, и по складам, по складам, как по кочкам: «Ам-дер-ма». Теперь — давай не ленись! — переквалифицируйся в полиглоты. Напрягаем мозги и принимаемся за язык Соломона мудрого.

«Ам» в переводе на русский — «народ». Конечное «ма» при расшифровке с иврита дает извечное — «что?» «Дер»? На идише подчеркивает принадлежность к чему-то. Это четко прослеживается в прозвищах и кличках местечковых евреев. «Авремеле дер математик» (Математик Авремеле), «Ошер дер глезер» (Стекольщик Ошер), «Шмуел дер гелэр» (Рыжий Шмуел).

В конечном итоге у нас вырисовывается, что иврит в тесном контакте с разговорным бабушкиным идишем демонстрирует нам, что «Ам-дер-ма» при умелом подходе к этимологии слова представляет собой... Что? Правильно: «Народ — загадка». Либо — «Что за народ?»

Доходит? Не на все сто? Принимаю возражения. Но, попутно приняв и недостающие сто грамм на посошок, допускаю, что все было бы намного проще, кабы вместо «Амдерма» на путевом знаке — визитке города — читалось: «Амдерман». Тогда

автоматически устранялись бы наши домыслы, а взамен набегало на скоростях: «Шнейдерман, Цедерман, Гиндербург, Зандерберг и примкнувший к ним Рабинович». В такой благоприятной ситуации, признаю, только слепому не различить, что катишь в родные Палестины. В особенности, если еще раз вспомнить об иврите и прочитать название города справа налево, и опять по слогам.

Ам-дер-ма в этом случае преобразуется в Ам-ред-ма.

«Ам», как мы уже договорились, «народ». «Ред» — повелительная форма ивритского глагола. За сим он и глаголит по-русски — «сойди, спустись!». На иврите назойливым людям — «нудникам», доставалам по-русски, обычно так и говорят: «Ред ми мейни» — «Сойди с меня!», либо — «Спустись с меня!». Последний слог — перевернутый первый. Ивритское «ма», оно же русское «что». На месте слова «народ» в перевернутом его состоянии находим снова загадку в виде пресловутого — «что». Ну, а где же разгадка? Не в перестановке ли слов? Переставим и у нас получится: «народ, что спустился». И тут набегает внезапная ясность. Тех, кто покидает Святую землю, так и называют — «йордим ми Исраэль» — «спустившиеся с Израиля». Неужели, действительно, наши предки из какого-то потерянного колена Израйлева добрались до Карского моря? Могло такое быть? Вполне возможно. Остается только найти доказательства. А где их искать? Разумеется, не на рижском взморье. За полярным кругом? Что ж, не велика беда: за разгадками ходили и далече. Пржевальский в Центральную Азию, Арсеньев в Уссурийский край, Миклухо-Маклай в Новую Гвинею.

Кинемся и мы в путешествие. Все же теперь, когда на дворе год 1970-й, двигать не на своих двоих, а культурненько, с удобствами,— на «тушке» по воздуху, да на танкере по воде.

Но прежде чем вязать морские узлы до Амдермы, следует запастись билетами на воздушный лайнер и махнуть в Мурманск, где на рейде, в ожидании сменного экипажа, стоит танкер «Юрмала». Но еще раньше предстоит наведаться в библиотеку, чтобы кое-что полезное о граде арктическом выведать.

Я позвонил своей надежной до потери пульса Галке Волошиной и попросил ее смотаться в библиотеку и выкопать там какие-либо сведения об Амдерме.

— Лично мне некогда,— пояснил я.— Мне командировку оформлять.

— А командировочные — «до» или «после»?

— Уже! И винчик купил — «сухарик» по кличке «Каберне».

Надежная Галка Волошина нашла в студенческом загашнике томик Евгения Евтушенко. И доставила ко мне домой — ул. Янки Купалы, 5.

— В одном из его туристических стихов,— сказала,— упоминается Амдерма.

— В каком?

— А вот в том, где наш автор клюкал тройной одеколон. Читаем?

— Читаем!

И прочли. Вслух. На два голоса.

Мы сто белух уже забили,
Цивилизацию забыли,
Махрою легкие сожгли...
Но, порт завидев, грудь навыкат,
Друг другу начали мы «выкать»,
И с благородной целью выпить
Со шхуны в Амдерме сошли...

— Подумаешь, невидаль,— промямлил я, когда поэтическая речь вывела к популярному у алкашей аптечному напитку.— Тройной одеколон и в Риге можно лакать.

Мое ревнивое замечание вполне объяснимо. Кому из поэтов эпохи развитого социализма хотелось, чтобы на подушке, рядом с изголовьем любимой девушки «красовался» вместо него Евтушенко?

2

Чем плохи советские телефоны?

Тем, что звонят в неурочное время.

А несоветские?

У них та же беда. Но они — импортные. Их звонки устроены таким образом, что в них слышится нечто многообещающее: приглашение на выставку, на просмотр заграничного фильма, на презентацию — с попутным выпивоном в баре-ресторане.

Мой телефон был советский, но звонок в него был вмонтирован импортный.

Мне и «послышалось». Но приглашения не последовало. Звонил Ливик Генделист, по уважительным официальным бумагам — Лив Альбертович, судовой кок и «лично мой» внештатный корреспондент, с которым предстояло лететь в Мурманск, где на рейде стоял танкер «Юрмала».

Назван парень был с претензией на родство с древними ливами.

Для справки: «Земля ливов» — Ливóния (лат. Livonia, нем. Livland) — это часть восточной Прибалтики. Захвачена немецкими рыцарями-крестоносцами. Окрещена ими же по аналогии с одним из живущих на территории Латвии и Эстонии, с тринадцатого по пятнадцатый век, финно-угорским племенем.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов, может быть, в знак «тихого» протеста против очередной потери независимости, название племени перекочевало в метрику новорожденных прибалтов, превратилось в собственное имя — Лив. Являлось оно и довольно редкой фамилией, тщательно оберегаемой и переходящей из поколения в поколение без изменений или прибавки латышского суффикса — «ис». К слову, один из фотокоров нашей редакции, Гунар, и носил такую достопримечательную фамилию — Ливен.

Но вернемся к телефонному звонку.

— У меня для тебя есть информация — пальчики оближешь,— сказал мой приятель, внештатный корреспондент и судовой кок по совместительству.

Ливик Генделист всегда говорил на «журналистском уровне». И всегда, при встрече либо по телефону, стремился «пробиться» на страницы легендарного «Латвийского моряка». Он обладал редким даром «засветиться» там, где меньше всего его ожидали увидеть.

— Когда я в 1969-ом был в Каннах на внеконкурсном показе «Андрея Рублева»,— говорил Ливик с выраженьем на лице,— мы так быстро разгрузились, что даже не успели посмотреть картину. И очень об этом потом сожалели. Пришлепали домой, а дома, оказывается, она еще на экран не вышла.

— Почему же, Ливик? — возражал я.— Это на широкий экран она не вышла. А тишком ее показывали во Дворце культуры завода ВЭФ и у нас в Интерклубе.

— Оки-доки, «показывали»! Но для кого? Для избранных?

— Для оповещенных...

— Смотрел?

— Оба раза.

— Кинчик стоит того?

— Стоит.

— А нам его покажут?

— Когда у тебя следующая ходка в Канны?

— Месяца через два...

— Вот как раз и поспеешь к началу сеанса. Там...

— Спасибочки — раз-цвай-драй! Может быть, ты мне и валюты на просмотр кинчика подсыплешь?

— Держи карман шире!

Больше всего в жизни Ливик любил сочинять стихи, особенно под гитару, чтобы быть похожим на Пушкина и заодно не отстать от Высоцкого. Аккорд — слово за слово — строчка. Скоропись воодушевляла его и благотворно влияла на зрение, когда он смотрелся в зеркало и видел там Александра Сергеевича. С ним, несмотря на явную блондинистость, был схож по комплекции и волнистой шевелюре, да и в росточке не отстал от классика — куда уже меньше? — 158 сантиметров. При удобном случае он мог заметить: «Я поэт и бард с двойной композиторской фамилией». На самом деле, его фамилия была никакая не двойная, ординарная латышская фамилия немецко-еврейского корня — Генделис. Однако плодовитый на выдумки Ливик припарковал к хитрому лисьему окончанию буковку «т», и приобрел превосходный фирменный знак — Генделист, с которым хоть в Союз композиторов вступай. Но вместо музыкального училища он поступил в ШМО — школу мореходного обучения, освоил специальность моториста и вышел в море. Правда, в море предпочел машинному маслу — сливочное, и переквалифицировался в повара.

«Я кок — индии-виду-алист! Оки-доки! — говорил он о себе.— Мое призвание — персональные блюда. Такие, что пальчики оближешь!»

Готовить надо было на всех, и в большом количестве. Так что поварские таланты не очень-то раскрывались, и приходилось больше полагаться на журналистское перо, чем на поварешку, чтобы прославиться в экипаже. Вот и сейчас, прослышав о совместном полете в Мурманск и рейде в Амдерму, Ливик Генделист решил порадовать меня по телефону наброском забойного репортажа, импровизацией в стиле путевого дневника.

— Так и пишем, прямо на первую полосу: «От нашего специального корреспондента».

— Что пишем, Ливик?

— Самолет стремительно разбежался по взлетной полосе и, подогнув по-птичьи тонкие ноги, на авиационном языке — «шасси», поднялся в бескрайний небесный океан. «Оки-доки!» — сказал командир воздушного лайнера и взял штурвал на себя.

— Стоп! Стоп, Ливик! — занервничал я, видя, что Галка грозит мне из-под одеяла кулаком.— Не торопись взлетать. И не заставляй командира лайнера говорить твоими словами. Я тут босыми ногами стою на полу.

— Надень тапочки.

— Тапочки в другой раз.

— Подожди, подожди. Тут у меня и географическая сноска есть.

— Лучше узнай, что означает слово «Амдерма».

— За нами не заржавеет. Распознаем. А пока послушай, что я надыбил из истории Амдермы. Можно дать подверсткой к репортажу, послушай! «Амдерма основана в 1933 году. Представляет собой поселок городского типа, возникший в ту пору, когда началось строительство рудника по добыче плавикового шпата. Поселок расположен на побережье Карского моря — северная граница Полярного Урала, у хребта Пай-Хой. До Воркуты по прямой — 350 километров, до Нарьян-Мара — 490, до Архангельска — 1260, если шлепать морским путем. По воздуху короче — 1070».

— А на оленях?

— Не понял.

— На оленях — ближе.

3

Из-под теплого одеяла, понятно, человека никуда не выманишь, особенно, ближе к ночи. Разве что — за не менее теплым, чем одеяло, пальто. Мне пылить в Мурманск, а верхняя одежка — всего лишь названье на рыбьем меху. Мой демисезонный плащ, вполне подходящий для дождливой Прибалтики, тотчас при упоминании о Заполярье, смущенно «затерялся» в платяном шкафу.

Какая погода в морозном краю, я не знал. Но мне было ведомо: обезопасить себя от температурных сюрпризов необходимо. Отсюда и потребность в пальто. Но не с вешалки же его снимать, если его там нет. А с кого? Разумеется, с брата моего Бори. Он хоть и моложе меня на четыре года, но по росту и объему соцнакоплений превзошел на несколько выигрышных сантиметров. Поэтому его пальто годилось и мне. А в Мурманске оно будет гораздо полезнее для организма, чем в Риге, где ходить можно и без него.

Шаг — направо, шаг — налево, топ-топ-топ, и я уже на набережной Даугавы, в прогреваемом алкогольными градусами Интерклубе моряков загранплавания.

Слово — туда, слово — сюда, бла-бла-бла, и «гардеробный» номерок на серое в клетку пальто перекочевал ко мне в карман.

Дальше — «джем-сейшн» — импровизационный джаз-концерт американских моряков вкупе с нашими «подпольными» звездами свинга.

Среди рижан — звездой первой величины в ту пору как раз и был мой брат Боря Гаммер, на газетном сленге «кудесник саксофона». Его ансамбль «Комбо» гремел в Риге, и каждый исполнитель слыл истинным виртуозом. Это Майрум Аронес, муж моей сестры Сильвы,— бас гитара, Юра Смирнов — фоно, Владимир Банных — контрабас, Валерий Гарфункель — труба, Владимир Болдырев — ударные, певец — Анатолий Могилевский.

В Интерклубе, сбоку от зала, где куролесил «джем-сейшн», в двух небольших комнатах располагалась редакция «Латвийского моряка». Здесь, если позволительно так сказать, «активно дневали и ночевали наши плодовитые первые перья». Кто — за пишущей машинкой, кто — за столом для пинг-понга, а кто — и за стойкой в баре.

Время, назад! Имена — на поверку!

Редактор газеты Яков Мотель, его заместитель Эдуард Лапидус. Дальше — старейшина журналистского цеха Юпитер Езусенко, выпускница сценарного отделения ВГИКа Людмила Нукневич и ее неразлучная подруга, знаток английского языка Кларисса Перельмутер, литсотруднки Ефим Гаммер, Кармелла Медалье, Сергей Ясон, Светлана Расолько, фотокоры Гунар Ливен, Григорий Илугдин, художник Виктор Лурин, машинистка Лариса Молчадская. И примкнувший к ним Ливик Генделист, помнивший, что сорок процентов газетных материалов должны быть — авторские, а шестьдесят — внештатных корреспондетов, значит, и ему открыта дорога к печатному станку.

Ливик — надо же такому случиться! — прослышав о «джем-сейшне», приволокся в Интерклуб вместе с неразлучницей-гитарой и экстренно сочиненной, будто бы по уговору со мной, песней «блюзового характера». Но эта песня, рожденная вдали от Нью-Орлеана, вряд ли сошлась бы «характером» со своей американской соперницей. Ведь мы только «в области балета впереди планеты всей». С вокалом похуже. Вот и пришлось, во имя спокойствия, чтобы не дошло до выяснения творческих отношений, затолкать подвыпившего для храбрости Ливика в редакционный кабинет, взять в буфете пару пива и пояснить:

— Когда на сцене дядя Сэм, то в первых рядах слухачи-стукачи. Из подотряда искусствоведов в штатском. Повремени со своей музыкой. Янки-дудл схиляют, тогда и солируй.

— А я сейчас хочу. У меня — с пылу, с жару. Душа горит!

— Охладись пивком. И заводи пластинку. Но втихую, чтобы джазмены не услышали. А то выгонят.

— Что за фигня? Я телепатическое пение еще не освоил,— почти обиделся Ливик, но желание продемонстрировать изделие собственного голоса пересилило. Хлебнул из горлышка, плюнул на огорчение и театрально вывел:

— Оки-доки! Музыка Генделя и Листа, слова телефонные, твои, но в моей термитной обработке, исполнение тоже мое. Исполнять?

— Только вполголоса.

— Раз-цвай-драй! — Ливик мягко провел пальцами по струнам, призывая к вниманию. И налег на речитатив, не мешая фирмачам за стенкой:

Самолетом — далеко,
на оленях — ближе.
В санях дышится легко,
тем, кто дышит.

Мне не нужен паровоз
и купе-плацкарта.
Еду-еду сквозь мороз
в май-июнь из марта.

Еду-еду за Урал
я к такому месту,
где Хор-Хай мне обещал
подарить невесту.

Еду, молод, утром-днем,
И в ночных потемках.
А доеду стариком
До любимой тетки.

— Ваше слово, товарищ Маузер? — выдал вопросительную интонацию Ливик Генделист.

— Текст одобряем,— произнес я с характерным для Отца народов акцентом.

— На первую полосу?

— Э, нет! — переключился я на картавость, подражая знаменитому Щукину из фильма «Ленин в Октябре».— Архисложно давать на первую полосу вашу рифмованную галиматью, голубчик. Буржуазия не поймет, а народ не простит, скажет: верхи не могут, а низы не хотят. Вот если прибавить про соцобязательства, взятые к столетию Ильича, тогда и обернется ваш текст необходимой для передовой «газетной» правдой.

— Товарищ Маузер, а нельзя ли по существу, без «газетной» правды?

— Можно. «Правды» нет, «Труд» стоит две копейки,— подкинул я обиходную шутку.— «Советскую Россию» продали, остался «Латвийский моряк», да и он у нас сегодня для гостей редакции бесплатно.

— В этом случае я двину в зал, к братану твоему... Исполню...

— Больше налегай на Генделя. Но не забудь, от тебя еще требуется срочное распознание слова «Амдерма».

— Распознаем.

— Хорошо, тогда подкинь мне свой рукотворный текст. Я сейчас отшлепаю его на машинке. И оставлю Якову Семеновичу Мотелю — на прочтение. Авось и ему покажется с утра, что на оленях ближе.

— Ему не покажется,— пробурчал Ливик Генделист.— У него с утра похмелюги не бывает.

— Согласен, снегом он только на войне закусывал. Но я тут сделаю пометку, что этот стишок просится для колорита в подверстку к моим арктическим репортажам, которые буду гнать по рации с судна. Глядишь, и посоавторствуем.

— Пока что мы с тобой соавторствуем лишь по части выпивки, тебе половина и мне половина.— Ливик опорожнил бутылку и упрятал ее в нижний ящик стола.— Двенадцать копеек на черный день.

— Ничего ты, Ливик, не понимаешь.

— А что?

— Этот стишок Мотель, по всей видимости, как раз и напечатает. Есть в нем такой момент, о каком ты и не догадываешься.

— Оки-доки! Получается, я сам не знаю, что сочинил.

— А если знаешь, то объясни, откуда у тебя взялся «Хор-Хай»?

— Да из книжки об Амдерме! Написано — находится она на восточных склонах хребта Пай-Хой. А самое древнее поселение там — Хор-Хай. Заложено в таком допотопном году от сотворения мира, что не упомнишь.

— Ливик! Кем заложено?

— Кем надо, теми и заложено. Что я тебе — комсомолец на допросе? Пристал!

— А ты хоть усек, что значит «Хор-Хай»?

— «Хор» и по-русски — хор.

— На древнееврейском — дыра. «Хай» — живая. Получается, поселок твой называется — Живая дыра. Звучит очень симптоматично, если подумать о приросте народонаселения.

— Раз-цвай-драй! Язык — того... под запретом. Откуда свинтил информбляшку?

— От Файвиша Львович Аронеса. Это отец Майрума, мужа моей сестры Сильвы.

— Бас-гитариста?

— Да... Папа его был знаменитый еврейский актер. Играл в Харькове, Минске, Биробиджане, снимался в фильме «Граница», переводил Маршака на идиш, писал книги. Пока не посадили. Когда? В конце сороковых. После убийства Михоэлса. Сейчас пенсионер. От него и набрался словечек разных. Все-таки язык, на котором Соломон Мудрый говорил.

— А не боишься разоблачаться?

— Перед тобой — нет. Ты же сам запретный язык закамуфлировал под родную мову. Стихи на нем слагаешь, как наш классик царь Давид — псалмопевец.

— Положим, не на нем. А что? Думаешь, Мотель клюнет на «Хор-хай» и напечатает?

— Еврей! Когда распознал, что среди 26 бакинских комиссаров чуть ли не треть евреи, тут же, под какой-то юбилей — кажется, пятьдесят лет с расстрела — дал о них разворот. С фотографиями, фамилиями, и с неблагозвучными именами-отчествами. Перепечатал из «Моряка Каспия». И твой «Хор-хай», помяни мое слово, даст.

(Продолжение следует)

Людмила Воробьева
(г. Минск, Белоруссия)

ФЕНОМЕН ЖИЗНИ И ЛЮБВИ В КНИГЕ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА «ЖЕНЩИНА В ЧЕЛОВЕЙНИКЕ»*

Любовь или страсть нас давно не кидают друг к другу.
В больших городах поселилась тоска отчужденья...
<...>
И все, что покажет мгновенье в искусственном свете,—
На солнечный мир изначальный земли не похоже...
Чтобы не заболеть, нам необходимо начать любить.

З. Фрейд

Много людей живут, не живя, но только собираясь жить.

В. Г. Белинский

Хорошая литература в любое время — это прежде всего текст, написанный личностью. Именно такой разносторонней личностью и является Алексей Афанасьевич Яшин — самобытный писатель-прозаик, лауреат многих всероссийских и международных литературных премий, главный редактор литературно-художественного и публицистического Ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори», которому совсем недавно исполнилось 15 лет, по нынешним временам, когда заниматься «толстыми журналами» стало крайне сложно,— срок не такой уж и малый. Не счесть его регалий, обозначим лишь самые значимые: заслуженный деятель науки Российской Федерации, дважды доктор: технических наук и биологических наук, дважды профессор Тульского государственного университета: по кафедре ЭВМ, по специализации «Медицинские приборы и системы». Награжден медалями А. Нобеля, Н. И. Вавилова, В. И. Вернадского, кавалер орденов «М. Ю. Лермонтов» и «Владимир Маяковский». Поддерживает прозаик тесную связь и с братской Беларусью, будучи членом Беллитсоюза «Полоцкая ветвь». Алексей Яшин — писатель социальный, глубоко психологичный, поднимающий исторические вопросы, уходящие своими корнями в национальную русскую почву, животрепещущие вопросы нашей жизни, требующие сохранения отечественной культурной памяти, осмысления дня сегодняшнего.

Нужно сказать, что и литература, как вид художественного творчества, по своей природе и функциям — явление социальное. И автор представляет нам эту социальную откровенную прозу, талантливо высвечивая многослойный срез современности. Хорошая литература создает хороший текст, который тем и хорош, что его нельзя повторить. Произведения Алексея Афанасьевича очень часто объемны, а всякая объемная проза непроизвольно стремится к романному статусу: будь то повесть или такая малая форма как рассказ, которые по развитию своего сюжета смело могли бы у него стать романами. К примеру, повесть «Коммуна комиссара Гоши», где он описывает калужскую деревню по линии своей матери, весьма любопытно касаясь и роли А. И. Солженицына «в уничтожении его же бывшей родины». Этот «вермонтский отшельник» стал парадоксальным сосредоточением всей литературы 90-х годов

* Алексей Яшин. Женщина в человейнике: Роман одного дня (Предисл. Л. В. Ханбекова): Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2018.— 395 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электрон. форме см. на сайте www.pz.tula.ru.

ушедшего века. А. Яшин объективно разбирается в столь запутанном феномене, где правда и художественный талант, а где явное сочинительство и катастрофическое преувеличение вознесенного на пьедестал масштабного писателя. А в рассказе «Враг народа и себе враг» — поколение «шестидесятников» с его ценностями истинного выбора, с уникальным явлением и характерной чертой советского человека того периода — «толстыми литературными журналами», активными двигателями литературного процесса, этими достоверными свидетелями эпохи с ее крепкими моральными устоями не только в литературе, но и в жизни. И патриотический рассказ «Последний граф Империи» — пронзительное повествование о верности долгу, чести и совести, о бескорыстной любви к Отечеству и народу в роковые для него моменты духовных и физических испытаний. Приближает к пониманию веры и последних дней жизни всемирного русского гения философско-религиозный очерк «Последний евангелист христианской эры», что был создан автором к юбилею Л. Н. Толстого, в котором открывается свое моральное Евангелие великого писателя-моралиста, его Христова мораль, соединенная в Четвероевангелие.

Сегодня в новой прозе третьего тысячелетия происходят неизбежные мутации романного жанра, когда роман не имеет строго раз и навсегда установленного канона. Сам его жанр неуловим, он находится в постоянном контакте с меняющемся миром. Но в то же время роман остается сам собой, и роман меняется. Faktion — сплав, соединение вымышленного с фактографическим подтверждением. Так у А. Яшина в романе «Женщина в человейнике: Роман одного дня» встречаются элементы автобиографии, при этом, несмотря на его острую социальность, нет навязчивой публицистичности. Придерживаясь новаторской линии в прозе, роман не лишен привычной классической традиции. Автор соединяет хроникально-бытовое время с условным и перед нами как будто возникает подвижная лента интернета. «Роман одного дня» охватывает время разное, он как бы вне времени — один день длиною в жизнь, включающий и мгновение, и категорию вечного. Хочется задуматься: обыкновенный современный роман, есть ли он сегодня как жанр? Стоит лишь включить поисковик интернета и начнут мелькать приевшиеся названия: «Больше, чем любовь», «Тень Казановы», «Новая методика обольщения», «Брачный контракт», «Первородный грех» и тому подобное.

Между тем, прогноз Осипа Мандельштама о быстрой кончине романа не подтвердился. Леонид Ханбеков в предисловии к роману Алексея Яшина говорит о том, что его автор — фундаменталист, и роман выдержан в классических канонах, манера его письма нетороплива, писатель сосредотачивается на характерных приметах своего времени, создавая словесные портреты противоречивых явлений нашего социума. Алексей Яшин обладает собственной особой логикой. Если для истории не подходит сослагательное наклонение, то для философии и литературы — напротив, ведь оно помогает осуществлять анализ происходящего. Проза писателя не носит исповедальный или проповеднический характер, она вольная и ассоциативная, в большей степени философско-психологическая. Не секрет, что литература современности стремится к синтезу, сплаву документа и вымысла, мечты и факта. И автор имеет дело с живым материалом, когда форма не может быть квелой, потому как современный роман должен быть с драйвом, как должен быть с драйвом и образ современной женщины, образ многогранный и неоднозначный, составляющий главную и существенную роль в смысловом поле романа А. Яшина. Впрочем, исследовать идею сложнее, чем заявить тему. Автор совершает аналитическое проникновение в ткань собственного художественного текста, когда в ткань произведения вводятся всевозможные афоризмы, максимы, сентенции, дающие богатую пищу для размышлений.

Обложка книги цепляет названием «Женщина в человейнике», отзываясь реми-

нисценциями в соприкосновении с романом А. А. Зиновьева «На пути к сверхобществу», включающем философские научные идеи и социальные повседневные наблюдения. Философ А. Зиновьев пишет ясно и доходчиво, не смешивая науку и идеологию. Человейники у него — человеческие объединения, имеющие — микро-, макро-, и супер-уровни, общества и сверхобщества, подразумевающие устойчивую совместную историческую жизнь. Но никакой прогресс не дается даром. Доминанта западного мира — особая форма колонизации, где социобиологический робот стал абсолютной необходимостью его существования, где безразличие и прохладность — визитная карточка современных отношений. На этом глобальном цивилизационном распутье высвечивается главный вопрос нашего бытия — человек. Идеи трансгуманизма, провозглашающие цифровую революцию и упраздняющие самого человека, уводят нас в плоскость проекта человека-потребителя, ставшего материальной частью государства техносферы, для которого ноосфера, основоположником которой был ученый-мыслитель В. Вернадский,— лишь несбыточная мечта. На этот счет А. Зиновьев замечает: «Индивидуальность здесь так же избыточна, как и для муравьев», живущих в перенаселенных муравейниках, по образу и подобию которых и функционируют человейники.

Но пересказать затейливую книгу А. Яшина, вызывающую необычное впечатление, крайне сложно, да и не стоит, ее нужно читать, ведь его «Женщина в человейнике» пестрит писательскими придумками. Автор изобретает свой собственный понятийный аппарат, основанный не только на философской логике, но и на интуитивной логике познания жизни. К счастью, спасительной наукой о человеке является именно литература. Разве может прекратиться извечный спор эстетики и литературы, представляющий жизненный взгляд на литературу и литературный взгляд на жизнь? Но, как говорится, «на всякого мудреца довольно простоты» — строгая литературная наука требует истины. Окинув современный литературный процесс общим взглядом, понимаешь, что тихо уходят утомленные постмодерном, несдающиеся «шестидесятники», что либеральная революция и последующие за ней гражданские войны в литературе кончились и победили в ней не западники, не славянофилы, не демократы и патриоты, о чем говорит в книге «Такова литературная жизнь» критик Н. Иванова, а всенародная любовь, не увенчанная никакими премиями,— А. Маринина, Д. Донцова, Т. Устинова, с чем можно нас всех и поздравить! Получается, что литература проиграла эту компанию — победили те, у кого был талант писать плохо. Массовая литература взяла в полон все и всех. Поэтому книга А. Яшина — это не рассудочный прием литературной коммерции при всех ее редких экзерсисах. Автор намеренно оставляет нам условие и пространство для домысливания, ему присущ интуитивный дар ассоциаций, расширяющий текстовые горизонты заданного им философско-этического плана, заставляя при этом напрячь мозги и массового читателя легкого чтива! А книга действительно написана так, что ее будут читать все! К тому же исключительно оригинально само оформление книги, автор использует метод всевозможных иллюстраций, гравюр, сатирических картинок-карикатур, позаимствованных из русских книг давних классических изданий.

Исходя из вышесказанного, А. Яшин неслучайно начинает роман выдержкой из книги А. Зиновьева «Коммунизм как реальность», приводя достаточно любопытную цитату об «интимной жизни коллектива», которая «не исчерпывается совместной производственной или служебной деятельностью». В Советском Союзе всегда присутствовали «личные взаимоотношения». «Они сплачивают коллектив в нечто большее, чем семья, а именно — своего рода единую личность (суперличность) коммунистического общества, в такое «мы», которое имеет право рассматривать себя как «я»,— заключает философ-социолог. Разрешая важнейшее противоречие между «я»

и другими, между личностью и обществом, в известной книге-трактате «Опыты» Мишель Монтень расширяет круг жизненных интересов, выводя человека за пределы своего «я», он говорит о его природных качествах: естественной доброте, чувстве долга перед окружающими, опорой которого как раз и служит взаимная любовь и симпатия людей. Но в западном типе человека и в его психологии над коммунистическим типом доминирует индивидуализм, деловой аспект и законы рационального расчета.

А. Яшин ставит задачу в своем социальном романе — показать русскую женщину в глобализирующемся человечестве — человейнике. Как видим, идея свежая, но, что касается жанра, то автор старается излагать материал в русле традиции, он идет от классического наследия — к современности. Итак, писатель рисует собирательный портрет женщины нашего времени, любезно предлагая нам, как замечает Л. Ханбеков, на мир «смотреть глазами своей героини». Основная рассказчица всех историй, их непосредственный аналитик, героиня романа — Елизавета Васильевна, которая к своим 32 годам еще и дипломированный психолог, кандидат психнаук. И «новый русский критический реализм», разработчиком и приверженцем которого А. Яшин является, русская словесность новейшего периода, как он считает, невозможны без тщательного исторического экскурса. Прозаик связывает разные эпохи и времена, извлекая корни зарождения и развития тех или иных событий, влияющих на человеческие отношения. Казалось бы, причем тут глава книги с весьма странным названием «Китаевка и ее обитатели»?! Однако в данной главе определены значимые максимы — слияние в романе нескольких линий: история родины, что переплетается с историей одной, отдельно взятой, семьи, где обязательно присутствует автобиографический элемент, женские образы и философия любви, поиск мимолетного и вечного в жизни и судьбе.

Всеведущий автор совершает исторические сюжетные отступления и дает волю своему необычному литературному дару. Центр притяжения повествования — Егор Фомич Сиваленков, отставной боевой полковник, прадед Лизы, другой важный образ, параллельный образу главной лирической героини. Его усилиями был выстроен огромный дом, в котором жили «под одной крышей чисто по-русски», жили «традиционной семьей в три — четыре поколения». История про одну определенную семью обычно рассказывается для того, чтобы показать, как устроены многие семьи. Семья А. Яшина — потомки калужских крестьян, отец из калужских старообрядцев-половцев, моряк-североморец и архангельская мать с примесью шотландских кровей. Мать родилась в большом монастырском селе Великий Халуй Архангельской губернии — Северный край между Онегой и Северной Двиной. Эти места и белокаменный монастырь описаны им в повести «Коммуна комиссара Гоши». А вот география конкретного места действия в книге «Женщина в человейнике» — российский областной центр Тулуповск, старый уездный город, возможно, и воображаемая аллегория с городом Тулой, где везде, если ты живешь в России, всесильно чиновничество, определяющее все и вся, как и во времена славного губернаторства М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ну, а он, как никто иной, в этой бессмертной теме знал толк. В нашем Тулуповске находится и знаменитая Китаевка, основанная поселенцами-китайцами, приехавшими на работу в Россию, на стройку века — КВЖД — гигантский проект Транссиба. «Так появилась тулуповская Китаевка за железнодорожной линией, огибавшей город с западной его окраины»,— красочные топонимические букеты живописует автор, попутно рассказывая о «китайских беглецах с родины», этой дешевой рабочей силе, пребывающей в избытке по срединной Сибири. В книге приводятся удивительные факты о том, что «как только Транссиб дотянулся до Харбина, а оттуда ветки на Владивосток и Порт-Артур, так китайцы всеми правдами и неправдами <...> устре-

мились в Россию <...> тысячи, десятки тысяч китайцев прорывались в Россию». Свой «долгий путь в Россию» совершила и знаменитая бригада Ле Хувея, дальновидно нацеливающего китайских соотечественников приобщаться к русским традициям и культуре, к изучению русского языка. В свете нынешних событий и чрезвычайно активной и возрастающей роли Китая во всех сферах и областях человеческой деятельности будет уместно вспомнить цитату древнего китайского мудреца Сунь-цзы, когда-то провозгласившего: «Знай себя, знай других — и ты будешь непобедим».

Буквально каждую главу книги «Женщина в человейнике» предваряют остроумные истории, похожие на анекдоты, а может вполне реалистичные были. Текст изобилует пословицами, точными авторскими умозаключениями, не лишенными иронического взгляда на природу вещей и явлений. «Что ж теперь нам делать с зловредными русскими пословицами?» — задается закономерным вопросом писатель. «Не верь коню леченому, вору прощеному и понятно кому крещеному» — гласит несколько подзабытая в наше демократическое время русская пословица»,— читаем у А. Яшина. «А как быть с женщинами?» — спрашивает он тут же, переходя к магистральной теме. И не удивляет лаконичным заявлением: «А вообще-то после пушкинской «Сказки о золотой рыбке» ничего нового про женский характер уже и сказать нельзя». И даже, если предположить, что «Пушкин уже все о слабом поле написал», то в любом случае нельзя не учитывать и высказывание академика Н. Скатова: «Пушкин был главным Дон Жуаном русской литературы»,— явив нам бесконечно богатый опыт любви. Женщины: мы думаем, что знаем их, а на самом деле лишь отчасти... Сколько уникальных женских черт не поддаются никаким объяснениям! Нечто магическое, по мнению автора, как «та же религия», есть у каждой женщины.

Не секрет, что на любой предмет можно взглянуть с двух точек зрения — серьезной и комической. А. Яшин, прежде чем представить женские образы, делает анализ социальной общественной почвы. Многое неоднозначно сегодня. Сделай паузу — скушай «Сникерс». Живи без напряга, поздняк метаться, как вещают молодые. И прозаик прав, констатируя факты: «<...> к миллениуму, говоря по-импортному, сексреволюция в новой России по размаху затмила все иные, бывшие в двадцатом веке, революции и контрреволюции». Алексею Яшину свойственна диалогическая манера мышления, порой переходящая в остросатирическую, когда имеет место быть рядом и раздвоенность, и совмещение двух полюсов. Герою романа Егору Фомичу присуща эта отстраненная манера «слушать других людей как бы «со стороны», в мыслях своих выстраивая нечто вроде связного и образного рассказа». Он обращает внимание Лизаветы, как по-старинному величает ее, на что и нам не помешало бы тоже обратить внимание — на «замечательную английскую присказку, вернее, даже правило поведения: «Беседуя, джентльмены не имеют в виду присутствующих!» И далее добавляет: «К сожалению, женщины ему не следуют, а все переводят на себя и собеседника...» На протяжении всего романа ощущается познавательно-аналитический взгляд, особая форма монтеневского самонаблюдения, раздвоение личности на «я» наблюдаемое и на «я» наблюдающее, на объект и субъект анализа, что создает искомое единство, когда эти два «я» приходят в гармонию и анализирующий получает одобрение со стороны анализируемого. Лиза, обладательница, пожалуй, одного из самых таинственных имен в русской классике, усвоила старую и проверенную школу своего боевого прадеда, недаром повторявшего известную цитату Салтыкова-Щедрина: «Генерал в России не звание, а счастье!» Вне сомнения, в ярком образе Егора Фомича автор воплотил славное прошлое нашей некогда могучей и единой державы. Перед нами — полковник-танкист с Золотой звездой за Прагу, страстный книгочей, член Союза журналистов СССР, написавший книгу о героическом пути своего Краснознаменного гвардейского танкового полка.

Все мои дожди отморосили.
Все ветра споткнулись на бегу.
Я умею только о России.
Ничего другого не могу.

Г. Русаков

Надо сказать, освещая тему человеческих отношений и любви, их первостепенной составляющей, автор нет-нет, да и делает значительные ремарки, заставляющие думать о мире во всей его целостности: «История человеческая одновременно короткая и протяженная, особенно, когда само время сжимается, как у нас в стране в этот век, увы, уже уходящий: революции, войны, великие стройки и напряжение всех сил людей»,— пишет А. Яшин, сохраняя связующую нить поколений. Но может ли родина быть малой? Он возвращает нас в настоящее, проецируя ход своих размышлений на Тулуповск, который «с давних времен традиционно поделен социально и территориально на однородные группы жителей, своего рода классы». Тулуповск — всего лишь своеобразная мини-модель всей социальной структуры нашего общества. В поле зрения А. Яшина и «класс различного чиновничества», благодаря оному и осуществляется «массовое уничтожение промышленности, что мы сейчас наблюдаем, и превращение населения в единый класс-гегемон». В итоге мы получаем невероятно усредненный духовный облик самого человечества — общество массового потребления — массовой культуры. Отсюда — совесть и честь, не присущая нынешней элите, ее крайне печальное, плачевное духовно-нравственное состояние. Как тут не вспомнить и давнюю мудрость: «За царя — на плаху, за народ — на костер, а за двухгривенный — куда угодно». Только сегодня это приобрело неслыханные масштабы. Здесь уместно сформулировать справедливую мысль академика В. Гольданского: «Все, что нам 70 лет говорили о социализме, оказалось ложью. Но то, как нам изображали капитализм, оказалось правдой».

Представляя читателю различные ситуации, хоть сравнения и вещь неблагодарная, весь момент лишь в том, как их подать, А. Яшин некоторые социальные моменты сопоставляет с описанными когда-то Салтыковым-Щедриным. У Михаила Евграфовича подобного немало в «Истории одного города», как-никак много времени провел он на чиновничьем поприще, в том числе служил рязанским и тверским вице-губернатором. Вот и получается: бедная богатая наша классика на все времена — и те, в которые сочинял Салтыков-Щедрин, и те, в которые после него, да и на наши времена ее хватило и хватает. К счастью или к сожалению, но у нее срока годности нет. А классика — она ведь всегда пластична, всегда уместна, всегда готова ответить на мысли автора и наши с вами насущные вопросы.

Не постигнув болезненных проблем бытия, сложно понять и философию современной любви, которая тоже изменилась, как и сама женщина, вынужденная подстраиваться и приспосабливаться к веянию изменчивого прогресса. Сколько вынесла на своих плечах русская женщина во все эпохи! И что в итоге?! Современное общество страдает неизлечимой болезнью безработицы, от которой лекарств нет и похоже не ожидается ни в близкой, ни в долгосрочной перспективе. А. Зиновьев, характеризуя советскую идеологию, выделяет ее ключевую гуманистическую ценность — это прежде всего «самоценность человека труда». Сегодня везде доминирует бизнес и в отношениях тоже. Фактор жизни западного общества управляет миром, везде подключен «глобальный денежный механизм» и «расчетливый прагматизм», давно разъедающий наше постперестроечное общество. От одних только слов с их нескончае-

мыми «измами» уже голова идет кругом. До любви ли?! Но на то она и русская женщина, чтобы вживаться в любую структуру, приспосабливаясь к любым обстоятельствам, при этом энергично обустраивая любую эпоху. Ни одной западной женщине такое даже и не снилось!

Так зачем же мы намеренно отказываемся от своего кровного, родного, стесняемся его?! Не зря А. Яшин и критикует отказ от всего исконно русского, высмеивая пагубное «превращение в скорейшие сроки детей, родившихся от нормальных родителей, в уродов американо-европейского образца». «У нас страна православная, католического чистилища»,— тут же верно подмечает он. Крайняя гиперболизация, напоминающая салтыковское зоологическое уподобление, сопровождает его наблюдения: «Мне всегда обидно за некоторых животных, особенно за свинью <...> А вот поди же, самые дурные наклонности наших демократов ассоциируются со свиньей». Необходимо отметить, что в книге А. Яшина прежде всего есть основа серьезной почвы как безусловного условия шутки и объективного смеха. Трагическое и комическое всегда взаимодействует вместе, поэтому автору не чужд и достоевский удивительный юмористический смех, и близок редкий пушкинский дар веселости.

Причинная связь явлений сопряжена с постоянным анализом происходящего, и мы вместе с автором и героями романа пытаемся разобраться и в системе ценностей, и в системе соблазнов. Принужденные страстью к доллару, девальвировавшему победу СССР во Второй мировой войне и сжирающему Россию и русский характер, мы, что подчеркивал и А. Зиновьев, обретаем «усредненное и стандартизированное сознание», когда «стремление «иметь» в основе своей возобладало над стремлением «быть». Роман А. Яшина «Женщина в человейнике» раскрывает три смысловых измерения: этическое, мировоззренческое, гуманистическое. В таком диапазоне и выстраиваются психологические и социальные модели общества. Задача писателя их совместить, осмыслить и вписать в современный контекст жизни. Весь вопрос в том, как это сделать, когда мир вокруг сходит с ума? «Но главное в нынешней нашей жизни — это целенаправленный разврат из телеящика, глянцевых журналов, «женских романов» в мягких переплетах»,— таковы сегодняшние реалии, волнующие писателя.

Сократ изрек гениальную фразу, неумирающую в веках: «Все тайное, рано или поздно, становится явным». А у А. Яшина это «явное — обратная сторона тайного». Тайну, вопреки логике жизни, пытаются спрятать, а она и есть — явь. Она и есть та настоящая история, которую не хотят знать, о которой не хотят слышать, от которой отворачивают лицо. Познание сущности бытия невозможно без экзистенциального взгляда, без него невозможно представить и женщину в условиях нашей формации. Хотя излишне залезать в психологические глубины не стоит. А. Яшин предлагает оглянуться просто на себя и на окружающую жизнь своих знакомых, что, собственно, и делает главная героиня Лиза. Сходством психологических типов определяется сходство судеб. Жизнь и литература соединяются, творя общий культурно-психологический женский тип как отражение нашей противоречивой эпохи. В романе явственно ощущается уверенный авторский голос, сопереживающий женщине, сочувствующий и оправдывающий ее, но никак не осуждающий. Читатель убеждается, что об одном и том же предмете может существовать взаимоисключающее мнение. Даже самому талантливому писателю трудно пересюжетить реальность — она сейчас драматичнее и страшнее любой выдумки. И не над вымыслом сегодня обливается слезами учительница литературы на Крайнем Севере или в пылающей Новороссии, а над своим существованием. Резко изменилась сама ситуация и момент заветной истины ушел в небытие. Анна Каренина уже не входит в круг героинь романного чтива наших современниц, она их, искушенных в любовных изменах и отринувших всяческие

табу, давно не интересует, вызывая своим убийственным поступком лишь легкое недоумение.

«Жизнь не есть зло и благо: она вмещает и то, и другое по нашему собственному выбору»,— утверждал Мишель де Монтень. И Лиза «представляет себя некоей сторонней наблюдательницей», она, словно героиня из классики, видит судьбоносные сны. Елизавете Васильевне, дипломированному психологу, вполне доступно «толкование сновидений» по Фрейду, так как и ее личные «навязчивые», «неспокойные» сны — продолжение обыденной жизни, ее изнанка. Сны — это и воспоминания, и наша тревожная жизнь, а может быть «предверие неосуществленных желаний», реализация которых, как считал Фрейд, возможна в сновидениях. И чего только не приснится женщине, пребывающей в одиночестве после не совсем удачного замужества?!

Причем интересно отметить и другие образы: Вера Тимофеевна — старший менеджер одной московской фирмы. Обычная, на первый взгляд, женщина. Но лишь на первый... Пожалуй, одна ремарка автора скажет о ней многое, если почти не все: «И время пошло такое: не до высоких моральных принципов...» Здесь нельзя не вспомнить характеристики М. М. Бахтина о «сочном плотском колорите», олицетворяющем связь с «телесным низом». И другая героиня романа Светлана Анатольевна Холодова, филолог по образованию,— «самая шикарная женщина» города, в отличие от той же Веры, знающая себе истинную цену, высказывает «прискорбную» для женского пола вещь, когда «явная, профессиональная проституция — крайнее выражение биологической сущности самки. Не зря же это — древнейшая профессия». Парадокс и голая правда. Светлана словно символизирует потерянность любви в современном мире, не оставляющем никаких иллюзий. История ее подтверждает старую истину, что, когда речь идет о женщине и мужчине, то дело не ограничивается областью одних только чувств — есть и расчет! Миром правит закон относительности, а значит, субъективности, произвольности наших чувствований.

Весьма отличительная индивидуальная особенность А. Яшина — уникальная способность переключаться, резко меняя тему и область исследования, при этом не теряя нить размышления, он умеет логически возвращаться к основному вопросу. «Русская земля, горестная и великая», как сказал о ней современный критик В. Лютый, не покидает его. За внешним юмором чувствуется боль за страну, горечь разочарования за развал ее былой мощи. Нельзя не согласиться с А. Зиновьевым, который дал случившемуся правильное объяснение: «Жизнь коммунистического общества была искусственно прервана усилиями внешних врагов и внутренних предателей». Социальная сфера у нас была выше и эффективнее капиталистической. Сегодня же происходит вопиющее ограбление и обнищание русского человека, не поддающееся никакому определению, и А. Яшин, фигурально выражаясь, открывает глаза народу: «<...> мы вам нефть, вы нам — некондишен — ширпотреб. Внутренняя торговля суть чистейшей воды спекуляции «купи — продай». Очень колоритные детали нашего времени: с одной стороны — суверенные государства, процесс демократии, с другой — гастарбайтеры из Средней Азии — лицо российских городов с их черновой работой, трудовая армия «понаехавших», как их называют.

И все же автор находит способ смягчить реальность «эпохи кривозеркалья». Критика и самокритика, как утверждал товарищ Сталин,— движущая сила нашего общества. А. Яшин чаще всего склоняется к мягкой критике. Духовный упадок западного общества, о котором нас так убедительно предупреждал писатель социальных романов А. Зиновьев, пришел и к нам! Мы получили, по словам А. Яшина, долгожданную «свободу выбора» «с ссылкой на весь остальной цивилизованный мир». Но загадочна русская душа, обладающая ощущением жизни, трагическим и спасительным одновременно. Красноречивый и наглядный пример — гвардейский полковник Егор Фо-

мич, передавший патриотические чувства любви к Отечеству правнучке Лизе. Биография его поражает: воевал в Испании, на Халкин-Голе, на Дальнем Востоке с самураями, 20 лет прослужил в высшем военном тулуповском училище. Главное — построил старый Дом на горе, где жила большая семья в четыре поколения! Разве это не человеческий подвиг?! «Именно у нас оно было! Хотя бы мы можем сейчас сравнить и сказать: мы жили в счастливое по оптимизму время и в уникальной, социально ориентированной стране!» — с воодушевлением и духовным подъемом говорит он о советском государстве. «Сильный воспитанным от рода своим характером при любом раскладе жизни останется человеком!» — бравый фронтовик смог передать Лизе по наследству как самый большой дар — твердый и несгибаемый характер. А также еще привычку документировать и анализировать свои наблюдения. Рыночная цена не смогла до конца вытеснить этическую оценку, потому что не все сдались на волю случая, и далеко не все стали продуктом западной эволюции, вступив в антагонизм с «западоидом» — искусственно выведенным существом, этим равнодушным потребителем.

Лиза, вопреки нашему противоречивому времени, следует завету прадеда, когда собирает свои сокровенные заметки о природе любви и особенностях женского характера. «О женском пиши — как бы со стороны на это женское смотри, как мужчины на вашу братию поглядывают!» — советовал ей умудренный жизнью Егор Фомич. «<...> вся литература создается вокруг любовной интриги»,— нельзя не согласиться с автором книги «Женщина в человейнике». Возникает и другая интрига: удастся ли ему сделать открытие в этой многогранной теме? Скажет ли он что-то новое? Женщина и любовь — «основа человеческого существования». Сколько восхитительных произведений в мире о самоотверженных любящих, вобравших в себя и романтизм с его культом страстной любви, и христианство с нравственно-духовным аспектом. Наиболее известные и читаемые: «Письма незнакомке» А. Моруа, «О любви» Ф. Стендаля, «Воспитание чувств» Г. Флобера, «Страдания юного Вертера» И. В. Гёте. Впрочем, нет смысла их перечислять, они бесконечны, как и сама жизнь...

«Поговорим о странностях любви»

Великий русский классик говорил о них с присущей только ему одному гениальной простотой и ясностью. Поэтому зная, с какой величиной ты имеешь дело, прекрасно осознаешь, что любовный опыт пушкинского дара неотделим от нашей жизни. Любовь — огромное, властное, всепроникающее, всепобеждающее чувство. Таинственная власть, древняя, как мир... Взгляд человеческий всегда будет ловить влюбленных. Свечи разума здесь не зажигают. Так было — так будет... «В любви всегда есть немного безумия... но и в безумии всегда есть немного разума»,— находил и здесь золотую середину, присущую древнегреческой философии, Ф. Ницше. «Почему в шахматах нет женских фигур?» — интересный вопрос ставит А. Яшин, поясняя суть воплощения формальной логики, где есть только «да» и «нет». У женщин, как известно, эти категории размыты и абсолютно лишены конкретики. Конформизм женщины порой не знает границ. В череде ярких, но незавершенных до конца женских образах, автор представляет богатейший арсенал любовных историй. Оригинален его взгляд на женскую и мужскую природу. Как, казалось бы, они друг другу не противились, он их парадоксально объединил. Возможно, человеческая жизнь существует для того, чтобы ее прожить во всех данных нам проявлениях.

Вот лишь небольшие образные изречения из книги «Женщина в человейнике»: «Любовь — это и дорога, и указатель, и цель, и место отправления; она же и остановка дилижанса, что везет девочку, потом девушку, женщину, почтенную мать семейства, по жизни». Или еще такое, поражающее разгадкой женской сути: «Женщина

идет по дороге жизни, скромно потупив взор, кокетливо оправляя рюши и оборки платья, а где-то невидимо для других, в самом сокровенном уголке сердца, ведет ее по пути неугасимый огонек, свет в окошке, звезда ее жизни — вечная любовь, даже не оформленная в конкретном образе». «Женщина питается любовью днем и ночью, утром и вечером, во сне и наяву»,— нечто поэтическое ощущается в этих проникновенных авторских строках. А. Яшин достаточно афористичен, лаконично определяя само значение любви в женской судьбе: «Любовь — содержание жизни женщины». А «любовь женская есть первооснова всякой любви» — такой базис подводит писатель к этому вечному зданию, что строится и совершенствуется веками. Но присутствует в любви и естественный подход, заложенный первородной природой, которую никогда не обманешь. Автор приводит закономерные истины: «Продолжение рода и его улучшение — вот двигатель женской любви!» И развивает предыдущую мысль в другом умозаключении: «Любовь — это маска, красивая маска естественных биологических процессов»,— проще говоря, тот же выход либидо. Не зря же миф о первородном грехе лежит в основе нашей христианской культуры.

Тайна любви непостижима. Любовь избирательная, вероятно, и есть настоящая любовь. Впечатляет история Анны, молодой учительницы, с таким трудом встретившей свою долгожданную любовь. «Аня с мистическим ужасом почувствовала, что ее украли»,— украли ее саму, ее душу, лишь тогда к ней пришла единственная любовь. «Мы выбираем друг друга не случайно — мы встречаем лишь тех, кто уже существует в нашем подсознании»,— отмечал в своем психоанализе З. Фрейд. Это законы, равносильные законам особой химии, особой селекции и особого отбора. Нужно быть готовым к неожиданному повороту и к тому, что называется словом «перформанс». Любопытны и артистические перформансы, на которые столь богата выдумками литература постмодернистская, что-то подобное излагает А. Яшин в главе «Женщина в отдалении». «Женщина в отдалении соответствует определенному стереотипу»,— и он удивляет тонкими наблюдениями и выводами, необычными находками. В качестве парадокса привлекательности незнаемого — следующий его афоризм: «Всегда женщина сначала стремится показать себя в отдалении и, только произведя впечатление издали — чисто внешне,— начинает понемногу, осмотрительно приближаться». Мужчина и женщина, как две прямые, что неожиданно пересекаются и сходятся — вопреки Эвклиду, благодаря Лобачевскому. «Черное» и «белое» — таков характер малознакомой женщины, когда и ее воспитанность не поддается разгадке на расстоянии,— тоже важное авторское уточнение и особый нюанс.

Природа мудро создавала женщину как свое самое красивое и любимое творение. «Никто не в силах противостоять зову природных сил: это не патология; патология, когда наблюдается обратное»,— убежден автор. Монтеневская этика и ее глубокомыслие заключается в том, чтобы доверчиво прислушиваться к голосу человеческой природы, ни в коем случае не совершая над ней насилия, а ввериться природе, значит найти путь к самому себе. К примеру, в главе «О стихах Вергилия» Монтень говорит о том, что величайшая глупость пытаться обуздать в женщинах то желание, которое в них так могущественно и так естественно. «Постарайтесь понять ее природу и все в ней станет правдивым»,— советует разумно принимать суть женской натуры и автор книги «Женщина в человейнике».

Господи! Сколько же соблазнов на пути к познанию истины...Тот же Монтень признавался, что истина заведомо недостижима. А Гете писал: «Легче найти ошибку, чем истину». А. Яшина аналогично волнует не сама истина и ее обретение, а поиск, сама жизнь во всем ее многообразии. Писатель не стремится преодолеть или затушевать все эти противоречия. Его поиск устремляется в бесконечность, но не столько продвигаясь к искомой и объективной истине, которая навряд ли существует, сколько расширяя круг новых исканий. Другая глава, кардинально противоположная пре-

дыдущей,— «Женщина вблизи», когда «наблюдается абсолютная несхожесть того, кем была, и кем теперь стала женщина». А. Шопенгауэр считал, что любовь мужчины заметно ослабевает с того момента, когда он начинает обладать женщиной, ибо он быстро жаждет перемены, любовь же женщины именно с этого момента и возрастает. Мужчина не представляет, делает акцент А. Яшин, каково это «бремя замужней или просто близкой женщины».Но и женщина не так проста, как кажется, ей характерны метаморфозы в любви, ведь «женщина стремится быть и вблизи, и в отдалении одновременно». На это замечательное качество женщины и обращает наше внимание А. Яшин. Сближение с женщиной — тоже тайна... «Женщина приближается из отдаления, все ближе и ближе»,— она становится иной, так меняется мысль в зависимости от слов, которые ее выражают, остроумно замечал Блез Паскаль. Да, женщина приближается, трепещите мужчины, никогда не исключено, что все ближе и ближе это тютчевское «роковое слиянье» душ, этот извечный «поединок роковой», в котором нет победителей. Мужчины и женщины стоят друг друга. Никто не лучше и не хуже. Между тем, они страстно жаждут обоюдной гармонии в любви.

Как видим, жизнь — борьба равнозначных зачатков идеального и рационального подходов. И наше время состоит из сплошных парадоксов. «Современную женщину в возрасте от детсадовского до преклонного мало интересуют любовные и окололюбовные игры с мужчинами. Ей свойственен крайний прагматизм: деньги, деньги и еще раз деньги»,— недоумевает автор о печальной природе такой алчности, а также немыслимом покупательском инстинкте. Запад выработал прагматизм, в чем-то граничащий с иррационализмом. Мы сегодня во многом превзошли ту же Европу, уставшую от этого и начавшую вполне разумно относиться к теме потребления. Но есть и то, что в корне отличает нас от них: тяга к жизнеустройству других людей, отдающая, по словам А. Яшина, откровенной навязчивостью. Так устроен русский человек, которому мало интересна жизнь собственная, для него она однообразна и невероятна скучна. Об этом психологическом разнообразии и крайностях русского народа писал еще Достоевский, указывая на отличия русских от более «причесанных» и в своей массе лишенных этих крайностей европейцев. Н. Бердяев в книге «Судьба России» аналогично обращает внимание на такую черту русского характера, как чрезмерная забота о ближнем, когда русский способен ради него пожертвовать даже личными интересами и личным благополучием. А вот что из этого может получиться, А. Яшин рассказывает в истории об одном молодом холостяке Игоре и о непреодолимой страсти природного влечения, что оказывается сильнее человека и его воли.

Приоткрывает завесу тайны в важном моменте женской сексуальности, равнозначном ее женственности, глава «Женщина на ложе любви», по сути эти два понятия — синонимы, в чем не сомневается автор. Женщина живет «великим инстинктом всегда быть готовой!», хотя на самом деле, если задуматься, то прав А. Яшин,— «постоянно сексуален мужчина». И Монтень утверждал, если «дело идет о любви, той самой любви, которая теснее всего связана со зрением и осязанием, то можно достигнуть кое-что и без духовных прелестей, но ничего без телесных». То же самое писал и А. Шопенгауэр в «Метафизике половой любви», главной теме исследования всей жизни: «Ибо невозможно, чтобы нечто природе человеческой чуждое и ей противоречащее, т. е. какой-то из воздуха сотканный призрак, постоянно и неустанно вдохновляло поэтический гений и в его созданиях находило себе неизменный прием и сочувствие со стороны человечества». Если с доминантой сексуальности, составляющей главное начало в женщине, более-менее ситуация ясна, то совершенно порой непонятна мотивация ее остальных поступков. Не зря З. Фрейд, несмотря на его 30-летнее изучение женской души, так и не смог ответить на коварный вопрос: «Чего хочет женщина?» А. Яшин, рассматривая женщину в каждом возрастном периоде, приходит к непредвиденным открытиям: женщина странным образом всегда живет

романтическим состоянием мечты, что у нее «все впереди!», и «лучшая любовь», и «не встреченный мужчина». Как ей это удается, понять сложно. Был провидчески дальновиден Ф. Ницше, особенно относительно женщин, когда замечал, что «всякая великая любовь хочет не любви... она хочет большего».

Разумеется, можно попытаться разгадать те или иные черты женского характера. Но мне представляется, что занятие это бесполезное, не будем забывать и о том, что женщина в совершенстве владеет искусством обольщения, привлекая мужчину азартными играми соблазна. А. Яшин в «Эссе о соблазне», вошедшем в роман, придает значение игре случая — этой определенной и во многом закономерной логике судьбы. Он обращает наше внимание на ключевое «счастливое сочетание — красоты и обаяния», данное некоторым женщинам, способное творить невозможное. «Так гибнут города, открывая ворота войскам двух союзных Императриц: Красоты и Обаяния»,— преклоняется писатель, склоняя голову перед магической силой женских чар. Есть и третья составляющая — ум, но в этом сочетании он, пожалуй, будет для женщины непозволительной роскошью. Ценно и важно — в книге нет категоричности суждений и с человеческой точки зрения, и с научной! Конечно, тематическое мышление — противостоит мышлению поэтическому, и все же А. Яшину удается придать своей прозе настоящую поэтическую ноту! Как восхитительно он описывает «женщину, преследуемую мужчиной», словно экзотическую «охоту со всеми ее страстями и эмоциями», когда воистину «бегущая от преследователя женщина прекрасна». Так же и Монтень когда-то восторженно философствовал о женщинах: «Пусть они всегда убегают от нас, и даже те среди них, кто не прочь позволить себя поймать,— они верней побеждают нас, убегая, как делали скифы».

Целая жизненная философия содержится в романе А. Яшина и в главе «Стадии любовности женщины». «Когда размышляешь о пути женщины по жизни, то неизбежна ассоциация с плодом»,— предается философским размышлениям прозаик, видя женщину в извечном круге бытия и природы, в ее неизменных и повторяющихся циклах, но, как ни грустно, круг судьбы женщины имеет и завершение. Верно и то, что «каждому периоду жизни женщины вполне однозначно соответствует и своя форма любовности». И все же всему свое время и место. «Время любви и бремя любви»,— возникает авторская параллель с проповедником Экклезиастом, изрекшем вечные слова: «Время любить и время ненавидеть». Лента возраста — как лента Мебиуса... И женщины передвигаются по ней, переворачивая неумолимое время, питая несбыточные надежды и иллюзии превзойти и время, и коварный возраст. Но женщина так устроена, она не была бы женщиной, если бы верила в обратное! Она всегда живет ожиданием, преддверием тайны.

Надо признать, что в большей степени занимает не сам предмет исследования, а то, как автор его трактует. Впрочем, тщетно пытаться подчинить себе жизнь, втиснуть в схему, тогда как подвижная, изменчивая, многоликая жизнь постоянно разрушает любые идеи и стереотипы. Достаточно неординарно подходит А. Яшин и к вопросу, который до сих пор вызывает в обществе яростные споры и двоякое мнение,— это женщина и феминизм. Эмансипация затрагивает сегодня широкий спектр идеологических, политических и социальных явлений нашего общества. Провозгласив однажды убийственную фразу: «Половой акт — как выпить стакан воды!» — Коллонтай не принесла обладательницам слабого пола ни желанной радости, ни вожделенной свободы от семейного ига. «...Но на самом деле эмансипация, т. е. безумное своеволие женщин, берет начало в библейской поре...» — видит автор корни и генезис этой неразрешимой проблемы. И приходит к очень неожиданному, но, в целом, верному выводу: «Самое существенное, что истоки эмансипэ предельно просты: невнимание мужчин к не очень красивым женщинам, к тому же неряхам, бездельницам даже в постели». Писатель излагает проблему в гротескном преломлении, спрятав ее

под толстым слоем иронии, но никоим образом, в чем надо отдать ему должное, не прибегая к цинизму. Авторский голос присутствует здесь то прямым включением, то емким резюмированием, то непредвиденными заключениями. Действительно, эмансипэ, этакая жорж-зандка, живущая имитацией чувств, кому она нужна?! Без грустной насмешки, переходящей в сарказм, данный феномен не представить. Поэтому у автора свой порядок мыслей, своя выверенная логика, вскрывающая пласты бытия — от высоких философских умозрений до чисто физиологических. Гораздо привлекательней образ женщины, который смягчает, а не ослабляет мужчину в этой бессмысленной борьбе полов за первенство. Лишь тогда для подобной женщины, как заметил Белинский, «меркою ее достоинства может быть мужчина, которого она любит».

Определяющим, концентрирующим главные смыслы можно считать в книге авторское «Эссе о мудрости и судьбе», где А. Яшин вовсе не стремится объять необъятное, но прежде всего хочет сказать о том, что тема женщины и любви неисчерпаема и стара, как мир, который никому не дано заменить собой. «Затронутая тема глубока и бесконечна, точнее, бездонна»,— подтверждает прозаик. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всякими животными, пресмыкающимися по земле»,— гласит Ветхий Завет (Бытие. I. 27-28). Но вопреки всему от древа познания добра и зла вкусили запретный плод мужчина и женщина. Какой же плод это был, нечто соблазнительное и недозволенное?! Видимо, должны обязательно существовать пределы человеческого знания, пределы доступности для человека истины, предел того, что за гранью, за которой, возможно, лишь бездна. «Все, что делается из любви, совершается по ту сторону добра и зла»,— недаром проницательно замечал Ф. Ницше. Видимо, это заложено изначально в человеческой природе. Как совместить любовь и свое «эго», свой эгоцентризм? Наше бытие пронизано диалектическим сопряжением противоречий, гениально сочетающихся и совмещающих вещи совершенно противоположные.

Вот так же, «добру и злу внимая равнодушно», Лиза разбирается в типах женских характеров, слагая свое «философско-беллетристское баловство» и «размышляя на бумаге не от женского естества, но именно глядя со стороны неважно чьей: женщины ли, мужчины». И ни она, ни автор книги не предлагают читателю никакого постулата, никакой теории, претендующей на полное объяснение жизни и любви. Автор хочет лишь найти наилучший практический способ, подобно тому же Монтеню, позволяющий «достойно» прожить отпущенный нам срок,— и мужчинам, и женщинам. Ибо удел человеческий не в безнадежном бунте против «творения», а в открытом и сознательном согласии до конца пережить и исчерпать условие человеческого существования: ведь в конечном счете это и есть наше бытие, это и есть наше все. Законы мудрости и жизни напоминают шахматный лабиринт. Несмотря ни на что, человеку присуща неизменная способность радостного восприятия жизни и любви. Счастья мы ждем беспрестанно.

Именно женщине дано решать такую важную составляющую как проблема души, которую в полной мере одни мужчины разрешить не способны. Каждая глава в книге объединена неким общим предметом, идеей, темой, и автор подбирает различные ключи, ищет различные подходы для их раскрытия. Он использует нестандартный идейно-тематический ракурс видения, никогда не склоняясь к поверхностному описанию. Книга наполнена поучительными примерами из жизни, историческими анекдотами и цитатами, поэтому ощущение смысловой хаотичности и многомерности происходящего исчезает, благодаря случайному, а скорее всего и не случайному, соединению отдельных текстовых фрагментов. Изящество, помноженное на юмор, вне всякого сомнения, привлекает в этой книге: «Только на Руси счастливая дура —

лучшая из женщин», когда мы с изумлением обнаруживаем, что «правила» на глазах превращаются в «исключения».

Вот и сны Лизы, представленные в книге «Женщина в человейнике»,— первый и второй, непонятны и недействительны вне контекста современной литературы и современной реальности, в которой тоже наблюдается подобие страны Зазеркалья, пронизанной всевозможными чудесами. Сны эти наполнены ассоциативным динамичным сюжетом мысли, психологической углубленностью, ярким колоритом каждой бытовой фигуры. Здесь налицо добрые и привычные гуманистические традиции русской классики, ее широта, глубина и свобода, легкая ирония, добродушный юмор, если хотите. Второй сон Веры Павловны из романа русского классика-демократа — условная параллель дневного, фантасмагоричного, эротичного сна лирической героини А. Яшина. Отображение первенства в женской натуре, ее первородного, природного, а точнее — естественного начала, ставил во главу угла Л. да Винчи. У З. Фрейда в его известном соннике, в главе «Сексуальные сны. Расшифровка и толкование эротических снов» сны являются «шифром», кодирующем запретные и неосуществленные желания. К. Юнг в свою очередь ссылается на архетипы-модели, которые становятся двигателями творческих импульсов человека и составляют основу сновидений. Лиза во втором сне «ехала все по тому же, знакомому по первому недавнему сну, шоссе «Нижний-Новгород-Пенза». Она и во сне размышляет о повседневности, не вырываясь из ее круга. Срабатывает пространственная рефлексия, основанная не только на прочитанном, но и на лично пережитом, увиденном, услышанном, случившемся именно с ней, профессиональным психологом и просто молодой и удивительно чувственной женщиной, хорошо понимающей всю невозможность найти твердые критерии каждодневного поведения среди людей. Итак, в череде «борьбы сознательного и бессознательного» наша Елизавета Васильевна постигает природу человека вообще. А «природу не обманешь ни ученой степенью, ни заботой о любимой дочери», на что указывает автор, когда результатом и реализацией снов Лизы стали три счастливых, три реальных дня любви, дав выход всех накопившихся скрытых сексуальных желаний. «Неистребимое женское влечение» не имеет преград, оно способно покорять даже самые неприступные крепости и города. Верно подмечает А. Яшин неповторимую особенность, присущую сугубо русской женщине, предельно точно передавая ее тайное и самое сокровенное желание: «Баба я русская, что всегда хочет любви! Настоящей, не импортного «секса», но — любви!» Ценит автор и такое редкое качество как женский ум. «Нет ничего печальнее женщины, которые не умели ничего, кроме как быть красивыми»,— есть весьма тонкая ремарка у французского писателя и философа Б. Фонтенеля. По-видимому, конкретная «примерка чужой невестой чужого свадебного платья» заставила Лизу, как опытного и трезвого аналитика, помнившую науку прадеда, отменить второй поход замуж. Так или иначе, но ей удалось предвосхитить судьбу, словно опережая строки Л. Н. Толстого, какими начинается роман «Анна Каренина», когда «все счастливые семьи похожи друг на друга», а «каждая несчастливая семья несчастна по-своему».

Совсем иная сторона снов Лизы — это картины нынешней окружающей действительности со всей ее избыточно-реалистичной деталировкой и насыщенной окраской. Как известно, нет ничего скучнее чужих снов — и ничего интереснее собственных. В книге масса примеров из нашей с вами сумбурной жизни: и автомобильные отверточные технологии, и нынешние заводы по сборке японских или китайских автомобилей, и беспилотные автобусы как свидетельство склонности обезъянничать и во всем бездумно подражать Европе. А ведь еще известный русский философ Н. Данилевский в книге «Россия и Европа» говорил о невозможности вхождения России в европейскую политическую систему, объясняя это их различными культурно-историческими типами. Он твердо защищал русское начало, призывал русский народ не

заниматься самоуничижением и самобичеванием. Немецкий философ В. Шубарт в книге «Европа и душа Востока» признавал следующее: «В противовес прометеевскому, западноевропейскому человеку, русский обладает христианскими добродетелями в основе своих национальных свойств. Русские были христианами еще до обращения в христианство...» Прав и наш современник, русский писатель, поддерживающий христианские традиции православия, В. Крупин, когда пишет открытые и чистые строки: «Ничего не надо выдумывать. Да и что нам, русским выдумывать, когда жизнь русского сама по себе настолько необыкновенна, что, хотя бы ее-то успеть постичь. Она — единственная в мире такого размаха: от приземленных до занебесных высот». Разумеется, это нужно ценить. Русским людям свойственно «чисто русское неприятие имущественного неравенства», о чем замечает А. Яшин, и о чем также неоднократно писал Ф. М. Достоевский, и которое, как ни странно, возможно, и стало одной из основных причин Октябрьской революции 1917 года. В этой связи А. Яшин рисует образ Филимона Пантелеевича, дядьки Егора Фомича,— редкого артиста Императорских театров, удостоенного самим Государем юбилейной алюминиевой медали, что ценилась тогда выше золота.

И. Золотусский, российский историк литературы, писал в свое время о том, что вряд ли Горбачев или Ельцин читали хотя бы Татищева, не говоря уже о Карамзине, Соловьеве и Ключевском, которые знали свой народ лучше большевистских или антибольшевистских теоретиков, нигилизм последних и породил перестройку, «эту уличную девку истории». Перестройка и ее лидеры утвердили другую диктатуру, более худшую, бездарно переняв европейскую диктатуру, до крайней жесткости деловую. А. Яшин подвергает достаточно резкой критике глупое поклонение перед Европой, будто там все самое передовое и лучшее. «Хорошо там, где нас нет!» — уверен он, вспоминая надежную народную мудрость. Недаром и А. С. Пушкин в стародавние времена, а вроде нынче, с горькой иронией писал, обращаясь к русскому народу: «Ты просвещением свой разум осветил, / Ты правды лик увидел, / И нежно чуждые народы возлюбил, / И мудро свой возненавидел». Поэтому не будем забывать старые истины: у России имеется свой нравственно-философский ресурс, своя территория личности и культуры. Деньгам мы можем противопоставить великую культуру. Сложнее с экономическим и политическим ресурсом. Литературовед, писатель, профессор А. Андреев вполне справедливо выскажет интересную и умную вещь о феномене глобализма, когда «сам глобализм есть, а глобальных идей — нет». А. Яшин и показывает это «зазеркалье» — эпоху «человейника в глобализме». Судя по всему, критический реализм и подлинная правда,— наиболее важные критерии в творчестве писателя. И если США и Европа свели цивилизацию лишь к комфорту, и «европейские ценности» сегодня вызывают не только большие сомнения, но и опасения, то у России появился шанс стать цивилизацией, ответственной за сохранение ценностей человека. Очевидно, что современный глобальный кризис имеет гуманитарные корни, это кризис субъективных представлений о мире и понимании роли человека в нем. А как же быть женщине, «помещенной в безликий человейник»? Ведь любовь — это женщина, и «женщину красит любовь и только она единая», в чем не сомневается писатель.

Обширный взгляд на жизнь и искусство, умение мыслить масштабно, этот характерный свободный авторский подход ощущается в последней главе «Завершение дня и большие сборы ячейки человейника», обобщающей главе, символично подводящей итоги прожитого сложного дня. И не забыли гости и друзья, пришедшие в дом Елизаветы, отдать дань памяти и Егору Фомичу, его человеческой доброте, воплощенной в характере правнучки. «Все от земли мы. И не стыдимся этого»,— звучат слова первенствующего тоста их дружеского и по-русски щедрого застолья. Егор Фомич, как никто иной, знал цену земле и крепкому крестьянскому слову, что во все времена было и остается всему основой. Уважал самобытную народную речь, ее разговорно-

бытовой стиль, с которым мы знакомимся в книге А. Яшина. А сила и краса народной речи таится в природном, цветастом образе, в притчевом и пословичном любомудрии, что мы и находим в его текстах. Не приемлет автор иноземной, технократической свалки с ее неживой, пластмассовой речью!

«Что нас здесь объединило?» — вот по-настоящему глобальный вопрос в романе, вопрос одного долгого дня в Доме на горе, такой необходимой для нас ячейки и такой дорогой составляющей глобального человейника. «Жизнь не в том, чтобы жить, а в том, чтобы чувствовать, что живешь»,— писал историк В. Ключевский. Впрочем, ничто не ново под луной. Для нашего человейника по-прежнему актуально монтеневское «искусство жить достойно» и причем не столько в экстремальных, сколько в самых обыденных ситуациях. Здесь побеждают взаимная симпатия, всеобщая связь сочувствия — разумные человеческие принципы, характерные для русских людей, скрепленных взаимопомощью во имя любви и добра. Ведь истинное деяние, как изрек когда-то последний Император Китая Дао, «должно быть незаинтересованным». Мы живем в прагматичное время, когда мир не поддается сколько-нибудь однозначной расшифровке. Литература тоже впитывает и перерабатывает эту жизнь и собственную судьбу, потеряв сегодня свои руководящие роли. Несмотря на это, Алексей Яшин по-достоевски проницательно мыслит о жизни, во всем ее единстве и во всех противоречиях. Он, как эстет, органично и самодостаточно, где-то лаконично и иронично, возвышенно и до афористичности понятно представляет свое повествование, свои литературные миниатюры, впечатляя читателя своим незаурядным и оригинальным дарованием, своеобразным почерком, колоритным языком. Используя некоторую извилистость письма, прозаик не перестает покорять изящным летучим эссеизмом на русской крепкой почве, неотягощенной ни трактатностью, ни академическим занудством. В различной комбинаторике жанров, собранных в романе, в зеркальных отражениях жизни он видит законченность многообразных элементов художественного целого. Завершающий авторский парафраз книги: «Пока еще «есть женщины в русских селеньях»,— хочется продлить мыслью, что есть и писатели, и литература русская, несущая очистительный заряд, наполненный колоссальной энергией созидания. Пусть она, потеряв уникальное место в обществе, перестала быть «властителем дум», зато смогла сосредоточиться на возможности не менее перспективной — познании себя и мира.

И Алексей Яшин не столько жизнь связывает с философией, сколько философские книги с жизнью. Он использует экзистенциальный опыт, о котором А. Твардовский сказал, что «собственная жизнь — это клад». Она гораздо интереснее придуманных историй, именно в ней проявляется реальное воплощение универсальных понятий. А. Яшин подтверждает своим творчеством ясную философскую цель — любить просто жизнь, любить друг друга, разрушая ненужные стереотипы. «Жить — есть не писать историю, не писать трагедию или комедию, а как можно лучше мыслить, чувствовать и действовать, любить добро, возвышаясь душой к его источнику...» — разумно и вместе с тем мудро размышлял Н. М. Карамзин. Точно так же живут и герои книги Алексея Яшина «Женщина в человейнике», живут, согретые женской любовью: жертвенной, долгой и верной, легкой и мимолетной, страстной и умиротворенной, очень разной, но любовью бесконечной, всегда устремленной к вечности, единственной и неповторимой, глубоко индивидуальной. Так было и так будет, как в этих загадочных и стремительно летящих по жизни строках современного поэта Владимира Бояринова:

Все повторится в простоте / В ночи с гнезда сорвется птица.
И растворится в темноте, / Чтоб никогда не повториться.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издает на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласились и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редколлегия журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

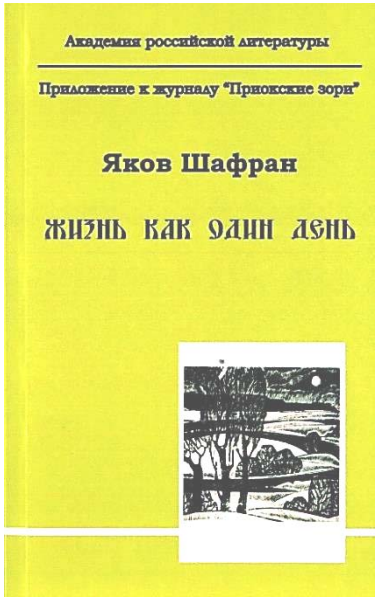
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., ***является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»***. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

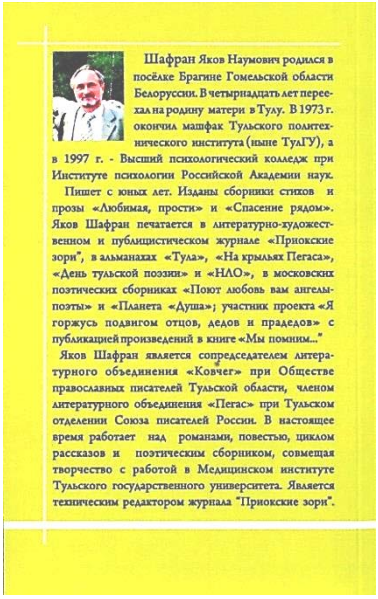
Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:





Шафран Яков Наумович родился в посёлке Брагине Гомельской области Белоруссии. В четырнадцать лет переехал на родину матери в Тулу. В 1973 г. окончил машфак Тульского политехнического института (ныне ТулГУ), а в 1997 г. - Высший психологический колледж при Институте психологии Российской Академии наук.

Пишет с юных лет. Изданы сборники стихов и прозы «Любимая, прости» и «Спасение рядом». Яков Шафран печатается в литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори", в альманахах «Тула», «На крыльях Пегаса», «День тульской поэзии» и «НЛО», в московских поэтических сборниках «Поют любовь вам ангелы-поэты» и «Планета «Душа»; участник проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов и прадедов» с публикацией произведений в книге «Мы помним..."

Яков Шафран является сопредседателем литературного объединения «Ковчег» при Обществе православных писателей Тульской области, членом литературного объединения «Пегас» при Тульском отделении Союза писателей России. В настоящее время работает над романами, повестью, циклом рассказов и поэтическим сборником, совмещая творчество с работой в Медицинском институте Тульского государственного университета. Является техническим редактором журнала "Приокские зори".

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2019.— №№ 1—3.

2. *Общеписательская* литературная газета.— 2019.— №№ 1—5.

3. *Северо-Муйские огни:* Авторский литературный журнал.— 2019.— № 3 (в номере опубликованы материалы Елизаветы Барановой и Якова Шафрана).

4. *Новая Немига литературная*: Литературно-художественный журнал (Белоруссия).— 2019.— № 1 (в номере опубликован рассказ Алексея Яшина).

5. *Огни над Бией*: Литературно-художественный журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2019.— №№ 48, 49 (В обоих журналах опубликованы произведения Алексея Яшина).

6. *Летопись — газетной строкой*: К 80-летию арсеньевской общественно-политической газеты «Арсеньевские вести» / автор-сост. Н. Ф. Луковкина.— Тула: «Аквариус», 2017.— 398 с., ил., пер.

7. *Северов В. И.* Города и селения Тульской губернии в 1857 году.— Тула: ФГУП «ИПО "Лев Толстой"», 2004.— 176 с.

8. *Богомолов В. А.* Оборона и освобождение Сталиногорска в 1941 году: военно-исторический очерк.— Тула: Свамия, 2018.— 144 с., ил.

9. *Грани «Кристалла»*: Стихи и проза. Т. 2 / Сост. И. В. Пархоменко.— Тула: ИП Лихачев, 2019.— 240 с.

10. *Грешевников А. Н.* Спасем русский лес. Хроники лесной политики Российской федерации. Конец XX — начало XXI века.— М.: Книжный Мир, 2011.— 288 с. (Серия «АнтиКОРРУПЦИЯ»).

11. *Грешевников А. Н.* Сто сорок писем Василия Белова.— Рыбинск: Рыбинское подворье, 2018.— 424 с., ил.

12. *Анна Поритер.* Апельсиновый рассвет: лирика.— М.: «ОБРАЗ», 2019.— 52 с.

13. *Созвучие:* Литературный сборник. Вып. 21 / Под ред. Р. К. Тишковского.— М.: Изд-во «Буки Веди», 2018.— 290 с.

14. *Лебедев С. А.* Мой отец — офицер. Сборник прозы и стихов.— Самара: Изд-во ООО «Инсома-пресс», 2019.— 254 с.

15. *Коломенский альманах:* Литературный ежегодник писателей Коломны.— 2019.— Вып. 23 (опубликован очерк Алексея Яшина к юбилею А. С. Пушкина).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 9.— Тула: Изд-во «Полиграфинвест», 2019.— 344 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

2. *На лирической волне:* Альманах журнала «Приокские зори». Песни и романсы, пьесы для фортепиано, стихи, статьи и рецензии. Вып. 4.— Тула: Изд-во Аквариус, 2019.— 104 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

3. *Яков Шафран*. Так чувствует сердце: публицистика разных лет.— М.: «Новые Витражи», 2019.— 344 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

4. *Алтунина Л. Д.* Лики России. Кн. 1: Чайка с того света: рассказы, повести, очерки, эссе.— М.: Бит-принт, 2019.— 424 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

5. *Яшин А. А.* Житие наше оцифрованное: Новеллино: Академия российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2019.— 330 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

— проза, включая драматургию;

— поэзия;

— публицистика, включая историко-политическую;

— литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.

Звания лауреата — по номинациям — удостаиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

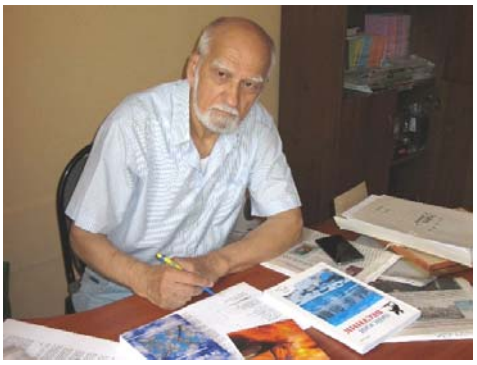
Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2019-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Представление журнала «Приокские зори» и книги Якова Шафрана «Так чувствует сердце» наряду с другими изданиями на собрании АРЛ в мае 2019 г.



АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ

7 мая 2019 г. в Актовом зале Института педагогики и психологии образования МГПУ прошел вечер памяти Ирины Николаевны Курочкиной (Кедровой) (1949—2018). В программе вечера были:

1. Выступление коллег и друзей.
2. Поэтический моноспектакль «Поговорим?» по стихам Ирины Кедровой в исполнении актрисы Театра-лаборатории «ДИАЛОГ» Антонины Дружининой.

Родственники, коллеги и друзья, студенты с теплом вспоминали Ирину Николаевну. Много лет Ирина Кедрова сотрудничает с журналом «Приокские зори», являлась членом его редколлегии.

Указом Президента РФ от 29. 04. 2019 №199 «О награждении государственными наградами Российской Федерации» за большой вклад в развитие отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность председатель региональной общественной организации «Московская городская организация Союза писателей России» БОЯРИНОВ Владимир Георгиевич награжден медалью ордена «За заслуги пред Отечеством» I степени. МГО СПР поздравляет Владимира Георгиевича с высокой государственной наградой! Желаем дальнейших успехов в творческой и общественной деятельности во благо нашего Отечества. Владимир Бояринов — автор журнала «Приокские зори» и давний друг журнала.

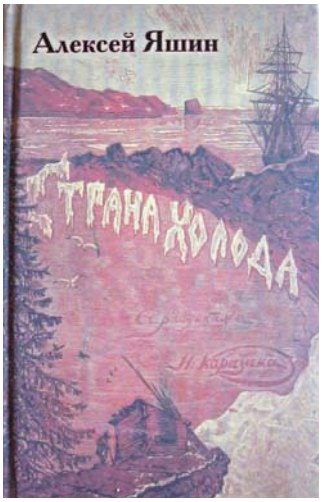
В тульском издательстве «Аквариус» вышел № 4 музыкально-литературного альманаха «На лирической волне» (приложение всероссийского журнала «Приокские зори»). В выпуске лирические песни, стихи, рассказы и статьи авторов из Тулы и области. Подробнее с альманахом можно познакомиться по ссылке: https://yadi.sk/d/GeqQnsA8PDFRjA

В рубрике «ИЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию обзор литературно-художественного, научного и историко-просветительского журнала «БИЙСКИЙ ВЕСТНИК» № 2 (62) 2019, полученного правлением из Алтайского отделения Академии российской литературы.

Главный редактор издания — Виктор Васильевич БУЛАНИЧЕВ, член Высшего творческого совета Союза писателей России, член Академии российской литературы, Лауреат премии Алтайского края в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества, премии имени митрополита Иоанна, Демидовской, Петровской и муниципальной премий. Награжден медалью Г. К. Жукова, золотой медалью «За вклад в наследие народов России», медалью Алтайского края «За заслуги перед обществом».

Уважаемые друзья, коллеги!

В рубрике «ИЗ АРХИВОВ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию обзор книги члена Академии российской литературы, главного редактора всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори» Алексея ЯШИНА «СТРАНА ХОЛОДА (Детство в Гиперборeях)». Повесть. (М. «Московский Парнас», 2009). Вступительное слово Почетного президента Академии российской литературы Леонида Васильевича ХАНБЕКОВА.



Алексей Афанасьевич ЯШИН — член Союза писателей СССР и России, член правления Академии российской литературы, главный редактор всероссийского художественно-литературного и публицистического ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори», доктор технических наук, доктор биологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

* * *

На германском международном литературном конкурсе русскоязычных авторов «Лучшая книга года. 2019» книги членов Академии российской литературы Ольги Карагодиной и Евгения Скоблова отмечены специальными дипломами.

Ольга Карагодина — специальным дипломом «За глубину и проникновенность прозы» – книга «Ах, Котельников рок».

Евгений Скоблов — в рамках международной акции «Солнечный храм» - специальный диплом «За солнечное творчество» — книга «Первая Рыжая».

Авторы выражают глубокую признательность и благодарность издателю — председателю РОО «Литературное сообщество «Новые Витражи» Марине Юрьевне Чайкиной» за осуществление издания этих книг.

Правление Академии поздравляет наших дипломантов и желает дальнейших успехов в творчестве!

Правление Академии РЛ

Дорогие друзья, с Днем русской поэзии и Днем рождения Александра Сергеевича Пушкина! Пусть никогда не угаснет свет русской поэзии!

* * *

В газете «Русскоязычная Америка» (Нью-Йорк) представлено издание Академии российской литературы — Всероссийский ордена Г. Р. Державина литературно-художественный и публицистический журнал «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ».

В № 542 «PA-NY» опубликовано интервью главного редактора журнала «Приокские зори» Алексея ЯШИНА «Равнина русской словесности», посвященное 15-летию журнала.

Кроме того, на «Литературной страничке «PA-NY» представлены работы авторов журнала «Приокские зори» и членов Академии российской литературы: Алексей Яшин — «Современная литература как салонный вид творчества»; Яков Шафран — стихотворения (2018 г.); Евгений Скоблов — рассказы: «Второй звонок», «Сверхурочная работа», «Филин». С публикацией можно ознакомиться по ссылке: https://www.rusamny.com/2019/542/t06-542/ — «Литературная страничка PA-NY» № 542, июнь, 2019.

* * *

От души поздравляем уважаемого Бориса Константиновича Рябухина — Президента Академии российской литературы — с награждением медалью В. Пикуля.

* * *

Вышел очередной выпуск литературно-художественного альманаха «КОВЧЕГ» № 9/2019 (г. Тула). Основатель, главный редактор и составитель издания — член Академии российской литературы, Союза писателей-переводчиков при Московской городской организации Союза писателей России, Союза песенников России и Академии народной поэзии ЯКОВ ШАФРАН. Литературно-художественный альманах журнала ордена Г. Р. Державина «Приокские зори» издается в городе-герое Туле с 2011 г. с периодичностью один раз в год. Участники альманаха — это и самодеятельные авторы, и профессионалы — члены Союза писателей России и Союза российских писателей. Широк и возрастной диапазон авторов, он охватывает три поколения. Объединяет же всех — любовь к России, Православию, русской культуре и обеспокоенность судьбами страны и народа, будущим наших детей. В издании представлено творчество авторов — членов Академии российской литературы, за что правление Академии выражает признательность творческому коллективу альманаха. Альманах размещен на сайте www.pz.tula.ru.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ!

В мае 2019-го года в Туле вышел 1-й номер литературно-общественного издания — газеты писателей и поэтов «Крылья души», издающейся на средства коллектива авторов. Создателем, издателем и главным редактором ее является Дмитрий Иванович Кузнецов*, редактором — В. Г. Демидов. В общественный редакционный совет газеты вошли: В. Г. Ходулин, Н. А. Жуков, М. С. Дубинский, Э. П. Георгиевский, А. П. Ситников, Г. Т. Матюшина, Н. В. Дружинина и В. Н. Мызников. Это неформальное народное издание, публиковаться в котором может любой, в том числе и непрофессиональный, литератор, и в котором есть место и новостям, и репортажам из мира культуры.

Редакция и редколлегия журнала «Приокские зори» поздравляют Дмитрия Ивановича с замечательным и так нужным в городе изданием! Наши поздравления и авторам газеты!

* Дмитрий Иванович Кузнецов — потомственный полиграфист из семьи русского советского художника — книжного графика Ивана Яковлевича Кузнецова. Продолжая дело отца, Дмитрий посвятил свою жизнь полиграфии. В этой области, в качестве дизайнера-верстальщика, за последнюю четверть века при его непосредственном участии вышло около 2000 книг разных авторов и общественных организаций. Книги в его исполнении есть в перечне известных российских издательств. Особняком среди них стоит том «Россия», первый в современной универсальной «Новой Российской энциклопедии» — аналоге Малой Советской энциклопедии (на сегодня вышло 36 томов). Последние два десятка лет все больший объем занимает работа в области газетной и журнальной продукции и периодических изданий. В перечне работ дизайнера и верстальщика Дмитрия Кузнецова присутствуют известные газеты «Аргументы и факты», журнал «Епархиальные ведомости» и др. Начиная с 2010 года, в качестве верстальщика тесно сотрудничал с газетой «Тульская правда», а в 2014 году, переняв эстафету от заболевшего редактора В. И. Еремина, одновременно с версткой Дмитрий выступает в качестве редактора и журналиста... газета оживляется материалами исторической и литературно-общественной тематики. На ее страницах появляются и регулярно публикуются литературные произведения, освещаются события из мира культуры. В таком виде газета издавалась четыре года, вплоть до 2018-го, привлекая к себе внимание множества людей из культурных слоев общества тульского края. В качестве хобби, одним из направлений творческой деятельности Дмитрия стала экранизация поэтических произведений в Интернете... Здесь, в качестве названия, как символ поэтического творчества и вдохновения поэтов, впервые начинает фигурировать название — авторская студия «Крылья души». Однако, видя огромную востребованность в публикации произведений современных авторов – писателей и поэтов на страницах печатного издания, он принимает решение издавать газету, ориентированную на людей из творческого и культурного слоев общества. Так появляется одноименная со студией газета поэтов и писателей «Крылья души».

Лидия Смит, поэтесса

НОВОСТИ ТУЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

8 июня 2019 года в Тульской областной универсальной библиотеке состоялось вручение членских билетов нового образца членам СПР ТРО Билеты вручал член секретариата СП России КИСЕЛЕВ ВАЛЕРИЙ ЮРЬЕВИЧ.

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Журнал «Иртыш-Омь»

24 мая 2019 на радио МАЯК состоялась передача «Бесмертный полк», посвященная партнеру «Приокских зорь» журналу «Иртыш-Омь».

Ранее состоялись две радиопередачи на «Маяке» также об омских изданиях: «Иртыш-Омь» и «Тарские ворота» 11 января с участием народной артистки России Валентины Шершневой (солистки Омского государственного Музыкального театра) и 19 апреля с участием известнейшего омского радио-ведущего, мастера художественного слова Виктора Ларионова.

«Дорогой читатель! Перед Вами новый, сдвоенный выпуск журнала.

В издании публикуются по согласованию с авторами или их правопреемниками произведения видных деятелей культуры и искусства – Леонида Мартынова, Сергея Юрского, Роберта Рождественского, Петра Драверта, Тимофея Белозерова, Александра Плетнева, Светланы Василенко, Мэри Кушниковой, Красимира Георгиева (Болгария), Алексея Яшина, Якова Шафрана, Сергея Поварцова, Геннадия Прашкевича, Владимира Яранцева, Виорэля Ломова, Виталия Кузнецова, Евгения Фельдмана, Анатолия Узденского, Елены Аросевой. Много и других замечательных имен можно встретить в выпуске. Итак, в добрый путь по страницам нашего журнала!».

Гл. ред. Игорь Владимирович Егоров

Валерий Савостьянов — победитель литературных фестивалей «Славянская лира-2019» и «Под небом рязанским-2019»

Как обычно загодя, еще весной, был объявлен конкурс VI Международного фестиваля «Славянская лира», а в конце мая и в начале июня этого года в столице Белоруссии Минске состоялся и сам фестиваль. В нем принял участие и наш тульский поэт Валерий Савостьянов, вышедший в финал конкурса фестиваля.

В результате поэтических состязаний он стал победителем (I место) в одной из самых престижных номинаций: стихоборье «Турнир поэтов», а также победителем-лауреатом в номинации «Поэзия: гражданская лирика» (II место по мнению зрителей и III место по мнению жюри) и получил 4 диплома: один еще и за выход в финал.

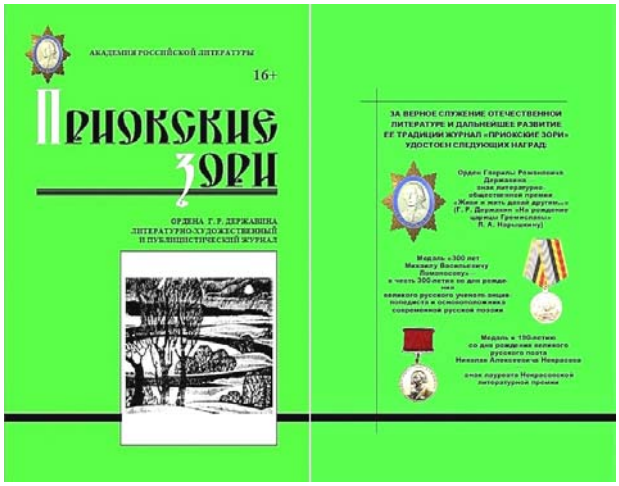
В заключительный день фестивальной программы Валерий Савостьянов, по поручению главного редактора журнала «Приокские зори» А. А. Яшина и как автор и лауреат премии «Левша» имени Н. С. Лескова этого журнала, провел презентацию журнала «Приокские зори» со сцены великолепного зала Дома Москвы. И, кроме того, ведущая программу презентаций член жюри из Рязани Людмила Салтыкова вручила Валерию Савостьянову еще один диплом победителя и лауреата уже рязанского фестиваля «Под небом рязанским — 2019».

Валерий Савостьянов от себя лично, и, конечно, от всей нашей Тульской земли и города-героя Тулы, подарил руководителю фестиваля Олегу Зайцеву и юбиляру и члену жюри профессору Вадиму Салееву наши знаменитые тульские пряники. И здесь же, со сцены минского Дома Москвы, наш тульский поэт, уже по сложившейся традиции его фестивальных поездок, прочитал свое известное стихотворение «Тульский пряник».

Из братской Белоруссии Валерий Савостьянов, кроме наград и призов, привез еще и подаренный ему альманах фестиваля «Славянская лира – 2017» с подборкой его стихотворений. Такой же альманах со стихами нашего автора планируется выпустить и по итогам фестиваля этого года «Славянская лира — 2019».

О НАС ПИШУТ

НЕЗАВИСИМАЯ ГАЗЕТА НЕЗАВИСИМЫХ МНЕНИЙ
№ 542
https://www.rusamny.com/
ЗНАКОМЬТЕСЬ: ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
Литературная Страничка
https://www.rusamny.com/2019/542/t06-542/



Литературно-художественный и публицистический журнал «Приокские зори» издается в городе-герое Туле с 2005-го. Его авторы живут и пишут в разных городах и весях России, в странах Ближнего и Дальнего зарубежья. Кредо журнала – на основе всего хорошего, что было на протяжении всей истории России, внести вклад в дело дальнейшего духовного и культурного возрождения страны. Это журнал не для авторов, а для читателей.

Главный редактор журнала — заслуженный деятель науки России, профессор, член Правления Академии российской литературы, кавалер орденов А. С. Грибоедова и В. В. Маяковского, лауреат многих литературных премий, известный прозаик Алексей Яшин.

РАВНИНА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
Интервью с главным редактором журнала «Приокские зори» Алексеем Яшиным

— Алексей Афанасьевич! Вы даете интервью в преддверии скромного, но — юбилея: 15-летия всероссийского ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Почему он начал выходить именно в середине 2000-х годов и именно под таким названием?

— Названные вами годы стали в определенном смысле сакральными: именно тогда почти одновременно начали выходить «новые» русские литературные журналы, что сейчас, без обиняков говоря, и осуществляют всероссийский литературный процесс, который ныне «прирастает провинцией». И не зря некоторые из них издаются под эгидой Союза писателей России, а наш журнал еще и Академии российской литературы. Назову некоторые из них: «Московский Парнас», красноярские «Истоки», «Северо-Муйские огни» в Бурятии, омский «Иртышъ – Омь», журнал русских писателей в Белоруссии «Новая Немига литературная», алтайские журналы «Бийский Вестник» и «Огни над Бией»... Перечисление можно продолжить. Как объ-

яснить эту одномоментность? — Видимо, говоря в терминологии Льва Гумилева, это был пассионарный взрыв (надеемся оптимистично, что не последний...) в отечественной литературе. Как здесь не вспомнить слова Пушкина из письма к Вяземскому: «Когда-то мы возьмемся за журнал! Мочи нет хочется...» Ибо журнал суть главный организатор и движитель литературного процесса. А название? — Но ведь мы живем именно при Оке, которая с запада и севера окаймляет Тульскую область.

— Окский край дал много звучных имен в русской литературе...

— Поправлю: великих имен, и не просто много, но большинство. Самая русская река Ока от орловских своих истоков в центре Средне-Русской возвышенности в течении своем до Мещерской низменности стала магнетической равниной русской словесности, «впридачу» дав великолепие природы, гимном прозвучавшее в произведениях Тургенева, Бунина, Лескова, особенно у Гоголя в сохранившихся главах второго тома «Мертвых душ». Вне всякого сомнения, силовые линии этого магнетизма пронизывают и страницы нашего журнала. Для того и стараемся.

— Сразу, Алексей Афанасьевич, возникают два взаимосвязанных вопроса: «Приокские зори» — прямой продолжатель традиций «равнины русской словесности»? А как такая историческая география и литературный традиционализм соотносится с сегодняшними авторами журнала?

— На первый вопрос последует утвердительное «да». Наш журнал программно следует целям, содержанию и заветам великой русской классической литературы, продолжавшимся в литературе советского периода истории России. Поощряемый творческий метод — новый русский критический реализм, сущность которого изложена в одноименном нашем манифесте, опубликованном в ряде литературных изданий. Потенциал критического реализма далеко не исчерпан, в том числе в нынешний, зловещий для творческой чувственности еще традиционного, не ставшего придатком телекоммуникационных сетей человека, период глобализации. Увы, он предусмотрен социальной эволюцией как переходный от биосферы в новое биогеохимическое качество Земли — ноосферу (по В. И. Вернадскому). Пагубность глобализма для словесности состоит в переходе от аналогового творческого мышления к утилитарному цифровому, то есть «от слова к цифре» — оглянись вокруг...

Тем более этот потенциал реализма не канул в Лету для русской литературы, ибо наша страна во многом еще верна традициям православной, она же социалистическая, морали и несколько «хмуро» относится к всеобщему оцифровыванию мышления и всяким перекосам в оном. Вспомним слова выдающегося (как публицист) прозорливца Льва Троцкого о том, что России вечно суждено торопиться по сокращенным европейским учебникам...

Итак, наш творческий метод объяснен, а «как быть» с авторами «Приокских зорь»? Коль вспомнили об «иудушке», то можно бы было в антитезе сослаться и на слова Генералиссимуса: «Других писателей у меня нет». Но ведь одно дело констатация, другое — побуждение в самой организации литературного процесса: на то он и журнал, что, в отличии от сборников, антологий и альманахов, суть коллективное произведение, где каждый номер в определенном смысле имеет сюжетную организацию и литературную идейно-смысловую направленность. Во всяком случае мы к этому стремимся полтора десятка лет. Главное, уже сложившийся во многом круг наших постоянных авторов это интуитивно осознает. Этой же интуицией не обделены все вновь притекающие к нам прозаики, поэты и публицисты.

— Полагаю, Алексей Афанасьевич, теоретико-литературную часть «Приокских зорь» вы кратко, но предельно содержательно объяснили и обосновали: ведь за вами пятнадцатилетний опыт редактирования «толстого» литературного журнала, три десятка прозаических книг, в основном изданных в Москве, свыше пятисот пуб-

ликаций в литературной периодике, полтора десятка всероссийских, белорусских и международных литературных премий, за вашими плечами Литературный институт им. А. М. Горького Союза писателей СССР... впрочем, все это читатель найдет в вашей персоналии в Википедии; кстати, там же и статья о «Приокских зорях». Поэтому позволительно перейти, так сказать, к «практике». Ведь у журнала очень значительная инфраструктура?

— По родителям своим я потомственный крестьянин, а у рачительных из них (не кулаков – мироедов!) должно иметься небедственное хозяйство: крепкий дом с дворовыми постройками, обязательно два коня — для пахоты и для выезда, непростаивающая земля, весь набор потребной живности... К тому же, наследственная, генетическая рачительность дополнена заполярной осмотрительностью и военно-морской воспитанной дисциплиной: отец Афанасий Андреянович двенадцать лет служил на Северном флоте, включая Финскую кампанию и Великую Отечественную войну. Было с кого пример брать.

По аналогии с таким хозяйством создавалась и инфраструктура журнала, который издается вовсе не сам-один. У «Приокских зорей» три своих альманаха: литературно-художественный «Ковчег» (главред Яков Шафран) и два музыкально-поэтических: «На лирической волне» и «Тульская сторонка» (главред Сергей Сенин); последние выходят с периодичностью три выпуска в год и с нотными текстами — для исполнителей. За десять уже лет издаются авторские книги и сборники в сериях «Библиотека журнала «Приокские зори» и «Приложение к журналу «Приокские зори». Счет изданных книг в каждой из серий перевалил за полусотню. «Знаком качества» журнала полагаем вступившую во второе десятилетие существования всероссийскую литературную премию «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемую в четырех номинациях за лучшие публикации в «Приокских зорях». В разные годы лауреатами были названы такие известные писатели, как Леонид Иванов, Виктор Буланичев, Анатолий Аврутин, Тимур Зульфикаров, Владимир Корнилов, Федор Ошевнев, Владимир Федоров, Игорь Нехамес, Наум Ципис, Олег Зайцев, Игорь Лукьянов, Галина Дубинина, Александр Субетто... хочется — и не без основания на то! — список и дальше продолжить, но не будем огорчать пространностью строк и знаков (с пробелами) редакцию публикующего интервью издания... Не лицемеря скажу: наша премия идет по категории «честная», ибо каждый лауреат узнает о своем таковом качестве неожиданно для себя после утверждения редакцией. И еще: она не полагается для руководства журналом, то есть и вашему покорному слуге не украсить лацкан пиджака лауреатской медалью... Среди удостоенных не только авторы из России, но и из Белоруссии, с Украины — в смысле из ДНР, Германии, Монголии и других стран.

Но ведь главное для крестьянина — его земля, нива, каковой в нашей аналогии является весь читающий по-русски мир — вот это уже в хорошем смысле глобализм... Мы признательны своим читателям. И на первой странице стоит: «Журнал для читателей».

— Да-а, Алексей Афанасьевич, большое литературное хозяйство вы своим рачением создали. Главное, как апостол Павел изрек: «Не нам, не нам, а Имяни Твоему», то есть великой русской литературе, продолжающейся даже в наши «от лукавого» времена Великого глобализатора, как вы часто указываете в своих уникальных программных «Колонках главного редактора». Но ведь такое большое дело без помощников не сотворишь?

— С осторожностью отношусь к слову «помогать»; нет, семантически здесь подвоха нет, но помогать — все как-то преходяще, мимоходом. Вот делать вместе — это конкретно! Так и у нас вместо института «помощников» суть творческий (и техниче-

ский — по необходимости) коллектив, как *conditio sine qua non*, говоря на ученой латыни — непременное условие существования, творческой самодостаточности и потенциала дальнейшего развития журнала. Состав редколлегии и редакции складывался «методом проб, ошибок и исчерпанных ходов» почти десятилетие, пока не пришел к нынешнему стабильному «списочному составу». Главное, практически отсутствуют «свадебные генералы» от литературы: все члены редколлегии — из пяти стран,— что называется «с именами», или пока не имеющих таковых,— все при деле в журнале, и все люди творческие, то есть здесь двойной стимул. Но главная моя опора — на заместителей: Якова Шафрана и вас, многоуважаемый Геннадий Николаевич, на редакцию во главе с Мариной Баланюк, на заведующих отделами. Еще раз — все при деле, и это при том, что в редколлегии состоят руководители творческих союзов, главреды и заместители таковых известных литературных журналов, люди других ответственных занятий.

— И последний вопрос, Алексей Афанасьевич: как всероссийский статус журнала остается с тульскими, окскими корнями; наконец, ваше видение новых поколений авторов?

— Тульские, окские корни — это и есть составная часть равнины русской словесности, как мы ее определили. Поэтому вовсе не география, в том числе тульских писателей, которых мы очень даже жалуем... по талантам, естественно, определяет авторский состав журнала, но та их, авторов, сопричастность к традициям русской литературы с учетом современных тенденций и трансформаций, о чем достаточно подробно говорилось в начале интервью. Но вот видение новых поколений авторов — это адекватно прогнозу развития литературного процесса, понятно не в «далеко», как у Маяковского, но всего лишь с отсчетом от времен нынешних. Ибо законами эволюции человеку положен запрет даже на чрезпоколенное «предвидение»... уже поверьте мне, доктору биологических наук.

Реальность же такова, что, начиная с последнего десятилетия прошлого века, стремительными темпами происходит «смена вех» (во времена Струве она — это его слова — также имела место быть, но — не глобальная) в отечественной литературе; на смену соцреализу пришел новый русский критический реализм, о чем говорилось выше. Во многом сама литература превращается в «салонный» вид творчества из-за разобщенности его. Как следствие, утрата самого понятия авторитета в писательской среде, без которого происходит своего рода нивелирование талантов и творческих способностей. И если Пушкин прекрасно понимал (см. выше), что организация мощного и всеобъемлющего национального литературного движения невозможна без журналов, так и сейчас, без малого две сотни лет спустя, снова на первый план выступают журналы. Только они могут «на равных» бороться с санкционированным Великим глобализатором литературным нивелированием и словесным бескультурьем. Надеемся, что «Приокские зори» с его программным творческим методом нового русского критического реализма, его «магнетизмом» для творческого совершенствования авторов равнины русской словесности, главное — с нашими замечательными читателями, не последние в рядах этих борцов. *Dixi* — все сказано.

Интервью брал Геннадий Маркин,
член Союза писателей России

В разделе Литературная страничка

https://www.rusamny.com/2019/542/t06-542/ этого номера «Русскоязычной Америки» опубликована также работа А. А. Яшина **«СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК САЛОННЫЙ ВИД ТВОРЧЕСТВА»**, стихи заместителя гл. редактора «Приокских зорь» Якова Шафрана и два рассказа постоянного автора «Приокских зорь, первого заместителя Президента Академии российской литературы Евгения Скоблова.

НАМ ПИШУТ

Ганаровы Генеральны Консул Рэспублікі Беларусь у Цюмені Расійскай Федэрацыі

625000, г. Цюмень, вул. Достоевского, д.7
Тэл.: (8-3452) 44-08-93,
e-mail: belorus72r@yandex.ru

Почетный Генеральный Консул Республики Беларусь в Тюмени Российской Федерации

625000, г. Тюмень, ул. Достоевского, д.7
Тел.: (8-3452) 44-08-93,
e-mail: belorus72r@yandex.ru

18 апреля 2019 г

Главному редактору литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» Яшину А.А.

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Позвольте выразить Вам глубокую признательность и искреннюю благодарность за публикацию в журнале «Приокские зори» цикла моих стихов «Отцовской тропой» и поздравить Вас с наступающими майскими праздниками ***Весны, Труда*** *и* ***Днём Великой ПОБЕДЫ!***

День Победы – это праздник, который наполняет наши сердца гордостью и признательностью. Это праздник – мужества, героизма, отваги и доброты, подаривший будущее всем нам!

Майские праздники всегда были и есть олицетворение силы духа и единения, мира и ратного подвига, добрых перемен и надежды на будущее.

Пусть наши дела и свершения всегда будут достойны великого Подвига наших отцов, дедов и прадедов! От всей души желаю крепкого здоровья, счастья и мирного неба над головой!

Почётный Генконсул Республики Беларусь в РФ

В.Ф. Шугля

Добрый день, уважаемый Яков Наумович!

Альманах получил — неоценимый духовный подарок к Дню святых Петра и Павла. Спасибо! Поздравляю Вас как редактора — замечательный цельный альманах! Сразу чувствуется его нравственный стержень. Видна философия и идеология альманаха. Это действительно ковчег — в коем по крупицам собирается историко-нравственные, патриотические и иные ценности Отчизны, это камертон духовного возрождения и веры современной России. Спасибо Вам и команде за труд подвижнический, весомый. Доброго Вам плавания! Удачи вам, друзья! Буду рад дальнейшему сотрудничеству. С теплом и глубочайшей признательностью,

Владимир Герасимов, г. Тюмень

Яков Наумович, здравствуйте! Альманах «Ковчег» обрел за годы издания популярность и особенную силу, много новых имен, это здорово! Мне еще понравилась

важная особенность альманаха — оформление, интересные иллюстрации, ведь на все надо время, а оно бесценно. Дай Бог, сил Вам и творческой энергии!

С уважением, Елена Гаденова, г. Тула

Добрый день, уважаемый Алексей Афанасьевич!

Примите самые добрые поздравления с майскими праздниками, с ВАШИМ ДНЕМ РОЖДЕНИЯ, Великим Днем Победы и очередной годовщиной «Приокских зорь», так как 14 лет назад вышел первый номер нашего легендарного журнала, приуроченный ко Дню Победы. Желаем Вам, дорогой Алексей Афанасьевич, новых ярких творческих литературных и научных достижений, душевной бодрости, семейного благополучия, а коллективу «ПЗ» вдохновения, заслуженных успехов, интересных дискуссий и талантливых авторов-единомышленников.

Мы вернулись из Перми, где состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Советский Союз в Афганистане». Геннадий был модератором секции «Отражение военных действий в Афганистане в общественном сознании», а я выступила на пленарном заседании с «мирной темой»: «Творческое сотрудничество советской и афганской интеллигенции в годы афганской войны и отражение темы военного конфликта в культуре и художественной литературе на современном этапе». В ходе конференции был показан видеофильм фестиваля «Автомат и гитара», который открывает одноименная песня на мои слова. Всего было более 30 докладов историков, социологов, политологов, специалистов по военной науке, в области международных отношений, архивистов из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Брянска и других городов.

Награждение в МГО СПР

В. Г. Бояринов и Л. Е. Авдеева

Дорогой Алексей Афанасьевич, отметили день рождения ВВЖ. Могла бы сделать интервью по беседе о творчестве Достоевского по теме вины и наказания и современной бесовщине в жизни и искусстве. Если интересно, то сообщите, пожалуйста, я напишу.

После праздников выступаем на конференции «Политика, общество и культура на Востоке и Западе» в Российском гуманитарном университете. У меня доклад по проблемам перевода художественной литературы в свете социально-политических изменений в обществе. А потом пригласили в Казань на Евразийский форум. Закончила трилогию по пакистанской тематике и 5 апреля получила в СПР диплом «Лучшая книга года». Лучшей коллективной книгой признан и сборник «Преодоление» моего ЛИТО «Вдохновение», члены которого присоединятся к нашим поздравлениям.

Еще раз, дорогой Алексей Афанасьевич, С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ и ВЕЛИКИМ ДНЕМ ПОБЕДЫ.

С дружескими теплыми чувствами
Авдеевы Людмила и Геннадий.
29 апреля 2019 г.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕДЬМОГО СОЗЫВА

ДЕПУТАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

29 05 2019 г. № АГ-4/154

Главному редактору
журнала «Приокские зори»

А.А. ЯШИНУ

300025, г. Тула, а/я 920

Уважаемый Алексей Афанасьевич!

Осенью 2018 года по предложению ряда известных деятелей литературы и искусства России был организован оргкомитет по установке в Вологде памятника великому русскому писателю Василию Ивановичу Белову. Авторами проекта являются скульптор Алексей Игнатов и заслуженный архитектор России Виктор Пасенко. Ими сделан также и скульптурный эскиз. По своему замыслу этот памятник достойно передает человеческую и творческую суть В.И. Белова, его устремления и чаяния, неизбывную и преданную любовь к своей земле.

В данное время члены оргкомитета выступили с обращением о сборе средств на изготовление и установку памятника. Мы полагаем, что этот призыв найдет отклик в сердцах не только почитателей писателя, но и жителей нашей необъятной провинции, землю и людей которой Василий Иванович воспел в своих произведениях.

От имени оргкомитета прошу Вас рассмотреть возможность публикации обращения и прилагаемых к нему материалов. Надеемся на Ваше содействие.

Приложение: на 3-х л.

С уважением

А.Н. Грешневиков

Депутат ГД ФС РФ Грешневиков Анатолий Николаевич.
103265, г. Москва, Георгиевский пер 2. Каб.444. Тел./факс: (495) 692-09-34. E-mail: greshnev@duma.gov.ru
Исп: лично.

ОБРАЩЕНИЕ

Великий русский писатель Василий Иванович Белов, один из родоначальников «деревенской прозы», родился 23 октября 1932 года в деревне Тимониха Вологодской области. После обучения в деревенской школе он окончил ремесленное училище в городе Сокол. Армейскую службу проходил в Ленинграде, а затем поступил учиться в Литературный институт им. А.М. Горького.

С 1964 года Василий Иванович жил в Вологде, не порывая связь с «малой родиной» — Тимонихой. Первые публикации увидели свет в 1961 году. Публикация

повести «Привычное дело» (1966) принесла автору популярность, а репутация мастера «деревенской прозы» была упрочена выходом повести «Плотницкие рассказы» (1968). Этнографические очерки о народной эстетике, опубликованные в трудах «Лад» (1982), запечатлели русскую культуру, быт деревни и навсегда остались в сердце читателя. Правда жизни в трилогии «Час шестый» и других произведениях, изданных в последний год жизни мастера в семитомном собрании, несомненно, будут востребованы в будущем.

Белов В. И. — Народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, почетный гражданин города Вологда. За свою деятельность Василий Иванович награжден орденом Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, Государственной премией СССР, орденами Русской Православной Церкви и многими медалями. В его квартире сейчас находится музей автора, его имя носит улица города.

Все созданное Беловым В. И., как и сама его жизнь, заслуживают народной памяти на долгие годы и установки памятника на его родине. Просим всех русских людей оказать содействие в финансировании создания памятника Василию Ивановичу в городе Вологда, в котором им написаны щемящие до боли книги о крестьянской жизни, исполненные любви и отчаяния за судьбы соотечественников.

Организационный комитет по установке памятника В. И. Белову:

П. Толстой — заместитель председателя Государственной Думы ФС РФ

А. Грешневиков — депутат Государственной Думы ФС РФ

С. Шаргунов — депутат Государственной Думы ФС РФ

С. Бабурин — президент Славянской академии наук, образования, искусств и культуры

О. Белова — лауреат государственной премии Вологодской области

А. Крупин — сопредседатель Союза писателей России

С. Куняев — главный редактор журнала «Наш современник»

Н. Лугинов — народный писатель Якутии

А. Михайлов — народный артист России

А. Заболоцкий — заслуженный деятель искусств России и Республики Беларусь

А. Шолохов — депутат Государственной Думы ФС РФ

1. В случае перечисления ФИЗИЧЕСКИМ лицом денежных средств на изготовление и установку памятника В. Белову, в обязательном порядке надо указать свои ПАСПОРТНЫЕ ДАННЫЕ, МЕСТО РЕГИСТРАЦИИ, ГРАЖДАНСТВО;

2. В случае перечисления ЮРИДИЧЕСКИМ лицом денежных средств на изготовление и установку памятника В. Белову, в обязательном порядке указать, является ли организация ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ, дату регистрации организации.

В «Назначении платежа» в обоих случаях обязательно указывать формулировку «ПОЖЕРТВОВАНИЕ». Если будет указано другое назначение (например, «благотворительное пожертвование», «спонсорский взнос», «на памятник», или какое-либо другое), с этих сумм в бюджет государства в ОБЯЗАТЕЛЬНОМ ПОРЯДКЕ БУДЕТ ПЕРЕЧИСЛЕНО 6 % налога на прибыль)!

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом);

2) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14,— полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 —— полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

5) для стихотворений заголовки (названия) выравнивать по центру, шрифт — полужирный. Сам текст выравнивать по ширине с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный.

6) общий объем представленного материала — не более 5 стандартных страниц формата А4 (шрифт Times New Roman, междустрочный интервал — единичный). Для поэм объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

2. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле и в файле с фотографией. Текстовый файл должен содержать:

1) фотографию автора поместить справа (формат рисунка: положение — за текстом); Размер фотографии — 4×5 см.

2) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14 — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);

3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт: размер 16 — полужирный.

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую биографию автора (с указанием места жительства автора, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5. Поля страницы — слева 2 см, справа 2 см. Таких параметров абзаца и страницы — шрифтом обычным придерживаться и далее.

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии, представленной и отдельно.

1. Фотографию выслать отдельным файлом (кроме той, что помещена рядом с текстом).

2. Пропорции должны быть в соотношении 5:4.

3. Фотография по пояс, изображение лица занимает не менее 30 % площади рисунка.

4. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.

5. Фотография должна быть резкая, выполненная с хорошим разрешением, фотоаппаратом не менее 5 МПс.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: markingennady@yandex.ru — зав. отделом прозы Геннадию Николаевичу Маркину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru

С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, В. Г. Демидов
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерный набор: авторы
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 30.09.2019
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

К 85-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

СЛАВЯНСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК, ОБРАЗОВАНИЯ,
ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ

приглашает к народному сбору средств
на установку памятника на родине писателя
Василия Ивановича Белова

Реквизиты:
РОО «СЛАВЯНСКАЯ АКАДЕМИЯ»
ИНН: 7736246983 КПП: 773601001
ОГРН: 1157700008630
ОКПО: 45874920
Расчётный счет: 40703810201000023077
Банк: ПАО БАНК ЗЕНИТ
БИК: 044525272
Корр. счет: 30101810000000000272
Юридический адрес: 119331, г. Москва,
Пр-т Вернадского, дом № 29, офис 404
Телефон: 8 (909) 916-04-06
Президент РОО «Славянская Академия»: Бабурин Сергей Николаевич
(см. стр. 293 этого номера)

РУССКАЯ КЛАССИКА В ДЕТСКИХ РИСУНКАХ

Мир русской сказки. К 220-летию А. С. Пушкина; 32,5×58 см. Коллективный рисунок Ивана и Константина Яшиных. 5 лет. 17.03.2019 г. Бумага, акварель, гуашь

Хозяйка Медной горы, Каменный цветок, Данила-мастер, Серебряное копытце и другие. Чарующие образы персонажей героев сказов П. П. Бажова, 32,5×58 см. Коллективный рисунок Ивана и Константина Яшиных. 5 лет. 31.03.2019 г. Бумага, акварель, гуашь. Тула, д/с 125, гр. 11, руководитель М. Г. Баланюк